

ISSN: 2312-3184

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

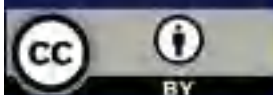
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
Восточно-Сибирский институт

Вестник

Восточно-Сибирского института МВД России

№3 (98)

2021

ВЕСТНИК ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

№ 3 (98) 2021

Учредитель: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-64854 от 10.02.2016.

Издание входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
рекомендованных ВАК Минобрнауки Российской Федерации

Подписной индекс по объединённому каталогу «Пресса России» 38836

Издаётся с июня 1997 г.

Выходит четыре раза в год

Адрес редакции, издателя: ул. Лермонтова, 110, Иркутск, 664074

Адрес типографии: ул. Гончарова, 30, Иркутск, 664017

тел.(3952) 410-989, 410-215, факс (3952) 411-953

Телетайп: 231-333 «Дельта»

e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru

e-mail Интернет: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала:

П. А. Капустюк, канд. экон. наук, начальник Восточно-Сибирского института МВД России

Заместитель главного редактора журнала:

О. П. Грибунов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

Члены редакционной коллегии:

О. А. Авдеева, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

А. В. Варданян, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., начальник кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России

Б. Я. Гаврилов, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России

А. Ю. Головин, д-р юрид. наук, уполномоченный по защите прав предпринимателей в Тульской области

А. Г. Елагин, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России

В. С. Ишигеев, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета

Д. А. Липинский, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета

И. В. Минникес, д-р юрид. наук, проф., главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета

И. А. Минникес, д-р юрид. наук, доц., зав. отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета

В. В. Николюк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., гл. научный сотрудник отдела проблем уголовного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

С. Л. Нудель, д-р юрид. наук, доц., заведующий центром уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С. В. Пархоменко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

А. Л. Репецкая, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России

Е. В. Рогова, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

И. В. Смолькова, заслуженный юрист Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России

Д. А. Степаненко, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета

З. С. Токубаев, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Центрально-Казахстанской академии

Н. Н. Цуканов, д-р юрид. наук, доц., зам. начальника Сибирского юридического института МВД России (по научной работе)

В. В. Чукцина, д-р юрид. наук, доц., заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета

А. В. Шахматов, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

В. А. Юсупов, д-р юрид. наук, проф., ректор Волгоградского института экономики, социологии и права

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 29 сентября 2021 г. Дата выхода в свет 30 сентября 2021 г.

Цена свободная

Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 33,75.

Тираж 1000 экз.

Первый завод 60 экз. Заказ № 74

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел

VESTNIK OF THE EAST SIBERIAN INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

No. 3 (98) 2021

The founder of the journal is Federal State Budgetary Educational Institute of Higher Education
"East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Registered with the Federal service
for supervision of communications, information technology and mass communications
(Roskomnadzor)

PI No. FS 77-64854 dated 10 February, 2016

The publication is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main results
of the thesis for the degree of candidate of sciences should be published, for the degree of doctor of science
recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation.

Since June 1997

The journal is issued four times a year

664074, Irkutsk, Lermontov St. 110
Tel. (3952) 410-989, 410-215,
fax: (3952) 411-953,
Teletype: 231-333 «Дельта»
e-mail ИМТС: esiirk@mvd.ru
e-mail: esiirk-vestnik@mvd.gov.ru

© East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Editors

Chief Editor

P. A. Kapustuk, Candidate of Economics, Chief East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Deputy Chief Editor

O. P. Gribunov, Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminology East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Editorial team

O. A. Avdeeva, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. V. Vardanyan, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Criminalistics Department of the Rostov Law Institute of the MIA of the Russian Federation

B. Y. Gavrilov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Department of the Management of Crime Investigation Units, Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

A. Yu. Golovin, Doctor of Law, the Commissioner for the Protection of the Rights of Entrepreneurs in the Tula Region

A. G. Elagin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Management of the Activities of the Units of Ensuring the Public Order of the Center for Command and Staff Exercises of the Academy of Management of the MIA of the Russian Federation

V. S. Ishigeev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University

D. A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Constitutional and Administrative Law Department of the Law Institute of the Togliatti State University

I. V. Minikes, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of Legal Research, Baikal State University

I. A. Minikes, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Institute of Legal Research, Baikal State University

V. V. Nikolyuk, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Justice Department of the Russian State University of Justice

S. L. Nudel, Dr. Ju. Sci., Associate Professor, head of the center of the Department of Criminal, Criminal Procedure Law; Judicial Proceedings of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

S. V. Parkhomenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

A. L. Repetskaya, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E. V. Rogova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

I. V. Smolkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Criminal Proceedings Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

D. A. Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Criminalistics Department of the Baikal State University

Z. S. Tokubaev, Doctor of Law, Professor, Vice Rector for Research and Innovation of The Central Kazakhstan Academy

N. N. Tsukanov, Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head for scientific affairs of the Law Siberian Institute of the MIA of the Russian Federation

V. V. Chuksina, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of National Security Legal Support of the Baikal State University

A. V. Shakhmatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Operative-Investigative Activity of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the MIA of the Russian Federation

V. A. Yusupov, Doctor of Law, Professor, Rector of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law

Authors are responsible for publications contents and facts reliability.

Citation of reference sources is obligatory in case of reprint or reproduction by any means. Copyright violation is prosecuted.

The republication is allowed after the Editorial board permission only.

Publication is for free. Manuscripts are not returned.

Passed for printing on 29th September 2021. Publication date 30th September 2021.

Price: free

Format 60 × 84/8

Conventional printed sheets 33,75. Issue 1000 copies

First issue 60 copies. Order No 74.

Research and Editorial-Publishing Department

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Зайцева Е. С. Влияние чрезвычайных условий на пределы правового регулирования	9
Кобец П. Н., Билык В. И. Особенности экспертного сопровождения зарубежного законотворческого процесса на примере отдельных государств англосаксонских правовой системы.....	19
Кнауэс О. А. К вопросу организации розыскной работы в деятельности управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1964—1968 гг.	28
Салтыков К. Г. Римское право и латинский язык как факторы интерпретации юридического термина «правосудие».....	36
Степанова Е. Е. Историко-правовое значение управления российским государством северо-западными территориями Северной Америки	43

Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Амельчаков О. И. Законодательные гарантии конституционного права на жизнь в Российской Федерации	50
Якимова Е. М. Баранова С. А. Конституционная реформа 2020 года как драйвер трансформации социальной сферы российского общества.....	58

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Гармышев Я. В., Ишигеев В. С., Пузикова А. В. Особенности взаимосвязи объективных и субъективных признаков преступлений в неосторожных деяниях, связанных с нарушением специальных правил безопасности.....	68
Илиджев А. А. Юридическая природа преступлений исполнителя и соисполнителя и их отражение в системе уголовного законодательства России.....	80
Минакова О. В. О совершенствовании правовой регламентации преступления, предусмотренного статьей 216 УК РФ	90
Сидорова Е. З. Правовые основы государственного и муниципального управления в сфере образования	107
Скоморохов Р. В. Модель преступности в СССР: опыт системного анализа	113

Уголовный процесс

К юбилею Николука Вячеслава Владимировича

Грибунов О. П. «Исполнение приговора» в трудах профессора В. В. Николука и их влияние на развитие теории уголовного процесса и правоприменительной деятельности	126
Безруков С. С. Использование оценочных понятий в условиях реформирования российского уголовно-процессуального законодательства.....	137

Муравьев К. В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка)	145
Пупышева Л. А. Из опыта проведения изучения судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пункты 2, 18, 18 ¹ ст. 397 УПК РФ)	156
Буфетова М. Ш., Литвинцева Н. Ю. К вопросу о принципе целесообразности в российском уголовном судопроизводстве	167

Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность

Иванов П. И. Некоторые проблемы, связанные с прокурорским надзором за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, и пути их решения.....	178
--	-----

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Гармаев Ю. П. Необоснованные коррупционные риски в деятельности представителей бизнес-сектора	188
Кондратьев М. В. Организационно-правовые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков	198
Крисанова В. Ю., Панасюгина Л. Е., Довбня А. В., Шеков А. А. Морские и речные суда как объекты судебной пожарно-технической экспертизы в системе МВД России	213
Светличный А. А. Инвентаризация и унификация терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы как основные современные научные направления развития системы терминологии данных наук.....	223
Янин С. А. К вопросу о содержании некоторых элементов механизма преступления, предусмотренного статьей 243 ² Уголовного кодекса Российской Федерации.....	236

Административное право; административный процесс

Майоров В. И. Формирование позитивного общественного мнения о деятельности полиции	246
Прокопенко А. Н., Жукова П. Н., Насонова В. А. Правовое регулирование организации предоставления государственных услуг органами внутренних дел административными регламентами	255
Информация для авторов	266

CONTENTS

Theory and history of law and state; history of law and state doctrines

Zaytseva E. S. Impact of emergency conditions on limits of legal regulation.....	9
Kobets P. N., Bilyk V. I. Features of expert support of the foreign legislative process on the example of individual states of the anglo-saxon legal system	19
Knaus O. A. On the organization of investigative work in the activities of the department of public order protection of the Irkutsk regional executive committee in 1964—1968	28
Saltykov K. G. Roman law and latin as factors of interpretation of the legal term “justice”	36
Stepanova E. E. Historical and legal significance of the Russian state's management of the north-western territories of North America	43

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

Amelchakov O. I. Legislative guarantees of the constitutional Right to life in the Russian Federation.....	50
Yakimova E. M., Baranova S. A. Constitutional reform 2020 is a driver of social sphere transformation russian society	58

Criminal law and criminology; criminal executive law

Garmyshev Y. V., Ishigeev V. S., Puzikova A. V. Features of interrelation of objective and subjective signs of crimes in careless acts connected with violation of special safety rules	68
Ildzhev A. A. The legal nature of the crimes of the performer and co-perpetrator and their reflection in the system of criminal legislation of Russia ...	80
Minakova O. V. About improvement of the legal regulation of the crime provided by article 216 of the code of the russian federation	90
Sidorova E. Z. Legal basis of state and municipal management in the field of education	107
Skomorokhov R. V. The model of crime in the USSR: the experience of system analysis	113

Criminal proceeding

To the anniversary of Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk

Gribunov O. P. Execution of the sentence" in the works of Professor V. V. Nikolyuk and their influence on the development of the theory of criminal procedure and law enforcement activity.....	126
Bezrukov S. S. Use of evaluative concepts in the context of reforming the russian criminal procedure legislation	137

Muravyov K. V. The model of normative regulation of preventive measures acting in criminal proceedings and in criminal enforcement proceedings (in the development of the scientific approach of the honored scientist of the Russian Federation, doctor of law, professor v. V. Nikolyuk).....	145
Pupysheva L. A. From the experience of studying the judicial practice of consideration by courts of issues related to the replacement of punishment in case of malicious evasion from serving it (paragraphs 2, 18, 18 ¹ of article 397 of the criminal procedure code of the Russian Federation).....	156
Bufetova M. Sh., Litvintseva N. Yu. The principle of expediency of Russian criminal proceedings.....	167

**Judicial activity; prosecutorial activities;
human rights and law enforcement**

Ivanov P. I. Some problems related to the prosecutor's supervision over the implementation of laws in police intelligence and ways to solve them	178
---	-----

Criminalistics; forensic expertise; operatively-search activity

Garmaev Yu. P. Unjustified corruption risks in the activities of representatives of the business sector	188
Kondratiev M. V. Organizational and legal aspects of conducting an operational search event "inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles" in identifying and solving crimes related to the illegal sale of drugs.....	198
Krisanova V. Yu., Panasyugina L. E., Dovbnya A.V., Shekov A. A. Sea and river vessels as objects of forensic fire engineering investigations in the ministry of internal affairs of the Russian Federation.....	213
Svetlichny A. A. Inventory and unification of the terms of criminalism and the general theory of forensic expertise as the basic modern scientific directions of the development of the system of data terminology.....	223
Yanin S. A. To the question about the content of some elements of the criminal mechanism provided by article 243 ² of the criminal code of the Russian Federation	236

Administrative law; administrative process

Mayorov V. I. Creating a positive public opinion about the police	246
Prokopenko A. N., Zhukova P. N., Nasonova V. A. Legal regulation of the organization of the provision of public services by internal affairs bodies by administrative regulations	255
Information for authors	266

УДК 340.02

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-9-18

Зайцева Екатерина Сергеевна
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права
и государства Омской академии
МВД России
zay_tseva@mail.ru

Zaytseva Ekaterina Sergeevna
Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor of the chair of theory
and history of law and state Omsk Acad-
emy of Ministry of Internal Affairs of the
Russia Federation
zay_tseva@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСЛОВИЙ НА ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: в статье рассматриваются основные направления влияния чрезвычайных условий на пределы правового регулирования. Отмечается, что пандемия COVID-19 является типовой моделью чрезвычайного обстоятельства естественного характера, определившего появление чрезвычайных условий, оказавших существенное воздействие на пределы правового регулирования. Определение основных направлений влияния чрезвычайных условий на пределы правового регулирования и их анализ способствуют дальнейшему развитию законодательства в данной сфере.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, законы и подзаконные акты, принятые в период пандемии COVID-19. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический, структурно-функциональный) методы познания.

Результаты исследования выявили основные направления влияния чрезвычайных условий на пределы правового регулирования в период пандемии COVID-19, позволяющие учитывать полученный опыт с целью дальнейшей оптимизации и совершенствования правового регулирования в подобных ситуациях в будущем.

Выводы и заключения: анализ влияния пандемии COVID-19, как типовой модели чрезвычайного обстоятельства естественного характера, определяющего складывание чрезвычайных условий, проявляется в расширении пределов сферы правового регулирования, закономерно повлёкшим расширением пределов предмета правового регулирования; в расширении предмета правового регулирования, выходящего за пределы сферы правового регулирования; в расширении использования квазиправовых регуляторов; в изменении границ императивного и диспозитивного правового регулирования; в размывании отраслевых пределов посредством формирования нового «циклического правового массива»; в изменении пределов законодательного и подзаконного регулирования.

Ключевые слова: пределы правового регулирования, сфера правового регулирования, предмет правового регулирования, чрезвычайные условия, чрезвычайные обстоятельства, пандемия COVID-19.

IMPACT OF EMERGENCY CONDITIONS ON LIMITS OF LEGAL REGULATION

Introduction: the article examines the main directions of the impact of emergency conditions on the limits of legal regulation. It is noted that the COVID-19 pandemic is a typical model of an emergency circumstance of a natural nature, which determined the appearance of emergency conditions that had a significant impact on the limits of legal regulation. Determination of the main directions of the impact of emergency conditions on the limits of legal regulation and their analysis contribute to the further development of legislation in this area.

Materials and methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, laws and by-laws adopted during the COVID-19 pandemic. The methodological basis of the research was formed by general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, generalization, comparison) and special scientific (formal legal, structural and functional) methods of cognition.

Results of the study: the main directions of the impact of emergency conditions on the limits of legal regulation during the COVID-19 pandemic were identified, allowing to take into account the experience gained in order to further optimize and improve legal regulation in similar situations in the future.

Findings and conclusions: analysis of the impact of the COVID-19 pandemic, as a typical model of an emergency of a natural nature that determines the appearance of emergency conditions, manifests itself in the expansion of the scope of legal regulation, which naturally entailed the expansion of the scope of the subject of legal regulation; in expanding the subject of legal regulation beyond the scope of legal regulation; in expanding the use of quasi-legal regulators; in changing the boundaries of imperative and dispositive legal regulation; in the erosion of sectoral limits through the formation of a new “cyclical legal array”; in changing the limits of legislative and subordinate regulation.

Keywords: limits of legal regulation, scope of legal regulation, subject of legal regulation, emergency conditions, extraordinary circumstances, COVID-19 pandemic.

В современном мире нередко возникают проблемы, требующие специальных мер реагирования на чрезвычайные, экстраординарные ситуации, что приводит к формированию самостоятельных комплексов правовых средств, именуемых «ситуационным законодательством» [8, с. 571—583] или «чрезвычайным правом» [7, с. 40—44], способных эффективно регулировать общественные отношения в сложившихся нетипичных обстоятельствах.

Для обозначения такого комплекса правовых средств используется понятие экстраординарного (специального) правового режима. Вариантов подобных режимов достаточно много, а их классификация — вопрос дискуссионный [6, с. 72—81]. Не вдаваясь в подробности существующей дискуссии, отметим основной тезис, имеющий значение для рассмотрения анализируемой нами проблемы. «Чрезвычайные условия складываются как следствие чрезвычайных обстоятельств» [3, с. 4], социального, природно-техногенного, биологического характера и предполагают использование экстраординарных правовых режимов. Указанные условия могут являться причиной введения режимов

чрезвычайного положения¹, военного положения², контртеррористической операции³, чрезвычайной ситуации⁴ и др. Для анализа заявленной проблемы важна не специфика каждого из указанных режимов, а наличие чрезвычайных условий, детерминирующих необходимость их введения и их последующее влияние на правовое регулирование. Автор статьи исходит из того, что чрезвычайные условия — это условия, превосходящие обычную меру, не такие как обычно, исключительные [10, с. 848]. Несмотря на то, что любой из указанных режимов представляет собой готовую модель правового регулирования с заранее определенным набором правовых средств, в случае наступления чрезвычайных условий такая изначально статическая модель предполагает дальнейшее развитие, учитывая конкретные условия «чрезвычайности». Более того, как показывает практика, указанные правовые режимы могут быть вообще не использованы, что приводит к формированию абсолютно новой модели, которая складывается под воздействием указанных условий здесь и сейчас.

Чрезвычайные условия могут складываться в результате чрезвычайных обстоятельств двух типов. Первый тип связан с умышленными, целенаправленными общественно опасными деяниями людей, второй тип возникает помимо сознания и воли людей в результате аварий, катастроф, опасных природных явлений, стихийных или иных бедствий, в том числе эпидемий. Чрезвычайные условия первого типа следует рассматривать в контексте социальных факторов правообразования в целом и установления пределов правового регулирования в частности; чрезвычайные условия второго типа относятся к факторам естественного характера. Ярким примером проявления естественного фактора является пандемия COVID-19 как чрезвычайное обстоятельство мирового масштаба, изменившая привычные условия жизнедеятельности людей и оказавшая существенное влияние на правовое регулирование и его пределы. Невзирая на то, что это лишь одно из возможных чрезвычайных обстоятельств, формирующих чрезвычайные условия, пандемия COVID-19 может рассматриваться как определенная типовая модель чрезвычайного обстоятельства естественного характера, анализ влияния которого на сферу и предмет правового регулирования позволяет сделать общие выводы и дает возможность повысить эффективность правового регулирования в подобных ситуациях в будущем.

Прежде чем обозначить основные направления влияния пандемии COVID-19 как чрезвычайного обстоятельства, повлекшего формирование чрезвычайных условий на пределы правового регулирования, необходимо уточнить понятие «пределы правового регулирования».

Пределы правового регулирования следует рассматривать как родовое понятие, включающее в себя два видовых — это пределы сферы правового регулирования

¹ О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 03.03.2016 № 6-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.

² О военном положении: федер. конституц. закон от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2017 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2002. — № 5. — Ст. 375.

³ О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 26.05.2021 № 155-ФЗ) // СЗ РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.

⁴ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 дек. 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 11.06.2021 № 170-ФЗ) // СЗ РФ. — 1994. — № 35. — Ст. 3648.

и пределы предмета правового регулирования. Пределы сферы правового регулирования — это границы, в которых должно осуществляться целенаправленное организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу. Пределы предмета правового регулирования — это границы, в которых осуществляется целенаправленное, организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств, обусловленное как объективными, так и субъективными факторами. В свою очередь, как пределы сферы правового регулирования, так и пределы предмета правового регулирования могут дифференцированы на естественно-природные, отделяющие сферу правового регулирования от сфер человеческого бытия, которые регулируются законами природы, и социальные, отделяющие сферу правового регулирования от иных сфер социального регулирования, которые не требуют специального юридического воздействия.

В границах предмета правового регулирования могут быть выделены внутренние пределы, которые также могут дифференцироваться в зависимости от критерия, положенного в основу классификации. В качестве такового может выступать предмет правового регулирования (в узком смысле), метод правового регулирования, юридическая сила нормативных правовых актов и т. д.

Пандемия COVID-19 оказала влияние и на пределы сферы правового регулирования, и на пределы предмета правового регулирования. В ситуации пандемии как явления чрезвычайного характера и без того подвижные внешние и внутренние пределы правового регулирования становятся еще более динамичными. Одним из направлений такого воздействия можно обозначить расширение внешних социальных пределов сферы правового регулирования, закономерно повлекшее за собой расширение пределов предмета правового регулирования.

Пределы сферы правового регулирования обусловлены общественными отношениями, имеющими правовую природу. Определение правовой природы указанных отношений связано с наличием свойств-критериев, среди которых следует выделять те, что являются общими для установления границы между любыми социальными регуляторами и сферами человеческого бытия, регулируемые законами природы, к их числу стоит отнести волевой характер общественных отношений и возможность выбора варианта поведения, а также свойства общественных отношений, имеющих непосредственно правовую природу: возможность осуществления социального контроля, направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов и эквивалентный характер [5, с. 82—109].

Под воздействием пандемии произошла существенная трансформация типичных, социально значимых, конфликтных интересов. Многие интересы, не имеющие социального значения и потенциальной конфликтности в обычной ситуации, становятся таковыми, что обуславливает расширение сферы правового регулирования и закрепления её в качестве предмета. Так, например, если в обычных условиях передвижение человека как свобода, в соответствии со ст. 27 Конституции Российской Федерации, предполагает, что время, место, конечный пункт движения находятся вне сферы и предмета правового регулирования, то в период пандемии такие, по своей природе личные, частные аспекты жизнедеятельности, находящиеся в зоне саморегуляции, приобрели потенциальную конфликтность и социальную значимость, войдя в сферу правового регулирования и получив отражение в качестве его предмета. В частности, в соответствии с подпунктом

«в» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в регионах был установлен особый порядок передвижения граждан и транспортных средств.

Аналогичная ситуация и с соблюдением социальной дистанции — если ранее этот вопрос решался в процессе взаимодействия людей и не требовал правового вмешательства, то в период пандемии такая потребность появилась. В частности, п. 6.2. постановления Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30 марта 2020 г. № 9 «О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019» обязал граждан соблюдать такую дистанцию.

Следует отметить, что, с одной стороны, расширение сферы и предмета правового регулирования объективно обусловлено влиянием пандемии как внешнего фактора на изменение типичных, социально значимых, конфликтных интересов, лежащих в основе общественных отношений, имеющих правовую природу, с другой стороны, подобные отношения, как было отмечено выше, предполагают возможность осуществления контроля. И эти два значимых свойства не всегда коррелируют между собой, т. к. рост социально значимых конфликтных интересов не предполагает пропорционального роста возможностей государства такой контроль осуществлять.

В этой ситуации правовое регулирование общественных отношений, ранее находившихся за пределами сферы и предмета правового регулирования, приводит к тому, что фактически инерционно они опираются на уже сложившиеся регуляторы и саморегуляционные механизмы, появление же правовых норм в данной сфере лишь способствует усилению их действия. Неслучайно для этого периода характерно расширение рекомендательно-инструктивного регулирования, которое получило закрепление, например, в правилах профилактики коронавирусной инфекции¹, рекомендации для бизнеса в условиях рисков распространения COVID-19². И это еще одна тенденция, характеризующая влияние пандемии на пределы правового регулирования.

Специфика рекомендательно-инструктивного регулирования, которое вписывается в понятие «мягкое право», в данной ситуации проявляется в том, что, выступая как квазиправовой регулятор, оно поддерживается в большей степени мерами морально-этического общественного и индивидуального воздействия. Использование возможностей «мягкого права» в такой ситуации представляется более чем оправданным, поскольку вторжение правового регулирования в зоны, традиционно опирающиеся на внеправовое саморегулирование и саморегуляцию, прежде всего на основе морально-этических норм, при отсутствии возможности осуществления должного контроля подкрепляется в большей степени механизмами социальной, а не юридической ответственности. Можно согласиться с тем, что в таких ситуациях легальность оказывается

¹ Правила профилактики коронавирусной инфекции [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru> (дата обращения: 13.04.2021).

² Рекомендации для бизнеса в условиях рисков распространения COVID-19 [Электронный ресурс]. — URL: [https // www.rosпотребнадзор.ru](https://www.rosпотребнадзор.ru) (дата обращения: 13.04.2021).

в фокусе легитимности, предполагающей признание и одобрение принимаемых в этот период решений и совершаемых действий [4, с. 115].

Помимо параллельного расширения пределов сферы и предмета правового регулирования, можно говорить о расширении предмета правового регулирования, выходящего за пределы сферы правового регулирования.

Ярким примером проявления данной тенденции является ст. 19 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» от 01.04.2020 № 98-ФЗ, которая направлена на защиту интересов арендаторов, в частности предоставляя арендатору право потребовать уменьшения арендной платы по договору недвижимого имущества за период 2020 года, но при этом абсолютно не учитывая интересы арендодателей. Представляется, что в данном случае государство поспешно вторглось на территорию саморегулирования, механизмы действия которого в большей степени позволили бы соблюсти необходимый баланс интересов. Во многом это обусловлено ситуативностью правотворчества. Ситуативность рассматривается как недостаток современной правотворческой политики, в том числе и потому, что способствует росту риска выхода за пределы правового регулирования. В целом в чрезвычайных условиях ситуативность правотворчества неизбежна, при этом риск выхода за пределы сферы правового регулирования в таких ситуациях увеличивается, что может привести к избыточному правовому регулированию.

Как уже было отмечено, пандемия оказала влияние не только на внешние, но и на внутренние пределы. Здесь также можно обозначить несколько тенденций. Первая связана с изменением границ императивного и диспозитивного регулирования. Представляется, что любые чрезвычайные условия меняют, пусть и относительный, но все-таки уже сложившийся баланс императивного и диспозитивного регулирования в рамках той или иной правовой системы. Существует мнение, что «опыт преодоления чрезвычайных ситуаций сводится преимущественно к запретам и ограничительным мерам» [4, с. 114]. Такое суждение представляется излишне категоричным, и опыт правового регулирования в период пандемии это подтверждает. С одной стороны, можно отметить процесс смягчения детального и, как следствие, более императивного регулирования в пользу диспозитивного. Яркий пример — это упрощение процедур осуществления закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд¹. Во многом это обусловлено фактором времени и потребностью более оперативного удовлетворения интересов субъектов.

С другой стороны, рост конфликтности интересов, который уже был отмечен выше, закономерно влечет за собой усиление императива, выраженного в расширении круга деяний, предполагающих юридическую ответственность, а также появления ряда мер,

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 124-ФЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 17. — С. 2702.

связанных с её ужесточением¹; последствия; усилены санкции за нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

Указанные изменения представляются закономерными и вызваны трансформацией общественных отношений в чрезвычайных условиях, выступающих объективным основанием установления пределов императивного и диспозитивного правового регулирования. В то же время, учитывая объективно-субъективный характер установления указанных пределов, нельзя не отметить влияние субъективного фактора, который во многом определяется целями и задачами, поставленными государством на том или ином этапе своего развития [1, с. 73]. Очевидно, что цели и задачи государства в чрезвычайных условиях претерпевают существенную трансформацию вслед за изменяющимися общественными отношениями.

Отраслевые пределы правового регулирования также испытали влияние пандемии. Это проявилось в формировании нового «циклического правового массива», направленного на борьбу с пандемией и минимизацией её негативных последствий. Циклические правовые массивы представляют собой нетипичные формирования, которые вторгаются в действующую систему права, детерминируют её содержание и направления развития, имеют высокую государственную и общественную значимость, не обособляясь как её самостоятельный элемент. К таким массивам предложено отнести антикоррупционное законодательство, а также законодательство, обеспечивающее построение и развитие в России цифровой экономики [12, с. 14—15]. Формирование таких массивов в целом и антипандемического в частности способствует «размыванию» традиционных отраслевых пределов и создает необходимость дальнейшего осмысления этого явления. Стоит отметить, что указанный процесс следует рассматривать отдельно от существующей негативной тенденции «размывания» отраслей права, состоящей в стремлении «втиснуть» в однородные правовые комплексы нормы, регулирующие различные общественные отношения, не охватываемые предметом правового регулирования, присущим данной отрасли, и, как следствие, утраты внутреннего единства

¹ В частности, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» введена административная ответственность за распространение в СМИ, а также информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств; реализацию либо отпуск лекарственных препаратов с нарушением требований законодательства об обращении лекарственных средств в части установления предельных размеров оптовых надбавок к фактическим отпускным ценам, установленным производителем лекарственных препаратов на указанные лекарственные препараты, или розничных надбавок к фактическим отпускным ценам, установленным производителями лекарственных препаратов на указанные лекарственные препараты; невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе её возникновения, включая невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности. Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, а также за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия; усилены санкции за нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

и системности отраслей — качества, без которых их существование проблематично [2, с. 50—51].

Влияние пандемии проявляется и в изменении пределов законодательного и подзаконного регулирования. Анализируя проблему поддержания баланса законодательного и подзаконного регулирования, можно выделить два аспекта в её осмыслении. Первый связан с необходимостью четкого установления границ между законами и подзаконными актами. Второй — с возможностью выхода подзаконных актов за пределы предмета правового регулирования, установленного законом. И тот и другой аспекты актуализировались в условиях пандемии. Это обусловлено, во-первых, необходимостью оперативной реакции на решение многих общественно значимых вопросов, в идеале предполагающих законодательное регулирование на подзаконном уровне. Так, на июль 2020 года, когда пандемия не прошла и половины своего пути, число принятых подзаконных актов превысило количество принятых федеральных законов в 14 раз [12, с. 15]. Как отмечает Ю. А. Тихомиров, оперативность, как правило, предполагает использование подзаконных, «порученческих» мер, именно они способствуют преодолению чрезвычайных, критических ситуаций, будь то экономические или финансовые кризисы, экологические аномалии, угрозы здоровью населения в условиях пандемии, техногенные катастрофы и т. п. [9, с. 7].

Во-вторых, объективной невозможностью соблюдения всех содержательных критериев, которым в обычной ситуации должно соответствовать законодательное регулирование. Так, одним из определяющих содержательных критериев, на который должен ориентироваться законодатель, является стабильность регулируемых отношений, для характеристики которого используются также такие формулировки, как устойчивость и относительная неизменность. Однако в чрезвычайных условиях, которые по определению предполагают временный характер, этот критерий становится нерабочим, что может привести в определенному дисбалансу законодательного и подзаконного регулирования.

Таким образом, можно говорить о существенном влиянии чрезвычайных условий на пределы правового регулирования. Чрезвычайные условия могут складываться в результате чрезвычайных обстоятельств, порожденных как социальными, так и естественными факторами. Ярким примером проявления естественного фактора является пандемия COVID-19, которую можно рассмотреть как определенную типовую модель чрезвычайного обстоятельства естественного характера. Влияние пандемии на пределы правового регулирования проявилось в следующем: в расширении пределов сферы правового регулирования, закономерно повлекших расширение пределов предмета правового регулирования; в расширении предмета правового регулирования, выходящего за пределы сферы правового регулирования; в расширении квазиправовых регуляторов рекомендательно-инструктивного характера; в изменении границ императивного и диспозитивного правового регулирования; в размывании отраслевых пределов посредством формирования нового «циклического правового массива»; в изменении пределов законодательного и подзаконного регулирования. Учитывая объективно-субъективный характер установления пределов правового регулирования, анализ влияния пандемии на пределы правового регулирования как чрезвычайного обстоятельства объективного характера позволит субъектам правотворчества учесть полученный опыт с целью дальнейшей оптимизации правового регулирования в иных возможных чрезвычайных условиях в будущем. Тем более, что «вероятность увеличения случаев возникновения чрез-

вычайных обстоятельств, а, следовательно, роль „чрезвычайного нормотворчества“ и „чрезвычайного управления“ повышается» [4, с. 123]. Также, возможно, существует необходимость «разрабатывать регулятивные „шаблоны“ и алгоритмы (в соответствии со стратегическими сценариями) оперативного перестроения правового регулирования на „чрезвычайные рельсы“ по аналогии с заранее предусмотренными возможностями» [11, с. 15].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Витченко А. М. Метод правового регулирования социалистических общественных отношений. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. — 161 с.
2. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. — 2013. — № 8. — С. 43—54.
3. Григорьев В. Н. Организация и методика расследования преступлений в чрезвычайных условиях: лекция. — М.: НИИРЮ Моск. инт-та МВД России, 1994. — 24 с.
4. Жаворонкова Н. Г. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях / Н. Г. Жаворонкова, Г. В. Выпханова // Журнал российского права. — 2021. — № 1. — С. 111—126.
5. Зайцева Е. С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). — Омск: Омская академия МВД России, 2020. — 153 с.
6. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. — 2016. — № 4. — С. 72—81.
7. Калина Е. С. О «чрезвычайном праве» и праве чрезвычайной ситуации // Административное право и процесс. — 2013. — № 10. — С. 40—44.
8. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. — М.: Эксмо, 2010. — 732 с.
9. Тихомиров Ю. А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 5—13.
10. Толковый словарь русского языка. Т. I / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Астрель, 2000. — С. 912
11. Хабриева Т. Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. — 2021. — № 2. — С. 5—17.
12. Черногор Н. Н. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило // Журнал российского права. — 2020. — № 7. — С. 5—26.

REFERENCES

1. Vitchenko A. M. *Metod pravovogo regulirovanija socialisticheskikh obshhestvennyh otnoshenij* [The method of legal regulation of socialist social relations]. Saratov, 1974, 161 p. (in Russian).
2. Vlasenko N. A. *Krizis prava: problemy i podhody k resheniju* [Crisis of Law: Problems and Approaches to Solution]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian Law*, 2013, no. 8, pp. 43—54 (in Russian).
3. Grigoriev V. N. *Organizacija i metodika rassledovanija prestuplenij v chrezvychajnyh usloviyah: lekcija* [Organization and methods of investigation of crimes in emergency conditions. Lecture]. Moscow, 1994, 24 p. (in Russian).

4. Zhavoronkova N. G., Vypkhanova G. V. Pravovye problemy povysheniya jeffektivnosti mer po preduprezhdeniju i likvidacii chrezvychajnyh situacij v sovremennyh uslovij [Legal problems of increasing the effectiveness of measures to prevent and eliminate emergency situations in modern conditions]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian law*, 2021, no. 1, pp. 111—126. (in Russian).
5. Zaitseva E. S. *Predely pravovogo regulirovanija (obshheteoreticheskij aspekt)* [Limits of legal regulation (general theoretical aspect)]. Omsk, Omskaja akademija MVD Rossii, 2020, 153 p. (in Russian).
6. Zyryanov S. M. *Jekstraordinarnye (special'nye) administrativno-pravovye rezhimy: ponjatie i obosnovanie neobhodimosti vvedenija* [Extraordinary (special) administrative and legal regimes: concept and justification of the need for introduction]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian law*, 2016, no. 4, pp. 72—81 (in Russian).
7. Kalina E. S. O “chrezvychajnom prave” i prave chrezvychajnoj situacii [On “emergency law” and the law of an emergency situation]. *Administrativnoe pravo i process — Administrative law and process*, 2013, no. 10, pp. 40—44 (in Russian).
8. Khabrieva T. Ya., Tikhomirova Yu. A. *Koncepcii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva* [Concepts for the development of Russian legislation]. Moscow, 2010, 732 p. (in Russian).
9. Tikhomirov Yu. A. Formula pravovogo vozdejstvija [Formula of legal impact]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian law*, 2020, no. 11, pp. 5—13 (in Russian).
10. Explanatory dictionary of the Russian language. T. I. Edited by D.N. Ushakova, Moscow, 2000, pp.912 (in Russian).
11. Khabrieva T. Ya. Upravlenie pandemicheskim krizisom na osnove prava: mirovoj i rossijskij opyt [Law-based pandemic crisis management: world and Russian experience]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian law*, 2021, no. 2, pp. 5—17 (in Russian).
12. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Metamorfozy prava i vyzovy juridicheskoi nauke v usloviyah pandemii koronavirusa [Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic]. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of Russian law*, 2020, no. 7, pp. 5—26 (in Russian).

Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

УДК 342.415

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-19-27

Кобец Петр Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник центра органи-
зационного обеспечения научной дея-
тельности Всероссийского научно-
исследовательского института
МВД России
pkobets37@rambler.ru

Kobets Peter Nikolaevich

Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the All-Russian Scien-
tific Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia
pkobets37@rambler.ru

Билык Владимир Иванович

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника центра организа-
ционного обеспечения научной
деятельности Всероссийского научно-
исследовательского института
МВД России
vladrostovrui@gmail.com

Bilyk Vladimir Ivanovich

PhD in Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Center for Organization-
al Support of Scientific Activities of the
All-Russian Research Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russia
Federation
vladrostovrui@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Введение: в данной работе авторским коллективом предпринята попытка раскрыть ряд актуальных особенностей зарубежного законотворческого процесса, а также рассмотреть проблемные вопросы экспертного сопровождения зарубежной законодательной деятельности на примере отдельных иностранных государств англосаксонской правовой системы.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования в основном использовались общелогические, общенаучные и частнонаучные методы познания. При помощи общенаучных методов (сравнительно-правовой, конкретно-исторический), методов частной науки (конкретизации, интерпретации, технико-правового анализа, сравнительного правоведения), общих методов теоретического анализа (сравнение, обобщение, анализ, аналогия, моделирование), а также диалектического метода авторами в полном объеме обеспечены объективность и полнота изученного феномена.

Результаты исследования: авторским коллективом убедительно доказано, что законотворческая деятельность представляет из себя важнейший конституционно-правовой институт, остро нуждающийся в эффективном экспертном сопровождении. Кроме того, исследуемая законотворческая деятельность тщательно регламентирована и строго формализована.

Выводы и заключения: авторами были исследованы правовые нормы, регулирующие конституционно-правовой статус законодательных органов отдельных зарубежных стран англосаксонской правовой системы, а также их внутригосударственное законодательство, регулирующее проведение правовых экспертиз в рамках зарубежного законотворческого процесса,

а также проанализированы труды работы отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике. Изучение экспертного сопровождения законотворческой деятельности за рубежом позволило авторам утверждать о том, что в анализируемых государствах законодатели пытаются придать экспертной деятельности организованный, планомерный, соответствующий необходимым правилам и порядкам характер. Практическая значимость исследования выражается в том, что оно может способствовать дальнейшему обобщению и анализу положительного зарубежного опыта, направленного на проведение и экспертное сопровождение законотворческой работы.

Ключевые слова: законотворческий процесс, законопроект, правовая экспертиза, экспертная оценка, гражданское общество, стадия обсуждения, заключение экспертов, второе чтение, нормотворческая деятельность, законодательная инициатива, нормотворчество, законность.

FEATURES OF EXPERT SUPPORT OF THE FOREIGN LEGISLATIVE PROCESS ON THE EXAMPLE OF INDIVIDUAL STATES OF THE ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM

Introduction: in this work, the author's team has attempted to reveal a number of relevant features of the foreign legislative process, as well as to consider problematic issues of expert support of foreign legislative activity on the example of individual foreign states of the Anglo-Saxon legal system.

Materials and methods: general logical, general scientific and private scientific methods of cognition were mainly used as the methodological basis of the research. With the help of general scientific methods (comparative legal, concrete historical), methods of private science (concretization, interpretation, technical and legal analysis, comparative law), general methods of theoretical analysis (comparison, generalization, analysis, analogy, modeling), as well as the dialectical method, the authors fully ensure the objectivity and completeness of the studied phenomenon.

Results of the study: the author's team has convincingly proved that legislative activity is the most important constitutional and legal institution in urgent need of effective expert support. In addition, the legislative activity under study is carefully regulated and strictly formalized.

Findings and conclusion: the author's team investigated the legal norms regulating the constitutional and legal status of the legislative bodies of certain foreign countries of the Anglo-Saxon legal system, as well as their domestic legislation regulating the conduct of legal examinations within the framework of the foreign legislative process, and also analyzed the works of domestic and foreign scientists on the subject under consideration. The study of expert support of legislative activity in foreign countries allowed the authors to assert that in the analyzed states, legislators are trying to give an organized, systematic nature to expert activity, corresponding to the necessary rules and procedures. The practical significance of the study is expressed in the fact that it can contribute to further generalization and analysis of positive foreign experience aimed at conducting and expert support of legislative work.

Keywords: legislative process, draft law, legal expertise, expert assessment, civil society, discussion stage, expert opinion, second reading, rule-making activity, legislative initiative, rule-making, legality.

Интенсивно развивающиеся во всех государствах мира законотворческие процессы, обусловленные разнообразными законодательными инициативами, требуют выявления их действительной потребности, а также необходимого качества принимаемых конкретных законодательных актов. Поскольку все чаще возникают вопросы, связанные с эффективностью действия принятых законодательных актов [8, с. 125].

Предварительный анализ показал, что самыми совершенными и развитыми зарубежными механизмами по экспертному сопровождению зарубежного законотворческого процесса являются страны, имеющие давние правовые традиции в рассматриваемой сфере и обладающие серьезными наработками и положительным опытом в законотворческой деятельности. В этой связи в представленной научной работе авторы взяли за анализ актуальных вопросов экспертного сопровождения законодательной деятельности отдельных государств англосаксонской правовой семьи, поскольку в этих странах разработан один из наиболее эффективных механизмов проведения правовых экспертиз в процессе подготовки законопроектов. Необходимо отметить, что анализируемая в данной научной работе «англосаксонская правовая система сформировалась в Англии под влиянием правовых норм английской буржуазной революции и некоторых других особенностей исторического развития страны. Англосаксонская правовая семья объединила правовую систему Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, и её бывших владений, в том числе таких государств, как Австралийский Союз, Канада, Новая Зеландия и др.» [6, с. 81].

Исследуя основы и особенности, связанные с проведением правовых экспертиз в процессе подготовки законопроектов в Канаде, авторы обратили внимание на то, что процесс законотворчества в этой стране является одной из наиболее важных обязанностей парламента. Существуют две основные категории законопроектов: государственные и частные. Государственные законопроекты касаются вопросов, представляющих национальный интерес, в то время как цель частных законопроектов заключается в предоставлении особых полномочий, льгот или исключений какому-либо лицу или лицам, включая корпорации. Большинство законопроектов, рассматриваемых Палатой общин, являются государственными законопроектами.

Публичные законопроекты могут инициироваться министром, и в этом случае они называются правительственными законопроектами — *government bill*, или же частными лицами, и в этом случае они называются законопроектами частных лиц — *private member's bill*. Законодательный процесс занимает значительную часть времени парламента. Законодательные этапы являются кульминацией гораздо более длительного процесса, который начинается с предложения, формулирования и разработки законопроекта.

«Правительственные законопроекты разрабатываются Министерством юстиции (далее также — Минюст) Соединенного Королевства, который имеет своеобразную монополию в канадском правительстве по разработке законопроектов» [2, с. 308]. «Большую часть инициатив, исходящих от органов исполнительной власти различных уровней, оформляют в виде текстов законодательных проектов именно сотрудники канадского минюста, в котором органе сформирован отдел по разработке законопроектов, и его сотрудники совместно с юристами отраслевых министерств заняты подготовкой законопроектов» [3, с. 57]. Члены Палаты общин, которые не входят в кабинет министров, могут вносить законопроекты, которые будут рассматриваться в рамках деятельности част-

ных лиц. Законопроект частного лица обычно составляется от имени члена Парламента юрисконсульту, нанятым Палатой представителей.

Проведение экспертиз в рамках законотворческого процесса в Канаде осуществляет в первую очередь Министерство юстиции. В соответствии с законодательным актом, принятом в 1985 г., регулирующим деятельность канадского Министерства юстиции, за этим ведомством закреплена особая роль при подготовке законодательных проектов. На основании предписаний, сделанных генерал-губернатором Канады, в обязанности канадского министра юстиции входит проведение экспертиз всех правовых актов, которые проходят установленную процедуру через Тайный совет Канады, председателя Тайного совета в целях их регистрации на основании действующего Закона о правовых актах, и в том числе регистрации всех законопроектов, представленных или внесенных для рассмотрения в Палату представителей Канады. Проведение такой экспертной оценки канадского законотворческого процесса во многом обусловлено установлением любых возможных нарушений, которые излагают положения Канадской хартии прав и свобод. О фактах выявленных нарушений в рамках законотворческой деятельности министром сообщается в Палату общин [15].

Важнейшим из условий по подготовке «канадских законопроектов является оценка соответствия их основных положений Канадской хартии прав и свобод, которая представляет из себя составную часть Конституции Канады. Поэтому все участники законотворческой деятельности должны заполнять специальную анкету и отвечать в ней на вопросы по законопроекту» [3, с. 57]. В тех случаях, когда проект законов не соответствует положениям конституции, оставшиеся вопросы не требуют обязательного ответа до тех пор, пока имеющиеся конституционные противоречия не будут устранены. Такой подход к экспертной оценке законопроектов обеспечивает необходимое качество при подготовке их текстов, которое в первую очередь основано на объективном и единообразном понимании. Только после данной процедуры, законопроект направляют в «специальный отдел минюста, который осуществляет контролирование соответствия законопроектов Канадской хартии прав и свобод и, получив его положительное заключение, законопроект направляют заместителю министра юстиции, для того чтобы он сделал свое заключение» [16] на предмет соответствия данного законопроекта Канадской хартии прав и свобод и подписал на этот счет специальный сертификат.

Важно отметить то, что Министерство юстиции «стремится вовлекать простых канадцев и представителей общественных организаций в разработку и оценку государственной политики в сфере законодательных процессов, а также активно привлекает общественность к рассматриваемым процессам, которые в Канаде являются прозрачными, доступными, подотчетными, подкрепленными фактической информацией и учитывающими широкое разнообразие канадского общества» [13, с. 425]. Его сотрудники также стремятся сообщать канадцам о том, как их мнения учитывались в процессе принятия решений. Минюст «привержен предоставлению ресурсов, достаточных для выполнения эффективных функций по обеспечению участия общественности, расширению возможностей должностных лиц департаментов по обогащению знаний и опыта в области участия общественности и поддержке разработки новых методов и технологий привлечения гражданского общества, его сотрудники стремятся поощрять культуру консультаций во всех секторах и подразделениях» [4, с. 277].

Далее остановимся на основах и особенностях проведения правовых экспертиз в процессе подготовки законопроектов в Австралийском Союзе (далее — Австралия). Конституцией Австралии устанавливается «классическое разделение власти на три ветви власти» [7, с. 226], в том числе и законодательную. В соответствии с главой I Конституции Австралии законодательная власть в стране принадлежит федеральному парламенту, занимающему центральное место в системе органов власти страны и обладающему широкими комбинациями в области осуществления различных контрольных полномочий. В соответствии со статьей первой Конституции Австралии, австралийский парламент состоит из королевы и двух палат — Сената и Палаты представителей, состоящей из 151 члена, которые могут избираться сроком не более трех лет. В Сенат входит 76 сенаторов, которые избираются независимо от численности населения штата, по 12 человек от каждого из шести штатов, сроком на 6 лет. Функция законотворчества Парламента Австралии может быть ими реализована «в рамках законодательных процедур, в которые вовлекают всех членов Парламента, членов правительства, а также Генерал-губернатора в соответствии и с конституционными нормами, и с Регламентами палат» [1, с. 156].

Законодательные основы Австралии, как, собственно, и законодательные основы ряда государств англосаксонской правовой системы, практикующих прецедентное право, напрямую не закрепляют институт правовых экспертиз законотворческого процесса. Поэтому на практике процесс проведения рассматриваемых экспертиз начинает приобретать казуистический характер (излишнюю детализацию узконаправленных вопросов и сфер) [12, с. 58].

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) проведение правовых экспертиз законопроектов происходит при рассмотрении их на заседании профильного комитета парламента Великобритании, так называемой Стадии комитета — Committee stage [9, с. 70]. Как правило данная процедура начинается по прошествии двух недель после второго чтения законопроекта. Правительственные законопроекты обычно формально расписываются по времени после того, как они прошли второе чтение. Большинство законопроектов рассматриваются в Государственном комитете Парламента Великобритании по законопроектам. В том случае, когда законопроект обсуждается в Палате общин, Государственный комитет Парламента Великобритании по законопроектам сможет получить заключения по нему от экспертов и заинтересованных групп, в том числе и тех, которые представляют общественные структуры и не входят в состав британского парламента [10, с. 36].

Предложения и поправки отбирает председатель комитета, за их внесение разрешено голосовать только членам комитета. Поправки, предложенные депутатами к законопроекту, будут публиковаться ежедневно и перепечатываться в виде упорядоченного списка поправок за каждый день, когда комитет обсуждает законопроект. Все пункты в законопроекте согласовываются, изменяются или исключаются из него, и по каждому из них принимается решение о том, стоит ли их оставлять в законопроекте. Законопроекты, которые быстро проходят через Палату общин, рассматриваются быстрее. Законопроекты о консолидированном фонде вообще не проходят стадии рассмотрения на комитете. Если в законопроект были внесены поправки, он будет перепечатан заново и пройдет следующий этап. Как только этап комитета будет завершен, законопро-

ект возвращается в Палату общин для этапа отчета, где законопроект с поправками может быть обсужден или же в него будут предложены дальнейшие поправки [18].

Во время второго чтения законопроекта на «Стадии второго чтения» — *Second reading*, происходит обсуждение его общих принципов. Второе чтение представляет возможность для депутатов обсудить основные принципы законопроекта, но не ранее, чем через два выходных дня после окончания первого чтения. На стадии второго чтения министр правительства, пресс-секретарь или депутат, ответственный за законопроект, открывает обсуждение. Официальный представитель оппозиции делится своим мнением о законопроекте. Дебаты продолжаются с другими оппозиционными партиями и депутатами, высказывающими свое мнение. В конце дебатов Палата общин решает, следует ли проводить голосование по законопроекту во втором чтении, что означает, что он может перейти к следующему этапу. Законопроект может быть принят во втором чтении без обсуждения до тех пор, пока депутаты согласны с его ходом. После завершения второго чтения законопроект переходит на стадию комитета, где может обсуждаться каждый пункт (часть) и любые поправки (предложения об изменениях) к законопроекту [17].

Проведенный анализ правовых экспертиз законопроектов в Парламенте Великобритании свидетельствует о том, что, как и в большинстве государств, использующих прецедентное право, правовой экспертизы законопроектов в таком порядке, который привычен для многих государств, не относящихся к англосаксонской правовой системе, нет. Во многом данное положение дел обусловлено специфическими особенностями законодательных процессов и правовых систем [5, с. 542]. Правовая экспертиза законопроектов в государствах прецедентного права в первую очередь связана с обсуждением и внесением в них изменений в период прохождения проектов законодательных актов через Палату общин. При этом важно подчеркнуть, что четкое разделение экспертных заключений по видам (антикоррупционная, криминологическая, лингвистическая, правовая, гендерная и др.) в рассматриваемых странах сложно проследить, поскольку в них отсутствует правовая регламентация и закрепленный порядок методических основ проведения правовых экспертиз в рамках законотворческого процесса.

Необходимо также отметить, что в условиях нового тысячелетия законотворческий процесс британского парламента значительно усовершенствовался. Например, «произошло изменение в системе ... комитетов и в 2006 г. вместо постоянных комитетов начали функционировать комитеты по рассмотрению публичных биллей. Их наделили возможностью привлекать экспертов, получать устные и письменные свидетельские показания, различные доказательства, документы, которые необходимы при рассмотрении законопроектов» [11, с. 19]. В свою очередь, Парламентом Великобритании постоянно контролируются процессы реализации вступивших в силу законодательных актов. Так, в частности, им осуществляется проверка их эффективности, именуемая последующим законодательным надзором. Суть данной практики состоит в том, чтобы на протяжении от трех до пяти лет после вступления в силу парламентского акта министерством, ответственным за его подготовку, должна быть проведена оценка применения на практике данного законодательного акта. Вместе с тем по результатам оценки в специальный комитет Палаты общин, который контролирует работу указанного министерства, должны быть представлены выводы относительно эффективности указанного закона. Исследовав предоставленные выводы, сотрудники комитета должны определить, необходимо ли да-

лее проведение более глубокого изучения действия рассматриваемого законодательного акта, или нет. При этом важно подчеркнуть, что при проведении подобных оценок британские власти получают возможность сосредоточиться на усовершенствовании процедуры законотворческой деятельности.

В заключение необходимо отметить, что данная статья была составлена с целью исследования основ и особенностей, связанных с проведением правовых экспертиз в процессе подготовки законопроектов на примере отдельных государств англосаксонской правовой системы. В этой связи можно сделать вывод о том, что в общем виде рассмотренную зарубежную законотворческую деятельность в отдельных государствах англосаксонской правовой системы можно определить как систему процедур и действий, в результате которых создаются законодательные акты. Проведенное исследование также позволяет авторам говорить о том, что рассмотренная в работе законотворческая деятельность представляет из себя важнейший конституционно-правовой институт.

Зарубежная законотворческая работа в отдельных государствах англосаксонской правовой системы, как правило, тщательно регламентирована и строго формализована. Во многом данное утверждение относится как к самим нормотворческим процедурам, так и к формам законодательных актов. В свою очередь, деятельность, направленная на подготовку законодательных проектов, является одной из самых творческих и трудоемких стадий нормотворческого процесса в любой стране мира.

Исследуя вопросы экспертного сопровождения законотворческой деятельности за рубежом, авторы также пришли к выводу о том, что во всех без исключения анализируемых государствах правотворческая работа отличается многоаспектным характером, при этом экспертной деятельности законодатели пытаются придать организованный, планомерный, соответствующий необходимым правилам и порядкам характер. В частности, авторы отмечают, что анализируемая в работе деятельность по проведению экспертных оценок законодательства происходит с учетом глубокого и всестороннего анализа, не только самих нормативно-правовых актов, но в том числе и практики по их применению.

Научная новизна работы определяется проведенным анализом методических основ и особенностей проведения экспертных оценок при подготовке проектов законов в ряде отдельных государств англосаксонской правовой системы. Полученные в процессе исследования авторские выводы могут иметь значение в процессе работы по повышению эффективности законотворческой деятельности в части проведения правовых экспертиз в процессе подготовки законопроектов, т. к. исследование различных зарубежных особенностей рассматриваемой работы, а также заимствование положительных аспектов является важной частью по совершенствованию экспертного сопровождения отечественной законодательной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Войтович Е. А. Парламент Австралийского Союза в системе высших органов государственной власти // Теория государства и права. — 2020. — № 3—1 (19—1). — С. 1520151157. DOI: 10.47905/MATGIP.2020.19.3.031
2. Донцов П. Парламент Канады // Международно-правовые чтения. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2013. — С. 306—315.
3. Законотворчество в Канаде: пер. с англ. / Отв. ред.: С. В. Кабышев. — М.: Формула права, 2006. — 272 с.

4. Кабышев С. В. Конституционная политика Канады как фактор детерминации стратегии, тактики и техники законоотворчества // Юридическая техника. — 2015. — № 9. — С. 276—279.
5. Кобец П. Н. Генезис законодательных основ противодействия взяточничеству в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Актуальные проблемы экономики и права. — 2020. — Т. 14. — № 3. — С. 533—544. — DOI 10.21202/1993-047X.14.2020.3.533-544.
6. Кобец П. Н. Правовое регулирование возмещения преступного вреда в государствах англосаксонской правовой системы и необходимость использования их опыта в отечественной законотворческой деятельности // Виктимология. — 2021. — Т. 8. — № 1. — С. 79—88.
7. Конституционное право зарубежных стран: учеб. / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. — 4-е изд., переаб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. — 976 с.
8. Нормография: теория и методология нормотворчества: учеб.-метод. пособ. / под ред. Ю. Г. Арзамасова. — М.: Академический проект, 2007. 560 с.
9. Попова М. А. Роль Правовой комиссии в процессе реформирования английского законодательства // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 5. — С. 68—71.
10. Попова М. А. Система комитетов британской Палаты общин: история и современность // История государства и права. — 2013. — № 19. — С. 35—39.
11. Попова М. А. Законодательный процесс в парламенте Великобритании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015. — 22 с.
12. Татишвили Т. М. Международный опыт экспертного обеспечения законоотворчества // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 1. — С. 57—63.
13. Чернухина Л. С. Парламентские комитеты: виды, полномочия и порядок деятельности (опыт Канады) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2015. — № 3 (52). — С. 422—427.
14. Driedger E. A manual of instructions for legislative and legal writing. — Ottawa, 1982. — P. 76.
15. The Constitution of Canada [Электронный ресурс]. — URL: <https://thecanadaguide.com/government/the-constitution/> (дата обращения: 15.08.2021).
16. Standing Orders of the House of Commons (April 20, 2020) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.legislationline.org/legislative-process/country/38> (дата обращения: 15.08.2021).
17. Second reading (Commons) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.parliament.uk/about/how/laws/passage-bill/commons/coms-commons-second-reading/> (дата обращения: 15.08.2021).
18. UK Parliament [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.parliament.uk/about/how/laws/passage-bill/commons/coms-commons-comittee-stage/> (дата обращения: 15.08.2021).

REFERENCES

1. Voitovich E. A. Parlament Avstralijskogo Sojuza v sisteme vysshih organov gosudarstvennoj vlasti [The Parliament of the Australian Union in the system of supreme state authorities]. *Teorija gosudarstva i prava — Theory of state and law*, 2020, no. 3-1 (19-1), pp. 152—157, DOI: 10.47905/MATGIP. 2020. 19. 3. 031, (in Russian)
2. Dontsov P. Parlament Kanady [The Parliament of Canada]. *Mezhdunarodno-pravovye chtenija — International legal readings*, Voronezh, Voronezh State University, 2013, pp. 306—315 (in Russian).
3. Kabyshev S. V. *Zakonotvorchestvo v Kanade* [Lawmaking in Canada]. Moscow, Formula of Law, 2006, 272 p. (in Russian).
4. Kabyshev S. V. Konstitucionnaja politika Kanady kak faktor determinacii strategii, taktiki i tehniki zakonotvorchestva [Constitutional policy of Canada as a factor of determination of strategy, tactics and techniques of lawmaking].

tactics and techniques of lawmaking]. *Juridicheskaja tehnika — Legal technique*, 2015, no. 9, pp. 276—279 (in Russian).

5. Kobets P. N. Genezis zakonodatel'nyh osnov protivodejstvija vzjatochnichestvu v Soedinenom Korolevstve Velikobritanii i Severnoj Irlandii [Genesis of the legislative bases for countering bribery in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. *Aktual'nye problemy jekonomiki i prava. Actual problems of economics and law*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 533—544, DOI 10.21202/1993-047X.14.2020.3.533-544 (in Russian).

6. Kobets P. N. Pravovoe regulirovanie vozmeshhenija prestupnogo vreda v gosudarstvah anglosaksonskoj pravovoj sistemy i neobhodimost' ispol'zovanija ih opyta v otechestvennoj zakonotvorcheskoj dejatel'nosti [Legal regulation of compensation for criminal damage in the states of the Anglo-Saxon legal system and the need to use their experience in domestic legislative activity]. *Viktimologija — Victimology*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 79—88 (in Russian).

7. Baglai M. V. , Leibo Yu. I. , Entin L. M. *Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik* [Constitutional law of foreign countries: textbook]. Moscow, Norm, INFRA-M, 2016, 976 p (in Russian).

8. Arzamasov Yu. G. *Normografija: teorija i metodologija normotvorchestva: ucheb.-metod. posob* [Normography: theory and methodology of norm-making. Educational and methodological manual]. Moscow, Academic project, 2007, 560 p. (in Russian).

9. Popova M. A. Rol' Pravovoj komissii v processe reformirovanija anglijskogo zakonodatel'stva [The role of the Legal Commission in the process of reforming English legislation]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo Constitutional and municipal law*, 2013, no. 5, pp. 68—71 (in Russian).

10. Popova M. A. Sistema komitetov britanskoj Palaty obshhin: istorija i sovremennost' [The system of committees of the British House of Commons: history and modernity]. *Istorija gosudarstva i prava — History of state and law*, 2013, no. 19, pp. 35—39. (in Russian).

11. Popova M. A. *Zakonodatel'nyj process v parlamente Velikobritanii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [The legislative process in the UK Parliament:.. cand. jurid. sciences']. Moscow, 2015, 22 p. (in Russian).

12. Tatishvili T. M. Mezhdunarodnyj opyt jekspertnogo obespechenija zakonotvorchestva [International experience of expert support of lawmaking]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1. pp. 57—63 (in Russian).

13. Chernukhina L. S. Parlamentskie komitety: vidy, polnomochija i porjadok dejatel'nosti (opyt Kanady) [Parliamentary committees: types, powers and procedure of activity (experience of Canada)]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija — Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*, 2015, no. 3(52), pp. 422—427. (in Russian).

14. Driedger E. A manual of instructions for legislative and legal writing, Ottawa, 1982, p. 76.

15. The Constitution of Canada Available at: <https://thecanadaguide.com/government/the-constitution/> (accessed 15.08.2021).

16. Standing Orders of the House of Commons (April 20, 2020) Available at: <https://www.legislationline.org/legislative-process/country/38> (accessed 15.08.2021).

17. Second reading (Commons) Available at: <https://www.parliament.uk/about/how/laws/passage-bill/commons/coms-commons-second-reading/> (accessed 15.08.2021).

18. UK Parliament Available at: <https://www.parliament.uk/about/how/laws/passage-bill/commons/coms-commons-committee-stage/> (accessed 15.08.2021).

УДК 351.741

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-28-35

Кнаус Олег Андреевич

доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники
в органах внутренних дел
Восточно-Сибирского института
МВД России
knaus.oleg@yandex.ru

Knaus Oleg Andreevich

Associate Professor of the Department
of Operational and Investigative Activities
and Special Equipment in the Internal
Affairs Bodies East-Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation
knaus.oleg@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
ИРКУТСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА В 1964—1968 ГГ.**

Введение: в статье рассматривается организация деятельности УООП Иркутского обл-исполкома в части розыска лиц в 1964—1968 годах. Исследуются отдельные категории разыскиваемых лиц, в указанный период, и результаты деятельности по их установлению. Изучаются нормативные правовые акты МООП СССР и УООП Иркутского облисполкома направленные на совершенствование данной деятельности в исследуемом регионе.

Материалы и методы: материалами исследования послужили статьи ученых, нормы законодательства СССР и РСФСР, ведомственные акты МВД — МООП СССР (РСФСР), архивные документы. Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, сравнение, и специальных методов: историко-правовой, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Результаты исследования позволили раскрыть процесс организации розыска лиц в СССР в 1964—1968 гг., уточнить порядок объявления и прекращения розыска отдельных категорий разыскиваемых, осветить отдельные организационные и практические аспекты деятельности специализированных подразделений УООП Иркутского облисполкома в части реализации функции советского государства в рассматриваемой сфере, ввести в научный оборот ранее не опубликованные архивные документы рассматриваемого периода.

Выводы и заключения: проанализированные материалы позволили раскрыть специфику форм и методов, применяемых в розыскной деятельности правоохранительных органов СССР в целом и в Иркутской области в частности, а также позволили оценить её эффективность.

Ключевые слова: *розыск, преступность, без вести пропавшие, скрывшиеся от следствия и суда, места лишения свободы, условное освобождение, уклоняющиеся от возмещения ущерба, Министерство охраны общественного порядка, Иркутская область.*

**ON THE ORGANIZATION OF INVESTIGATIVE WORK
IN THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF PUBLIC ORDER
PROTECTION OF THE IRKUTSK REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEE
IN 1964—1968**

Introduction: the article issues with the organization of the activities of the UOP of the Irkutsk Regional Executive Committee in terms of the search for persons in 1964—1968. The individual categories of wanted persons, during the specified period, and the results of activities to identify them are investigated. The author studies the normative legal acts of the MOE of the USSR and the UOOP of the Irkutsk Regional Executive Committee aimed at improving this activity in the studied region.

Materials and methods: the research materials were articles by scientists, norms of the legislation of the USSR and the RSFSR, departmental acts of the Ministry of Internal Affairs-the Ministry of Internal Affairs of the USSR (RSFSR), archival documents. The methodological basis of the research is a complex of general scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, and special methods: historical-legal, system-structural, comparative-legal.

Results of the study allowed us to reveal the process of organizing the search for persons in the USSR in 1964-1968, to clarify the procedure for declaring and terminating the search for certain categories of wanted persons, to highlight certain organizational and practical aspects of the activities of specialized units of the Irkutsk Regional Executive Committee in terms of implementing the function of the Soviet state in this area, to introduce into scientific circulation previously unpublished archival documents of the period under review.

Findings and conclusions: the analyzed materials allowed us to reveal the specifics of the forms and methods used in the search activities of law enforcement agencies of the USSR in general and in the Irkutsk region in particular and also allowed us to evaluate its effectiveness.

Keywords: search, crime, missing persons, fugitives from investigation and trial, places of deprivation of liberty, conditional release, evading compensation for damage, Ministry of Public Order Protection, Irkutsk region.

Одним из важнейших направлений работы правоохранительных органов является деятельность по установлению лиц, совершивших преступления и скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, а также установление местонахождения лиц, судьба которых осталась неизвестной. В этом ключе опыт МВД СССР содержит немало положительных примеров, которые, в соответствии с современными условиями, могут быть полезными в организации деятельности и современных правоохранительных органов, в том числе в сфере розыска лиц.

Исторические исследования в области организации розыскной работы в СССР рассматривали в своих трудах такие авторы, как И. И. Карпец [1], А. А. Козлов, А. В. Парфенов [2, 3], Е. Б. Ахметов [4]. Однако предметные вопросы в данной области, как правило, рассматриваются в рамках исследования более широкой проблематики. Деятельность МООП в рассматриваемой сфере в 1960-х гг. в Иркутской области затрагиваются Н. А. Скориковой [5] и Д. А. Колосовским [6] фрагментарно, как часть оперативно-розыскной или административной деятельности иркутской милиции. Указанные обстоятельства повлияли на выбор темы научной работы.

В 60-е годы прошлого века, в соответствии с Положением о советской милиции¹, на органы милиции возлагались функции розыска лиц, скрывшихся от уголовного преследования и от исполнения приговоров судов, а также без вести пропавших и уклоняющихся от уплаты алиментов; исполнение приговоров, определений и постановлений судов о ссылке и высылке; административный надзор за ссыльными и высланными.

Для реализации этих задач Управление охраны общественного порядка Иркутского исполкома областного Совета депутатов трудящихся (далее — УООП Иркутского облисполкома) использовало имеющийся в его распоряжении функционал системы профилактики и раскрытия преступлений, службу исполнения наказания, а также подразделения паспортной службы. В системе МООП СССР (РСФСР) 1964—1968 гг. организация розыскной работы возлагалась на Управление уголовного розыска и соответствующий отдел розыска. В структуре УООП региона, в составе отдела уголовного розыска (далее — ОУР УООП) координация и контроль за данным направлением возлагалась на закрепленных сотрудников. При этом специализированного подразделения для реализации указанных функций как такового штатным расписанием УООП не предусматривалось. Учет разыскиваемых и ведение соответствующих картотек возлагалось на 1-й спецотдел при УООП [7, с. 126].

В территориальных органах милиции за линией розыска закрепляли, в зависимости от объема работы, одного или двух работников подразделений уголовного розыска, в обязанности которых входило рассмотрение заявлений о розыске пропавших людей, а также сбор материалов по вопросам объявления в розыск преступников и без вести пропавших. Соответственно, сотрудники, работающие по данному направлению, заводили розыскные дела и проводили в их рамках оперативно-розыскные мероприятия по установлению местонахождения разыскиваемых [7, с. 127].

В соответствии с Инструкцией об организации розыскной работы 1965 г. предусматривались следующие категории разыскиваемых:

1. Преступники, к которым относились лица, совершившие побег из мест заключения, из камер предварительного заключения и от конвоя милиции, скрывшиеся от органов следствия после избрания меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, а также скрывшиеся условно освобожденные в соответствии с нормами Указа Президиума Верховного совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства».

2. Без вести пропавшие — лица, исчезнувшие внезапно, без видимых к тому причин, о местонахождении которых нет достоверной информации. Розыск вышеуказанных категорий был возложен на службу уголовного розыска.

3. Уклоняющихся от уплаты алиментов («алиментчики») — лица, уклоняющиеся от уплаты алиментов на детей и родителей, а также уклоняющихся от возмещения ущерба государственным или общественным организациям. В системе МООП СССР розыск указанной категории возлагался на паспортную службу.

Розыск лиц, осужденных к принудительному труду («химиков») и покинувших спецпоселения (спецпоселки) осуществлялся оперуполномоченным — комендантом специальной комендатуры при отделе (отделении) милиции. На данного работника были

¹ Об утверждении Положения о советской милиции [Электронный ресурс]: постановление Совета министров СССР от 17 авг. 1962 г. № 901, утратил силу с 1 июля 1973 г. в связи с изданием постановления Совмина СССР от 08.06.1973 № 385. — Доступ и-справ-правовой системы «Консультант Плюс».

возложены функции общего руководства комендатурой и проведения оперативно-розыскных мероприятий, в том числе розыска совершивших побег из спецпоселения [8, с. 20].

Необходимо отметить, что розыск несовершеннолетних, ушедших из семей или специальных детских учреждений, как отдельной категории разыскиваемых, в рассматриваемый период не был предусмотрен. Работу по их установлению осуществляли оперуполномоченные уголовного розыска по делам несовершеннолетних, на которых были возложены обязанности борьбы с детской преступностью и безнадзорностью. Кроме того, для реализации этих функций в оперативном подчинении ОУР УООП находились Иркутский (штат 34 работника) и Тайшетский (штат 24 работника) детские приемники-распределители [7, с. 128].

Розыск подразделялся на местный и всесоюзный. На первоначальном этапе разыскиваемые лица объявлялись в местный розыск по территории Иркутской области. По истечении двух месяцев местного розыска, преступники и без вести пропавшие объявлялись в розыск в масштабах всего СССР. Исключение составляла категория особо опасных преступников и совершивших побег из мест лишения свободы или камер предварительного заключения (КПЗ), которые объявлялись во всесоюзный розыск незамедлительно.

Результаты розыскной работы УООП отражались в формализованных отчетах, направляемых в МООП СССР (РСФСР) по итогам каждого квартала и года (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о лицах, находившихся в розыске за 1964 год

		Находилось в розыске	Объявлено в розыск	Проходит по розыскным делам других органов	Всего числится в розыске	Розыск прекращен			Проходит по розыскным делам переданные в другие органы	Осталось в розыске	В том числе	
						В связи с установление разыскиваемых	В том числе				Во всесоюзном	В местном сверх установленного срока
							Арестованы за другие преступления	В связи с отпавшей необходимостью				
Всего в розыске		343	158	1	502	176	18	6	-	320	161	27
Из них	Бежавших из мест заключения	17	-	-	17	-	-	-	-	17	17	-
	Бежавших из КПЗ и от конвоя милиции	1	-	-	1	-	-	-	-	1	1	-
	Скрывшихся от следствия и суда	268	134	1	403	154	17	5	-	224	110	15
	В том числе После избрания меры пресечения не связанной с заключением под стражу	84	59	-	143	70	6	1	-	72	25	14

	Бежавшие условно освобожденные по Указу 20/3 1964г.	13	3	-	16	7	-	-	-	9	7	2
Из числа разыскиваемых	Бандитов, разбойников, грабителей	15	2	-	17	4	-	-	-	13	8	4
	Убийц	18	4	-	22	6	-	-	-	16	16	
	Воров	100	68	1	169	68	12	2	-	99	36	6
	Расхитителей государственного и общественного имущества	32	9	-	41	8		1	-	32	17	4
Уклоняющихся от уплаты алиментов		340	170	4	514	332	11	13	-	169	123	-
Без вести пропавших		80	8	1	89	4	-	-	-	85	85	-
Уклоняющихся от возмещения ущерба государственным или общественным организациям		106	67	-	173	35	2	-	-	138	138	-

Соотношение разысканных преступников к остатку разысканных (процент розыска) по итогам 1965 г. составил 64,6 %, в том числе объявленных во всесоюзный розыск — 88,3 % (объявлено 187, разыскано 121). При этом розыск опасных преступников, в том числе разбойников и грабителей составлял 48 %, а убийц всего 33,3 % [9, с. 12].

В отличие от преступников процент розыска без вести пропавших за 1965 г. составил 19,4 %, в 1966 — 14,2 %, в 1967 — 18,6 %, что свидетельствует о том, что значительная доля лиц данной категории стала жертвами преступлений [9, с. 12; 10 с. 12, 26].

Наиболее благополучная ситуация наблюдалась в розыске «алиментчиков». Так, в 1966 г. граждан такой категории было объявлено в розыск 1 тыс. 334 и обнаружено 1 тыс. 272, процент розыска, соответственно, составил 88,5 % [10, с. 12].

Учитывая сложившуюся ситуацию в розыскной работе УООП, в 1966 г. вопросы организации розыскной работы рассматривались трижды: на коллегиях УООП 4 февраля и 10 мая, а также на совместном совещании прокуратуры Иркутской области и коллегии УООП 29 июня 1966 г. В ходе рассмотрения проблем в данной сфере отмечалось, что «в ходе осуществления розыска недостаточно используется агентура, не налажено должное взаимодействие работников уголовного розыска с работниками других служб милиции, УМЗ, частей конвойной охраны, практически не используются возможности КГБ. Плохо используются научно-технические методы, личный сыск, общественность, радио и телевидение¹.

¹ Решение коллегии УООП от 4 февр. 1966 г. № 5ркс «О результатах работы органов милиции Иркутской области по розыску преступников и лиц без вести пропавших за 1965 год» // АГУМВД России по ИО.

Также, одной из причин значительного количества лиц, объявленных в розыск, указывалась неприменение следователями меры пресечения, связанной с заключением под стражу¹.

На состоянии розыскной работы отрицательно сказывалась и частая сменяемость работников, занимающихся розыском, в связи с чем территориальных оперативников, выполняющих эти функции, закрепили непосредственно приказом начальника УООП, согласно которого в каждом отделе милиции за данным направлением было закреплено по одному оперуполномоченному уголовного розыска².

Особое внимание со стороны руководства УООП уделялось розыску бежавших осуждённых из мест лишения свободы, как представлявших особую опасность для населения. Учитывая то, что на территории Иркутской области находилось 37 учреждений лишения свободы с количеством находящихся в них около 27 тыс. 500 осуждённых и арестованных лиц, в том числе особо-опасных, а также наличия учреждения (СИЗО-1), где приводились в исполнение смертные приговоры, нахождение таких лиц на свободе приводило, как правило, к обострению оперативной обстановки [11, с. 276]. Так, 6 мая 1967 г. из ИТК-7 совершили групповой побег пятеро особо опасных преступников, причем способ совершения побега был достаточно оригинальным. Преступники, как сказано в официальных документах, «в цистерне специального автомобиля для перевозки цемента, выехали за пределы ИТК»³. При этом был не известен факт использования данного конкретного случая автором сценария Г. Данелией или режиссёром А. Серым (ранее отбывавшим наказание в местах лишения свободы) в качестве сценария побега в знаменитой комедии «Джентльмены удачи». Тем не менее факт в наличии — фильм был снят в 1971 г., а консультант фильма, первый заместитель начальника политотдела Главного управления исправительно-трудовых учреждений И. Голобородько был, несомненно, осведомлен о побеге в Иркутской области благодаря розыскному циркуляру и ориентировке, которая была незамедлительно разослана в 1967 г. по всему Советскому Союзу [12, с. 85].

Как следствие, совершенные побеги из мест лишения свободы приводили, с одной стороны, к наказанию виновных должностных лиц милиции или управления мест заключения (УМЗ УООП), а с другой — к поощрению сотрудников, задержавших беглецов. Так, в ночь с 23 на 24 мая 1968 г. из КПЗ Слюдянского районного отдела милиции, путем подкопа был совершен побег из-под стражи пятерых опасных преступников. Для организации работы по установлению и задержанию бежавших была создана оперативная группа во главе с заместителем начальника отдела уголовного розыска УООП Иркутского облисполкома полковником милиции С. П. Бородкиным. В результате мероприятий, проведенных работниками, принимавших участие в розыске, 26 мая 1968 г. все

¹ Решение прокуратуры Иркутской области и коллегии УООП от 29 июня 1966 г. № 3-1265/12ркс «О мерах по улучшению розыска скрывшихся преступников» // АГУМВД России по ИО.

² Приказ начальника УООП Иркутского облисполкома от 3 сентября 1966 г. № 625 «О закреплении работников органов милиции для осуществления розыска преступников и лиц, пропавших без вести» // АГУМВД России по ИО.

³ Приказ начальника УООП Иркутского облисполкома от 2 июня 1967 г. № 479 «О наказании лиц, виновных в допущении группового побега заключенных ИТК-7 УМЗ УООП Иркутского облисполкома» // АГУМВД России по ИО.

бежавшие преступники были задержаны. Приказом начальника УООП, за умелую организацию и проявленную инициативу в розыске и задержании бежавших преступников почетными грамотами и денежными премиями было поощрено семеро сотрудников УООП и Слюдянского районного отдела милиции¹.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что в 1964—1968 гг. система розыска лиц имела различные организационные и процессуальные формы; осуществлялась различными подразделениями УООП Иркутского облисполкома, что негативно сказывалось на конечном результате данной деятельности, особенно в части установления местонахождения пропавших без вести. Основной акцент в работе УООП региона в указанный период был сделан на розыске лиц, скрывшихся от следствия и суда и совершивших побег.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Карпец И. И. Сыск: (записки начальника уголовного розыска). — М: Наука, 1994. — 351 с.
2. Козлов А. А. Краткий исторический анализ розыскной и идентификационной деятельности (розыскной работы) российского государства в досоветский период / А. А. Козлов, А. В. Парфенов // Закон и право. — 2019. — № 5. — С. 143—144.
3. Парфенов А. В. Генезис оперативно-розыскной деятельности в свете учения о розыскной и идентификационной деятельности // Труды Академии управления МВД России. — 2020. — № 3 (55). — С. 51—56.
4. Ахметов Е. Б. Сотрудничество государств в области выдачи преступников (экстрадиции) в промежутке 1960-х и 1980-х гг. XX столетия (исторический аспект) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2011. — № 7. — С. 91—95.
5. Скорикова Н. А. Из истории Сибирской милиции // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — № 10 (93). — С. 327—331.
6. Колосовский Д. А. Деятельность органов внутренних дел Иркутской области по охране общественного порядка в конце 1950-х — начале 1960-х гг. // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 4 (71). — С. 3—12.
7. Кнаус О. А. К вопросу о структурном построении подразделений уголовного розыска Иркутской области в системе МООП СССР [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 1 (4). — С. 124—131. — Электрон. текст. дан. (1 900 544 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.
8. Кнаус О. А. Деятельность специальных комендатур управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1966—1968 годах // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — С. 17—24. —
9. Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области Ф. 14. Оп. 1. Д. 246.
10. Архив ИЦ ГУ МВД России по Иркутской области Ф. 14. Оп. 1 Д. 245.
11. Кнаус О. А. Состояние преступности в Иркутской области в 1962—1969 годах [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2019. — № 1 (1). — С. 275—281. — Электрон. текст. дан. (3 747 840 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.
12. Кнаус О. А. Управление мест заключения в системе управления охраны общественного порядка Иркутского облисполкома в 1966—1968 гг. // сб. ст. III междунар. науч.-практ. конф. — Пенза: Новые юридические исследования, 2020. — С. 81—87.

¹ Приказ начальника УООП Иркутского облисполкома от 29 мая 1968 г. № 426 «О поощрении работников УООП Иркутского облисполкома» // АГУМВД России по ИО.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Karpets I. I. *Sysk: (zapiski nachal'nika ugolovnogogo rozyska)* [Sysk: (notes of the chief of the criminal investigation Department)]. Moscow, Nauka, 1994. 351 p. (in Russian).
2. Kozlov A. A., Parfenov V. A. Kratkij istoricheskij analiz rozysknoj i identifikacionnoj dejatel'nosti (rozysknoj raboty) rossijskogo gosudarstva v dosovetskij period [A brief historical analysis of the detection and identification of activities (investigation work) of the Russian state in the pre-Soviet period]. *Zakon I pravo. — Rule and Law*, 2019, no. 5, pp. 143—144 (in Russian).
3. Parfenov V. A. Genezis operativno-rozysknoj dejatel'nosti v svete uchenija o rozysknoj i identifikacionnoj dejatel'nosti [The Genesis of the operational-search activities in the light of the doctrine of the investigative and identification activities]. *Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii — Proceedings of the Academy of the interior Ministry of Russia*, 2020, no. 3 (55), pp. 51—56 (in Russian).
4. Akhmetov E. B. Sotrudnichestvo gosudarstv v oblasti vydachi prestupnikov (jekstradicii) v promezhutke 1960-h i 1980-h gg. XH stoletija (istoricheskij aspekt) [Cooperation of States in the field of extradition (extradition) in between the 1960s and 1980s of the twentieth century (historical aspect)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk — Actual problems of humanitarian and natural Sciences*, 2011, no. 7., pp. 91—95 (in Russian).
5. Skorikova N. And. Iz istorii Sibirskoj milicii [The history of Siberian militia]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta — Vestnik of Irkutsk state technical University*, 2014, no. 10 (93), pp. 327—331 (in Russian).
6. Kolosovsky D. A. Dejatel'nost' organov vnutrennih del Irkutskoj oblasti po ohrane obshhestvennogo porjadka v konce 1950-h — nachale 1960-h gg [Activity of the internal affairs bodies of the Irkutsk region for the protection of public order in the late 1950s — early 1960s]. *Sibirskij juridicheskij vestnik — Siberian Legal Vestnik*, 2015, no. 4 (71), pp. 3—12 (in Russian).
7. Knaus O. A. K voprosu o strukturnom postroenii subdivisions of the criminal investigation department of the Irkutsk region in the system of the MOO of the USSR [On the question of the structural structure of the criminal investigation units of the Irkutsk region in the MOOP system of the USSR]. *Nauchnyj digest Vostočno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2020, no. 1 (4), pp. 124—131 (in Russian).
8. Knaus O. A. Dejatel'nost' special'nyh komendatur upravlenija ohrany obshhestvennogo porjadka Irkutskogo oblispolkoma v 1966-1968 godah [Activity of special commandant's offices of the Department of Public Order Protection of the Irkutsk Regional Executive Committee in 1966-1968]. *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia — Vestnik Vostočno-Sibirskogo instituta Minstva vnutrennykh dela Rossii*, 2020, no. 2 (93), pp. 17—24 (in Russian).
9. Archive of the IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region F. 14, Op. 1 d. 246.
10. Archive of the IC GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Irkutsk region F. 14, Op. 1 d. 245.
11. Knaus O. A. Sostojanie prestupnosti v Irkutskoj oblasti v 1962–1969 goda [The state of crime in the Irkutsk region in 1962-1969]. *Nauchnyj digest Vostočno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no.1(1), pp. 275—281 (in Russian).
12. Knaus O. A. [Management of places of detention in the management system of public order protection of the Irkutsk Regional Executive Committee in 1966-1968]. *Sbornik statej III Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Penza: New Legal Studies], 2020, pp. 81—87 (in Russian).

УДК: 340

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-36-42

Салтыков Константин Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-
правовых дисциплин Дальневосточного
юридического института
МВД России
terminpravo@mail.ru

Saltykov Konstantin Gennadievich
PhD in Law, associate professor,
Head of the Department of state and legal
disciplines of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of internal Affairs
of the Russian Federation
terminpravo@mail.ru

РИМСКОЕ ПРАВО И ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОРЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «ПРАВОСУДИЕ»

Введение: в статье рассматривается потенциальное влияние древнеримских правовых представлений и особенностей латинской лексики на процессы интерпретации термина «правосудие» и репрезентацию подходов к его пониманию в юридическом дискурсе. Автор связывает решение проблемы номинации деятельности по рассмотрению и разрешению судами различных категорий дел с установлением сходства и различия между современным и древнеримским пониманием содержания правосудия, особенностями функционирования соответствующего термина в текстах, представленных на русском и латинском языках. Контекстуальная обусловленность интерпретации такого важного юридического термина, как «правосудие», рассматриваемая во взаимосвязи с дистинктивностью римского права и латинского языка, позволит добиться глубокого понимания как современных, так и классических подходов к семантике термина «правосудие».

Материалы и методы: исследование соотношения интерпретации термина «правосудие» в римском праве и современной юридической науке, а также семантики рассматриваемой специальной лексики в русском и латинском языках проведено на материалах доктринальных и энциклопедических источников, религиозных текстов, содержащихся в документах по вопросам вероучения, латинской юридической идеоматики. В основу методики исследования положен комплексный подход к источникам, который предполагает одновременное обращение к сведениям письменной римской правовой традиции, современным научным и религиозным источникам. Автор использовал метод реконструкции, сравнительно-правовой метод, метод системного анализа, сравнения (соотношение анализируемых явлений в разных текстах), абстрагирования и аналогии.

Результаты исследования: проведено обобщение определений, представляющих форму научного постижения понятия «правосудие» и его терминологического референта с целью поиска новых путей решения научной проблемы разработки доктринальной и легальной дефиниций данного понятия. Предложены интуитивные прогнозы возможных преобразований понятийно-терминологического аппарата отечественной юриспруденции с учетом основ римской правовой традиции и когнитивной функции латинского языка.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволило установить юридические и лингвистические феномены, играющие роль факторов по отношению к предполагаемому преобразованию юридической терминологии. С использованием примеров из области современной доктрины, римского права и латинского языка предложено направление процесса научного по-

знания основных элементов понятийно-терминологических основ юриспруденции, характеризующие содержание когнитивного процесса с позиции целесообразности.

Ключевые слова: римское право, правосудие, юридический термин, юридический дискурс, интерпретация, латинский язык.

ROMAN LAW AND LATIN AS FACTORS OF INTERPRETATION OF THE LEGAL TERM “JUSTICE”

Introduction: the article discusses the potential impact of ancient Roman legal concepts and features of Latin vocabulary on the processes interpretation of the term “justice” and the representation of approaches to understand in the legal discourse. The author relates the solution to the problem of the category activities for review and resolution by the courts of various categories of cases establishing the similarities and differences between modern and ancient understanding of the content of justice, functioning of the relevant term in the texts are presented in Russian and Latin. The context of the interpretation of the important legal term “justice” is related to the ambiguity of Roman law and Latin, This will contribute to a better understanding of the modern and classical semantic methods of the word “justice”.

Materials and methods: the study of the relationship between the interpretation of the word “justice” in Roman law and modern law, the semantics of special words in Russian and Latin languages were based on the sources of doctrines and encyclopedias religious texts contained in documents on issues of doctrine, and Latin legal idiomatic. The research method is based on a comprehensive approach to sources, including reference to written materials of the Roman legal tradition, Sources of modern science and religion. The author adopts reconstruction method, comparison method, system analysis method, comparison method (the relationship of analyzing phenomena in different texts), abstract method and analogy method.

Results of the study: a generalization of definitions that represent the form of scientific understanding of the concept of “justice” and its terminological referent is carried out in order to find new ways to solve the scientific problem of developing doctrinal and legal definitions of this concept. Intuitive forecasts of possible transformations of the conceptual and terminological apparatus of Russian jurisprudence are proposed, taking into account the foundations of the Roman legal tradition and the cognitive function of the Latin language.

Findings and conclusions: the study allowed us to identify legal and linguistic phenomena that play the role of factors in relation to the proposed transformation of legal terminology. Using examples from the field of modern doctrine, Roman law, and Latin, the author suggests the direction of the process of scientific knowledge of the main elements of the conceptual and terminological foundations of jurisprudence that characterize the content of the cognitive process from the point of view of expediency.

Keywords: Roman law, justice, legal term, legal discourse, interpretation, Latin language.

Научный интерес, связанный с определением содержания понятия «правосудие», закономерен потому, что определение характеристик фундаментальных категорий является основой исследований в каждой области знаний. Кроме того, современное российское законодательство не содержит определения рассматриваемого понятия, несмотря на значительную частотность использования его терминологического референта.

Можно предположить, что в сознании значительной части представителей юридического корпуса общеизвестность и давность применения рассматриваемого термина в юридическом дискурсе [15, с. 19] порождают иллюзию определенности его значения и смысла.

Итоги многолетних теоретических изысканий в обозначенной проблемной области в конце прошлого столетия были представлены в виде доктринального определения понятия «правосудие», под которым подразумевалась одна из форм государственного управления, связанная с выполнением государством внутренней правоохранительной функции посредством разрешения гражданских и уголовных дел, специальным органом государственной власти — судом [8, с. 23].

Однако приведенный подход к установлению содержания понятия «правосудие» не был лишен недостатков, т. к. его сторонникам не удалось избежать логической ошибки при определении правосудия через деятельность суда и указании на суд как на орган правосудия. Очевидно, что рассуждения *idem per idem* в данном случае могут привести к невозможности всесторонней оценки содержания принципа осуществления правосудия только судом и явиться причиной ошибочного вывода о том, что существование правосудия возможно только потому, что есть суд.

Попытки обозначить границы рассматриваемой проблемы и структурировать её путем отнесения к правосудию лишь реализации полномочий суда по признанию подсудимого виновным или невиновным в совершении преступления и назначению наказания [1, с. 119—123] или путем введения новых специальных лексических единиц в состав понятийно-терминологических основ процессуально-правового регулирования общественных отношений, таких, например, как термин «эффективное правосудие» [4, с. 109—112], далеко не всегда способствуют прояснению вопроса о содержании понятия «правосудие» в отечественной юридической науке.

Приняв во внимание недостатки, свойственные предыдущим попыткам сформулировать определение понятия «правосудие», ведущие современные исследователи процессуальных аспектов юридической науки, такие как В. В. Ершов и В. М. Лебедев, предложили иной взгляд на понимание правосудия. По их мнению, правосудие может быть интерпретировано как особый вид государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с защитой нарушенных и оспоренных прав, свобод либо правовых интересов лиц, участвующих в деле [12, с. 217].

Вместе с этим в государственно-правовой теоретической науке сохраняют актуальность вопросы о составе органов, осуществляющих правосудие (например, при историко-правовом анализе института земских участковых начальников в дореволюционной России) [17, с. 70—71]; о соотношении правосудия как государственно-властной деятельности с нашедшими конституционное закрепление основными ценностями Российского государства и общества; о формах правосудия.

Многоаспектность рассматриваемой правовой категории предполагает использование комплексного подхода, который, будучи формой интеграции научных знаний, направлен на объединение методов, приемов, средств разных наук для выполнения задач исследования.

Изучение юридической терминологии предполагает всесторонность, подразумевающую исследование не только отдельной, изолированно взятой функции термина,

но обращение ко всем имеющимся сведениям об использовании специальной лексики в юридическом тексте.

При этом выделяются самые существенные для определенных обстоятельств стороны рассматриваемого понятия и его терминологического референта, связанные с нормативной установкой исследователя или практикой. Таким образом, современная трактовка комплексного подхода включает ориентацию на достижение цели, когда методический или технологический комплекс необходим для выдвижения или проверки конкретной гипотезы, роль которой в рассматриваемом случае играет тезис о существенном влиянии римской правовой традиции и семантики латинского языка на процесс и результаты интерпретации юридической категории «правосудие» и обозначающего её термина.

Возникшая в последние годы объективная необходимость более широкого использования в юридическом дискурсе таких понятий, как «качество правосудия» или «цифровизация правосудия» [3, с. 3—7], актуализирует изучение фундаментальной правовой категории «правосудие», когнитивным фоном для которого могут стать постулаты римского права.

В настоящее время термин *iustitia* традиционно наделяется юридической семантикой на основании широко распространенного перевода цитаты римского юриста Домиция Ульпиана, представленной в первой книге «О правосудии и праве» Дигест Юстиниана: «Право получило свое название от „правосудия“ (*iustitia*)» (D. I. I. 1). С использованием данного термина сформулированы многие известные латинские юридические выражения, такие как *iustitia caeca est* («правосудие слепое») или *iustitia regnorum fundamentum* («правосудие — основа государства»). С учетом этого использование при изучении источников информации о римском праве метода реконструкции оказывается весьма продуктивным не только при исследовании происхождения языковых состояний, но и в области исторической лексикологии, как метод диахронического языкознания и современной лингвистики в целом.

Quid est iustitia? Отвечая на этот вопрос, необходимо отметить, что в ряде случаев использование данного термина не всегда ограничивается только юридическим пониманием его значения.

Ощутимое влияние римских правовых идей на ментальную ориентацию европейского общества началось примерно в XII веке и сыграло ключевую роль в истории Европы. Широкое применение римского права судами происходило параллельно с процессом церковных реформ, имевших целью централизацию власти римско-католической церкви. В таких условиях стремление папства к закреплению результатов интерпретации правовых категорий в официальных писанных источниках входило в некоторое противоречие с содержащимся в многочисленных трудах римских юристов признанием устно передаваемых обыкновений в качестве источника права. Отсюда семантика юридического термина «правосудие» в европейском праве расположилась на границе *jus sociale* (светского права, являющегося продуктом государства) и *res ecclesiasticae* (сферы духовного управления).

Так, Бенедикт XVI, почётный Папа Римский, в Энциклике *Spe salvi* («Спасенные в надежде») отметил, что: «Воплощение Бога во Христе настолько тесно соединило друг с другом суд и милость, что справедливость получила твердую основу» или *Dei in Christo incarnatio ita utrumque inter se — videlicet iudicium et gratiam — iunxit, ut iustitia*

firmiter constitueretur [2]. Из приведенного фрагмента видно, что термин *iustitia* используется в значении «справедливость», а для обозначения суда (правосудия) употребляется другой латинский юридический термин *iudicium*, что так же соответствует древнеримской правовой традиции [10, с. 49]. Таким образом, семантика лексемы *iustitia* имеет юридическую сторону, допускающую перевод «правосудие», но в общепотребительном контексте это слово может означать «справедливость».

В русском языке слово правосудие так же имеет как моральные, так и правовые оттенки смысла. В. И. Даль под правосудием предлагал понимать «правовой суд, решение по закону совести и правды» [5, с. 380], но наряду с этим справедливость, ассоциируемая с правосудием, в общем смысле есть понятие о должном, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его неотъемлемых прав [16, с. 30—39].

Сопоставление особенностей использования термина «правосудие» в речевой деятельности в различных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях позволяет выделить и изучить (зафиксировать результаты исследования, обобщить их, истолковать и структурировать) процесс лингвистического отражения правовых феноменов в структуре социальной коммуникации. Появляется возможность установить тенденции в вариативности речевых формул или построении высказываний, в структуру которых входит юридический термин «правосудие».

Римская юриспруденция, к сожалению, не оставила легальной дефиниции юридического термина «правосудие», что предполагает некоторые особенности использования сравнительно-правового метода, как одного из конкретных способов применения общенаучных методов в исследовании правовых явлений.

Исследование обозначенной проблемной области предполагает тесное сочетание методов функционального и нормативного сравнения, представляющее собой смешанное сравнение. При этом в зависимости от видов сравнения, от его уровня, а также от целей и задач исследования методом смешанного сравнения может быть охвачен широкий круг вопросов, среди которых вопрос о системном толковании правовых норм, позициях юридической доктрины.

Соответствующая понятию «правосудие» деятельность в Древнем Риме осуществлялась как некий ритуал, направленный на установление законной силы правоприменительных решений в момент разрешения тех или иных конфликтов и имела в известном смысле противоположные интерпретации.

С одной стороны суть понимания рассматриваемой правовой категории, свойственного древнеримскому знатокам права, изложил И. А. Покровский, который отмечал, что право не считалось бы правом, если бы у участников правоотношений не было уверенности в том, что в случае его нарушения кем-либо, они могут потребовать для своей защиты государственную власть в лице судебных органов, которые разбирают заявленные претензии и, в случае признания их основательными, восстанавливают нарушенное право [11, с. 100].

Таким образом, итогом развития общих представлений древнеримских юристов о правосудии явился установившийся в эпоху домината порядок, при котором процесс «стал осуществляться органами самого государства: то была уже не частная защита, а государственная функция, как в современных системах права» [14, с. 96].

Вместе с этим одной из основных особенностей правосудия в римском праве вплоть до II—III вв. н. э. оставалось *iudicio contrahimus* — признание договорного харак-

тера основ судебного разбирательства [13, с. 44]. На эту черту древнеримского правосудия указывали многие известные специалисты в области римского права, такие, например, как И. Б. Новицкий [9, с. 33], а её подробный анализ позволил К. Марксу и Ф. Энгельсу рассматривать правосудие в античном мире как деятельность по охране сталкивающихся между собой интересов отдельных индивидов [18, с. 325].

В дальнейшем восприятие правосудия в качестве деятельности по реализации государственной функции, выработанное римскими юристами, получило свое развитие в отечественной юридической литературе в 30—40 годы XX столетия, когда правосудие интерпретировалось как «разрешение специальными органами государственной власти вопросов о применении права к конкретным случаям жизни, фактам, действиям, отношениям является одной из важных государственных функций» [7, с. 425].

Признание юристами Древнего Рима договорного характера основ судебного разбирательства, в свою очередь, предвосхитило современное широкое толкование рядом авторов круга лиц, способствующих установлению правосудия, включение в него, например, обвиняемого (подозреваемого) [6, с. 156—158].

В сложившейся ситуации обращение к римскому праву, как основе европейской юридической традиции и бесценному источнику правовой и философской информации, позволит определить подлинно классические подходы к определению понятия «правосудие» путем историко-правовой реконструкции. Помимо этого, принимая во внимание лингвистические особенности референции древнеримского законодательства, можно говорить об открытии новых горизонтов исследования особенностей функционирования термина «правосудие» в богословских и юридических текстах, представленных на русском и латинском языках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Басова О. О. Предмет правосудия по уголовным делам // Вестник Удмуртского государственного университета. — 2014. — № 2. — С. 119—123.
2. Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi* [Электронный ресурс]. — URL: https://allvatican.3dn.ru/publ/rimskie_papy/benedikt_xvi (дата обращения: 13.04.2021).
3. Брановицкий К. Л. Соотношение понятий «качество» и «цифровизация правосудия» // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 7. — С. 3—7.
4. Губенок И. В. К вопросу о понятии эффективного правосудия // Юридические науки и правоохранительная практика. — № 1. — 2006. — С. 109—112.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. — М.: Цитадель, 1998. — 1782 с.
6. Казаков И. Г. Соотношение понятий «судебная власть», «судопроизводство», «правосудие» // Успехи современной науки. — № 11. — Т. 6. — 2016. — С. 156—158.
7. Клейнман А. Ф. Избранные труды. Т. II. — Краснодар: Сов. Кубань, 2009. — 816 с.
8. Конституционные основы правосудия в СССР. — М.: Наука, 1981. — 360 с.
9. Новицкий И. Б. Основы римского права. — М.: Прогресс, 2002. — 245 с.
10. Омельченко О. А. Римское право: учебник. — М.: ТОН-Остожье, 2000. — 208 с.
11. Покровский И. А. История римского права. — М.: Статут, 2004. — 540 с.
12. Правосудие в современном мире: моногр. — М.: Норма, Инфра-М, 2014. — 720 с.
13. Римское частное право — М.: ИД «Юриспруденция», 2006. — 464 с.
14. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. — М.: Бек, 2002. — 400 с.
15. Строгович М. С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. — М.: Юриздат, 1939. — 152 с.

16. Торосян О. А. Понятие справедливости в системе моральных понятий / О. А. Торосян // Система ценностей современного общества. — № 22. — 2012. — С. 30—39.
17. Устав гражданского судопроизводства // Великая реформа: К 150-летию Судебных уставов: В 2 т. Т. 1. — М., 2014. — 338 с.
18. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С. 325.

REFERENCE

1. Basova O. O. Predmet pravosudija po ugovolnym delam [Subject of justice in criminal cases]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Udmurt state University*, 2014, no. 2, pp. 119—123 (in Russian).
2. *Benedikt XVI. Jenciklika Spe salvi* [Benedict XVI. The Encyclical “Spe salvi”]. Available at: https://allvatican.3dn.ru/publ/rimskie_papy/benedikt_xvi. (accessed 13.04.2021).
3. Branovitskiy K. L. Sootnoshenie ponjatij “kachestvo” i “cifrovizacija pravosudija” [The relationship between the concepts “quality” and “digitalization of justice”]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process — Arbitration and civil process*, 2019, no. 7, pp. 3—7 (in Russian).
4. Gubenok I. V. K voprosu o ponjatii jeffektivnogo pravosudija [On the concept of effective justice]. *Juridicheskie nauki i pravoohranitel'naja praktika- Legal Sciences and law enforcement practice*, 2006, no. 1, pp. 109—112 (in Russian).
5. Dal V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 vols]. Moscow, Citadel, 1998, 1782 p. (in Russian).
6. Kazakov I. G. Sootnoshenie ponjatij “sudebnaja vlast”, “sudoproizvodstvo”, “pravosudie” [Correlation of concepts “judicial power”, “legal proceedings”, “justice”]. *Uspehi sovremennoj nauki — Successes of modern science*, 2016, no. 11, vol. 6, pp. 156—158 (in Russian).
7. Kleinman A. F. *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. II, Krasnodar, the Council, Kuban, 2009, 816 p. (in Russian).
8. Constitutional foundations of justice in the USSR, Moscow, Nauka, 1981, 360 p.
9. Novitsky I. B. *Osnovy rimskogo prava* [Fundamentals of Roman law]. Moscow, Progress, 2002. 245 p. (in Russian).
10. Omelchenko O. A. *Rimskoe pravo* [Roman law: textbook]. Moscow, TON-Ostozhye, 2000, 208 p. (in Russian).
11. Pokrovsky I. A. *Istorija rimskogo prava* [History of Roman law]. Moscow, Statute, 2004. 540 p. (in Russian).
12. *Pravosudie v sovremennom mire: monografija* [Justice in the modern world: monograph]. Moscow: Norma, Infra-M. 2014. 720 p. (in Russian).
13. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law] — Moscow: “Jurisprudence” publishing house, 2006, 464 p. (in Russian).
14. Sanfilippo C. *Kurs rimskogo chastnogo prava* [Course of Roman private law]. Moscow, Beck, 2002, 400 p. (in Russian).
15. Strogovich M. S. *Priroda sovetskogo ugovolnogo processa i princip sostjazatel'nosti* [The Nature of the Soviet criminal process and the principle of competition]. Moscow, Yurizdat, 1939, 152 p. (in Russian).
16. Torosyan O. A. Ponjatie spravedlivosti v sisteme moral'nyh ponjatij [The Concept of justice in the system of moral concepts]. *Sistema cennostej sovremennogo obshhestva — System of values of modern society*. № 22. 2012. pp. 30—39 (in Russian).
17. The Charter of civil procedure, The Great reform: To the 150th anniversary of Judicial Statutes: in 2 vols, vol. 1, Moscow, 2014, 338 p. (in Russian).
18. Engels F. *Principy kommunizma* [Principles of communism]. Soch. — 2nd ed. — Vol. 4, pp. 325 (in Russian).

УДК 340

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-43-49

Степанова Елена Евгеньевна

референт ГУ МВД России
по Иркутской области
kanuzelelena@inbox.ru

Stepanova Elena Evgenievna

Referent of the main department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia for the Irkutsk
region
kanuzelelena@inbox.ru

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Введение: статья посвящена реализации правовой политики Российского государства на колонизируемых северо-западных территориях Северной Америки. Отмечены геополитические особенности северо-западных территорий Северной Америки, а также причины их добровольной уступки в пользу США.

Материалы и методы: источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты, регламентирующие колонизацию северо-западных территорий Северной Америки, доктринальные разработки по теории государства и права в области государственного устройства, организации государственной власти. При подготовке статьи использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования, в том числе диалектический, антропологический, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы.

Результаты исследования: сформулированы выводы об особенностях реализации правовой политики России на северо-западных территориях Северной Америки, обозначены причины уступки данных территорий США, определено как положительное, так и отрицательное значение существования северо-западных территорий Северной Америки для Российского государства.

Выводы и заключения: автором сформулированы основные предпосылки добровольного отказа Российского государства от северо-западных территорий Северной Америки. Обозначено историко-правовое значение существования северо-западных территорий Северной Америки.

Ключевые слова: колонизация, Северная Америка, Аляска, Российско-Американская компания, Русская Америка, северо-западные территории Северной Америки, культурное наследие.

HISTORICAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF THE MANAGEMENT OF THE RUSSIAN STATE BY THE NORTH-WESTERN TERRITORIES OF NORTH AMERICA

Introduction: the article is devoted to the implementation of the legal policy of the Russian state in the colonized Northwest Territories of North America. The geopolitical features of the northwestern territories of North America, as well as the reasons for their voluntary concession in favor of the United States, are noted.

Materials and methods: The source base of the research was made up of normative legal acts regulating the colonization of the northwestern territories of North America, doctrinal developments

on the theory of state and law in the field of state structure, organization of state power. When preparing the article, general scientific and private scientific research methods were used, including dialectical, anthropological, formal-legal, system-structural, comparative-legal methods.

Results of the study: conclusions are formulated about the peculiarities of the implementation of Russia's legal policy in the northwestern territories of North America, the reasons for the cession of these territories to the United States are indicated, the results of both positive and negative significance of the existence of the northwestern territories of North America for the Russian state are summed up.

Findings and conclusions: Conclusions and conclusions: the author has formulated the main prerequisites for the voluntary refusal of the Russian state from the north-western territories of North America. The historical and legal significance of the existence of the north-western territories of North America is indicated.

Keywords: colonization, North America, Alaska, Russian-American company, Russian America, northwest territories of North America, cultural heritage.

Российско-американские отношения после уступки российских северо-западных территорий Северной Америки США оставались в целом дружественными. В связи с поражением в Крымской войне 1853—1856 гг. на Российское государство, согласно Парижскому трактату от 18 (30) марта 1856 г., был наложен запрет иметь военный флот на Черном море [8, с. 302]. Российская империя боролась за свои права и добилась отмены ограничительных статей Парижского трактата в 1871 г., о чем свидетельствует Лондонская конвенция от 1 (13) марта 1871 г. [11]. Гамильтон Фиш, госсекретарь США, считал естественным, что Российская империя признавала обозначенные ограничения Парижского трактата унизительными, рассматривая их как вмешательство в суверенные права своего государства [7, с. 204]. Российский император Александр II говорил посланнику в Вашингтоне К. Г. Катакази, что нашим лучшим другом нужно считать американский народ, нужно поддерживать с США дружеские отношения, не преуменьшая их значение, но и не преувеличивая [5, с. 98].

Российская империя уступила северо-западные территории Северной Америки США согласно ратифицированной Конвенции об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний от 3 мая 1867 г., заключенное в форме цессионного договора на компенсационной основе [10, с. 421]. На основании данного правового акта, который имел большое историко-юридическое значение, определялась Азиатско-Тихоокеанская граница Российского государства [9, с. 79]. Эта граница по настоящее время сохранилась практически без изменений.

Вопрос о продаже российских территорий был поднят в 1853 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским, который полагал, что рано или поздно данные русские территории потеряли бы, а избавившись от них, укрепили бы свои рубежи на Тихом океане [3, с. 116].

Основные предпосылки добровольного отказа Российского государства от северо-западных территорий в Северной Америке можно разделить на внутренние и внешние группы.

К первой группе относятся географический, природный и экономический факторы. Российской империи было крайне непросто управлять территориями в Северной Америке в связи с удаленностью её расположения от центрального аппарата. Суровый

климат не позволял заниматься сельским хозяйством и развивать его. Демографический фактор заключался в значительном преобладании туземцев над численностью русского населения.

Экономический же фактор отображал нехватку денежных средств в государственной казне после поражения в Крымской войне 1853—1856 гг., а также кризис Российско-американской компании в заключительный период её деятельности. Крымская война была преградой для бесперебойного снабжения колоний, создавала угрозу для их неприкосновенности [4, с. 103]. Однако, колонии продолжали стабильно существовать и приносить прибыль государственной казне и вышеупомянутой компании.

Ко второй группе относятся следующие предпосылки:

1. Приобретение Россией в союзники Соединенных Штатов Америки, тем самым подрывая мощь державе-конкуренту Великобритании.
2. Военная угроза со стороны иностранных государств.
3. Континентальная направленность колонизации Российской империи, что отличалось от развития северо-западных территорий Северной Америки, имевшей заокеанский характер.

Вышеперечисленные факторы обусловили заключение Конвенции об уступке Российского государства северо-западных территорий в Северной Америке США.

В ходе проведенного исследования установлено, что «золотые прииски» были обнаружены российским государством за пять лет до продажи колоний. В 1862 г. в письме вице-канцлера Горчакова главному управляющему министерством финансов сообщалось о том, что Российско-американская компания ходатайствовала «о командировании из Флотилии Восточного Океана военного крейсера к реке Стахину» для содействия колониальному начальству в охране «от произвольных действий иностранных пришельцев» территории «наших владений в Америке, где открыты золотые прииски» [12, л. 9]. Министерство иностранных дел «не находило препятствий для командирования в наши Американские владения военного судна с тем, однако, чтобы оно действовало с надлежащей осторожностью, ограждая интересы наших подданных» [12, л. 9 об.].

В рапорте командующему эскадрой российских военных судов в Тихом океане А. А. Попову главный правитель российских колоний в Северной Америке И. В. Фуругельм докладывал, что в феврале 1862 г. он «получил известия об открытии золотых россыпей по реке Стахин, протекающей в российских и английских владениях на северо-западном берегу Америки. Иностранцы золотоискатели, пользуясь правом трактата, заключенного 16 (28) февраля 1825 года между Россией и Великобританией, прибыли в Стахин и поднимаются вверх по реке для разведки и промывки золота» [12, л. 21 об.]. В мае 1862 г. был командирован на реку Стахин помощник И. В. Фуругельма капитан 2 ранга Максотов с двумя пароходами Российско-американской компании и сообщил, что «иностранцы стекаются туда в значительном числе для разыскания золота». 4 июня 1862 г. русскими подданными была отправлена экспедиция. 20 июля экспедиция возвратилась «без добычи» и сообщила, что «стечение иностранцев по р. Стахин значительное и что происходят там грабежи и убийства».

Главный правитель российских колоний в Северной Америке был убежден, что «удержать иностранцев от таких нарушений Конвенций» не представлялось возможным. Соединенные Штаты получили богатую природными ресурсами территорию, с нефтью и золотом. Недаром в США «позолоченным веком» называли последнюю треть XIX века.

По мнению Д. А. Белякова по юридическому оформлению соглашения уступки российских колоний в Северной Америке США путем обыкновенной финансовой сделки был создан опасный прецедент [2, с. 13]. В будущем это может грозить нарушением территориальной целостности. Российское государство получило незначительные дивиденды, укрепила отношения с США, но в то же время потеряла богатую территорию. В связи с чем для России это был крайне невыгодный договор [1, с. 2]. Проблема уступки северо-западных территорий Северной Америки является актуальной и представляет значимость даже в XXI веке.

Историко-правовое значение существования северо-западных территорий Северной Америки можно классифицировать на две группы: имеющее отрицательное и положительное значение для России:

К положительным относятся:

1. Культурное наследие, как материальное, так и духовное, являющееся неотъемлемой исторической частью многокультурных США, что стало основой возникновения русско-американских культурных связей. В данную группу можно отнести: материальные объекты (музейные экспонаты), документальное наследие (документы Российско-американской компании, документы фондов министерств, департаментов, мемуарная литература и др.), объекты недвижимости (здания конторы Российско-американской компании в Иркутске, Санкт-Петербурге, историко-культурный и музейный комплекс Форт Росс в Калифорнии, дом Баранова на острове Ситха и др.). Необходимо отметить, что к материальным объектам необходимо отнести построенные на деньги от продажи российских владений в Северной Америке железные дороги (Курско-Киевская, Рязанско-Козловская, Московско-Рязанская).

2. Проведенные Российско-американской компанией научные (геодезические, астрономические, этнографические и др.) исследования. Компания содействовала географическим исследованиям. Были открыты множество островов вблизи Северной Америки: Кадьяк, Афогнак, Ситхинские острова (Якоби, Круза, Баранова, Чичагова), залив Ситха, Хуцновские проливы, часть побережья Северной Америки.

К отрицательным последствиям относятся:

1. Существенным значением владения территорией в Северной Америке для Российской империи являлось сохранение стратегического приоритета в Тихоокеанском регионе. Однако после получения Аляски Соединенные Штаты Америки стали доминировать на всем пространстве Тихого океана.

2. В настоящее время штат Аляска является не только самым большим штатом США, но и самым богатым природными ресурсами территорией (месторождения золота, нефти, газа, угля, алмазов, платины, палладия, тантала, цинка, железа, меди). На сегодняшний день Аляска — крупнейший штат США. На западе граничит с Чукотским автономным округом Российской Федерации по Берингову проливу, на востоке — с Канадой. Имеет выход к Северному Ледовитому и Тихому океанам. Его площадь составляет 1 млн 717 тыс. 854 м². По данным Бюро переписи населения 2018 г. общее количество жителей Аляски составляет 736 тыс. 239 человек [13]. Из них коренное население — 109 тыс. 515 человек, или 14, 63 % от общего населения.

В настоящее время США и Аляска вступили на новую ступень развития отношений. Среди «аборигенного» населения наблюдается рост самосознания, стремления к борьбе за права пользования территорией, а также отстаивание своих туземных прав.

Формируются местные органы власти и местного самоуправления, органы представительства штата на государственном уровне [14, с. 11].

Главным проводником русской культуры среди местного населения является церковь. В 1870 г. митрополит Московский и Коломенский настоял в Синоде на создании Алеутской и Аляскинской епархии с кафедрой в Сан-Франциско [6]. Первым архиереем новой епархии стал епископ Иоанн (Степан Митропольский), который в 1872 г. перевел архиерейскую кафедру из Ситхи в Сан-Франциско, в 1874 г. была открыта церковно-приходская школа, в которой преподавали протоиерей В. Вечмотов и священник А. Делигенский. К моменту продажи территория Аляски разделялась церковью на Ситхинский и Уналашкинские округа и на три миссии: Кенайскую, Нушагакскую и Квихпакскую. Возобновилась деятельность церковно-приходских школ. В 1876 г. такие школы были открыты на Уналашке, на о. Св. Павла и Св. Георгия; в 1878 г. — на Кадьяке и Нушагаке; в 1879 г. — в селении Бельковском на полуострове Аляска и в 1880 г. — на Ситхе. Последняя по времени церковно-приходская школа была открыта в 1893 г. в Кенае. В этих школах наряду с церковными дисциплинами изучали русский язык, а в некоторых учились читать и писать на местных языках.

После уступки российских северо-западных территорий Северной Америке православная церковь сохраняла свое влияние на жителей тех территорий, однако спустя двадцать лет появились миссионеры иных христианских религий. В связи с этим для сохранения православной веры церковью было издано на языках коренного населения более одного десятка книг в США и четыре в России.

Сегодня местные жители проповедуют православную веру, местные общины благоустраивают церкви, сохраняют церковную утварь, книги. Православные жители Северной Америки отмечают церковные праздники, чтят святых, празднуют свадьбы по церковным канонам со сватовством и венчанием, совершают погребальные обряды.

Аляска была принята в состав США в качестве штата 3 января 1959 г. [15]. В настоящее время политические устремления коренных жителей Аляски направлены на установление суверенитета, признание их родного языка и культуры на государственном уровне [14, с. 12]. Богатое культурное наследие данных территорий требует внимания со стороны не только американского, но и российского народов, поскольку теряется сохранность памятников архитектуры, исчезают письменные источники. Так, администрация штата Гавайи решило переименовать на острове Кауаи Елизаветинскую крепость, построенную в 1817 г., в «Паулаула о Хипо», что сотрет уникальную историю, объединяющую гавайско-американскую и русско-американские общины, приведет к искаженному пониманию происхождения крепости.

Речь идет об общем наследии двух стран, и усилия по его сохранению должны носить совместный характер. Сегодня, когда наши отношения переживают крайне непростой период, взаимодействие на культурно-гуманитарном треке приобретает дополнительное значение как фактор, позволяющий поддерживать двусторонние связи, обеспечивать сближение по линии гражданских обществ, научных и неправительственных организаций, деловых кругов.

Наследие северо-западных территорий Северной Америки — уникальный базис для развития положительного имиджа Российского государства. Данный потенциал — важнейший элемент, востребованный во внутренней политике и международных отношениях.

В Министерстве иностранных дел Российской Федерации создана межведомственная рабочая группа по вопросам сохранения российского исторического и культурного наследия в США, которое необходимо продвигать не только в России и Соединенных Штатах, но и в других государствах, в которых Российско-американская компания осуществляла свою деятельность. Необходимо создать в России музей истории «Русской Америки», а также образовательные программы по истории и культуре «Русской Америки» в России и Соединенных Штатах. Нужно восстановить и укреплять связи со странами северо-запада Америки и современными регионами России. Исследование и сохранение историко-культурного наследия Российского государства за пределами его территориальных границ — составная часть безопасности и стабильности развития государства, продвижение отечественной истории не только внутри государства, но и за его пределами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беляков Д. А. Классификация и правовая характеристика договора об отчуждения Аляски / Д. А. Беляков // Наука. Общество. Государство. — 2017. — Т. 5. — № 1 (17).
2. Беляков Д. А. Политико-правовые и идеологические основания договорной уступки Аляски: дис. ...канд. юрид. наук. — Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 2018. — 228 с.
3. Беляков Д. А. Практическая реализация процесса уступки Аляски / Д. А. Беляков // Правовое поле современной экономики. — СПб.: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2015. — № 10. — С. 116—120.
4. Беляков Д. А. Русско-американские отношения в середине XIX века // Мировая политика. — 2015. — № 4. — С. 103.
5. История внешней политики и дипломатии США, 1867—1918. — М., 1997. — С. 98.
6. Корсун С. А. Русское наследие на Аляске // Аляска — Русская Америка — Российско-американская компания [Электронный ресурс]. — URL <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102> (дата обращения 28.08.2021).
7. Куропятник Г. П. Россия и США. Экономические, культурные и дипломатические связи, 1867—1881. — М., 1981. — С. 373
8. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XV. С. 837.
9. Петров А. В. Уступка российских владений США и ее историко-правовые последствия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2019. — Т. 19. — № 4.
10. Полное Собрание законов Российской империи. Собр. 2. — Т. 42. — № 44518.
11. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952. — С. 464.
12. РГАВМФ. — Ф. 410. — Оп. 2. — Д. 2585. — Л. 9.
13. Population Estimates by Borough, Census Area, and Economic Region // Department of Labor and Workforce Development. Research and analysis. — URL: <http://live.laborstats.alaska.gov/pop> (дата обращения: 01.09.2021).
14. Таксами Н. Ч. История штата Аляска и населяющих ее аборигенных народов в американской историографии // Известия РПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 104. — С. 7—14.
15. An Act of July 7, 1958, Public Law 85-508, 72 STAT 339, to Provide for the Admission of the State into Alaska into the Union. — URL: <https://www.docsteach.org/documents/document/an-act-of-july-7-1958-public-law-85508-72-stat-339-to-provide-for-the-admission-of-the-state-into-alaska-into-the-union> (дата обращения: 23.08.2021).

REFERENCES

1. Belyakov D. A. Klassifikacija i pravovaja harakteristika dogovora ob otchuzhdenija Aljaski [Classification and legal characteristics of the Alaska alienation agreement]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo — Nauka. Society. State*, 2017, vol. 5, no. 1 (17) (in Russian).
2. Belyakov D. A. *Politiko-pravovye i ideologicheskie osnovanija dogovornoj ustupki Aljaski: dis. ...kand. jurid. nauk.* [Political, legal and ideological grounds for the contractual assignment of Alaska: dis. ... cand. jurid. sciences']. Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, 2018, 228 p. (in Russian).
3. Belyakov D. A. rakticheskaja realizacija processa ustupki Aljaski [Practical implementation of the process of ceding Alaska]. *The legal field of modern economics — Pravovoe pole sovremennoj jekonomiki*. St. Petersburg, Foundation for Support of Science and Education in the field of law enforcement “University”, 2015, no. 10, pp. 116—120 (in Russian).
4. Belyakov D. A. Russko-amerikanskije otnoshenija v seredine XIX veka [Russian-American relations in the middle of the XIX century]. *Mirovaja politika — World politics*, 2015, no. 4, p. 103 (in Russian).
5. Istorija vneshnej politiki i diplomatii SShA, 1867—1918 [History of US Foreign Policy and Diplomacy 1867—1918]. Moscow, 1997, p. 98 (in Russian).
6. Korsun S. A. *Russkoe nasledie na Aljaske* [Russian Heritage in Alaska]. Available at: <http://alaska-heritage.clan.su/index/0-102> (accessed 28.08.2021).
7. Kuropyatnik G. P. *Rossija i SShA. Jekonomicheskie, kul'turnye i diplomaticheskie svjazi, 1867—1881* [Russia and the USA. Economic, cultural and diplomatic relations 1867-1881]. Moscow, 1981, p. 373 (in Russian).
8. Martens F. F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers], vol. XV, p. 837 (in Russian).
9. Petrov A.V. Ustupka rossijskih vladenij SShA i ee istoriko-pravovye posledstvija [The cession of Russian possessions to the United States and its historical and legal consequences]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the South Ural State University*, 2019, vol. 19, no. 4 (in Russian).
10. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2, vol. 42, no. 44518 (in Russian).
11. Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917. Moscow, State. Polit publishing house. literature, 1952, p. 464 (in Russian).
12. RGAVMF. F. 410. Op. 2. d. 2585. l. 9.
13. Population Estimates by Borough, Census Area, and Economic Region // Department of Labor and Workforce Development. Research and analysis. Available at: <http://live.laborstats.alaska.gov/pop> (accessed 01.09.2021).
14. Taksami N. Ch. Istorija shtata Aljaska i naseľajushhih ee aborigennyh narodov v amerikanskoj istoriografii [History of the state of Alaska and the aboriginal peoples inhabiting it in American historiography]. *Izvestija RPU im. A. I. Gercena — Izvestiya RPU named after A. I. Herzen*, 2009, no. 104, pp. 7—14 (in Russian).
15. An Act of July 7, 1958, Public Law 85-508, 72 STAT 339, to Provide for the Admission of the State into Alaska into the Union. Available at: <https://www.docsteach.org/documents/document/an-act-of-july-7-1958-public-law-85508-72-stat-339-to-provide-for-the-admission-of-the-state-into-alaska-into-the-union> (accessed 23.08.2021).

УДК 342. 7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-50-57

Амельчаков Олег Игоревич
аспирант Белгородского
государственного национального
исследовательского университета
oleg_amelchakov94@mail.ru

Amelchakov Oleg Igorevich
Postgraduate student of Belgorod State
National Research University
oleg_amelchakov94@mail.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: в статье рассматривается понятие и сущность законодательных гарантий прав и свобод человека и гражданина, в частности права на жизнь. Целью исследования является уточнение понятия и сущности законодательных гарантий конституционного права на жизнь, а также определение их места в системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина.

Материалы и методы: нормативная основа исследования состоит из системы актов национального законодательства и общепризнанных принципов и норм международного права, закрепляющих право на жизнь и основы его обеспечения и защиты. Теоретическую основу исследования составили работы отечественных ученых-специалистов в области конституционного права. В ходе написания статьи применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные автором материалы из различных источников, относящиеся к предмету исследования.

Результаты исследования позволили установить сущность правовых (юридических) гарантий и их классификацию применительно к системе российского законодательства. В результате проведенного исследования автор утверждает, что всю совокупность правовых средств, устанавливающих гарантии права на жизнь, необходимо относить к «законодательным гарантиям».

Выводы и заключения: на основе анализа различных понятий правовых (юридических) гарантий прав и свобод человека, рассмотрения системы этих гарантий автор пришел к выводу о том, что к законодательным гарантиям права на жизнь в России следует относить общепризнанные принципы и нормы международного права и всю систему действующего национального законодательства, представляющую собой совокупность нормативных актов (федерального, регионального и местного уровня), закрепляющих положения, касающиеся наделения любого гражданина правом на жизнь и регулирующие вопросы его обеспечения и защиты.

Ключевые слова: право на жизнь, гарантии права на жизнь, законодательные гарантии права на жизнь.

LEGISLATIVE GUARANTEES OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO LIFE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article deals with the notion and the essence of legislative guarantees of the human and civil rights and liberties in particular with the right to life. The aim of the research is to clarify the notion and the essence of the constitutional right to life legislative guarantees and the determination of their place in the system of guaranties of the fundamental human and civil rights and liberties.

Material and methods: the regulatory basis of the research consists of a system of national legislation and universally recognized principles and norms of international law that enshrine the right to life and the basis for its provision and protection. The theoretical basis of the study has been the work of the domestic scientists who have been the specialists in the field of constitutional law. In the course of writing the article, general scientific and special scientific research methods have been used, which have made it possible to analyze and generalize the materials collected by the author from various sources related to the subject of the study.

Results of the study made it possible to establish the essence of legal (juristic) guarantees and their classification relating the system of Russian legislation system. As a result of the study the author claims that the entire set of legal means establishing guarantees of the right to life must be referred to as “legislative guarantees”.

Findings and conclusions: based on the analysis of various concepts of legal (juristic) guarantees of human rights and freedoms, on the review of the system of these guarantees, the author comes to the conclusion that the legislative guarantees of the right to life in Russia should include generally recognized principles and norms of international law and the entire system of current national legislation, which is a set of normative acts (of the federal, regional and local levels), fixing the provisions concerning the vesting of any citizen with the right to life and regulating the issues of its provision and protection.

Keywords: the right to life, the right to life guarantees, legal guarantees of the right to life.

Право на жизнь, являясь первоочередным естественным правом человека, закрепленным на конституционном уровне, нуждается в надлежащей охране и защите, включая правовое обеспечение. Право на жизнь не может быть ограничено законом, соразмерно каким бы то ни было конституционно значимым целям, и в этом смысле оно является абсолютным: любое гипотетическое «ограничение» права на жизнь тождественно лишению права на жизнь.

Вопросы правовой регламентации права на жизнь и его реализации в государстве остаются актуальными.

В юридической литературе не сложилось четкого понимания сущности и классификации законодательных гарантий конституционного права на жизнь. Более того, в научной литературе, затрагивающей вопросы классификации гарантий прав и свобод, встречаются различные формулировки, содержание которых понимается близко, в частности такие как: «специальные», «специально-юридические», «правовые» и «юридические».

Проанализируем основные подходы ученых к содержанию рассматриваемого вида гарантий. С. А. Авакьян в системе гарантий прав и свобод, исполнения обязанностей человека и гражданина выделяет юридические гарантии, которые должны четко формулировать и устанавливать механизмы (процедуры) осуществления соответствующих прав, свобод, исполнения обязанностей [1]. Видится, что юридические гарантии,

наряду с установлением процедур и способов осуществления прав и свобод граждан, содержат формально-юридические предписания, представляющие собой нормативное закрепление различных положений, направленных на обеспечение прав и свобод.

В этой связи справедлива позиция С. И. Некрасова, который, разделяя юридические гарантии на формально-юридические и институциональные, утверждает, что первые «заключаются в нормативном закреплении положений, направленных на обеспечение прав и свобод» [2].

Е. И. Козлова и О. Е. Кутафин юридические гарантии определяют как гарантии, которые «охватывают все правовые средства, обеспечивающие осуществление и охрану прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 191]. Похожее определение дает Н. В. Витрук, указывая на то, что «юридические гарантии — это закрепленные в законодательстве средства, которые непосредственно обеспечивают правомерную реализацию, охрану и защиту прав» [4, с. 207]. Ввиду того, что нормативные предписания лишь создают предпосылки обеспечения прав и свобод, устанавливая ответственность за ограничение или нарушение прав и свобод, стоит не в полной мере согласиться с определением, предложенным Н. В. Витруком. Государство обеспечивает права граждан, в том числе и права на жизнь, путем принятия всех необходимых мер, в том числе и экономических, социальных, организационных и т. д. Безусловно, законодательное закрепление прав человека и гражданина, а также условий и порядка их надлежащей охраны является важнейшей гарантией их обеспечения. Непосредственное же обеспечение правомерной реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина возможно лишь при наличии всей системы гарантий (социально-экономических, политических, юридических).

В рамках понятий, предложенных Н. В. Витруком, Е. И. Козловой, и О. Е. Кутафиным, считаем целесообразным рассмотреть соотношение осуществления, охраны и защиты права на жизнь. Осуществление права на жизнь представляет собой процесс его реализации, в который, по мнению автора статьи, входит не только рождение, но и поддержание достойного уровня жизни до наступления смерти человека. Охрана права на жизнь заключается в создании государством условий и средств, обеспечивающих осуществление данного права. Защита предполагает наличие в законодательстве мер, механизмов и процедур, направленных на урегулирование отношений в случае посягательства на жизнь человека и лишение его жизни. Ввиду того, что право на жизнь не подлежит ограничению и утрачивает смысл после наступления биологической смерти человека, считаем нецелесообразным говорить о его защите.

Л. А. Нудненко к правовым гарантиям относит «закрепленные конституционно-правовыми нормами экономические, политические условия и предпосылки, обеспечивающие фактическую возможность реализации конституционных прав и свобод» [5, с. 211]. Считаем, что посредством права могут быть закреплены не только экономические и политические условия, обеспечивающие и гарантирующие защиту права на жизнь человека. При этом нельзя ограничивать содержание рассматриваемого вида гарантий лишь конституционно-правовыми нормами, поскольку нормы, гарантирующие права граждан, также содержатся в общепризнанных принципах и нормах международного права и отраслевом законодательстве.

Е. Н. Хазов определяет юридические гарантии прав и свобод граждан как «нормативные установления, которые связаны исключительно с закреплением юридически определенных средств и способов обеспечения беспрепятственного пользования права-

ми, их защитой и восстановлением в случае нарушения» [6, с. 17]. Примечательно, что данное определение не применимо к гарантиям конституционного права на жизнь, поскольку оно не подлежит восстановлению.

Е. Г. Крысь под юридическими гарантиями прав и свобод личности понимаются «закрепленные в конституционном и текущем законодательстве специфические правовые средства и условия, непосредственно обеспечивающие правомерную реализацию и охрану прав и свобод личности» [7, с. 47]. Стоит заметить, что указанное понятие является узким, потому как его автор сводит содержание юридических гарантий к конституционным нормам и текущему законодательству. Наряду с текущим законодательством, осуществляющимся в условиях стабильной социально-политической ситуации, принято выделять чрезвычайное законодательство, которое формируется в условиях чрезвычайной ситуации. Считаем, что нормы, принятые в условиях чрезвычайной ситуации, также могут выступать в качестве гарантий прав и свобод человека и гражданина. В этой связи полагаем, что в анализируемом понятии уместно словосочетание «закрепленные в действующем законодательстве».

Смеем предположить, что проанализированную совокупность гарантий целесообразно называть «законодательными». Это обусловливается тем, что они закреплены в действующем законодательстве России, а также тем, что закон может не иметь правового содержания. К таковым можно отнести нормативные правовые акты, явно противоречащие принципам права и нормам более высокой юридической силы, а также крайне неэффективные акты. В контексте поставленного вопроса под «законодательными гарантиями» следует понимать не законы в узком смысле (как акт верховной власти и источник высшей юридической силы), а всю совокупность нормативных правовых актов действующего российского законодательства (законы, указы, постановления и др.), закрепляющих положения, касающиеся обеспечения и охраны прав и свобод граждан, в нашем случае — права на жизнь.

На основе всего вышеизложенного приходим к выводу о том, что законодательные гарантии права на жизнь представляют собой систему нормативных правовых актов действующего законодательства, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права и закрепляющих право на жизнь с целью его правомерной реализации и надлежащей охраны.

Как видится, законодательные гарантии обеспечения и защиты права на жизнь следует рассматривать широко и в первую очередь подразделять их на международно-правовые стандарты и национальные средства защиты. А. В. Хорев справедливо подразделяет юридические гарантии права на жизнь на: международно-правовые, конституционные и иные, к которым относятся уголовно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные, административно-правовые и иные гарантии [8].

На основании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации 1993 г. (далее — Конституция России) в качестве законодательных гарантий права на жизнь граждан России наряду с Основным законом выступают общепризнанные принципы и нормы международного права. В системе международных актов существует большое количество актов, устанавливающих и гарантирующих право каждого на жизнь. Рассмотрим некоторые из них.

В ст. 3 Всеобщая декларация прав человека 1948 г.¹ закреплены близкие по содержанию, но абсолютно разные права человека: право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 г.² устанавливает право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека. Содержание указанной статьи достаточно широко описывает гарантии права на жизнь. Данная норма закрепляет, что смертные приговоры могут выноситься в странах, которые её не отменили и только за самые тяжкие преступления. Примечательно, что в указанной норме четко не определен ни перечень, ни категории преступлений, за которые может назначаться в виде наказания смертная казнь.

Что же следует подразумевать под «самыми тяжкими преступлениями»? Страны — участники названного пакта вправе самостоятельно толковать данную норму и определять преступления, за которые человек может быть приговорен к смертной казни. Согласно Уголовному кодексу Белоруссии 1999 г., к смертной казни могут быть приговорены лица, признанные виновными в таких преступлениях, как: международный терроризм (ст. 126); геноцид (ст. 127); измена государству, сопряжённая с убийством (ст. 356, ч. 2); террористический акт (ст. 359); убийство сотрудника органов внутренних дел (ст. 362) и др. В основном все эти преступления направлены против жизни человека или создающие угрозу жизни людей. Например, во Вьетнаме по уголовному законодательству предусмотрена смертная казнь за достаточно широкий перечень преступлений, в частности за преступления, против национальной безопасности; против человеческой жизни, здоровья, чести и достоинства; против прав собственности; связанные с наркотиками; направленные на подрыв мира, против человечества, военные преступления и некоторые другие.

Под указанным словосочетанием применительно к российской уголовно-правовой системе понимаются особо тяжкие преступления. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) в ч. 1 ст. 59 устанавливает, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, сужая перечень преступлений не только по категории, но и по сфере общественных отношений. В России в настоящее время действует мораторий на применение смертной казни, который сформировал устойчивые гарантии права на жизнь. Примечательно, что временный запрет на применение смертной казни может прекратить своё действие в любое время.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³ в ч. 2 ст. 2 устанавливает перечень случаев, когда лишение жизни не рассматривается как нарушение права на жизнь, а является результатом абсолютно необходимого применения силы. Статья 6 Конвенция о правах ребенка от 1989 г.⁴ наделяет каждого ребенка неотъемлемым пра-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос газ. — 1998. — 10 дек.

² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюл. Верховн. суда Рос. Федерации. — 1994. — № 12.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюл. междунар. договоров. — 2001. — № 3.

⁴ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сб. междунар. договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

вом на жизнь и обязует государств-участников обеспечивать в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие ребенка.

К национальным средствам защиты прав человека, прежде всего, необходимо отнести Конституцию России от 12 декабря 1993 года. Конституционно-правовые гарантии права на жизнь можно разделить на общие и специальные. Общие гарантии относятся ко всем конституционным правам и свободам граждан, в том числе и к праву на жизнь. Специальные закрепляют конкретно право на жизнь и условия его осуществления и охраны.

К общим гарантиям в первую очередь относится ст. 2 Конституции России, согласно которой, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Среди основных прав человека, которые, согласно ст. 17 Конституции России, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, самым важным является право на жизнь. Это вытекает и из содержания ст. 2 Конституции России, признавшей человека, его права и свободы высшей ценностью нашего общества [9].

В ст. 18 Конституции России установлено, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность всех ветвей и уровней власти и обеспечиваются правосудием.

В ст. 20 Конституции России закреплено, что каждый имеет право на жизнь. В ч. 2 ст. 20 Конституции России содержится положение, регулирующее порядок и условия применения смертной казни. Примечательно, что в текстах прежних конституций нашего государства не было подобной нормы.

В качестве иных законодательных гарантий выступают нормы различных отраслей российского законодательства, конкретизирующие гарантии права на жизнь.

Главным образом, гарантирование права на жизнь нашло свое отражение в нормах уголовно-правового законодательства, а именно в УК РФ, в котором закреплена ответственность за преступления против жизни и порядок применения смертной казни (гл. 16 УК РФ, ст. 59 УК РФ). Считаем, что установление уголовной ответственности за убийство является центральным элементом в системе уголовно-правовых гарантий права на жизнь и в механизме по защите права человека на жизнь. Это обусловливается тем, что данные положения УК РФ напрямую вытекают из текста Конституции России.

К законодательным гарантиям права на жизнь следует также отнести положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), устанавливающие порядок вынесения, обжалования и приведения в исполнение приговора о смертной казни (например, п. 5 ч. 1 ст. 51, ч. 4 ст. 301, ч. 3 ст. 310 УПК РФ).

Гарантии права на жизнь нашли свое отражение в том числе в системе административного законодательства, в частности, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее — КоАП РФ). К таковым можно отнести, например, ответственность за нарушение ограничения, устанавливаемые на оборот оружия (ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ).

Некоторые авторы отмечают, что гарантии права на жизнь также предусмотрены в сфере гражданского законодательства. Как отмечает А. И. Бычков: «Гражданско-правовые гарантии возмещения ущерба, нанесенного смертью индивида, либо ущерба, причиненного при спасении жизни, выступают, как правило, в качестве восстановитель-

ных и связаны с понятием реституции и компенсации» [10, с. 79]. Таким образом, несмотря на то, что право на жизнь не подлежит восстановлению, возмещение вреда в рамках гражданского судопроизводства в связи со смертью лица состоит в возмещении морального и материального вреда родственникам погибшего. Безусловно, указанные меры можно отнести к компенсационным, однако, на наш взгляд, подобные нормы не являются гарантиями защиты права на жизнь, поскольку данные общественные отношения возникают в связи со смертью человека, когда право на жизнь уже прекращает свое действие.

Важно рассмотреть вопрос о соотношении проанализированных видов законодательных гарантий. Положения международных актов легли в основу всего российского законодательства в области обеспечения права на жизнь каждого человека. Вся система российского законодательства не должна противоречить положениям Основного закона страны. Несмотря на то, что система специальных законодательных гарантий (уголовно-правовых, гражданско-правовых и др.) по численности превышает общие конституционные положения, касающиеся закрепления и регулирования вопросов обеспечения права на жизнь человека и гражданина, нельзя преувеличивать значение одних из них. Следовательно, при разработке и принятии законов, регулирующих вопросы обеспечения и охраны права на жизнь человека и гражданина, необходимо найти оптимальное соотношение между проанализированными видами законодательных гарантий.

Нельзя утверждать, что система законодательных гарантий является основной или наиболее важной среди всей совокупности гарантий права на жизнь, тем не менее в положениях действующего законодательства закладывается фундамент обеспечения права на жизнь. От того, насколько совершенны и развиты будут законодательные гарантии, и зависит их эффективность, которая выражается в непосредственной реализации права на жизнь и деятельности государственных органов, общественных организаций и иных институтов в части, касающейся обеспечения и охраны права на жизнь.

Исходя из всего вышеизложенного приходим к выводу о том, что законодательные гарантии права на жизнь представляют собой нормы международного права и закрепленные в действующем российском законодательстве положения, направленные на обеспечение правомерной реализации и надлежащей охраны. Законодательные гарантии права на жизнь состоят из международных и национальных средств защиты. Национальные средства, в свою очередь, можно подразделить на конституционно-правовые и иные гарантии (уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, административно-правовые и др.). В системе конституционно-правовых гарантий права на жизнь принято выделять общие и специальные гарантии. Первые закрепляют основы гарантирования всех конституционных прав и свобод, в том числе и рассматриваемого права, а вторые непосредственно права на жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособ.: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — Т 1. — 864 с.
2. Некрасов С. И. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для бакалавров. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 364 с.
3. Козлова Е. И. Конституционное право Российской Федерации: учеб. / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. — М.: Проспект, 2015. — 592 с.

4. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. — М.: Наука, 1979. — 229 с.
5. Нудненко Л. А. Конституционное право: учебник для СПО. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд-во Юрайт, 2019. — 500 с.
6. Хазов Е. Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: Московский университет МВД России, 2011. — 64 с.
7. Крысь Е. Г. Система гарантий в сфере прав и свобод человека в конституционном законодательстве Республики Беларусь // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2007. — № 1 (43). — С. 42—48.
8. Хорев А. В. Юридические гарантии права на жизнь // Наука. Общество. Государство. — 2018. — № 2.
9. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2020. — 256 с.
10. Бычков А. И. Реституционное обязательство в гражданском обороте // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2013. — № 7 (142). — С. 79—88.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. *Konstitucionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow, Norm, INFRA-M, 2014, vol 1. 864 p. (in Russian).
2. Nekrasov S. I. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt, 2013, 364 p. (in Russian).
3. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii* [Constitutional law of the Russian Federation]. Moscow, Prospect, 2015, 592 p. (in Russian).
4. Vitruk N. V. *Osnovy teorii pravovogo polozhenija lichnosti v socialisticheskom obshhestve* [Foundations of the theory of the legal status of an individual in a socialist society]. Moscow, Nauka, 1979, 229 p. (in Russian).
5. Nudnenko L. A. *Konstitucionnoe pravo* [Constitutional law]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2019, 500 p. (in Russian).
6. Khazov E. N. *Konstitucionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii: teoreticheskie osnovy i problemy realizacii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms in Russia: theoretical foundations and problems of implementation: author. dis Doctor of Law Sciences]. Moscow, University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2011, 64 p. (in Russian).
7. Kryś E. G. *Sistema garantij v sfere prav i svobod cheloveka v konstitucionnom zakonodatel'stve Respubliki Belarus'* [The system of guarantees in the field of human rights and freedoms in the constitutional legislation of the Republic of Belarus]. *Vesnik Vitsebskaga dzyarzhhaunaga oniversiteta*, 2007, no. 1 (43), pp 42—48 (in Belarus).
8. Khorev A. V. *Juridicheskie garantii prava na zhizn'* [Legal guarantees of the right to life]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo — Science. Society. State*, 2018, no. 2 (in Russian).
9. Barkhatova E. Y. *Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii: novaja redakcija (postatejnyj)* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation: new edition (article by article)]. Moscow, Prospect, 2020, 256 p. (in Russian).
10. Bychkov A. I. *Restitucionnoe objazatel'stvo v grazhdanskom oborote* [Restorative obligation in civil circulation]. *Imushhestvennye otnoshenija v Rossijskoj Federacii — Property relations in the Russian Federation*, 2013, no.7 (142), pp. 79—88 (in Russian).

УДК 342.415

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-58-67

Якимова Екатерина Михайловна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
национальной безопасности
Байкальского государственного
университета
yakimova_katerin@mail.ru

Yakimova Ekaterina Mihailovna
PhD in Law, Associate Professor ,
Associate Professor of the Chair of Legal
Support of National Security of Baikal
State University
yakimova_katerin@mail.ru

Баранова Светлана Анатольевна
кандидат юридических наук ,
доцент кафедры административного
права и административной деятельности
ОВД Восточно-Сибирского института
МВД России
svetlana.myshenko@gmail.com

Baranova Svetlana Anatolievna
PhD in Law
Associate professor of the Department
of Administrative Law and Administrative
Activity of the Internal Affairs Bodies
East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
svetlana.myshenko@gmail.com

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА 2020 ГОДА КАК ДРАЙВЕР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Введение: в статье исследовано влияние конституционной реформы, проведенной в 2020 году, на функционирование общественных отношений, связанных с воплощением идеи социального государства, реализацией социальных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В процессе проведенного исследования выявлены основные направления трансформации взаимоотношений внутри российского общества в связи с принятием поправок к Конституции России.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют конституционные нормы и нормы развивающего конституции законодательства.

Методологической основой исследования послужил метод круговой причинности, используемый для выявления трансформационных процессов перехода количественных параметров в накопление качественных изменений во взаимодействии множества дихотомий и адихотомий.

Результаты исследования позволили сформулировать рекомендации и предложения, направленные на совершенствование действующего российского законодательства в части реализации идей, изложенных в тексте российской конституции в ходе конституционной реформы 2020 года.

Выводы и заключения: на основании проведенного исследования сделан вывод о трансформационной направленности конституционной реформы 2020 года в отношении российского общества. Включение в текст Конституции Российской Федерации 1993 г. коммуникативных конституционных принципов является одним из основных направлений дополнения текста Конституции Российской Федерации. Коммуникативные конституционные принципы как составная часть конституционной системы характеризуют лишь вектор изме-

нения правового и общественного пространства, выступают драйвером трансформации российского законодательства и российского общества. Социальная сфера получила осязаемый драйвер для развития в направлении реализации идей социального государства в российской правовой действительности.

Ключевые слова: конституция, конституционная реформа, социальное государство, права человека, социальная сфера, общество.

CONSTITUTIONAL REFORM 2020 IS A DRIVER OF SOCIAL SPHERE TRANSFORMATION RUSSIAN SOCIETY

Introduction: the article was investigated the impact of the constitutional reform carried out in 2020 year on the functioning of public relations related to the embodiment of the idea of a social state, the implementation of social rights and freedoms of a person and citizen in the Russian Federation. The article identifies the main areas of transformation of relations within Russian society in connection with the adoption of amendments to the Constitution of Russia.

Materials and methods: the normative basis of the investigation is the constitutional norms and norms of the legislation developing the constitution.

The methodological basis was the circular causality method used to identify the transformational processes of the transition of quantitative parameters into the accumulation of qualitative changes in the interaction of many phenomena.

Results of the study put forward suggestions to improve the current Russian legislation in terms of implementing the ideas set out in the text of the Russian constitution during the constitutional reform-2020.

Findings and conclusions: the conclusion was made about the transformational orientation of constitutional reform-2020 in the relation to Russian society. The inclusion in the text of the 1993 Constitution of Russia of communicative constitutional principles is one of the main directions of supplementing the text of the Constitution of Russia. Communicative constitutional principles as an integral part of the constitutional system characterize only the vector of change in the legal and public space, act as a driver for the transformation of Russian legislation and Russian society. The social sphere has received a tangible driver for development in the direction of implementing the ideas of the social state in Russian legal reality.

Keywords: constitution, constitutional reform, social state, human rights, social sphere, society.

Трансформация правового пространства может осуществляться с последующей корректировкой текста конституции государства, без корректировки основного закона, а также последовать после внесения дополнений в текст конституции. Представляется, что конституционная реформа Конституции Российской Федерации 2020 года не только была вызвана происходящими в обществе процессами, но и стала драйвером изменения общества, его политической, экономической, социальной сферы.

Социальная сфера — понятие многогранное. Для целей настоящего исследования под социальной сферой будем понимать «целостную, постоянно изменяющуюся подсистему общества, порожденную объективной потребностью общества в непрерывном воспроизводстве субъектов социального процесса. Это — устойчивая область человеческой деятельности по воспроизводству своей жизни, её условий, пространство реализа-

ции социальной функции общества» [3, с. 106]. Таким образом, социальная сфера — это социальная структура общества, выполняющая определенные функции.

Исследование социальной сферы правоведами дает новое осмысление рассматриваемой категории. Кроме того, в науке конституционного права получила широкое использование категория социальная (как вариант — социально-культурная) основа конституционного строя и связанные с ней категории «социальное государство» и «социальные права» [см., 6, с. 51—61]. Несмотря на то, что общество и социум — понятия тождественные, использование прилагательного «социальное» применительно к основам конституционного строя позволяет сделать акцент непосредственно на принципах взаимодействия участников общественной системы, выстроить модель эффективного сосуществования людей в обществе как определенной группы [см. 5, с. 36—40]. Обществу и различным социальным группам необходима социальная идентификация [см. 9, с. 51—60] с целью осознания своей общности.

Исследование социальной сферы через призму юридических наук не может не базироваться на терминологии, которая изначально не является правовой. Ярким тому примером служит категория «социальное государство»: выделение среди признаков социального государства большого числа неправовых явлений, заимствованных из философии, социологии, делает определение лишенным качеств однозначности понимания [4, с. 42] и их толкования.

Например, К. Р. Галустова в диссертационной работе определяет социальное государство как «особый порядок устройства общественной жизни, основанный на „умеренности“ принципов солидаризма, социальной справедливости и социального равенства, представляющий собой высшую эволюционную ступень развития демократического и правового государства с социально ориентированной рыночной экономикой, главными задачами которого являются деятельность по обеспечению достойной жизни и свободного развития каждого человека и гарантия его прав и свобод» [2, с. 11—12]. Данное определение в полной мере «юридическим» назвать трудно и, безусловно, оно не может быть положено в основу легального определения социального государства, однако автор обозначил действительно важные признаки социального государства.

Таким образом, когда речь идет о близких к праву явлениях, соблюсти четкость, определенность терминологии затруднительно. Вместе с тем наличие в Конституции России, как и во многих других основных законах, околоправовых терминов требует их осмысления и юридического толкования. Представляется, что одной из причин появления в тексте Конституции Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 года таких категорий, как «солидарность», «взаимное доверие», «сбалансированность», «социальное партнерство», призвано объединить правовое и социальное пространство в целях поддержания их равновесного развития.

Обозначенную тенденцию появления в Конституции Российской Федерации неправовых принципов можно определить, как закрепления в тексте Основного закона страны, помимо институциональных, коммуникативных принципов. Так, представляется оправданным на основе функционального подхода все конституционные принципы разделить на две группы: институциональные принципы как основу конституционного строя (содержатся в главе 2 Конституции Российской Федерации) и коммуникативные

принципы как основу непротиворечивости этических и правовых норм регулирования общественных отношений (являются конституционными ценностями, отраженными в иных главах Конституции Российской Федерации).

Коммуникативные принципы являются субъективными принципами, основанными на восприятии членами общества своей общности, ценностных ориентиров общественного взаимодействия, при этом при наличии конституционного закрепления данных принципов в законодательстве они становятся не просто ценностями, а правовыми принципами, хотя принципами особыми. Коммуникативные принципы достаточно часто получают конституционное регулирование, однако чаще всего это происходит не в основном тексте, а в преамбуле. В частности, в преамбуле Конституции Российской Федерации 1993 г. «одновременно можно обнаружить как идеи либерального и универсального характера..., так и концепцию социальной солидарности», причем «второго в преамбуле явно больше» [1, с. 72].

Таким образом, коммуникативные принципы получили конституционное закрепление не просто как конституционные ценности, а как нормы права, следовательно, они станут основой для развития текущего законодательства, ими будут пользоваться правоприменители, в том числе Конституционный Суд Российской Федерации [8, с. 105].

Коммуникативные принципы, включенные в Конституцию Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 года, неоднородны. По функциональной нагрузке их условно можно разделить на политические (например, политическая солидарность), экономические (в частности, создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан). Социальные принципы представляют особый интерес вследствие того, что их реализация наиболее сильно повлияет на изменение социальных устоев российского общества, будет способствовать формированию в России социального государства.

Статьей 67.1 Конституции Российской Федерации фиксируются следующие принципы взаимодействия между людьми:

1. Признание исторически сложившегося государственного единства Российской Федерации через объединение тысячелетней историей, сохранение памяти предков.

Данный принцип имеет значение для установления прав российского государства быть государством, а населения России — российским народом, что обусловлено историей становления и развития российского государства. Данные положения конституции имеют учредительный характер и посылу больше соответствуют тексту преамбулы.

2. Признание подвига народа при защите Отечества и почитание памяти защитников отечества.

Для российского общества имеет объединяющее значение роль победителя во Второй мировой войне, что предопределяет нетерпимость к различного рода проявлению неуважительного отношения к подвигу советских солдат и тружеников тыла. Эмоциональная окраска восприятия роли СССР в победе над Германией порождает негативное отношение к каким-либо действиям, прямо или косвенно связанным с нарушением идеала советского воина. Закрепление в Конституции Российской Федерации подобного коммуникативного принципа имеет целью подтвердить приверженность российского государства к неприкосновенности памяти о защитниках отечества. Несмотря

на эмоциональный подтекст подобных конституционных норм, их принятие привело к изменению российского законодательства, в частности ужесточению наказания за реабилитацию нацизма и публичное оскорбление ветеранов Великой Отечественной войны через внесение соответствующих поправок в ст. 354.1 Уголовный кодекс Российской Федерации, ст.ст. 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Посыл, заложенный в Конституции Российской Федерации, является направлением просветительной общественной работы, направленной на сохранение памяти о подвиге защитников отечества не только в контексте Второй мировой войны, но и других вооруженных конфликтов с участием России или СССР. Представляется, что включение подобных положений в конституцию должно стать дополнительным стимулом для совершенствования российского законодательства в части закрепления гарантий социальной адаптации участников боевых действий, которая в настоящий момент проводится недостаточно эффективно.

3. Признание детей важнейшим приоритетом государственной политики России. Установление, что государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. Данное положение корреспондируется с содержанием п. «ж1» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, содержащей ценностный ориентир на создание условий для достойного воспитания детей в семье.

Правильно выстроенная политика государства в области семейных отношений и грамотно расставленные в ней приоритеты — залог успешного будущего государства. Включение в текст Конституции Российской Федерации указанного выше положения провозглашает обеспечение и защиту прав несовершеннолетних детей главной ценностью российского семейного законодательства. За период действия Конституции Российской Федерации 1993 года накоплен значительный массив правовых норм в брачно-семейной сфере, вместе с тем рассматриваемая область общественных отношений подвергалась значительным изменениям в последние десятилетия: возникновение в 2008 г. необходимых, но по сей день требующих совершенствования институтов опеки и попечительства, появление в 2019 году в гражданском законодательстве конструкций совместного завещания, наследственного договора, развитие репродуктивных технологий свидетельствуют о важном запросе на изменение и детализацию соответствующего нормативно-правового регулирования, целью которого выступает сформированный законодательный механизм защиты детства.

Особого внимания заслуживает поправка в российскую конституцию, касающаяся детей, оставшихся без попечения, важным посылом которой является закрепление обязанности за государством обеспечить таким детям достойные для жизни и развития условия. Представляется, что данная поправка представляет собой импульс для трансформации и совершенствования правового регулирования в двух основных направлениях. Во-первых, законодательство о приемной и патронатной семье нуждается в дальнейшей корректировке в части развития процедуры передачи под опеку детей, оставшихся без попечения родителей, включая осуществление последующих мер госу-

дарственной поддержки. Определенный механизм государственной поддержки (выплата пособия) в данном направлении уже сформирован, вместе с тем в указанной сфере необходима дополнительная проработка вопроса о развитии и расширении уже существующих гарантий. Во-вторых, дальнейшего развития требуют установленные на федеральном уровне гарантии (право на жилищное, на медицинское обеспечение, право на образование) в отношении детей, оставшихся без попечения. В этом контексте целесообразными видятся уже принятые в феврале 2021 года изменения действующего законодательства об образовании. Речь идет о бессрочном характере права детей, оставшихся без попечения, на прием на обучение по программам бакалавриата и специалитета в пределах установленной квоты, ранее действие данного положения было ограничено конкретной датой (1 января 2021 года).

В статье 68 русский язык признан ведущим инструментом коммуникации между россиянами.

Обновленные нормы Конституции Российской Федерации, посвященные статусу русского языка, подчеркивают его объединяющую роль многочисленных наций и народов, проживающих на территории России. В условиях функционирования современного общества язык выступает важнейшим инструментом межнационального общения и выстраивания коммуникации, а также объективной потребностью совместного существования самобытных наций и народов в федеративном государстве.

Кроме того, в статье 68 установлена важная роль культурного наследия как ресурса устойчивого развития общества.

В свете принятых поправок к Конституции Российской Федерации культура провозглашается одной из охраняемых государством ценностей. Вместе с тем данное положение подчеркивает необходимость охраны накопленного за многие десятилетия уникального культурного наследия российского государства, выступающего базисом для дальнейшего стабильного и мощного развития социально-культурной сферы общества.

Статьей 69 Конституции России установлены гарантии культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Данная норма относится к числу тех, которые были закреплены в текущем законодательстве и в ходе конституционной реформы им было придано самостоятельное конституционное значение, при этом данный принцип является частным проявлением положений ст. 19 Конституции Российской Федерации. Указанный принцип отражает базовый принцип коммуникации — равноправие всех, независимо от пола, расы, национальной и религиозной принадлежности.

Помимо этого, поддержание коммуникационного единства со всеми россиянами установлено в ч. 3 ст. 69 Конституции Российской Федерации, закрепляющей поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в целях сохранения общероссийской культурной идентичности.

В настоящее время в ряде зарубежных государств (страны Прибалтики, США, Канада) нередки случаи нарушения прав наших соотечественников или осуществление дискриминации в их отношении на основании использования родного языка и тенденции сохранения собственной идентичности, по фактам взаимодействия с российскими орга-

низациями и СМИ, из-за попыток отстаивания исторической правды. Обновленная редакция данной статьи Конституции России свидетельствует о том, что государство заявляет о защите своих зарубежных сограждан, однако в настоящее время ряд мер по обеспечению прав и законных интересов соотечественников за границей представляется неэффективным. В этой связи изучаемая поправка к Основному закону нашей страны представляет собой вектор для пересмотра основных положений законодательства, регламентирующих правовой статус соотечественников и модернизацию инструментов и механизмов, позволяющих осуществлять их поддержку и защиту основных интересов за рубежом.

Повышение качества здравоохранения объявлено как приоритетное направление деятельности органов публичной власти и установлено в п. ж ч. 1 ст. 72 Конституции России через закрепление среди предметов совместного ведения, обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью.

Современные реалии противодействия пандемии COVID-19 показали всю сложность организации эффективной защиты здоровья населения, обозначили нетерпимость общества к высокой смертности и неэффективность принимаемых мер по защите жизни и здоровья. Государство обязано быть главным гарантом своевременного предоставления населению медицинских услуг. Реализация данного принципа требует значительных затрат как материальных, так и временных, однако органы публичной власти в своей деятельности должны исходить из того, что здоровье населения — залог построения эффективно функционирующего общества.

Также конституционной гарантией выступает закрепление в ст. 75 Конституции Российской Федерации принципа уважения труда граждан и обеспечение защиты их прав с установлением гарантированности соответствия МРОТ величине прожиточного минимума.

Стоит отметить, что еще до принятия соответствующих поправок к Конституции России федеральное законодательство уже имело нормы подобного содержания, однако конституционная норма дополнительно гарантирует приверженность государства к движению по борьбе с бедностью и достойной оплаты за труд. Посыл, содержащийся в отечественной конституции, должен восприниматься шире, как необходимость не только соответствия МРОТ величине прожиточного минимума, но и увеличения величины прожиточного минимума.

Также ценностные ориентиры установлены для функционирования пенсионной системы Российской Федерации на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений, а также системы социального страхования.

Функционирование российской пенсионной системы вызывает вопросы не только у российского общества, но и у законодателей, которые находятся в поиске способа повысить её эффективность.

В норме Конституции России подчеркивается, что работающие граждане своими социальными отчислениями поддерживают солидарность с действующими пенсионерами, что придает особую значимость на эмоциональном уровне для активной деятельно-

сти работоспособных граждан, способствующей пополнению бюджета Российской Федерации. Вместе с тем термины «всеобщность», «справедливость», «солидарность» в своем единстве не являются однозначными в понимании и рождают различное прочтение. В российском обществе, как, впрочем, и любом другом, ведется обсуждение вопроса о справедливости оплаты пенсии для различных категорий граждан, поскольку различия в сумме пенсии незначительны; также вызывает негативное отношение оплата социальной пенсии лицам, не имеющим трудового стажа [см. 7]. В данном контексте отсылки к справедливости звучат в ином ключе. Сохранение существующей системы социального страхования не способствует видимой человеку справедливости. Представляется, что без развития инвестиционной программы пенсионных накоплений принцип справедливости не будет в полной мере реализован. Только выявление взаимосвязи между конструктивными действиями (инвестиционные накопления в период работы) и наступившими благоприятными последствиями (получение достаточного уровня денежного довольствия в пенсионном возрасте) будет способствовать пониманию справедливости в отношении своих доходов в отличие от тех лиц, которые о своих пенсионных доходах заботились в меньшей степени.

Коммуникационные принципы российского общества заложены и в ст. 75.1 Конституции России, закрепляющей в качестве ценностей: создание условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантированность защиты достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, социальную солидарность.

Данные принципы имеют универсальное значение, поскольку отражают представление общества о добре и зле, о нравственных императивах и морали. Безусловно, общество состоит из отдельных индивидов, ставящих перед собой личные цели, однако необходимо обеспечить равновесие публичных и частных интересов. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 25 декабря 2020 года № 49-П подчеркивает необходимость организации общества не только под эгидой государства, но и самоорганизации общества, что является одной из форм на взаимном доверии общества и государства. Иными словами, в Конституции России получили закрепление в качестве конституционных ориентиров принципы самоорганизации российского общества, при этом они получили правовое закрепление, следовательно, будут иметь юридическую защиту, что демонстрирует и Конституционный Суд Российской Федерации в приведенном в качестве примера постановлении.

На основании вышеизложенного представляется обоснованным сделать следующие выводы.

Происходящая плюрализация социальных реальностей ставит вопрос о деятельности по формированию общих ценностей российского общества. В ходе конституционной реформы 2020 года текст российской конституции был дополнен большим числом новых норм, которые обобщенно можно именовать коммуникативными конституционными принципами. Данные принципы направлены на трансформацию социальной сферы через установление и развитие конструктивных средств социальной коммуникации, основанных на идеалах справедливости и солидарности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белов С. Ценности российской Конституции в тексте и в практике её толкования // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 4 (131). — С. 68—98.
2. Галустова К. Р. Конституционно-правовые основы формирования Российской Федерации как социального государства и перспективы его развития в условиях модернизации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 26 с.
3. Коломейчук Л. А. Особенности управления социальной сферой в России // Микроэкономика. — 2009. — № 1. — С. 106—111.
4. Нарутто С. В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica (Русский закон). — 2018. — № 10 (143). — С. 40—49.
5. Редькина Е. А. К вопросу об уголовно-правовом понятии «социальная группа» // Всероссийский криминологический журнал. — 2008. — № 2. — С. 36—40.
6. Садовникова Г. Д. Социально-экономические права в системе гарантий социального государства // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В. В. Комарова. — М.: Изд-во: Юрид. изд-во «Норма», 2019. — С. 51—61.
7. Слободчикова С. Н. Реализация прав осужденных в отечественной конституционно-правовой модели свободных выборов // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 6. — С. 932—940.
8. Шелегов Ю. В. Конституционный Суд Российской Федерации в механизме правового регулирования [Электронный ресурс] // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 5 (8). — С. 104—111. — Электрон. текст. дан. (17 027 072 байт). — 60 электрон. опт. диск. (CD-ROM). — Загл. с этикетки диска.
9. Яремчук С. В. Социальная идентификация как предиктор экстремистских установок молодежи / С. В. Яремчук, С. М. Ситяева // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 1. — С. 51—60.

REFERENCES

1. Belov S. Cennosti rossijskoj Konstitucii v tekste i v praktike ejo tolkovanija [Values of the Russian Constitution in the text and in the practice of its interpretation]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie — Comparative constitutional review*, 2019, no. 4 (131), pp. 68—98 (in Russian).
2. Galustova K. R. *Konstitucionno-pravovye osnovy formirovanija Rossijskoj Federacii kak social'nogo gosudarstva i perspektivy ego razvitija v uslovijah modernizacii: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk.* [Constitutional and legal foundations of the formation of the Russian Federation as a social state and the prospects for its development in the conditions of modernization: author's ref. diss. ... Cand. jurid. Science]. Moscow, 2010. 26 p. (in Russian).
3. Kolomeychuk L. A. Osobennosti upravlenija social'noj sferoj v Rossii [Features of social management in Russia]. *Mikroekonomika — Microeconomics*, 2009. no. 1, pp. 106—111 (in Russian).
4. Narutto S. V. Opredelennost' zakonodatel'stva kak garantija prav i svobod cheloveka i grazhdanina v konstitucionnosudebnoj doktrine [Certainty of legislation as a guarantee of human and civil rights and freedoms in the constitutional judicial doctrine]. *Lex russica (Russkij zakon) — Lex russica (Russian Law)*, 2018, no. 10 (143), pp. 40—49 (in Russian).
5. Redkina E. A. K voprosu ob ugovovno-pravovom ponjatii “social'naja gruppa” [On the question of the criminal law concept of “social group”]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal — Russian criminological journal*, 2008, no. 2, pp. 36—40 (in Russian).
6. Sadovnikova G. D. [Socio-economic rights in the system of guarantees of a social state]. *Social'noe blagopoluchie cheloveka: pravovye parametric: sbornik statej.* Moskva: Izdatel'stvo: Ju-

ridicheskoe izdatel'stvo "Norma" [Social well-being of a person: legal parameters: collection of articles. Moscow: Publishing House: Norma Law Publishing House], 2019, pp. 51—61 (in Russian).

7. Slobodchikova S. N. Realizacija prav osuzhdennyh v otechestvennoj konstitucionno-pravovoj modeli svobodnyh vyborov [Implementation of the rights of convicts in the domestic constitutional and legal model of free elections]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*. — *Russian criminological journal*. 2019, vol. 13, no. 6, pp. 932—940 (in Russian).

8. Shelegov U. V. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii v mehanizme pravovogo regulirovaniya [Constitutional court of the Russian Federation in the mechanism of legal regulation]. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* — *Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no 5 (8), pp. 104—111 (in Russian).

9. Yaremchuk S. V., Sityaeva S. M. Social'naja identifikacija kak prediktor jekstremistskih ustanovok molodezhi [Social identification as a predictor of extremist attitudes of youth]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* — *Russian criminological journal*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 51—60 (in Russian).

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО**

УДК 343.01; 343.851.3

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-68-79

Гармышев Ярослав Владимирович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора Байкальского
государственного университета
garmyv@mail.ru

Garmyshev Yaroslav Vladimirovich
candidate of Law, Associate Professor
Associate Professor of the Department of
Criminal Procedure and Prosecutor's Super-
vision of the Baikal State University
garmyv@mail.ru

Ишигеев Владимир Степанович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного
процесса Байкальского
государственного университета
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России
vladimir.ishigeev@mail.ru

Ishigeev Vladimir Stepanovich
Doctor of Law, Professor
Professor of the Department of Criminal
Procedure of the Baikal State University
professor of the Department of Criminology
East Siberian Institute of the Ministry of In-
ternal Affairs of the Russian Federation
vladimir.ishigeev@mail.ru

Пузикова Анастасия Витальевна
ассистент кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора Байкальского
государственного университета
puzikova.av@yandex.ru

Puzikova Anastasia Vitalievna
Assistant of the Department of Criminal
Procedure and Prosecutor's Supervision of
the Baikal State University
puzikova.av@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НЕОСТОРОЖНЫХ ДЕЯНИЯХ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ**

Введение: в статье рассмотрены вопросы юридической характеристики вины и причинной связи в преступлениях, связанных с нарушениями специальных правил безопасности в сфере общественной безопасности при квалификации данной группы противоправных деяний, проанализированы их юридические характеристики.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации и основанное на ней уголовное законодательство, локальные нормативные акты, регламентирующие сферу соблюдения правил техники безопасности при обращении с источниками повышенной опасности, а также формулирующие основные положения об ответственности лиц за их нарушение при производстве различных видов работ. Методологической основой исследования является диалектический подход к научному познанию социально-правовой действительности, позволяющей всесторонне изучить объект и предмет исследования, использовались формально-логический, системно-структурный и иные методы научного познания.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к оценке характеристик элементов вины, последовательного установления особенностей причинно-следственной связи в неосторожных преступлениях в сфере общественной безопасности, учитывая их взаимосвязь; определили недостатки отдельных теоретических подходов в уголовном праве при квалификации техносферных преступлений; определены варианты оптимизации уголовного законодательства России в части регламентации уголовной ответственности за их совершение.

Выводы и заключения: полученные результаты по установлению правовой природы причинной связи и субъективной стороны преступлений, связанных с преступными нарушениями правил безопасности, помогут в определении её особенностей при квалификации преступлений в целях установления формы вины; позволили определить, что причинная связь носит комплексный характер, что она обусловлена многофакторностью причин и условий преступлений, связанных с источниками повышенной опасности в различных сферах общественной и производственной жизни, определены её основные понятийные характеристики. Рассмотрена сущность и содержание субъективного отношения виновного при совершении преступлений в сфере нарушения техники безопасности на основе системного анализа всего механизма совершения преступного поведения. Высказано предложение о необходимости изменения некоторых базовых положений теории уголовного права при квалификации преступлений.

Ключевые слова: вина; взаимодействие; правила безопасности; преступные последствия; источник повышенной опасности.

FEATURES OF INTERRELATION OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE SIGNS OF CRIMES IN CARELESS ACTS CONNECTED WITH VIOLATION OF SPECIAL SAFETY RULES

Introduction: the article considers the issues of legal characterization of guilt and causation in crimes related to violations of special security rules in the field of public security in the qualification of this group of illegal acts, analyzes their legal characteristics.

Materials and methods: the normative basis of the study is formed by the Constitution of the Russian Federation and the criminal legislation based on it, local regulations regulating the scope of compliance with safety rules when handling high-risk items, as well as formulating the main provisions on the responsibility of persons for their violation in the production of various types of work. The methodological basis of the research is a dialectical approach to the scientific knowledge of social and legal reality, which allows a comprehensive study of the object and subject of the study, using formal-logical, system-structural and other methods of scientific knowledge.

Results of the study allowed to clarify certain provisions related to the assessment of the characteristics of the elements of guilt, the consistent establishment of the features of the causal relationship in careless crimes in the field of public security, taking into account their relationship; identified the shortcomings of certain theoretical approaches in criminal law in the qualification of technosphere crimes; identified options for optimizing the criminal legislation of Russia in terms of regulating criminal responsibility for their commission.

Findings and conclusion: the obtained results on the establishment of the legal nature of the causal relationship and the subjective side of crimes related to criminal violations of the rules of safety will help in determining its features in the qualification of crimes in order to establish the form of guilt; allowed us to determine that the causal relationship is complex, due to the multifactorial causes and conditions of crimes associated with sources of increased danger in various spheres of social and industrial life, its main conceptual characteristics are determined. The essence and content of the subjective

attitude of the guilty person in the commission of crimes in the field of safety violations is considered on the basis of a systematic analysis of the entire mechanism of committing criminal behavior. A suggestion is made about the need to change some basic provisions of the theory of criminal law in the qualification of crimes.

Keywords: guilt; interaction; safety rules; criminal consequences; source of increased danger.

В теории права любое правонарушение представляет собой противоправное, виновное деяние лица, достигшего необходимого возраста, наносящее вред объекту правовой охраны. В этой же связи неосторожное преступление в сфере нарушения специальных правил безопасности — это виновно совершенное в форме небрежности или легкомыслия общественно опасное, запрещенное под угрозой наказания деяние. Неосторожные преступления в сфере общественной безопасности связаны с необходимостью и возможностью лица действовать в конкретной ситуации в строгом характере нормативных предписаний. Однако в настоящее время российское общество настолько качественно видоизменилось, что в сочетаниях различных факторов оно может моделировать самые разнообразные правовые ситуации. В процессе правоприменения следует не только установить виновное лицо, но и избежать в дальнейшем подобных ситуаций, что возможно после определения всех объективных и субъективных причин преступлений. Как отмечают отдельные специалисты в теории уголовного права, объективные признаки состава выступают в единстве с его субъективными признаками [17, с. 23].

В законодательстве и юридической литературе при характеристике составов преступлений, связанных с преступными нарушениями специальных правил безопасности, используется два термина — «правила» и «требования», которые следует рассматривать как синонимы: если безопасность рассматривается как состояние отсутствия угроз, то соблюдение правил и требований выступает в качестве основного условия обеспечения безопасности [2]. В теории уголовного права понятие безопасности необходимо определить как отсутствие общественной опасности и возможности причинения сопутствующего вреда.

Нарушение каких-либо правил не следует так же рассматривать как самостоятельную форму противоправного поведения, как предлагается отдельными учеными, поскольку деяние может выражаться как в действии, так и в бездействии, если оценивать с формального-юридического критерия термин «нарушить». Анализ уголовного законодательства России позволяет выделить в бездействии, связанном нарушением правил безопасности, две её разновидности: полное и частичное. Преступное бездействие, наряду с действием, может составлять объективную сторону анализируемого деяния. А. И. Бойко констатирует в действующем законодательстве 65 составов, в диспозиции норм которых прямо определена та или иная общественно опасная форма пассивного поведения либо не конкретизирована её форма, однако её характеристика презюмируется и подтверждается правоприменением, т. к. удельный вид преступного бездействия в уголовном законодательстве России составляет одну четвертую часть от общего числа статей Особенной части [1, с. 198].

Один из ключевых дискуссионных моментов при квалификации деяний в сфере обеспечения «техносферной» безопасности — это субъективная сторона, где мнения практических работников и теоретиков уголовного права разделились. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) в постановлении «О судебной прак-

тике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ» определил в п. 4 относительно к ст.ст. 216, 217 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), что в случае, когда умысел виновного был направлен на достижение преступного результата, а способом реализации такого умысла явилось нарушение правил охраны труда и безопасности работ, содеянное следует квалифицировать по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение умышленного преступления. Если же виновный путем нарушения указанных правил преследовал цель причинить одни последствия, а отношение его к наступлению других последствий выступало в форме неосторожной вины, то содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, совершённых умышленно и по неосторожности [7, с. 124].

Неосторожность в рамках нарушений специальных правил безопасности, как правило, характеризуется в конкретном деянии незнанием каких-либо правил безопасности в какой-либо сфере или их недостаточным знанием, однако в соответствии с характером работы или занимаемой должности лицо обязано было их знать и фактически имело возможность ознакомиться с ними, либо в целом характеризуется забывчивостью, растерянностью, невнимательностью [13, с. 102].

Тем не менее в теории уголовного права высказывается суждение, как о неосторожном, так и об умышленном характере деяний, и в качестве правильности доводов приводится тот факт, что в уголовном законе отсутствует указание на неосторожное отношение виновного лица к определенной возможности наступления вредоносных последствий [5, с. 85]. Кроме этого при юридическом анализе в вопросах квалифицирующих признаков деяний, связанных с источниками повышенной опасности, некоторые специалисты допускают только неосторожную форму вины, аргументируя свой подход прямым указанием законодателя на неосторожное отношение к наступившим последствиям [22, с. 55]. Так, например, Р. В. Закомолдин указывает на то, что при установлении субъективной стороны применительно к ч. 2 и 3 ст. 217 УК РФ имеют место две формы вины: косвенный умысел по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствиям. В целом применительно к ч. 2 и 3 ст. 217 УК РФ следует констатировать неосторожную форму вины [8, с. 59]. Как отмечает А. И. Парог, «совпадение умысла и неосторожности в одном преступлении не образует никакой третьей формы вины» [10, с. 99]. Такие преступления согласно данному подходу следует считать преступными деяниями с двумя формами вины.

Следовательно, в процессе правоприменения получается достаточно непростая правовая ситуация, при анализе которой отсутствие в теории уголовного права однозначной характеристики по вопросу о правовой природе вины в деяниях, связанных с нарушением техники безопасности, происходит последующее игнорирование решения данной проблемы в законодательстве и её замалчиванием в материалах опубликованной судебной практики. В практической составляющей состояние неопределённости в вышеуказанном вопросе в конечном варианте упирается в юридическое значение и характеристику вины конкретного субъекта преступления по отношению к факту преступных нарушений правил безопасности, где не в полной мере учитывают доказанные следствием конкретные наступившие последствия, однако на примерах конкретных судебных дел данная характеристика виновности не игнорируется.

Характеристика определения юридической обязанности, установленной нормой права, как определенное требование универсального характера в юридической технике применительно к Особенной части УК РФ выдерживается не всегда: количество преступлений, в которых точно не определена форма вины, в УК РФ достаточно много, однако это не свидетельствует о «пробельности» уголовного закона, но в отдельных случаях это может указывать на несовершенство законодательства за неосторожные преступления. В этой связи возникает правовая необходимость установления единого подхода к конкретизации формы вины в целом ряде составов преступных деяний с тем, чтобы исключить вероятность двусмысленного толкования закона.

Многофакторность взаимосвязанных условий и отдаленность последствий во времени, после нарушения нормативного запрета правил безопасности определенным образом характеризуют причинную связь при нарушении специальных правил безопасности. Характер совершенствования уголовного закона в области преступного нарушения специальных правил безопасности в техносфере является подтверждением того факта, что действующий механизм правового регулирования не в полной мере эффективен. Устанавливаемые в законодательстве меры организационного, ведомственного и административного характера для обеспечения «техносферной» безопасности общества и государства также неэффективны в полной мере за счет большого количества схожих определений и нормативно-правовых актов, регламентирующих правила эксплуатации источников повышенной опасности.

Достаточно большое количество вопросов правового характера, касающихся квалификации неосторожных преступлений в сфере соблюдения специальных правил безопасности, обнаруживается при анализе некоторых признаков объективной стороны преступлений, отчасти из-за того, что они в большинстве случаев совершаются в результате совпадения по времени неблагоприятных конкретных факторов и обстоятельств [14, с. 981].

В повседневной жизни часто нарушаются правила безопасности, которые нигде не регламентированы, когда причиняется вред объекту уголовно-правовой охраны, и, учитывая то, что невозможно в законодательстве предусмотреть все виды преступных деяний в сфере техники безопасности, в этой связи юридической литературой предлагается дополнить УК РФ установкой, которая бы выступала нормой по отношению к нормам, предусматривающей юридическую ответственность за нарушение специальных норм правил безопасности, что, например, было в истории отечественного уголовного законодательства, где ст. 1466 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. была таковой [3, с. 48]. Полагаем, что данный подход возможно было бы применить законодателю для дифференциации ответственности в зависимости от объекта преступления, что реализовало бы принцип справедливости и вины в полном объеме.

Причинная связь, другие элементы преступного деяния, исходя из значения принципа вины, должны находиться под контролем сознания лица. Характеристика волевого процесса реализуется в видовом аспекте вины, установленная уголовным законом в качестве критерия разграничения на её отдельные виды и формы.

Как отмечают отдельные исследователи, при квалификации «техносферных» преступлений в качестве современной тенденции правоприменения является допустимость уголовной ответственности за невыполнение обязанностей по контролю за действиями подчиненных лиц, повлекшими наступление вредных последствий, которая предопреде-

лена тем фактом, что наступил преступный результат и должно быть установлено виновное лицо, контрольные функции лица при таком подходе приравниваются к правилам охраны труда и техники безопасности, что позволяет привлечь к уголовной ответственности практически любое лицо, наделенное полномочиями по управлению людьми на производстве или при выполнении работ [22, с. 95]. Подобная практика не отражает общих положений уголовного закона, т. к. причиной выступает факт нарушения специальных правил, отсутствующий в полном объеме контроль со стороны должностных лиц можно признавать одним из условий преступления. Кроме этого в практической деятельности имеют место быть ситуации, когда руководитель организации не возлагает в структурных подразделениях на конкретных лиц правовые обязанности по обеспечению требований правил безопасности на конкретном участке работы. В результате чего не исследуется вопрос о виновности конкретных лиц и их действиях в причинности последствий, которые фактически уходят от установленной уголовным законом ответственности, однако бывают ситуации, когда лицо добровольно признаёт свою неосторожную вину, где реализуется принцип «признание вины — царица доказательств» [12, с. 111]. Следует, однако, учитывать тот факт, что часто следственная информация по делам о нарушении правил безопасности содержится в специфических формах, что правоприменитель без помощи специалиста не всегда может её установить и использовать для определения всей картины преступления. В этой связи основная задача доктрины уголовного права в том, чтобы подобные ситуации были правильно «трансформированы» в уголовном законе теорией уголовного права с учетом современного правосознания российского общества, иначе теория будет жить в «своем» замкнутом пространстве, а практика будет «вынуждена» учитывать «ожидания» граждан по наказанию виновных лиц. Причинная связь в преступлении — достаточно сложный вопрос в квалификации нарушений специальных правил поведения, которая может носить как непосредственный характер, так и опосредованный, и практический работник должен учитывать процесс событий и явлений в механизме индивидуального преступного поведения.

Таким образом, установление характера причинной связи возможно не только для умышленных деяний, но и для таких преступлений, которые совершаются по неосторожности, а иногда и в определенном сочетании умысла и неосторожности, однако это поддерживается не всеми учеными, т. к., согласно первому подходу, акцент делается на внешнею характеристику деяния: при исследовании причинной связи исследуются вопросы закономерностей объективного мира, следует устанавливать сам факт деяния [15; 25]. Однако, как отмечается в юридической литературе, в теории уголовного права преобладает точка зрения, в соответствии с которой признаётся наличие причинной связи между общественно опасным деянием и его последствиями в преступлениях, совершаемых путем бездействия [25, с. 262].

При квалификации нарушений правил безопасности следует выяснить также и роль самого потерпевшего в преступлении, как поясняет это Пленум ВС РФ. Следовательно, если установленные по уголовному делу преступные последствия предопределены небрежностью поведения потерпевшего, то суд должен, при наличии к тому оснований, решить вопрос о вынесении оправдательного приговора в отношении подсудимого, а в случае признания его виновным — учитывать при назначении наказания факт небрежности, допущенной самим потерпевшим [6, с. 124]. В этой связи при

анализе механизма деяния следует юридически установить, виновные действия каких именно лиц стали главной причиной наступления общественно опасных последствий деяния: конкретного должностного лица, контролирующего соблюдение специальных правил и нарушившего их, или самого потерпевшего, допустившего преступную небрежность.

Определенную сложность, как отмечает Д. А. Гарбатович, при установлении причинной связи в преступлении образуют правовые ситуации, когда одно общественно опасное последствие образуется вследствие виновного нарушения специальных правил безопасности со стороны двух и более лиц, т. к. основной причиной предусмотренных уголовным законом последствий может быть признано нарушение как какого-либо одного определенного правила, так и их множества в совокупности, допущенных одновременно или с промежутком времени со стороны двух и более лиц [4, с. 13].

Установление критериев причинной связи и вины в преступлениях, связанных с использованием источников повышенной опасности в производственной сфере общества, взаимозависимо, но эти задачи имеют разную направленность и не должны подменять друг друга. В процессе квалификации необходимо учитывать два существенных фактора и их понятийные характеристики: Первый фактор определяет возможность предвидения последствий, которые используются для установления причинной связи. Первая его характеристика в деянии характеризуется объективным критерием преступной небрежности: лицо «при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было предвидеть преступные последствия» (ч. 3 ст. 26 УК РФ). Вторая его характеристика указывает на критерий возможности у лица предвидения последствий, которая конкретизируется при анализе признаков субъективной стороны преступления [21, с. 116]. Первое понятие правильно называть «объективная возможность предвидения последствий», а второе — «субъективная возможность предвидения последствий» [20, с. 65].

Правовой анализ первого условия преступного деяния указывает на факт причинности в зависимости от необходимых условий возможности предотвращения преступных последствий, указанных в уголовном законе. Практический работник данный факт устанавливает на основании характеристики соответствующего уровня специальной подготовки, нужной для предвидения преступных последствий, абстрагируясь при этом от того, обладал ли фактически обвиняемый необходимыми знаниями и опытом [19, с. 19]. В механизме любого преступного деяния причинно-следственные элементы обладают объективным характером, т. к. их реализация в объективной действительности не зависит от интеллектуальных и волевых особенностей лица, оно может только указать направление развитие причин и условий, но сам процесс причинения протекает по собственному закону. «Сама природа неосторожных деяний такова, что эти последствия зачастую не зависят от воли и „качества“ поведения причинителя вреда и потому носят во многом случайный характер» [11, с. 8].

Второй фактор субъективных признаков преступного деяния устанавливается с учетом особенностей индивидуальных характеристик конкретной личности в рамках типичной ситуации общественной жизни в условиях определенной обстановке «субъект права-источник повышенной опасности-текущая обстановка», где учитывается психическое отношение лица к нарушению специальных правил безопасности и возможности наступления общественно опасных последствий.

Нарушение виновным лицом специальных правил безопасности свидетельствует о его безответственном отношении, невнимательности, прежде всего, к его юридическим обязанностям по соблюдению данных правил. Преступное поведение в бытовой сфере проявляется в действиях, противоречащих соответствующим правилам безопасности в производственной работе и обращении с различными средствами, веществами и изделиями, это поведение обычно бывает отчетливо выраженным вовне, а временной промежуток между поведенческим актом и наступлением вредных последствий, как правило, бывает кратким [18, с. 92].

Проблема юридической характеристики вины в «техносферных» преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, не может быть в полной мере удовлетворительно решена посредством корректировки формулы неосторожной вины, и, как указывают отдельные исследователи, это должно быть очевидным, подчёркивая также, что, если и признавать исследуемые преступления неосторожными, то лишь легкомыслие может претендовать на то, чтобы охватить всю совокупность психических процессов виновного [16, с. 111].

Наличие в действующем отраслевом законодательстве России закреплённой формально правовой обязанности не означает однозначно установление виновности лица: имевшиеся объективные обстоятельства по уголовному делу, которые исключают осознание возможности допускаемых преступных нарушений, исключают и вину конкретного должностного лица (должна быть установлена не только формальная правовая обязанность, но и фактическая способность её выполнения). Представленный алгоритм квалификации необходимо отнести и к обратной ситуации: в случае без формально закреплённой обязанности в законе субъект правонарушения выполнял фактически необходимые правила безопасности, следовательно, вышеуказанное должностное лицо могло как осознавать допускаемое нарушение, так и его не осознавать в полной мере, что необходимо практическому работнику определить в каждой конкретной ситуации производственного характера.

Допускаемые квалификационные ошибки в правовой оценке субъективных и объективных признаков вышеуказанных факторов достаточно распространены, особенно это касается выяснения сущности и содержания субъективного отношения виновного не только к совершённому им преступлению в целом, но и наступившим последствиям, подчиняясь главному критерию — находятся ли они в непосредственной причинной связи с совершённым деянием [6, с. 85]. Можно вполне обоснованно установить типичную следственную ситуацию, когда сотрудник следственного органа, сталкиваясь с оценкой события, начинает активно оценивать сам преступный результат, хотя он явился неизбежным последствием совершённого. Вместо системного анализа всего механизма совершения преступного поведения, от деяния к последствиям, как правило, ограничиваются оценкой только преступного последствия.

В конечном итоге сосредоточенность на оценке причиненного вреда — это правовой тупик, в этой связи оправдана точка зрения З. Б. Соктоева о том, что в итоге получаем приговор суда, в котором определяется факт правонарушения, состоящий в причинной связи с общественно опасными последствиями, но не в полном объеме устанавливается взаимосвязь объективного («должно было») и субъективного («могло») критериев, преступная небрежность лица, допустившего это нарушение [20, с. 66].

Установление практическим работником причинно-следственной связи на примере нарушений правил безопасности зависит от того, урегулирована нормативно или нет конкретная «техносферная» деятельность в сфере использования источников повышенной опасности. Нарушение правовых обязанностей, изложенных в правилах, выступает причиной тех последствий, для предупреждения которых установлена норма, даже в тех случаях, когда непосредственной причиной наступления последствий послужили привходящие факторы, на основании чего случайная причинная связь приобретает характер необходимой. В любом деянии в сфере нарушений специальных правил его основу образует не одноразовое действие, а урегулированная законодательством системная производственная или иная сфера источников повышенной опасности (прошедшая через сознание вследствие неоднократного повторения). Недооценка правовых запретов в сознании человека, а порой отчасти легкомысленное отношение к источниками повышенной опасности влечёт последствия, предупреждение которых отражено в технических регламентах, следовательно виновность легко установить.

Таким образом, от системных алгоритмов в правильной квалификации по фактам преступных деяний при обращении с источниками повышенной опасности, главной характеристикой которой является установление по уголовному делу всех элементов состава преступного деяния, напрямую зависит реализация принципа вины, а современная правоприменительная практика должна применять необходимые правовые инструменты, которые учитывают базовые положения теории уголовного права, кроме всего прочего, так же правовые «ожидания» населения в наказании виновных лиц, их использование позволит не только анализировать сущность вины в неосторожных преступлениях, но и сформулировать правовые рекомендации, согласно которым субъект должен привлекаться к уголовной ответственности в строгом соответствии с принципами законности и справедливости. В правовой деятельности практическому работнику недопустимо давать правовую оценку совершённому деянию, базирясь в своей основе только на приоритете его субъективных либо объективных признаков, в этом отношении все должно быть взаимосвязано, поскольку отсутствие одного полностью исключает другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бойко А. И. Преступное бездействие. — СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2003. — 320 с.
2. Бушуев А. Л. Роль информационной безопасности в условиях цифровой экономики / А. Л. Бушуев, И. В. Деревцова, Ю. А. Мальцева, В. Д. Терентьева // *Baikal Research Journal*. — 2020. — Т. 11. — № 1.
3. Винокуров В. Н. Установление причинной связи при нарушении правил безопасности / В. Н. Винокуров // *Законность*. — 2012. — № 3. — С. 47—48.
4. Гарбатович Д. А. Квалификация преступных нарушений правил безопасности: установление причинной связи / Д. А. Гарбатович // *Уголовное право*. — 2015. — № 2. — С. 10—15.
5. Гармышев Я. В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности / Я. В. Гармышев // *Сибирский юридический вестник*. — 2016. — № 3. — С. 85—90.
6. Динека В. И. Субъективная сторона и причинная связь в преступлениях, совершаемых с двойной (смешанной) формой вины / В. И. Динека, М. В. Денисенко // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2015. — № 12. — С. 84—89.
7. Есаков Г. А. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам / Г. А. Есаков. — М.: Проспект, 2010. — 241 с.

8. Закомолдин Р. В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности. — Тольятти, 2013. — 168 с.
9. Зорькина А. А. Преступления, совершенные по неосторожности: некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты // Законность и правопорядок в современном обществе: сб. мат-в I междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. — 360 с.
10. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. — М., 2006. — 244 с.
11. Квашиш В. Е. Преступная неосторожность: социально-правовые и криминологические проблемы. — Владивосток: Юрид. лит., 1986. — 144 с.
12. Корнакова С. В. Некоторые суждения о несовершенстве норм УПК РФ, касающихся признания вины обвиняемым / С. В. Корнакова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4. — С. 110—118.
13. Коробеев А. И. Транспортные преступления. — СПб., 2003. — 540 с.
14. Макаров А. В. Специальный субъект преступления как объект криминологической детерминации / А. В. Макаров, А. А. Протасевич, А. С. Жукова // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 6. — С. 980—991.
15. Малинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. — 262 с.
16. Мирошниченко Н. В. Субъективная сторона преступлений, связанных с нарушением специальных правил безопасности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2012. — № 2. — С. 108—112.
17. Нерсеян В. А. Уголовная ответственность за неосторожные преступления. — СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. — 223 с.
18. Новохатский Д. А. Актуальные вопросы механизма совершения преступлений, связанных с нарушением правил пожарной безопасности / Д. А. Новохатский // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2016. — № 4. — С. 89—92.
19. Соколовский З. М. Проблема использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний для установления причинной связи явлений (Криминалистическое и процессуальное исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. — Харьков, 1968. — 28 с.
20. Соктоев З. Б. О взаимообусловленности причинной связи и вины в дорожно-транспортных преступлениях // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 62—67.
21. Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушения специальных правил поведения. — М., 1995. — 176 с.
22. Толкаченко А. А. Спорные вопросы уголовно-правовой квалификации нарушений правил охраны труда и техники безопасности А. А. Толкаченко, А. Н. Лясколо // Уголовное право. — 2019. — № 5. — С. 89—99.
23. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности / И. М. Тяжкова. — СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2002. — 278 с.
24. Черненко Т. Г. Причинная связь в преступлениях, предусмотренных ст. 143, 216 Уголовного кодекса Российской Федерации / Т. Г. Черненко, А. А. Наумов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4. — С. 21—26.
25. Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. — 1956. — № 7. — С. 42—48.

REFERENCES

1. Boyko A. I. *Prestupnoe bezdejstvie* [Criminal inaction]. St. Petersburg, Law Center Press, 2003, 320 p. (in Russian).
2. Bushuev A. L., Derevtsova I. V., Maltseva Y. A., Terentyeva V. D. Rol' informacionnoj bezopasnosti v uslovijah cifrovoj jekonomiki [The role of information security in the digital economy]. *Baikal Research Journal*, 2020, vol. 11, no. 1 (in Russian).
3. Vinokurov V. N. Ustanovlenie prichinnoj svyazi pri narushenii pravil bezopasnosti [Establishing a causal relationship in violation of safety rules]. *Zakonnost' — Legality*, 2012, no. 3, pp. 47—48 (in Russian).
4. Garbatovich D. A. Kvalifikacija prestupnyh narushenij pravil bezopasnosti: ustanovlenie prichinnoj svyazi [Qualification of criminal violations of the rules of safety: establishing a causal relationship]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2015, no. 2, pp. 10—15 (in Russian).
5. Garmyshev Y. V. Sub#ektivnaja storona prestuplenij, svjazannyh s narushenie special'nyh pravil bezopasnosti [The subjective side of crimes related to the violation of special security rules]. *Sibirskij juridicheskij vestnik — Siberian Legal Vestnik*, 2016, no. 3, pp. 85—90 (in Russian).
6. Dineka V. I., Denisenko M. V. Sub#ektivnaja storona i prichinnaja svjaz' v prestuplenija, sovershaemyh s dvojnoj (smeshannoj) formoj viny [Subjective side and causal relationship in crimes committed with a double (mixed) form of guilt]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 12, pp. 84—89 (in Russian).
7. Esakov G. A. *Sbornik postanovlenij Plenumov Verhovnogo Suda RF (RSFSR) i Verhovnogo Suda SSSR po ugolovnym delam* [Collection of resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation (RSFSR) and the Supreme Court of the USSR on criminal cases]. Moscow, Prospekt, 2010, 241 p. (in Russian).
8. Zakomoldin R. V. *Prestupnye narushenija special'nyh pravil i trebovanij bezopasnosti* [Criminal violations of special rules and security requirements]. Tolyatti, 2013, 168 p. (in Russian).
9. Zorkina A. A. [Crimes committed by negligence: some criminal-legal and criminological aspects]. *Zakonnost' i pravoporjadok v sovremennom obshchestve: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Legality and law and order in modern society: Collection of materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, NSTU Publishing House, 2010. — 360 p. (in Russian).
10. Rarog A. I. *Nastol'naja kniga sud'i po kvalifikacii prestuplenij* [Table book of the judge on the qualification of crimes]. Moscow, 2006, 244 p. (in Russian).
11. Kvashis V. E. *Prestupnaja neostorozhnost': social'no-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Criminal negligence: socio-legal and criminological problems]. Vladivostok, Yurid. lit., 1986, 144 p. (in Russian).
12. Kornakova S. V. Nekotorye suzhenija o nesovershenstve norm UPK RF, kasajushhhsja priznaniya viny obvinjaemym [Some judgments about the imperfection of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation concerning the recognition of guilt by the accused]. *Siberian criminal procedure and criminalistic readings — Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija*, 2019, no. 4, pp. 110—118 (in Russian).
13. Korobeev A. I. *Transportnye prestuplenija* [Transport crimes]. St. Petersburg, 2003, 540 p. (in Russian).
14. Makarov A. V., Protasevich A. A., Zhukova A. S. Special'nyj sub#ekt prestuplenija kak ob#ekt kriminologicheskoi determinacii [Special subject of crime as an object of criminological determination]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal — All-Russian Criminological Journal*, 2019, vol. 13, no. 6, pp. 980—991 (in Russian).

15. Malinin V. B. *Prichinnaja svjaz' v ugovnom prave* [Causal connection in criminal law]. St. Petersburg, Law Center Press, 2000, 262 p. (in Russian)
16. Mirosnichenko N. V. Sub#ektivnaja storona prestuplenij, svjazannyh s naruseniem special'nyh pravil bezopasnosti [The subjective side of crimes related to the violation of special safety rules]. *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata — Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*, 2012, no. 2, pp. 108—112. (in Russian)
17. Nersesyan V. A. *Ugolovnaja otvetstvennost' za neostorozhnye prestuplenija* [Criminal liability for careless crimes]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2002, 223 p. (in Russian)
18. Novokhatsky D. A. Aktual'nye voprosy mehanizma sovershenija prestuplenij, svjazannyh s naruseniem pravil pozharnoj bezopasnosti [Topical issues of the mechanism of committing crimes related to the violation of fire safety rules]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volga-Gradskaia Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4, pp. 89—92. (in Russian)
19. Sokolovsky Z. M. *Problema ispol'zovanii v ugovnom sudoproizvodstve special'nyh znanij dlja ustanovlenija prichinnoj svjazi javlenij (Kriminalisticheskoe i processual'noe issledovanie): Dis. ... dokt. torid. nauk.* [The problem of using special knowledge in criminal proceedings to establish the causal relationship of phenomena (Criminalistic and procedural research): Dis. ... doct. torid. sciences']. Kharkov, 1968, 28 p. (in Russian)
20. Soktoev Z. B. O vzaimoobuslovlennosti prichinnoj svjazi i viny v dorozhno-transportnyh prestuplenijah [On the mutual conditionality of causal connection and guilt in road-transport crimes]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2013, no. 4, pp. 62—67. (in Russian)
21. Ter-Akopov A. A. *Otvettvennost' za narushenija special'nyh pravil povedenija* [Responsibility for violations of special rules of conduct]. Moscow, 1995, 176 p. (in Russian)
22. Tolkachenko A. A., Lyaskalo A. N. Spornye voprosy ugovno-pravovoj kvalifikacii narushenij pravil ohrany truda i tehniki bezopasnosti [Disputable issues of criminal-legal qualification of violations of the rules of labor protection and safety technology]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2019, no. 5, pp. 89—99. (in Russian)
23. Tyazhkova I. M. *Neostorozhnye prestuplenija s ispol'zovaniem istochnikov povyshennoj opasnosti* [Careless crimes with the use of sources of increased danger]. St. Petersburg: Law Center Press, 2002, 278 p. (in Russian)
24. Chernenko T. G., Naumov A. A. Prichinnaja svjaz' v prestuplenijah, predusmotrennyh st. 143, 216 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Causal connection in crimes committed under Articles 143, 216 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Kemerovo State University*, 2015, no. 4, pp. 21—26. (in Russian)
25. Shargorodsky M. D. Nekotorye voprosy prichinnoj svjazi v teorii prava [Some questions of causal connection in the theory of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo — The Soviet State and Law*, 1956, no. 7, pp. 42—48. (in Russian)

УДК 343.2.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-80-89

Илиджев Александр Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного
права, административной деятельности
и управления ОВД Казанского
юридического института МВД России
ilidsasha@yandex.ru

Ildzhev Alexander Alekseevich

PhD in Law, Associate Professor
Kazan Law Institute of the Ministry of Inter-
nal Affairs of Russia, Associate Professor of
the Department of Administrative Law,
Administrative Activities and Department of
Internal Affairs of the Russian Federation
ilidsasha@yandex.ru

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИСПОЛНИТЕЛЯ
И СОИСПОЛНИТЕЛЯ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ**

Введение: в настоящей статье исследуется юридическая природа исполнителя и соисполнителя, их сущности и содержания, анализируются различные взгляды в теории уголовного права относительно возможных вариантов сочетания соисполнителей, определяется место отражение преступлений исполнителя, соисполнителя и иных соучастников в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Методы и материалы: методологическую основу исследования составил всеобщий метод диалектической гносеологии при исследовании юридической природы института исполнителя, соисполнителя и иных соучастников, их отражения в системе уголовного законодательства. При решении определенных задач в работе используются общенаучные исследовательские методы, в частности сравнительно-правовой, системно-структурный, лингвистический. При исследовании материалов судебной и правоприменительной практики применялся анализ как частнонаучный метод познания.

Результаты исследования позволили обосновать, что, в отличие от преступлений исполнителя, местом отражения преступлений иных соучастников является Общая часть уголовного закона, а также произвести строгое разграничение между содержанием действий исполнителя, соисполнителя и иных соучастников; предоставили возможность уточнить, что в Особенной части уголовного законодательства преступления исполнителя выступают объектом отражения исключительно в отношении непосредственного совершения преступления, а также предложить его определение.

Выводы и заключения: результаты исследования подтверждают несовершенство нынешней редакции ч. 2 ст. 34 Уголовного кодекса Российской Федерации и целесообразность уголовно-правовой регламентации её новой редакции, а также необходимость внесения изменений в ч. 3 указанной статьи, согласно которым при квалификации преступления необходимо конкретизировать вид соучастника, т. е. ссылаться в том числе и на соответствующую часть указанной нормы.

Ключевые слова: исполнитель, соисполнитель, место отражения преступления, пособничество, иные соучастники преступления, непосредственное совершение преступления.

THE LEGAL NATURE OF THE CRIMES OF THE PERFORMER AND CO-PERPETRATOR AND THEIR REFLECTION IN THE SYSTEM OF CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA

Introduction: this article examines the legal nature of the performer and co-perpetrator, their essence and content, analyzes various views in the theory of criminal law regarding possible combinations of co-perpetrators, determines the place of reflection of the crimes of the performer, co-perpetrator and other accomplices in the Criminal Code of the Russian Federation.

Methods and Materials: the methodological basis of the research was formed by the general method of dialectical epistemology in the study of the legal nature of the institution of the performer, co-perpetrator and other accomplices, their reflection as in the system of criminal legislation. When solving certain problems, general scientific research methods are used in the work, in particular, comparative legal, systemic and structural, linguistic. In the study of materials of judicial and law enforcement practice, analysis was used as a particular scientific method of cognition.

Results of the study made it possible to substantiate that, unlike the crimes of the perpetrator, the place of reflection of the crimes of other accomplices is the General Part of the Criminal Code, and also to make a strict distinction between the content of the actions of the performer, co-perpetrator and other accomplices. They provided an opportunity to clarify that in the Special Part of the Criminal Legislation the perpetrator's crimes are the object of reflection exclusively in relation to the direct commission of the crime, and also to propose its definition.

Findings and Conclusions: the results of the study confirm the imperfection of the current edition of Part 2 of Art. 34 of the Criminal Code of the Russian Federation and the expediency of the criminal law regulation of its new edition, as well as the need to amend 3 of this article according to which, when qualifying a crime, it is necessary to specify the type of an accomplice, that is, to refer, among other things, to the corresponding part of the specified norm.

Keywords: perpetrator, co-perpetrator, place of reflection of the crime, complicity, other accomplices in the crime, direct commission of the crime.

Ни у кого не вызовет сомнений, что преступления исполнителя отражены в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Однако в самом кодексе о месте расположения таких преступлений прямо ничего и нигде не говорится. В отличие от соисполнителя, организатора, подстрекателя и пособника, как наступает уголовная ответственность исполнителя, закон не определяет. Вместе с тем его отношение к ответственности соисполнителей и иных соучастников, по мнению автора статьи, позволяет сделать вполне определенный вывод о ней и применительно к исполнителю.

Вместе с тем в законе ничего не сказано по поводу того, должен ли исполнитель совершить преступление только полностью (единолично, своими силами) или может это сделать и частично. В теории мнения по данному вопросу разделились. Одни авторы настаивают лишь на полном совершении преступления [8, с. 15; 19, с. 137], другие допускают и частичное [11, с. 279; 16, с. 255].

При признании возможности частичного непосредственного совершения преступления исполнителем встает вопрос относительно выполнения (невыполнения) оставшейся части преступления. Если она не выполняется, то, в зависимости от обстоятельств,

приведших к этому (не зависящих или зависящих от лица), речь идет о неоконченном преступном деянии или добровольном отказе, но вовсе не о соучастии. Чтобы оно сохранилось, при непосредственном совершении части преступления, последнее в соответствующем случае не может остаться незавершенным. «Завершить же его способен только еще хотя бы один исполнитель [7, с. 154] как лицо, непосредственно совершившее оставшуюся часть преступления».

Лица, каждое из которых частично может непосредственно совершить преступление, по существу, получили отражение в уголовном законодательстве. В ч. 2 ст. 33 УК РФ они именуется соисполнителями. Их существование, как представляется, в значительной мере было бы проблематичным при невозможности частичного непосредственного совершения преступления исполнителем. Дело заключается в том, что в теории уголовного права признаются возможными три варианта сочетания соисполнителей:

- 1) каждое лицо выполняет соответствующие действия (бездействие) полностью;
- 2) одно лицо выполняет соответствующие действия (бездействие) полностью, другое — частично;
- 3) каждое лицо выполняет только часть соответствующих действий (бездействия) [19, с. 257]. При исключении же частичного совершения преступления исполнителем соисполнители могут быть представлены лишь первым вариантом.

На практике применительно к установлению соисполнителей нет единообразия. В одних ситуациях таковыми признаются лица, хотя бы частично совершившие деяния, предусмотренные в статьях Особенной части УК РФ. Так, в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее также — ВС РФ) от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободе личности» разъяснено, что «изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой), должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам»; при этом «действия лиц, лично не совершавших насильственного полового сношения или насильственных действий сексуального характера, но путем применения насилия или угроз содействовавших другим лицам в совершении преступления, следует квалифицировать как соисполнительство в совершении изнасилования или насильственных действий сексуального характера»¹.

В воспроизведенном пункте не должно вызывать сомнения то, что применение насилия и угроз названо содействием совершению преступления, в принципе определяющим пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ). В действительности, речь идет, на наш взгляд, о содействии половому сношению или иным действиям сексуального характера. Сами же насилие и угрозы — действия, которыми непосредственно совершаются изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера, как части сложных

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2. С. 4.

преступлений, включающих еще и половое сношение или иные действия сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ).

В то же время позиция Пленума ВС РФ в отношении соисполнительства вызвала серьезные сомнения у С. И. Никулина. Он задается следующими вопросами: «такое уж ... значение при исполнении преступления имеет пол виновного или все-таки важнее характер фактически совершаемых им действий? Можно ли признать справедливым (с точки зрения защиты интересов потерпевшего), что мужчина, который являлся физическим пособником исполнителя изнасилования, будет признан соисполнителем, а потому оба несут ответственность по ч. 2 ст. 131 УК РФ, в то время как выполнившая ту же роль женщина согласно ч. 4 ст. 34 УК, должна признаваться пособником единолично совершенного исполнителем изнасилования, которое (при отсутствии других квалифицирующих признаков) квалифицируется по ч. 1 ст. 131 УК РФ?». Отвечая на поставленные вопросы, ученый приходит к выводу о том, что «Пленум Верховного Суда РФ в постановлении „О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации“ от 15 июня 2004 г. ответил на эти вопросы отрицательно, хотя с позиции буквального толкования ч. 2 ст. 33 и ч. 4 ст. 34 УК РФ такое толкование соисполнительства нельзя признать безупречным» [1; 9; 15; с. 412; 19, с. 152, 153].

Половое сношение и мужеложство, разумеется, могут совершить только мужчины, а лесбиянство — лишь женщины. Однако ни изнасилование не сводится к половому сношению, ни насильственные действия сексуального характера — к мужеложству или лесбиянству. И то, и другое преступление включают применение насилия или угрозу его применения. Они же ни в коей мере не обусловлены половой принадлежностью виновного. Отсюда изнасилование и насильственные действия сексуального характера могут в соответствующей части совершаться и лицами, обычно не рассматриваемыми субъектами этих преступлений, что означает наличие у последних общего субъекта [10, с. 123; 11, с. 287], исключающего применение ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Причем на практике позиция по данному вопросу неоднозначная. Так, в п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 решено, что «уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникало в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством»¹. По данному аспекту в уголовном праве сложились различные точки зрения. Одни авторы её поддерживают, например, Н. А. Лопашенко — в том, что «участие во взломе дверей и т. п. — это участие в непосредственном совершении хищения», а В. С. Прохоров — в том, что «стояние на страже» при краже — «соисполнительство, так как является действием

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 3.

по частичному выполнению объективной стороны — тайного завладения чужим имуществом» [14, с. 133; 18, с. 587].

Некоторые авторы относятся к представленной практике отрицательно. Так, одни указывают, что ч. 5 ст. 33 УК РФ предусматривает «любое содействие совершению преступления путем устранения препятствий и не дает никаких оснований к ограничительному толкованию закона» [5, с. 214], другие, исходя из ч. 2 той же статьи, добавляют, что «там, где нет собственно изъятия и (или) обращения, нет и соисполнительства» [11, с. 286].

Пленум ВС РФ содействием исполнителю, который непосредственно изымает имущество (что, действительно, установлено в примечании 1 к ст. 158 УК РФ при раскрытии понятия хищения, видом которого является кража) называет действия, которые не предусмотрены законом ни для одного соучастника. Даже участие во взломе, по нашему мнению, не равно взлому, который только и является содействием совершению преступления в виде устранения препятствий (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Аналогично обстоят дела с убийством. В разъяснениях Пленума ВС РФ указывается на то, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)»¹. В науке (С. В. Бородин, Г. Н. Борзенков, А. И. Коробеев и др.) указанная в разъяснении позиция, как правило, возражений не вызывает [3, с. 63; 4, с. 129; 13 с. 89; 20, с. 365], хотя подавление сопротивления потерпевшего и лишение его возможности защищаться явно не являются собственно причинением смерти другому человеку в уголовно-правовом понимании.

Н. А. Бабий полагает, что «в обобщенном плане разграничение исполнения убийства и пособничества ему может быть следующим. Пособник убийству, предоставивший, например, орудие убийства, содействует исполнителю в том, чтобы тот самостоятельно совершил убийство. Пособник, оказавший содействие в процессе убийства, принимает участие в убийстве. В этом случае исполнитель уже действует не самостоятельно, не один, он действует совместно с другим лицом, что и означает совместное совершение убийства или его исполнительство» [2, с. 182].

По существу, Н. А. Бабий, как полагает автор настоящей статьи, одно пособничество вывел за пределы соучастия («самостоятельно совершил убийство»), а другое назвал исполнительством, доказав только то, что безусловно: наличие соучастия в преступлении в случаях содействия убийству. Совместное участие в совершении преступления при наличии остальных признаков действительно является соучастием (ст. 32 УК РФ). Чем же отличается одно содействие от другого, чтобы их рассматривать функциями разных соучастников, ученый, как нам представляется, не доказал.

Одно дело содействие действием, указанным в числе образующих преступление, иному действию, также указанному в числе образующих преступление. Другое дело со-

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. С. 4.

действие действием, не указанным в числе образующих преступление, действием, указанному в числе образующих преступление. Вот что, на наш взгляд, существенно при разграничении соисполнительства и пособничества. Все остальное, может быть, и соответствует смыслу закона, но не отвечает его «букве» в обстоятельствах, когда и то, и другое не расходится.

В третьих ситуациях соисполнителями на практике признаются лица, лишь формально совершившие действия, предусмотренные в статьях Особенной части УК РФ. Например, в п. 15.1 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в реакции от 30 июня 2015 г.) разъясняется, что «в случае, когда лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений. Позиция Пленума представляется довольно дискуссионной. Действительно, именно сбыта при отраженных им условиях вовсе не происходит. Точно такие же действия, как квалифицированные им в качестве соисполнительства, в ст. 204.1 (непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа) и 291.1 (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя) УК РФ признаются самостоятельными преступлениями: посредничеством соответственно в коммерческом подкупе или во взяточничестве. Не случайно ранее подобные действия на практике рассматривались как пособничество совершению преступления¹, хотя следует иметь в виду, что прямого отражения в уголовном законе не имеют. Дополнительно отметим неполноту решения Пленума ВС РФ.

До указания на соисполнителей, совместно с которыми напрямую участвует в совершении преступного деяния соответствующее лицо, в ч. 2 ст. 33 УК РФ отражено лишь лицо, непосредственно совершившее преступление. Следовательно, правильно считать, что соисполнителями должны признаваться только лица, совместно непосредственно совершившие преступление [6, с. 94].

Итак, исполнителем как лицом, непосредственно совершившим преступление, должен признаваться, на наш взгляд, исключительно тот, кто сам полностью или частично совершил общественно опасные действия (бездействие), предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Напротив, тот, кто не совершал таких действий, исполнителем, в том числе — соисполнителем, считаться не может ни при каких условиях.

В отличие от преступлений исполнителя место отражения преступлений иных соучастников прямо вытекает из закона. Им является Общая часть УК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за IV квартал 2011 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 6. С. 15; Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Там же. № 10. С. 42–43.

за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса». Ясно, что преступления иных соучастников описаны в ст. 33 УК РФ. Вместе с тем указание закона на несение ими ответственности по названной статье недостаточно информативно.

Дело в том, что в ч. 1 ст. 33 УК РФ перечисляются все соучастники, в ч. 2 — раскрывается фигура исполнителя, в ч. 3 — организатора, в ч. 4 — подстрекателя, в ч. 5 — пособника. Говоря иначе, ссылка на ст. 33 УК РФ при всей её правильности все-таки недостаточна для ответа на вопрос, об ответственности кого именно из иных соучастников идет речь в конкретном случае [5, с. 205; 11, с. 200].

Практика при квалификации преступлений, совершенных организаторами, подстрекателями и пособниками, сначала в основном строго следовала закону, ограничиваясь ссылкой лишь на саму ст. 33 УК РФ¹. Позже квалификация деяний указанных соучастников, как правило, стала осуществляться со ссылкой не только на упомянутую статью, но и на её соответствующую часть².

Последний подход практики к квалификации преступлений иных соучастников более точен, чем вытекает из буквы закона, и полностью соответствует его смыслу. При ссылке на определенную часть ст. 33 УК РФ из самой квалификации видно, об ответственности кого именно из иных соучастников идет речь. Не случайно такой подход получил поддержку в литературе (А. Кладков, Р. А. Сабитов и др.) [12; 17, с. 341]. Поэтому следовало бы изменить закон, недвусмысленно указав в ч. 3 ст. 34 УК РФ на то, что уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на соответствующую часть ст. 33 настоящего уголовного закона, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления.

Само собой, в ч. 3 ст. 34 УК РФ, кроме требования ссылки на ст. 33, имеется еще указание на статью, предусматривающую наказание за совершённое преступление, т. е., как отмечалось, Особенной части. Вместе с тем последняя всего лишь демонстрирует то, в совершении какого именно преступления участвуют иные соучастники.

Завершая исследование, следует отметить, что:

Во-первых, местом отражения преступлений исполнителя является Особенная часть УК РФ. В ч. 2 же ст. 33 УК РФ дана обобщенная характеристика деяний исполнителя, позволяющая отграничить их от деяний иных соучастников.

Во-вторых, в ч. 2 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть следующее: «уголовная ответственность исполнителя преступления, не являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса.

¹Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями. С. 402 (п. 10); от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2. С. 3 (п. 8).

²Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3. С. 4 (п. 10); от 3 апреля 2008 г. № 3 // Там же. 2008. № 6. С. 6 (п. 17); от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Там же. 2009. № 12. С. 5 (п. 14); от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Там же. 2018. № 2. С. 13 (п. 29).

Уголовная ответственность исполнителя преступления, являющегося соучастником, наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на часть вторую статьи 33 настоящего Кодекса».

В-третьих, преступления исполнителя выступают объектом отражения в Особенной части УК РФ исключительно в отношении непосредственного совершения преступления.

В-четвертых, непосредственное совершение преступления — это совершение самим лицом полностью или частично общественно опасных действий (бездействия), предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В-пятых, местом отражения преступлений иных соучастников является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 3—5 ст. 33. Указание же закона на статью, предусматривающую наказание за совершенное преступление, лишь демонстрирует, в совершении какого именно преступления участвуют иные соучастники.

В-шестых, в ч. 3 ст. 34 УК РФ вместо существующих предписаний следует предусмотреть, что «уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье Особенной части настоящего Кодекса со ссылкой на соответствующую часть статьи 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Агапов П. В. О некоторых спорных вопросах квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке: мат-лы 6-й междунар. науч.-практ. конф. 29—30 января 2009 г. — М.: Проспект, 2009. — С. 231—235.
2. Бабий Н. А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 741 с.
3. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособ. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: Зерцало-М, 2006. — 143 с.
4. Бородин С. В. Преступления против жизни. — М.: Юрист, 1999. — 356 с.
5. Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 505 с.
6. Благов Е. В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2021. — 320 с.
7. Благов Е. В. Тридцать пять лет служения Афине: сб. ст. и тез. — М.: Проспект, 2017. — 286 с.
8. Васюков В. В. Виды соучастников в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2008. — 18 с.
9. Волженкин Б. В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право. — 2000. — № 1. — С. 12—16.
10. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. — Кубань, 2000. — 198 с.
11. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы: моногр. — М.: Проспект, 2016. — 303 с.
12. Кладков А. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии // Законность. — М, 1998. — № 8. — С. 26—28.

13. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 317 с.
14. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. — М.: ЛексЭст, 2005. — 405 с.
15. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н. А. Лопашенко. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. — 785 с.
16. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. — М., 2014. — 559 с.
17. Сабитов Р. А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации: науч.-практ. пособ. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 590 с.
18. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. — СПб., 2006. — 1064 с.
19. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении / изд. проф. Малинина. — СПб, 2007. — 564 с.
20. Энциклопедия уголовного права. Т. 13: Преступление против жизни и здоровья / изд. проф. Малинина. — СПб., 2013. — 953 с.

REFERENCES

1. Agapov P. V. [On some controversial issues of qualification of crimes committed in complicity]. *Ugolovnoe pravo: Strategija razvitija v XXI veke. Materialy 6-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 29-30 janvarja 2009g.* [Criminal Law: Development Strategy in the 1st century. Materials of the 6th International Scientific and Practical Conference on January 29—30, 2009]. Moscow, Prospect, 2009, pp. 231—235 (in Russian).
2. Babiy N. A. *Souchastie v prestuplenii: formy, vidy, otvetstvennost': monografija* [Complicity in a crime: forms, types, responsibility: monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2015, 741 p. (in Russian).
3. Borzenkov G. N. *Kvalifikacija prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ja: uchebno-prakticheskoe posobie dlja studentov vuzov, obuchajushhihsja po special'nosti* [The qualification of crimes against life and health: an educational and practical manual for university students studying in the specialty “Jurisprudence”]. Moscow, Zertsalo-M, 2006, 143 p. (in Russian).
4. Borodin S. V. *Prestuplenija protiv zhizni* [Crimes against life]. Moscow, Jurist, 1999, 356 p. (in Russian).
5. Blagov E. V. *Primenenie ugovnogo prava (teorija i praktika)* [Application of criminal law (theory and practice)]. SPb., Jurid. Center Press, 2004. 505 p. (in Russian).
6. Blagov E. V. *Souchastie v prestuplenii i ugovnaja otvetstvennost': monografija* [Complicity in a crime and criminal responsibility: monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2021, 320 p. (in Russian).
7. Blagov E. V. *Tridcat' pjat' let sluzhenija Afine: sbornik statej i tezisov* [Thirty-five years of ministry to Athena: a collection of articles and abstracts]. Moscow, Prospect, 2017, 286 p. (in Russian).
8. Vasyukov V. V. *Vidy souchastnikov v ugovnom prave Rossii: avtoreferat dis. ... kand. jurid. Nauk* [Types of accomplices in the criminal law of Russia: abstract of dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.08.]. SPb., 2008. 18 p. (in Russian).
9. Volzhenkin B. V. *Nekotorye problemy souchastija v prestuplenijah, sovershaemyh special'nymi subektami* [Some problems of complicity in crimes committed by special subjects]. *Ugolovnoe pravo — Criminal Law*, 2000, no. 1, pp. 12—16 (in Russian).
10. Galiakbarov R. R. *Bor'ba s gruppovymi prestuplenijami. Voprosy kvalifikacii.* [Fight against group crimes. Qualification issues]. Kuban, 2000, 198 p. (in Russian).

11. Zatsepin A. M. *Dopolnitel'naja kvalifikacija prestuplenija: obshhie i special'nye voprosy: monografija* [Additional qualification of a crime: general and special issues: monograph]. Moscow, Prospect, 2016, 303 p. (in Russian).
12. Kladkov A. Kvalifikacija prestuplenij, sovershennyh v souchastii [Qualification of crimes committed with complicity]. *Zakonnost' — Legality*, Moscow, 1998, no. 8, pp. 26—28 (in Russian).
13. Korobeev A. I. *Prestupnye posjagatel'stva na zhizn' i zdorov'e cheloveka: monografija* [Criminal attacks on human life and health: monograph]. Moscow, Yurlitinform, 2012, 317 p. (in Russian).
14. Lopashenko N. A. *Prestuplenija protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Crimes against property: theoretical and applied research]. Moscow, LexEst, 2005, 405 p. (in Russian).
15. The general part of criminal law: the state of legislation and scientific thought / ed. O. N. Lopashenko. Saint Petersburg: Legal Center — Press, 2011, 785 p. (in Russian).
16. Konyakhina V. P., Prokhorova. M. L. *Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshhaja chast'* [Russian criminal law. General part], Moscow, 2014, 559 p. (in Russian).
17. Sabitov R. A. *Teorija i praktika ugovno-pravovoj kvalifikacii: nauchno-prakticheskoe posobie* [Theory and practice of criminal law qualifications: scientific and practical guide]. Moscow, Yurlitinform, 2013, 590 p. (in Russian).
18. Kropacheva N. M., Volzhenkina B. V., Orekhova V. V. *Ugovnoe pravo Rossii. Obshhaja chast': uchebnik* [Criminal law of Russia. General part: textbook]. SPb., 2006. 1064 p. (in Russian).
19. *Encyclopedia of Criminal Law. vol. 6: Complicity in a crime* / ed. prof. Malinin. SPb, 2007, 564 p. (in Russian).
20. *Encyclopedia of Criminal Law. vol. 13: Crime against life and health* / ed. prof. Malinin. SPb., 2013, 953 p. (in Russian).

УДК 343.3.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-90-106

Минакова Ольга Викторовна
младший научный сотрудник кафедры
уголовного права Юго-Западного
государственного университета
marivanna77@mail.ru

Minakova Olga Viktorovna
associate scientist Department
of Criminal Law of the Southwestern
State University
marivanna77@mail.ru

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 216 УК РФ¹

Введение: в статье рассмотрены некоторые проблемы, касающиеся уголовно-правовой регламентации ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ).

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика по уголовным делам, рассмотренным Верховным Судом Российской Федерации и федеральными судами субъектов, законодательство, регулирующее правила безопасности на производстве, при выполнении строительных и иных видов работ.

Методологической основой исследования послужили диалектический и логический методы, методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, формально-логический, системно-структурный и другие методы научного познания.

Результаты исследования отмечают нецелесообразность выделения в диспозиции конкретного вида работ — строительных или иных. Обосновано, что в целях правильного толкования правоприменителем диспозиции ст. 216 УК РФ таковыми являются работы с повышенной опасностью.

Выводы и заключения: сформулировано понятие работ с повышенной опасностью. Предложены пути развития законодательства в части модернизации диспозиции ст. 216 УК РФ посредством включения в нее в качестве уголовно наказуемого деяния нарушения правил производства инженерных изысканий и проектирования для строительства и причинения вреда здоровью средней тяжести, а также исключения из части 1 ст. 216 УК РФ признака крупного ущерба.

Ключевые слова: нарушение правил безопасности, строительные работы, работы с повышенной опасностью, крупный ущерб, вред здоровью средней тяжести, проектирование, инженерные изыскания.

¹ Статья выполнена под научным руководством М.Н. Урда, к.ю.н., доцента кафедры уголовного права ЮЗГУ в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

ABOUT IMPROVEMENT OF THE LEGAL REGULATION OF THE CRIME PROVIDED BY ARTICLE 216 OF THE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article discusses some problems related to the criminal law regulation of liability for violation of safety rules during construction or other work (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Materials and methods: the normative basis of the study was the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice in criminal cases considered by the Supreme Court of the Russian Federation and federal courts of the subjects, legislation governing safety rules at work, when fulfilling construction and other types of work.

The methodological basis of the research was the dialectical and logical methods, methods of induction and deduction, analysis and synthesis, formal-logical, system-structural and other methods of scientific knowledge.

Results of the study show that it is inappropriate to allocate specific types of works — construction works or other works in the allocation. Facts have proved that in order to enable law enforcers to correctly interpret the provisions of the criminal law. Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation provides that these jobs are more dangerous.

Findings and conclusions: the concept of work with increased danger has been formulated. The ways of developing legislation in terms of modernizing the disposition of Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation by including as a criminal offense violation of the rules for the production of engineering surveys and design for construction and causing harm to health of moderate severity, as well as exclusion from part 1 of Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation signs of major damage.

Keywords: violation of safety rules, construction work, work with increased danger, major damage, harm to health of moderate severity, design, engineering surveys.

В судебной и правоприменительной практике достаточно часто возникает потребность в оценке нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ. Основная полемика в доктрине развернулась вокруг терминов, используемых при описании диспозиции ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), среди которых понятия «строительные» и «горные работы». Содержание многолетней дискуссии и её итоги обстоятельно изложены в монографиях и нескольких диссертационных исследованиях, авторы которых, в свою очередь, предлагают для правоприменения свои дефиниции. Проблемы, по мнению автора настоящей статьи, связаны не столько с определением строительных или горных работ (здесь правоприменитель «приспособился» под уголовный закон), сколько с отсутствием, во-первых, четкого понимания «иных» работ; во-вторых, действий, предваряющих производство работ с повышенной опасностью, ненадлежащее выполнение которых приводит к не менее тяжким последствиям; в-третьих, с изъянами конструктивных признаков. А между тем у правоприменителя возникает путаница при толковании сути иных работ, их отграничения от строительных работ как единственно оставшихся в диспозиции после исключения из нее упоминания горных, грубых ошибок проектных работ объектов строитель-

ства, которые обусловили гибель человека и др. Остановимся подробнее на разрешении поставленных вопросов, выдвинутых практикой.

«Иные работы» в наименовании ст. 216 УК РФ и в её диспозиции упомянуты впервые. Подобный метод юридической техники с прилагательным «иные» обычно используется законодателем при желании установить открытый перечень чего-либо. Между тем расплывчатая формулировка «иные работы» не позволяет правоприменителю отграничить их от других, нарушение правил ведения которых уголовно не наказуемо. Нет разъяснения о том, что такое «иные работы» и в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», хотя практика в нем нуждается. Например, иногда правоприменитель вообще не разделяет иные работы и строительные, названные в диспозиции. Так, при описании преступного деяния Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ Республики Бурятия в приговоре от 20.07.2011 установил, что Ш. «привлек Б. и Г. для выполнения строительных и иных работ», которые были фактически допущены Ш. к выполнению газосварочных работ. Кроме этого, суд отметил, что «при производстве строительных и иных работ Ш. должен был соблюдать правила безопасности». В этой связи Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Бурятия внесла изменение в приговор и исключила указание суда первой инстанции на организацию и производство Ш. строительных работ.

Толкование категории «иные работы» и в теории уголовного права неоднозначно. По общему правилу при неопределенности круга преступных действий слово «иные» предполагает уголовную ответственность за действия, сопоставимые с теми, что конкретно поименованы в норме. Исходя из этого, одни исследователи считают иными работы, которые сходны со строительными. Так, Ю. В. Грачева отмечает, что к ним относятся виды работ, уже указанные в ст. 216 УК РФ и обладающие такой же степенью общественной опасности [27, с. 245]. Аналогичное мнение высказывал В. С. Комиссаров, указывая на «однопорядковость» иных работ с горными и строительными и обладающих таким же высоким уровнем возможности причинения вреда [12, с. 315]. Иными работами В. В. Сверчков признает прочие мероприятия, связанные с горными или строительными работами, ограниченные теми же правилами безопасности [9, с. 761]. Т. И. Похлеба под иной понимает работу в условиях повышенной общественной опасности, уровень которой достигает опасности ведения строительной или горной работы [24, с. 15]. А. В. Рагулина под иными понимает сходные с горными и строительными работами, которые обладают таким же высоким уровнем опасности причинения вреда и при проведении которых также необходимо соблюдать определенные правила [32, с. 211].

Другие ученые, напротив, посредством исключения к иным относят работы в тех сферах, которые строительными не являются. В частности, как указывает А. В. Наумов, это работы в другой производственной и иной сфере, нарушение правил ведения которых не подпадает под действие ст. 215, 217—220 УК РФ (например, правила производства в химической промышленности) [21, с. 78]. Д. А. Семенов пишет, что иными долж-

ны признаваться специфические работы всех видов, не считая горных и строительных работ [31, с. 189]. Той же позиции придерживается Л. Г. Мачковский [17, с. 319].

Третьи авторы уточняют саму опасность иных работ, обладающих высоким уровнем возможности причинения вреда, производственного травматизма как строительные работы; сопряженных с риском для работников и опасностью причинения вреда жизни и здоровью людей, их собственности, окружающей среде [30, с. 240]; обладающих повышенным уровнем возможности причинения вреда здоровью человека, например, газосварочные [26, с. 348].

Четвертая группа ученых-криминалистов считает регулирование специальными правилами иных работ критерием их размежевания от строительных. Эту позицию обосновал, например, Р. В. Закомолдин, разделяющий строительные и иные производственные работы, равные между собой по уровню возможного травматизма рабочих и причинения материального вреда, что требует в связи с этим соблюдения специальных правил безопасности (газоэлектросварочные, сталеплавильные, производственно-химические) [8, с. 131]. Почти такое же определение дает и И. С. Улезько в своей кандидатской диссертации [33, с. 15]. В. Ф. Щепельков, Н. И. Пряхина и Е. В. Суслина полагают, что к иным следует относить любые работы, применительно к которым установлены правила безопасности, за исключением работ, за нарушение правил безопасности проведения которых предусмотрена ответственность отдельными статьями УК РФ, например, ст. 248 УК РФ [36, с. 602]. Определенную ясность в понимание термина «иные работы» вносит А. В. Курсаев. На его взгляд, иные работы для целей ст. 216 УК РФ — это работы повышенной опасности, не предусмотренные иными нормами уголовного закона [14, с. 105].

В пятую группу входят те правоведы, которые предприняли попытку перечислить иные работы. Ими в научных трудах предлагается считать мероприятия по разбору завалов разрушенного дома, очистке загрязненных городских объектов, дезактивацию местности или работы по газосварке; установление и наладку подъемных кранов на строительном объекте, эскалатора, лифта, транспортера, иных механизмов в шахте, тоннеле и т. д. [10, с. 212]; взрывные работы, которые не связаны с производством работ на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах [11, с. 219]; работы, связанные с ремонтом и прокладкой линий связи, электросетей, дорог, коммуникаций теплоснабжения, газоснабжения, водоснабжения, канализации и других инженерных сетей [6, с. 138] и др. Иными словами, главные отличия иных работ от строительных теоретиками права сводятся, во-первых, к высокому уровню их опасности, тождественному строительным работам; во-вторых, к тяжести их последствий; в-третьих, к их предусмотренности специальными правилами; в-четвертых, к их принадлежности к иным, кроме строительной, производственным сферам деятельности; в-пятых, к их конкретизации по видам.

Очевидно, что ясной и однозначной позиции о сущности рассматриваемого понятия нет, подтверждением чему является широчайший спектр мнений по этому вопросу. Обобщая приведенные научные взгляды о понятии иных работ, отметим, что нельзя относить к ним все работы, не являющиеся строительными, или те, которые уже предусмотрены в специальных статьях УК РФ. Иная работа не просто должна отличаться

от других видов работ по своему существу (и наименованию в уголовном законе), а быть сопряженной с опасностью причинения тяжких последствий. Расширительное же толкование этой категории без учета потенциального риска наступления опасного вреда от несоблюдения установленных правил их ведения будет означать признание любого вида работ подпадающими под действие ст. 216 УК РФ. Прав Д. Ю. Вешняков, утверждающий, что «вывод об отсутствии в составе преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, ограничений по видам работ, при ведении которых были нарушены правила безопасности, уводит нас в бессистемность сферы его применения. ... Очевидно, что нарушения правил безопасности ... в сфере бытового обслуживания могут создать угрозу конкретным лицам, иногда даже группе людей, но вряд ли можно допустить, что такие нарушения подрывают общественную безопасность» [4, с. 139].

Нельзя согласиться и с оценочным признаком подобности (тождества) степени вреда иных работ и строительных как разграничительным, ибо зависимость квалификации преступления от усмотрения правоприменителя чревата объективным вменением, тем более что тяжесть производственного травмирования может различаться вне зависимости от вида работ. Нарушение стандартов безопасности производства работ как отличительный критерий тоже представляется сомнительным хотя бы потому, что оно непрерывно, когда не достигает того уровня повышенной опасности, который предусмотрен уголовным законом. Среди нормативных актов и правил по обеспечению безопасности труда немало тех, невыполнение которых не влечет создания угрозы наиболее значимым объектам уголовно-правовой охраны.

Рекомендовать правоприменителю какой-либо из критериев, определяющих существенное содержание иных работ, предложенных наукой, нельзя в силу их практической непригодности. Правоприменитель же как воспринимающий субъект, прибегнув к одному из разъяснений теоретиков в комментариях и учебниках, может дать неверную квалификационную оценку содеянному, расширяя пределы своего усмотрения. Причем разброс суждений относительно смысла словосочетания «иные работы» объясняется не ошибками толкователей, пытающихся выработать универсальную трактовку и признаки этого понятия, а дефектом самой конструкции ст. 216 УК РФ. Технико-юридической ошибкой является выделение в тексте нормы одного вида работ, сопряженных с опасностью причинения тяжкого вреда здоровью или жизни многим людям, и всех других под общим словосочетанием «иные», обладающих не меньшим риском. Думается, что понятие «иные работы» значительно шире, нежели понятие «строительные работы», поскольку последние охватывают лишь один из видов производственной деятельности и соотносятся как часть и целое. Понятно, что невозможно перечисление всех работ ввиду громоздкости уголовно-правового предписания, однако сохранение их единственного вида после исключения из диспозиции горных работ, которые еще и поглощаются содержательно «иными», поднимает вопрос об оптимальности законодательного решения. Чтобы его разрешить, субъекту законотворческой деятельности теория может предложить модернизацию формулировки диспозиции с разработкой универсального названия всех опасных работ, коими, как было сказано выше, предлагается считать работы с повышенной опасностью. Из текста части 1 статьи 216 УК РФ предлагается исключить словосочетания «строительные работы» и «иные работы», заменив их ра-

ботами повышенной опасности, дополнив эту норму примечанием-определением. Примечание предлагается изложить в следующей редакции: «Работами повышенной опасности являются работы, выполняющиеся в соответствии со специальным порядком допуска в зонах постоянного или возможного действия опасных и (или) вредных производственных факторов и (или), за исключением видов работ, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

В современных комментариях, статьях и диссертациях на тему состава преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, недоработкой законодателя многие правоведа признают отсутствие в диспозиции указания на нарушение требований безопасности при проектировании строительных объектов, в отличие, например, от ст. 246 УК РФ или ст. 9.2 Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях (далее — КоАП РФ). Дополнение объективной стороны ст. 216 УК РФ этим этапом, как они полагают, решит проблемы точной квалификации, если нарушение требований безопасности привело к гибели и причинению тяжкого вреда здоровью людей [34, с. 58]. С этим предложением следует согласиться, поскольку ошибки проектировщиков и лиц, проверяющих техническое состояние строительных конструкций зданий, строений и сооружений, повлекшие за собой указанные последствия, правоприменитель вынужденно квалифицирует по ст.ст. 109, 118 или по ст. 216 УК РФ в качестве иных работ [19, с. 213]. Такой подход вряд ли соответствует принципу точности квалификации. Например, по названным статьям было выдвинуто обвинение против конструктора проекта покрытия здания СОК «Трансвааль-парк» в г. Москве К. Как говорится в приговоре, при разработке железобетонной ребристой оболочки — металлической колонны со связями К. допустил грубые просчеты, в результате которых конструктивные решения не отвечали обязательным правилам безопасности по обеспечению необходимой прочности, устойчивости и пространственной неизменяемости отдельных конструкций здания на всех стадиях возведения и эксплуатации (пп. 1.3, 1.10, 1.11 СНиП 2.03.01—84. «Бетонные и железобетонные конструкции» (утв. постановлением Госстроя СССР от 20.08.1984 № 136); пп. 1.1, 1.4, 1.7 СНиП П-23-81 «Стальные конструкции» (утв. постановлением Госстроя СССР от 14.08.1981 № 144); п. 6.6. СНиП 2.01.07-85 «Нагрузки и воздействия» (утв. постановлением Госстроя СССР от 29.08.1985 № 135)). Обрушение железобетонной ребристой оболочки, находящейся над бассейновой зоной на площади примерно 4 тыс. кв. м, железобетонного опорного контура (бортового элемента), а также опорных колонн со связями, сопровождаемое падением железобетонных фрагментов оболочки со значительной высоты в бассейновую зону, примыкающие к ней помещения центрального вестибюля и спортивного бассейна указанного здания, привело к гибели 28 человек¹.

Еще в 1970 году Ю. С. Тихонов предлагал включить проектирование в общий цикл строительных работ, определяя их как подготовительные и основные работы по проектированию, возведению, реконструкции, ремонту и полному сносу наземных зданий и сооружений любого вида и назначения, а также прокладку всех коммуникаций открытым способом [28, с. 5]. Вслед за ученым другие комментаторы УК РФ предлагают

¹ Трагедия в развлекательном комплексе «Трансвааль-парк» [Электронный ресурс] // РИА Новости: [сайт]. [2014]. – URL: <https://ria.ru/20140214/994644691.html> (дата обращения: 29.03.2021).

считать проектирование строительными работами в смысле ст. 216 УК РФ [2, с. 19; 3, с. 35; 15, с. 19—20]. Такой подход, несмотря на объективную взаимосвязь проектирования и строительства, неверен и противоречит действующим положениям нормативных правовых и национальных стандартов и сводов правил:

1. Согласно Федеральному закону от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», жизненный цикл здания или сооружения охватывает период инженерных изысканий, проектирования, строительства (в том числе консервации), эксплуатации (в том числе текущих ремонтов), реконструкции, капитального ремонта, сноса здания или сооружения, на что и ссылаются суды. Так, приговором Новомосковского городского суда Тульской области от 20.09.2017 по уголовному делу № 1-638/2017 ведущий инженер-проектировщик строительного отдела ООО «Инженерная группа «БСБ» С. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, и осуждена к одному году ограничения свободы с лишением права заниматься деятельностью в области архитектуры, инженерно-технического проектирования на срок два года. Как установил суд, С. разрабатывала проектную и рабочую документацию металлического каркаса по выпариванию соли ФПС «Новомосковск» ООО «Руссоль». Подрядная организация — ООО «Фриз» — произвела строительство каркаса. Из-за ошибки, допущенной при его проектировании, во время монтажных работ на площадке строящегося производственного корпуса произошло разрушение конструкций узлов, в результате чего бункер упал на монтажника С., который скончался на месте происшествия. Суд обосновал вину С. нарушением требований Технического регламента о безопасности зданий и сооружений, национальных стандартов и сводов правил, регулирующих сферу проектирования объектов для последующего их строительства. В соответствии с п. 1 ст. 3 регламента объектом технического регулирования являются связанные со зданиями и с сооружениями процессы проектирования (включая изыскания), строительства, монтажа, наладки, эксплуатации и утилизации (сноса).

2. В Своде правил СП 12-136-2002 по проектированию и строительству «Безопасность труда в строительстве. Решения по охране труда и промышленной безопасности в проектах организации строительства и проектах производства работ» устанавливается порядок разработки и содержание решений по охране труда и промышленной безопасности в проектно-технологической документации по организации строительства и производству работ (проектах организации строительства и проектах производства работ).

3. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности содержит два разных раздела — F. «Строительство» и M. «Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа».

4. Приказ Министерства регионального развития России от 30.12.2009 № 624 «Об утверждении Перечня видов работ по инженерным изысканиям, по подготовке проектной документации, по строительству, реконструкции, капитальному ремонту объектов капитального строительства, которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства» называет в разделах 1, 2 и 3 виды работ по инженерным изысканиям, подготовке проектной документации и строительству.

Очевидно, что проектирование предшествует самому строительству и не является его составной частью, что подтверждается их выполнением разными субъектами (проектные организации и подрядные организации, осуществляющие строительномонтажные работы). Проектировщики являются участниками строительства, как и подрядчики, поставщики и производители строительных материалов и конструкций, строительной техники и производственного оборудования, а потому строительный подряд и подряд на выполнение проектных и изыскательских работ разграничиваются Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) в ст. 702 [7, с. 46—47]. Просчёты на этапе проектирования, по данным экспертов в сфере строительства, являются причиной 500—600 недопустимых деформаций конструкций зданий и сооружений ежегодно. Они обусловлены, прежде всего, некомпетентностью проектировщика, отсутствием у него опыта проектирования сложных конструкций, неучетом особенностей современных строительных материалов и конструкций [13, с. 43—44; 25, с. 12]. Так, 24.05.2007 на шахте «Юбилейная» в Кузбассе погибли 39 человек. Как установило следствие, в проекте аварийного участка угледобывающего предприятия была допущена ошибка в технологии обработки аварийного забоя. Из-за небольшой высоты угольного пласта в забой проходило недостаточно воздуха, и там произошло скопление и взрыв газа метана. При этом Ростехнадзором этот проект был утвержден.

Обрушение неверно спроектированных объектов капитального строительства и их конструкций может повлечь массовые человеческие жертвы и другие тяжкие последствия. Отсюда непонятно, почему законодатель в диспозиции ст.ст. 215, 246 УК РФ отделяет как разные виды деятельности проектирование специальных объектов (атомной энергетики, промышленных, сельскохозяйственных, научных и др.) или их строительство, повлекшее ввиду нарушения их правил соответствующие опасные последствия, тогда как за ненадлежащее проектирование объектов строительства в ст. 216 УК РФ наказания нет.

Тот же вопрос возникает и в отношении первого этапа проектирования и строительства — инженерных изысканий. Согласно п. 15 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ), инженерные изыскания — изучение природных условий и факторов техногенного воздействия в целях рационального и безопасного использования территорий и земельных участков в их пределах, подготовки данных по обоснованию материалов, необходимых для территориального планирования, планировки территории и архитектурно-строительного проектирования. Перечень видов инженерных изысканий устанавливает постановление Правительства Российской Федерации от 19.01.2006 № 20 «Об инженерных изысканиях для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства». По п. 4.4 Свода правил 47.13330 «СНиП 11-02-96 Инженерные изыскания для строительства. Основные положения» они включают основные и специальные виды изысканий, среди которых выбор оптимального места размещения площадок (трасс) строительства; принятие конструктивных и объемно-планировочных решений; составление прогноза изменений природных условий; разработка мероприятий инженерной защиты от опасных природных процессов и др. Результаты инженерных изысканий должны быть достоверными и достаточными для проектирования объекта капитального

строительства, а также разработки мероприятий по обеспечению его безопасности и надежности (п. 4.41). От достоверности, достаточности, правильной интерпретации результатов геодезических, геологических, гидрометеорологических, экологических и геотехнических и иных видов инженерных изысканий с прогнозом изменений с учетом природных условий и техногенных воздействий зависит безопасное проектирование, строительство и эксплуатация сооружений. Как отмечает М. А. Григорьева, в инженерных изысканиях «не учитываются особенности грунта, факты существования разломов земной коры, на которых, как правило, строительные работы проводить запрещено. И как результат указанных нарушений — разрушение и повреждение не только объектов строительства, оборудования, механизмов, но и находящихся рядом с ними зданий и сооружений» [5, с. 134]. При наступлении же аварийных ситуаций при строительстве или эксплуатации зданий, строений, сооружений за их тяжелые необратимые последствия несут ответственность проектировщики или строители, хотя они явились следствием некачественных, неквалифицированных инженерных изысканий на стадии выбора площадки под строительство.

Изъяны законодательного решения могут быть преодолены путем признания производства инженерных изысканий и проектирования для строительства и реконструкции зданий и сооружений с нарушением их правил уголовно наказуемым. Криминализация нарушения правил выполнения инженерных изысканий объясняется не только исключительной значимостью, самостоятельностью, но и обязательностью этого этапа строительных работ. Так, статья 47 ГрК РФ «Инженерные изыскания для подготовки проектной документации, строительства, реконструкции объектов капитального строительства» устанавливает обязанность выполнения инженерных изысканий для подготовки проектной документации и строительства. Без их выполнения подготовка проектной документации, а также строительство и реконструкция объектов капитального строительства в соответствии с такой проектной документацией не допускаются. П. 4.1 СП 47.13330 «СНиП 11-02-96 Инженерные изыскания для строительства. Основные положения» инженерные изыскания — обязательная часть градостроительной деятельности, обеспечивающая комплексное изучение природных условий территории (региона, района, площадки, участка, трассы) и факторов техногенного воздействия на территорию объектов капитального строительства для решения определенных задач.

В проектируемой норме (ст. 216¹ УК РФ) следует оговорить, что инженерные изыскания и работы по проектированию ведутся для безопасности объектов капитального строительства. ГрК РФ в п. 10 ст. 1 относит к ним здания, строения, сооружения, объекты, строительство которых не завершено, за исключением некапитальных строений, сооружений и неотделимых улучшений земельного участка (замощение, покрытие и др.). В п. 1 Общих положений постановления Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» объекты капитального строительства в зависимости от функционального назначения и характерных признаков делятся на объекты производственного и непроизводственного назначения, и линейные объекты (трубопроводы, автомобильные и железные дороги, линии электропередачи и др.).

Все последствия, вызванные преступным нарушением правил безопасности при ведении строительных или иных работ, являются материальными. Они выражаются в последствиях имущественного характера (крупный ущерб) и физического вреда, причиняемого здоровью и жизни человека. Признак крупного ущерба образует основной состав преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, и его размер определен в пятьсот и более тысяч рублей.

Думается, понятие «крупный ущерб» здесь относительно и весьма условно, поскольку невозможно определить, с какой именно суммы ущерб от нарушения специальных правил безопасности становится общественно опасным, и позволяет ли она отнести деяние к числу уголовно наказуемых. В пояснительных записках к законопроекту информация о научных расчетах в обоснование этой цифры крупного ущерба, впервые появившегося в диспозиции в 2003 году, отсутствует. Почему преступным деяние стало именно с достижения полумиллиона? Ведь даже в составах преступлений одной главы — главы 24 — суммы крупного ущерба различаются. Так, в ст. 217¹ УК РФ «Нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса» крупный ущерб равен сумме более одного миллиона рублей. И это притом, что все преступления, связанные с нарушением специальных правил (ст.ст. 215, 217, 217¹ УК РФ), характеризуются повторяемостью конструктивных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, единой внутренней логикой и аналогичными санкциями.

Полагаем, что минимальная величина имущественного ущерба криминологически не обоснована и завышена, и вот почему. По данным судебной практики, в 68,3 % приговоров материальный ущерб составил менее 100 тыс. руб., в 25,1 % случаев — от 200 до 400 тыс. руб.; 4,3 % — от 500 тысяч руб. и выше, что говорит о механическом его применении. Причем статистика размера ущерба до полумиллиона может быть установлена приблизительно, если в описательной части приговора упоминается его величина, и только когда он причинен в совокупности с тяжким вредом здоровью человеку или его смертью. Иными словами, уголовная репрессия представляется излишней потому, что признак крупного ущерба не востребован следственно-судебной практикой. Уголовные дела по ст. 216 УК РФ возбуждаются исключительно по факту причинения вреда здоровью человека или его смерти, а не по причине причинения крупного ущерба, что подтвердили 79 % следователей Следственного комитета России.

По правилам законодательной техники, указанные в одной части статьи последствия должны быть примерно сопоставимы по степени тяжести. Ошибкой конструирования диспозиции ст. 216 УК РФ является использование в первой её части разных по своей природе последствий — причинение крупного ущерба вместе с тяжким вредом здоровью. Получается, что особый объект охраны, каким является здоровье человека, отличающийся по своей социальной ценности от любого другого, кроме жизни, приравнивается по своей значимости к собственности. Подобное решение в части несопоставимости объектов уголовно-правовой охраны низводит эту ценность до множества иных, оберегаемых законом, что противоречит провозглашенной в ст. 7 УК РФ идее приоритетного обеспечения безопасности человека.

Действующий уголовный закон перенасыщен запретами, которые можно урегулировать через механизм гражданско-правовой ответственности, тем более что в следственно-судебной практике нередко возникают вопросы, которые разрешить в уголовном судопроизводстве невозможно. Речь, например, идет об упущенной выгоде, которую определить в отсутствие необходимых познаний и навыков правоприменитель не может. Привлечение же специалистов, экспертов, оценщиков для её расчета повлечет за собой продление сроков предварительного расследования и, как следствие, «стоимости» уголовного судопроизводства. Как показывают приговоры, при рассмотрении гражданского иска, заявленного в рамках уголовного дела, возмещается только прямой имущественный ущерб (принцип его реального возмещения), а не предполагаемая в будущем прибыль. Потерпевшая сторона затем обращается в суд с иском за взысканием всех убытков, что приводит к задвоению судопроизводства, тем самым нивелируется уголовно-правовое значение признака крупного ущерба.

Дополнительным аргументом в пользу декриминализации крупного ущерба является, во-первых, то, что она не только сократит число лиц, имеющих судимость за преступления небольшой тяжести, но и обеспечит достоверные, а не искусственные показатели преступности. Во-вторых, ненаказуемость крупного ущерба будет означать, что лицо, его причинившее, не будет подвергнуто согласно санкции ч. 1 ст. 216 УК РФ, штрафу или принудительным работам, подразумевающим выплату денежных средств (удержание, взыскание) в доход государства. Например, машинист башенного крана Т. находилась на территории объекта строительства — жилого дома № 1, где выполняла погрузо-разгрузочные работы, управляя башенным краном КБ-674А-3. По их окончании она спустилась с крана и, не предвидя наступления общественно опасных последствий своих действий в виде возможности причинения крупного ущерба, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть эти последствия, закрепила башенный кран на один ручной противоугонный захват, после чего покинула строящийся объект. Т. нарушила подпункт 7 п. 5.1 производственной инструкции № 5 для машинистов башенных кранов об обязанности крановщика по окончании работы укрепить кран всеми противоугонными захватами. В результате падения башенного крана на автомобили частных лиц был причинен материальный ущерб в размере 3 млн руб. Октябрьский районный суд г. Красноярск 29.05.2018 назначил ей наказание в виде штрафа в доход государства в размере 30 тыс. руб. с рассрочкой выплаты в течение 12 мес. по 2500 руб. ежемесячно. Сам факт признания лица виновным в причинении крупного ущерба по приговору от имени государства не облегчает, а, напротив, усложняет потерпевшему механизм взыскания у осужденного убытков. Собственник или иной владелец имущества заинтересован в платежеспособности причинителя ущерба для его погашения, а не в судимости потенциального ответчика, не могущего выплатить долг, например, при лишении свободы или утрате права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. К тому же и без приговора потерпевший при причинении ему материального ущерба сохраняет право на обращение в суд с иском в порядке гражданского судопроизводства, в рамках которого он может доказывать прямой действительный ущерб, вред нематериальным благам, а также произвести оценку неполученного дохода.

Криминологически и социально необоснованным, на наш взгляд, являлось решение законодателя об исключении из диспозиции ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ» Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ последствия в виде причинения по неосторожности средней тяжести вреда здоровью. Частичная декриминализация способствовала, во-первых, утрате превентивного потенциала рассматриваемой нормы, прежде всего, потому, что, как показывают отчеты Роструда, такой вред является одним из распространенных на производстве, во-вторых, он причиняется сразу нескольким лицам. Ученые аргументируют ошибку законодателя и тем, что возросла незащищенность работников от профессиональных заболеваний, которые, как правило, по степени тяжести относятся к средней тяжести вреду здоровью [33, с. 86].

Наблюдаемое в России снижение официально регистрируемых уровней производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом, на фоне роста общей численности работников, занятых во вредных или опасных условиях труда, в условиях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормативам, противоречит логике и дает веские основания полагать, что значительная часть несчастных случаев на производстве скрывается от регистрации и учета. В большей степени это касается травм легкой и средней тяжести [29, с. 103—105]. В-третьих, «последствия неосторожных деяний часто неадекватны нарушениям установленных правил безопасности, непропорциональны тяжести и характеру нарушаемых норм» [23, с. 168], зависят от случайных факторов [17, с. 311], а потому следует исходить из характера нарушения тех или иных правил. В-четвертых, ст. 5.27 КоАП РФ «Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» и ст. 5.27.1 КоАП РФ «Нарушение государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации» не упоминают о причинении вреда здоровью средней тяжести [22, с. 45]. К приведенным аргументам можно добавить, что повсюду сформулированный как материальный в зарубежных странах и, прежде всего, во всех государствах на территории бывшего СССР этот состав не ограничивается ответственностью только за причинение тяжкого вреда здоровью. Законодателю следует учесть эти признаки в диспозиции ст. 216 УК РФ в качестве конструктивных [20, с. 89]. Аргументом в защиту этой позиции служит опрос прокурорских работников и инспекторов по охране труда, поддерживающих криминализацию причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности (69,7 %). Таким образом, наиболее оптимальным решением видится изменение редакции части первой ст. 216 УК РФ путем исключения в ней крупного ущерба и введения наказания за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонченко В. В. Охрана жизни человека — приоритет действующего уголовного закона? // Всероссийский криминологический журнал. — 2011. — № 4. — С. 21—25.
2. Бутырин А. Ю. Судебная строительно-техническая экспертиза в расследовании несчастных случаев и аварий. — М.: ГУ РФЦСЭ, 2003. — 320 с.

3. Веренич И. В. Использование специальных знаний в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере строительства, эксплуатации зданий и сооружений: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 179 с.
4. Вешняков Д. Ю. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2013. — 209 с.
5. Григорьева М. А. О некоторых особенностях обстановки совершения нарушений правил безопасности при ведении строительных работ // Вестник криминологии. — 2009. — № 1(29). — С. 133—135.
6. Данилова Н. А. Надлежащее обеспечение потребностей правоприменительной практики: миф или реальность / Н. А. Данилова, М. А. Григорьева // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 10 (107). — С. 134—141.
7. Дубровский Д. С. Термин «строительные работы» как элемент понятийного аппарата следователя и судебного эксперта // Теория и практика судебной экспертизы. — 2013. — № 4 (32). — С. 44—47.
8. Закомолдин Р. В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 192 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин; под ред. В. Т. Томина, В. В. Сверчкова. — М.: Юрайт-Издат, 2006. — 1228 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 12-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2012. — 1359 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А. В. Бриллиантова. — М.: Проспект, 2016. — 792 с.
12. Курс уголовного права. Особенная часть: в 5 т. Т. 4 / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. — М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. — 672 с.
13. Корнева Е. Р. Ошибки при проектировании зданий и сооружений // Вестник науки и образования. — 2016. — № 6 (18). — С. 43—44.
14. Курсаев А. В. «Иные работы» как признак состава преступления, предусмотренного статьей 216 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 100—105.
15. Кучерков И. А. Расследование преступных нарушений правил безопасности при проведении строительных работ: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 230 с.
16. Лопашенко Н. А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 84—93.
17. Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 432 с.
18. Минакова О. В. Проблемы назначения наказания за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ (по материалам судебной практики) // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Ч. 1 / ред. кол.: А. А. Гребеньков (отв. ред.) [и др.]. — Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. — С. 184—188.
19. Минакова О. В. О проблемах законодательной регламентации нарушения правил безопасности при ведении строительных работ (ст. 216 УК РФ) // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 17 мая 2019 г.). — Волгоград, 2019. — С. 211—221.
20. Минакова О. В. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ / О. В. Минакова, М. Н. Урда // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 4 (55). — С. 86—95.

21. Наумов А. В. Российское уголовное право. Особенная часть (главы XI—XXI): курс лек.: в 3-х т. Т. 3. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 641 с.
22. Наумов А. А. Необходимость криминализации причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности как последствия преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ // Актуальные проблемы социально-экономического развития Российской Федерации. — Барнаул, 2015. — С. 45—48.
23. Нерсесян В. А. Неосторожная вина: проблемы и решения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. И. Рарог. — М., 2004. — С. 161—169.
24. Похлеба Т. И. Техника конструирования составов нарушения правил безопасности при ведении работ (ст. 143, 216, 217 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2013. — 28 с.
25. Рапанович Д. О. Характерные ошибки проектной документации на опасные производственные объекты в нефтяной и газовой промышленности и опасные производственные объекты, на которых ведутся горные работы // Научный журнал. — 2016. — № 1 (2). — С. 11—13.
26. Российское уголовное право. Особенная часть. Т. 2. 2-е изд-е, перераб. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. — М.: Проспект, 2007. — 664 с.
27. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. А. И. Чучаева. — М.: Инфра-М: КОНТРАКТ, 2012. — 448 с.
28. Тихонов Ю. С. Расследование и предупреждение преступных нарушений правил техники безопасности при производстве строительных работ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1970. — 19 с.
29. Тихонова Г. И. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России / Г. И. Тихонова, А. Н. Чуранова, Т. Ю. Горчакова // Проблемы прогнозирования. — 2012. — № 3. — С. 103—118.
30. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 276 с.
31. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. И. Рарога. — М.: Юристь, 2004. — 411 с.
32. Уголовное право. Особенная часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. — 800 с.
33. Улезько И. С. Ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ): уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2015. — 192 с.
34. Щепельков В. Ф. Проблемы уголовно-правовой оценки нарушений правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ) // Петербургский юрист. — 2015. — № 5. — С. 49—58.
35. Щепельков В. Ф., Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (статья 216 УК РФ): криминологическая характеристика и проблемы законодательной регламентации / В. Ф. Щепельков, Н. И. Пряхина, Е. В. Суслина // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — № 3. — С. 598—607.

REFERENCES

1. Antonchenko V. V. Ohrana zhizni cheloveka — prioritet dejstvujushhego ugolovnogo zakona? [Protection of human life — a priority of the current criminal law?]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal — All-Russian criminological journal*, 2011, no. 4, pp. 21—25 (in Russian).

2. Butyrin A. Yu. *Sudebnaja stroitel'no-tehnicheskaja jekspertiza v rassledovanii neschastnyh sluchaev i avarij* [Forensic construction and technical expertise in the investigation of accidents and accidents]. Moscow, GS RFCFS, 2003, 320 p. (in Russian).
3. Verenich I. V. *Ispol'zovanie special'nyh znanij v processe rassledovanija prestuplenij, sovershennyh v sfere stroitel'stva, jekspluatacii zdaniy i sooruzhenij: dis. ... kand. jurid. nauk.* [The use of special knowledge in the process of investigating crimes committed in the field of construction, operation of buildings and structures: dis. ... cand. jurid. Sciences]. Moscow, 2010, 179 p. (in Russian).
4. Veshnyakov D. Yu. *Ugolovno-pravovaja ohrana bezopasnosti truda v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. Nauk* [Criminal and legal protection of labor safety in the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. Sciences]. St. Petersburg, 2013, p. 209 (in Russian).
5. Grigorieva M. A. O nekotoryh osobennostjah obstanovki sovershenija narushenij pravil bezopasnosti pri vedenii stroitel'nyh rabot [On some features of the situation of committing violations of safety rules during construction work]. *Vestnik kriminalistiki — Vestnil of criminalistics*, 2009, no. 1(29), pp. 133—135 (in Russian).
6. Danilova N. A., Grigorieva M. A. Nadlezhashhee obespechenie potrebnostej pravoprimenitel'noj praktiki: mif ili real'nost' [Appropriate provision of the needs of law enforcement practice: myth or reality]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual problems of Russian law*, 2019, no. 10(107), pp. 134—141 (in Russian).
7. Dubrovsky D. S. Termin "stroitel'nye raboty" kak jelement ponjatijnogo apparata sledovatelja i sudebnogo jeksperta" [The term "construction work" as an element of the conceptual apparatus of the investigator and forensic expert]. *Teoriya i praktika sudebnoj jekspertizy — Theory and practice of forensic examination*, 2013, no. 4 (32), pp. 44—47 (in Russian).
8. Zakomoldin R. V. *Obespechenie special'nyh pravil i trebovanij bezopasnosti ugolovno-pravovymi sredstvami* [Provision of special rules and safety requirements by criminal law means]. Moscow, Yurlitinform, 2017, 192 p. (in Russian).
9. Chekalin A. A.; Tomina V. T., Sverchkov V. V. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt-Izdat, 2006, 1228 p. (in Russian).
10. Lebedev V. M. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 12th ed. , Moscow, Yurayt, 2012, 1359 p. (in Russian).
11. Brilliantova A. V. *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj): [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)]: in 2 vol., Moscow, Prospect, 2016, 792 p. (in Russian).*
12. Borzenkov G. N., Komissarov V. S. Course in criminal law. Special part: in 5 volumes, vol. 4. Moscow, ICD "Zertsalo-M", 2002, 672 p. (in Russian).
13. Korneva E. R. Oshibki pri proektirovanii zdaniy i sooruzhenij [Errors in the design of buildings and structures]. *Vestnik nauki i obrazovanija — Vestnik of Science and Education*, 2016, no. 6 (18), pp. 43—44. (in Russian).
14. Kursaev A. V. Inye raboty" kak priznak sostava prestuplenija, predusmotrennogo stat'ej 216 ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii ["Other works" as a sign of corpus delicti under article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019, no. 1, pp. 100—105 (in Russian).
15. Kucherkov I. A. *Rassledovanie prestupnyh narushenij pravil bezopasnosti pri provedenii stroitel'nyh rabot: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Investigation of criminal violations of safety rules during construction work: dis ... cand. jurid. sciences]. Moscow, 2003, 230 p. (in Russian).

16. Lopashenko N. A. Snizhenie repressivnosti ugovolnogo zakona: predlagaemye меры i ih ocenka [Reducing the repressiveness of criminal law: proposed measures and their assessment]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2017, no. 4, pp. 84—93 (in Russian).

17. Machkovsky L. G. *Prestuplenija protiv konstitucionnyh prav cheloveka i grazhdanina: problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Crimes against constitutional human and civil rights: problems of theory and practice of legal regulation: dis. ... dr. jurid. Sciences]. Moscow, 2005, 432 p. (in Russian).

18. Minakova O. V. [Problems of imposing punishment for violation of safety rules during construction or other work (based on judicial practice)]. *Ugolovnoe pravo v jevoljucionirujushhem obshchestve: problemy i perspektivy: sb. nauch. st. Ch. 1* [Criminal law in an evolving society: problems and prospects: collection of articles. scientific. Art. Part 1], Kursk, South-West State University, 2019, pp. 184—188 (in Russian).

19. Minakova O. V. [On the problems of legislative regulation of violation of safety rules during construction work (Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo zakonodatel'stva na sovremennom jetape: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Volgograd, 17 maja 2019 g.)* [Actual problems of criminal legislation at the present stage: collection of articles. scientific. tr. Int. scientific-practical conf. (Volgograd, May 17, 2019)], Volgograd, 2019, pp. 211—221 (in Russian).

20. Minakova O. V., Urda M. N. Social'naja obuslovlennost' ugovolno-pravovogo zapreta narushenija pravil bezopasnosti pri vedenii stroitel'nyh ili inyh rabot [Social conditionality of the criminal law prohibition of violation of safety rules during construction or other work]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (55), pp. 86—95 (in Russian).

21. Naumov A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo. Osobennaja chast' (glavy XI—XXI). Kurs lekcij: v 3-h t. T. 3. [Russian criminal law. Special part (chapters XI—XXI). Course of lectures: in 3 volumes. Vol. 3.]. Moscow, Walters Kluver, 2007, — 641 p. (in Russian).

22. Naumov A. A. Neobhodimost' kriminalizacii prichinenija srednej tjazhesti vreda zdorov'ju po neostorozhnosti kak posledstvija prestuplenij, predusmotrennyh st. 143 i 216 UK RF [The need to criminalize the infliction of medium-gravity harm to health through negligence as a consequence of the crimes under Art. 143 and 216 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii — Actual problems of socio-economic development of the Russian Federation. Barnaul*, 2015, pp. 45—48 (in Russian).

23. Nersesyanyan V. A. [Careless guilt: problems and solutions]. *Ugolovnoe pravo: strategija razvitiya v XXI veke: materialy Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. [Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the International. scientific-practical conf.]*. Moscow, 2004, pp. 161—169 (in Russian).

24. Pokhleba T. I. Tehnika konstruirovaniya sostavov narushenija pravil bezopasnosti pri vedenii rabot (st. 143, 216, 217 UK RF): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. [Technique of constructing compositions of violation of safety rules during work (Articles 143, 216, 217 of the Criminal Code of the Russian Federation): author. dis. ... cand. jurid. sciences.]. Saratov, 2013, 28 p. (in Russian).

25. Rapanovich D. O. Harakternye oshibki proektnoj dokumentacii na opasnye proizvodstvennye ob'ekty v neftjanoj i gazovoj promyshlennosti i opasnye proizvodstvennye ob'ekty, na kotoryh vedutsja gornye raboty [Typical errors in design documentation for hazardous production facilities in the oil and gas industry and hazardous production facilities where mining operations are carried out]. *Nauchnyj zhurnal — Scientific journal*, 2016, no.1(2). pp. 11—13 (in Russian).

26. Inogamova-Khegai L. V., Komissarova V. S., Rarog A. I. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Osobennaja chast'. T. 2. 2-e izd., pererab. i dop.* [Russian criminal law. The special part. Vol. 2. 2nd ed., Rev. and add. / ed.]. Moscow, Prospect, 2007, 664 p. (in Russian).
27. Chuchayev A. I. *Rossijskoe ugovolnoe pravo. Osobennaja chast': uchebnik* [Russian criminal law. Special part: textbook]. Moscow, Infra-M, KONTRAKT, 2012, 448 p. (in Russian).
28. Tikhonov Yu. S. *Rassledovanie i preduprezhdenie prestupnyh narushenij pravil tehniki bezopasnosti pri proizvodstve stroitel'nyh rabot: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Investigation and prevention of criminal violations of safety rules during construction work: author. dis. ... cand. jurid. Sciences]. Saratov, 1970, 19 p. (in Russian).
29. Tikhonova G. I., Churanova A. N., Gorchakova T. Yu. *Proizvodstvennyj travmatizm kak problema social'no-trudovyh otnoshenij v Rossii* [Industrial injuries as a problem of social and labor relations in Russia]. *Problemy prognozirovaniya — Problems of forecasting*, 2012, no. 3, pp. 103—118 (in Russian).
30. Tyazhkova I. M. *Neostorozhnye prestuplenija s ispol'zovaniem istochnikov povyshennoj opasnosti* [Reckless crimes using sources of increased danger]. St. Petersburg: Legal. Center Press, 2002, 276 p. (in Russian)
31. Rarog A. I. *Ugovolnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaja chast': uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop.* [Criminal law of the Russian Federation. Special part: textbook. 2nd ed., Rev. and add.], Moscow, Jurist, 2004, 411 p. (in Russian).
32. Inogamova-Khegai L. V., Raroga A. I., Chuchayev A. I. *Ugovolnoe pravo. Osobennaja chast': uchebnik. 2-e izd., ispravl. i dop.* [Criminal law. Special part: textbook. 2nd ed., Revised. and add.], Moscow, Law firm "KONTRAKT", INFRA-M, 2008, 800 p. (in Russian).
33. Ulezko I. S. *Otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii gornyh, stroitel'nyh ili inyh rabot (st. 216 UK RF): ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt: dis. ... kand. jurid. nauk.* [Responsibility for violation of safety rules during mining, construction or other work (Art. 216 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law and criminological aspects: dis. ... cand. jurid. Sciences], Omsk, 2015, 192 p. (in Russian).
34. Shchepelkov V.F. *Problemy ugovolno-pravovoj ocenki narushenij pravil bezopasnosti pri vedenii gornyh, stroitel'nyh ili inyh rabot (st. 216 UK RF)* [Problems of the criminal-legal assessment of violations of safety rules during mining, construction or other works (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Peterburgskij jurist — Petersburg Lawyer*, 2015, no. 5, pp. 49—58 (in Russian).
35. Shchepelkov V. F., Pryakhina N. I., Suslina E. V. *Narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii gornyh, stroitel'nyh ili inyh rabot (stat'ja 216 UK RF): kriminologicheskaja harakteristika i problemy zakonodatel'noj reglamentacii* [Violation of safety rules during mining, construction or other work (article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminological characteristics and problems of legislative regulation]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal — All-Russian criminological journal*, 2016, no. 3, pp. 598—607 (in Russian).

УДК: 343.9

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-107-112

Сидорова Екатерина Закариевна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии
Восточно-Сибирского института
МВД России
ketrik6@mail.ru

Sidorova Ekaterina Zakariевна
Candidate of Law
Lecture of the Department of criminal law and
criminology of the East-Siberian Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
ketrik6@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: одним из национальных приоритетов в нашей стране выступает сфера образования. Для того чтобы отечественный институт образования мог развиваться и совершенствоваться, государство должно обеспечить целостность и защищенность его компонентов от различного рода угроз и современных вызовов. Сделать это возможно, только опираясь на должным образом проработанную нормативно-правовую базу. В настоящей статье автор обращается к исследованию правовых актов, на которых строится государственное и муниципальное управление в сфере образования.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют нормативно-правовые акты федерального уровня, например, Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», регионального уровня, например, закон Иркутской области от 10 июля 2014 года № 91-ОЗ «Об отдельных вопросах образования в Иркутской области» и муниципального уровня, например, решение Думы г. Иркутска от 26 апреля 2010 года № 005-20-100130/10 «О дополнительной мере социальной поддержки активистов и отличников учебы...». Методологическая основа исследования выражена в общем диалектическом методе научного познания, который характеризуется своей универсальностью. В исследовании использованы также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования позволили раскрыть нормативно-правовую базу, на которой строится государственное и муниципальное управление в сфере образования. Автор приводит примеры актуальных федеральных, региональных и муниципальных правовых актов, которые позволяют регулировать те или иные аспекты образовательных отношений.

Выводы и заключения: описание и раскрытие автором государственных и муниципальных нормативных актов, регулирующих сферу образования, а также предложенная автором классификация данных нормативно-правовых актов способствуют теоретической обоснованности государственного и муниципального управления сферы образования и совершенствованию регулирования образовательных отношений, в том числе в области обеспечения безопасности образовательного процесса.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, образовательные отношения, образование, безопасность образовательной среды, противодействие угрозам, защищенность образовательной среды, правовое регулирование, национальная безопасность, нормативно-правовые акты.

LEGAL BASIS OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT IN THE FIELD OF EDUCATION

Introduction: one of the national priorities it is the sphere of education in our country. In order for the national Institute of education to develop and improve, the state must ensure the integrity and security of its components from various threats and modern challenges. This can only be done by relying on a properly developed regulatory framework. In this article, the author refers to the study of legal acts on which state and municipal management in the field of education is based.

Materials and methods: the normative basis of the research is based on Federal legal acts, for example, the Constitution of the Russian Federation, Federal law, 2012 “On education in the Russian Federation”, regional level, for example, the law of the Irkutsk region of July 10, 2014 “On certain issues of education in the Irkutsk region” and municipal level, for example, the decision of the Irkutsk city Duma, 2010 “On an additional measure of social support for activists and excellent students...”. The methodological basis of the research is expressed in the General dialectical method of scientific knowledge, which is characterized by its universality. The study also used methods of logical deduction, induction, cognitive methods, comparison, analysis, generalization and description.

Results of the study: they allowed us to reveal the legal framework on which state and municipal management in the field of education is based. The author gives examples of relevant Federal, regional and municipal legal acts that allow regulating certain aspects of educational relations.

Findings and conclusions: description and disclosure of state and municipal regulations regulating the sphere of education, as well as the classification of these regulations proposed by the author, contribute to the theoretical validity of state and municipal management of the sphere of education and improve the regulation of educational relations, including in the field of ensuring the safety of the educational process.

Keywords: state and municipal administration, educational relations, education, security of the educational environment, countering threats, protection of the educational environment, legal regulation, national security, regulatory acts.

Сфера образования является очень обширной и включает в себя огромное множество аспектов, одним из которых выступает управленческая деятельность по регулированию общественных отношений в указанной области.

К правовым основам государственного и муниципального управления в образовательной среде относятся базовые положения, закрепленные в нормативных правовых актах, они регламентируют обозначенную сферу общественных отношений.

В первую очередь необходимо обозначить те нормативные правовые документы, на основе которых осуществляется регулирование государственного и муниципального управления в сфере образования. Указанные документы целесообразно разделить на три уровня по территориальному принципу и юридической силе:

1. Нормативно-правовые акты федерального уровня. Например:

— Конституция Российской Федерации (статьи 43, 72, 114, 130)¹;

— Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в частности, статьи 8, 9, 26, 28)²;

¹ Конституция Российской Федерации: принята на всенар. голосовании 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. — 1993. — № 237.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ: в ред. федер. закона от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ // СЗ РФ. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7598.

— Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (например, статьи 14—16.1)¹;

— приказ Минпросвещения России от 2 сентября 2020 г. № 458 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»².

2. Нормативно-правовые акты регионального уровня. Например:

— Устав Иркутской области (в частности, статьи 17, 40)³;

— Закон Иркутской области от 10 июля 2014 г. № 91-оз «Об отдельных вопросах образования в Иркутской области»⁴;

— приказ министерства образования Иркутской области от 30 октября 2018 г. № 122-мпр «Об утверждении ведомственной целевой программы Иркутской области «Повышение эффективности образовательных систем, обеспечивающих современное качество общего образования» на 2019—2024 годы»⁵.

3. Нормативно-правовые акты муниципального уровня. Например:

— Устав города Иркутска (в частности, статьи 11, 11.1)⁶;

— решение Думы г. Иркутска от 26 апреля 2010 г. № 005-20-100130/10 «О дополнительной мере социальной поддержки активистов и отличников учебы, обучающихся в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального, среднего профессионального и начального профессионального образования (в государственных образовательных организациях высшего образования или государственных профессиональных образовательных организациях), расположенных на территории города Иркутска, в виде единовременной стипендии мэра города Иркутска»⁷.

Следует отметить, что правовое регулирование государственного и муниципального управления в сфере образования осуществляется не только так называемыми

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ: в ред. федер. законов от 9 нояб. 2020 г. № 363-ФЗ, № 370-ФЗ // Рос. газ. — 2003. — № 202.

² Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования: приказ Минпросвещения России от 2 сент. 2020 г. № 458 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020 (дата обращения: 13.04.2021).

³ Устав Иркутской области: принят постановлением Законодательного собрания Ирк. обл. от 15 апр. 2009 г. № 9/5-ЗС: в ред. закона Ирк. обл. от 12 июля 2018 г. № 2-У // Областная. — 2009. — № 45.

⁴ Об отдельных вопросах образования в Иркутской области: закон Ирк. обл. от 10 июля 2014 г. № 91-оз: в ред. закона Ирк. обл. от 6 апр. 2020 г. № 32-оз // Областная. — 2014. — № 78.

⁵ Об утверждении ведомственной целевой программы Иркутской области «Повышение эффективности образовательных систем, обеспечивающих современное качество общего образования» на 2019—2024 годы: приказ министерства образования Иркутской области от 30 окт. 2018 г. № 122-мпр: в ред. приказа министерства образования Иркутской области от 22 окт. 2020 г. № 77-мпр [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2018 (дата обращения: 13.04.2021).

⁶ Устав города Иркутска: принят решением Думы г. Иркутска от 20 мая 2004 г. № 003-20-430537/4: в ред. решения Думы г. Иркутска от 10 июля 2020 г. № 007-20-015147/0 // Ведомости органов городского самоуправления г. Иркутска. — 2004. — II квартал. — С. 11.

⁷ О дополнительной мере социальной поддержки активистов и отличников учебы, обучающихся в государственных образовательных учреждениях высшего профессионального, среднего профессионального и начального профессионального образования (в государственных образовательных организациях высшего образования или государственных профессиональных образовательных организациях), расположенных на территории города Иркутска, в виде единовременной стипендии мэра города Иркутска: решение Думы г. Иркутска от 26 апр. 2010 г. № 005-20-100130/10: в ред. решения Думы г. Иркутска от 27 мая 2016 г. № 006-20-220354/6 // Иркутск официальный. — 2010. — № 22.

профильными нормативно-правовыми актами (т. е. нормативно-правовыми актами, касающимися именно образовательных вопросов), но и «непрофильными» документами (т. е. регулируемыми в первую очередь иные, необразовательные отношения и затрагивающими только отдельные аспекты образования) [2]. Такие нормативно-правовые акты можно классифицировать в зависимости от области регулируемых общественных отношений и затрагиваемых вопросов:

1) вопросы организации образования. Например, Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»¹, Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии»²;

2) специальные виды образования. Например, особенности военного образования регулируются Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»³, особенности профессионального образования, получаемого осужденными к лишению свободы, предусмотрены Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации⁴;

3) льготы, установленные для участников образовательных отношений. Например, Закон Иркутской области от 23 октября 2006 г. № 63-оз «О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей»⁵, Закон Иркутской области от 17 декабря 2008 г. № 107-оз «Об отдельных мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Иркутской области»⁶;

4) трудовые отношения и меры социального обеспечения в сфере образования. Например, Трудовой кодекс Российской Федерации⁷, приказ министерства социального развития, опеки и попечительства Иркутской области от 3 октября 2014 г. № 165-мпр «Об утверждении Положения о порядке предоставления меры социальной поддержки в виде единовременной выплаты детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которым вручена медаль «За особые успехи в учении»⁸;

¹ О языках народов Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 25 окт. 1991 г. № 1807-1: в ред. федер. закона от 31 июля 2020 г. № 268-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 50. — Ст. 1740.

² О национально-культурной автономии: федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ: в ред. Федер. закона от 4 нояб. 2014 г. № 336-ФЗ // Рос. газ. — 1996. — № 118.

³ О воинской обязанности и военной службе: федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ: в ред. федер. закона от 15 окт. 2020 г. № 332-ФЗ // Рос. газ. — 1998. — № 63—64.

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ: в ред. федер. закона от 1 апр. 2020 г. № 96-ФЗ // Рос. газ. — 1997. — № 9.

⁵ О социальной поддержке в Иркутской области семей, имеющих детей: закон Иркутской области от 23 окт. 2006 г. № 63-оз: в ред. закона Иркутской области от 17 июля 2020 г. № 70-ОЗ // Областная. — 2006. — № 94.

⁶ Об отдельных мерах социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Иркутской области: закон Ирк. обл. от 17 дек. 2008 г. № 107-оз // Областная. — 2008. — № 146.

⁷ Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: в ред. федер. закона от 9 нояб. 2020 г. № 362-ФЗ // Рос. газ. — 2001. — № 256.

⁸ Об утверждении Положения о порядке предоставления меры социальной поддержки в виде единовременной выплаты детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, а также лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которым вручена медаль «За особые успехи в учении»: приказ м-ва соц. развития, опеки и попечительства Ирк. обл. от 3 окт. 2014 г. № 165-мпр: в ред. приказа м-ва соц. развития, опеки и попечительства Ирк. обл. от 21 июня 2016 г. № 99-мпр // Областная. — 2014. — № 122.

5) экономические и финансовые отношения в сфере образования. Например, Гражданский кодекс Российской Федерации¹, Бюджетный кодекс Российской Федерации², Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»³;

б) отношения в сфере уголовной и административной ответственности за правонарушения в сфере образования. Например, Уголовный кодекс Российской Федерации⁴, Закон Иркутской области от 30 декабря 2014 г. № 173-оз «Об отдельных вопросах регулирования административной ответственности в области благоустройства территорий муниципальных образований Иркутской области»⁵;

7) безопасность участников образовательных отношений. Например, указ губернатора Иркутской области от 12 октября 2020 г. № 279-уг «О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»⁶, постановление Правительства Иркутской области от 24 октября 2013 г. № 440-пп «Об утверждении государственной программы Иркутской области «Обеспечение комплексных мер противодействия чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, построение и развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на 2019—2024 годы»⁷.

Таким образом, современное законодательство является очень обширным и регулирует множество аспектов осуществления государственного и муниципального управления в сфере образования. В ранее проведенных научных исследованиях автором уже затрагивался вопрос о некоторых правовых основах, на которых основывается обеспечение криминологической безопасности образовательной среды [1, с. 241—245; 3, с. 60—65]. Дополнительно отметим, что теоретическое исследование подобного вопроса необходимо для качественного осуществления исследований в области формирования госу-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. федер. закона от 31 июля 2020 г. № 251-ФЗ // Рос. газ. — 1994. — № 238—239.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ: в ред. федер. закона от 15 окт. 2020 г. № 327-ФЗ // Рос. газ. — 1998. — № 153—154.

³ О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. — 1996. — № 14.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. федер. закона от 27 окт. 2020 г. № 352-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

⁵ Об отдельных вопросах регулирования административной ответственности в области благоустройства территорий муниципальных образований Иркутской области: закон Ирк. обл. от 30 дек. 2014 г. № 173-оз: в ред. закона Ирк. обл. от 31 окт. 2017 г. № 69-оз // Областная. — 2014. — № 148.

⁶ О режиме функционирования повышенной готовности для территориальной подсистемы Иркутской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: указ губернатора Ирк. обл. от 12 окт. 2020 г. № 279-уг: в ред. указа губернатора Ирк. обл. от 30 нояб. 2020 г. № 334-уг [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2020 (дата обращения: 13.04.2021).

⁷ Об утверждении государственной программы Иркутской области «Обеспечение комплексных мер противодействия чрезвычайным ситуациям природного и техногенного характера, построение и развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на 2019—2024 годы: постановление Правительства Ирк. обл. от 6 нояб. 2018 г. № 814-пп: в ред. постановления Правительства Ирк. обл. от 26 авг. 2020 г. № 699-пп [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 2018 (дата обращения: 13.04.2021).

дарственных и муниципальных целевых программ по обеспечению безопасности образования. Вместе с тем по-прежнему остаются не до конца урегулированными отдельные аспекты образовательных отношений. По-прежнему несовершенна правовая база, регулирующая область обеспечения безопасности образовательной среды. Именно в данном направлении должно двигаться развитие нормативно-правовой отрасли, касающейся сферы образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Босхолов С. С. Понятие системы обеспечения криминологической безопасности образования / С. С. Босхолов, Е. З. Сидорова // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. — 2020. — № 3 (94). — С. 66—73.
2. Комментарий к Федеральному закону от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / под ред. В. Е. Усанова // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Сидорова Е. З. Криминологическая безопасность образовательных организаций: проблемы понятийного аппарата // Вестник Омской юридической академии. — 2019. — Т. 16. — № 1. — С. 60—65.

REFERENCES

1. Boskholov S. S., Sidorova E. Z. Ponjatie sistemy obespechenija kriminologicheskoy bezopasnosti obrazovanija [The Concept of the system of ensuring criminological security of education]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii — Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (94), pp. 66—73 (in Russian).
2. Commentary to the Federal law of December 29, 2012 № 273-FZ “On education in the Russian Federation” / ed. by V. E. Usanov // Consultant Plus (in Russian).
3. Sidorova E. Z. Kriminologicheskaja bezopasnost' obrazovatel'nyh organizacij: problemy ponjatijnogo apparata [Criminological security of educational organizations: problems of the conceptual apparatus]. *Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii — Vestnik of the Omsk law Academy*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 60—65 (in Russian).

УДК: 343.9.01

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-113-125

Скоморохов Роман Викторович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-
муниципального управления
и предпринимательского права Иркутского
института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
skomorohovrv@yandex.ru

Skomorokhov Roman Viktorovich

Candidate of Law Sciences, docent Associate
Associate Professor of the Department
of State-Municipal Management and
Entrepreneurial Law Irkutsk Institute
(branch) of the All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry
of Justice of Russia)
skomorohovrv@yandex.ru

МОДЕЛЬ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Введение: модель преступности в отечественной криминологии формировалась в определенных исторических условиях, связанных с существованием социалистических общественных отношений. Статья посвящена ответу на вопрос: может ли изменение общественно-экономической формации повлиять на модель преступности?

Материалы и методы: в процессе исследования использовалась совокупность методов: диалектический материализм, комплексный подход к изучению истории, система общенаучных и частных методов познания, включающих в себя: наблюдение, сравнение, описание, аналогию, формальную классификацию, а также логические приемы и способы исследования (анализ, синтез, индукцию, дедукцию).

Результаты исследования позволили автору обобщить собранные в процессе изучения вопросы, связанные со становлением и развитием модели преступности в СССР, определить её специфические особенности в конкретных исторических условиях.

Выводы и заключения: с переходом России к капиталистической общественно-экономической формации существенно изменилась система общественных отношений, в которой социальное равенство не является конституционной ценностью, а уголовный закон не отражает интересы всего общества. Ценности советского общества, позволившие коммунистической партии сформулировать цель именно так, а не иначе, стали историей.

Такое положение открывает возможность поиска наиболее актуальных характеристик криминологической модели преступности.

Ключевые слова: модель преступности, структура преступности в СССР, пережитки буржуазного прошлого, системный анализ преступности.

MODEL OF CRIMINALITY IN THE USSR: SYSTEM ANALYSIS EXPERIENCE

Introduction: the model of crime in Russian criminology was formed in certain historical conditions associated with the existence of socialist social relations. The article is devoted to answering the question: can a change in the socio-economic formation affect the crime model?

Materials and methods: in the process of research, a set of methods was used: dialectical materialism, an integrated approach to the study of history, a system of general scientific and private methods of cognition, including: observation, comparison, description, analogy, formal classification, as well as logical methods and methods of research (analysis, synthesis, induction, deduction).

Results of the study allowed the author to generalize the issues collected in the process of studying, related to the formation and development of the crime model in the USSR, to determine its specific features in specific historical conditions.

Findings and conclusions: with the transition of Russia to a capitalist socio-economic formation, the system of social relations has changed significantly, social equality is not a constitutional value, and the criminal law does not reflect the interests of the whole society. The values of Soviet society, which allowed the Communist Party to formulate its goal in this way and not otherwise, have become history. This situation opens up the possibility of searching for the most relevant characteristics of the criminological model of crime.

Keywords: model of criminality, structure of criminality in the USSR, remnants of the bourgeois past, system analysis of criminality.

Понятие системы, определенной как «совокупность взаимодействующих частей», впервые было отчетливо сформулировано биологом Людвигом фон Бергаланфи. Его идеи были представлены в 30-х гг. прошлого столетия в серии лекций и далее во многих публикациях после Второй мировой войны.

Л. Бергаланфи сформулировал теорию открытых систем, которая описывает процесс обмена между живым организмом и окружающей его средой. Теория открытых систем вначале применялась в науке о жизни, а именно в биологии организмов и физиологии, затем в психологии, социологии, антропологии, экономике и теории организаций [20, с. 20]. Системные исследования при всей их специфике и разнообразии сходны в понимании и рассмотрении исследуемых ими объектов как систем, т. е. множества взаимосвязанных элементов, выступающих в виде единого целого. Наиболее конструктивным из прикладных направлений системных исследований в настоящее время считается системный анализ.

Системный анализ — методология исследования трудно наблюдаемых и трудно понимаемых свойств и отношений в объектах с помощью представления этих объектов в качестве целенаправленных систем и изучения свойств этих систем и взаимоотношений между целями и средствами их реализации. Это определение позволяет отличить методы системного анализа от других методов исследования и относит его к определенной области научных знаний. Почти все методы исследования исходят из четко сформулированной заранее задачи. Системный анализ решает вопросы о том, как правильно ставить задачи, какие методы исследования использовать.

Главное в системном анализе — как сложное превратить в простое, как не только трудноразрешимую, но и труднопознаваемую проблему превратить в четкую серию задач, имеющих метод решения. Суть этапов системного анализа заключается в построении модели исследуемой системы.

Модели являются всегда упрощенным описанием системы. Модель — это отображение реальной системы (оригинала), имеющее определенное объективное соответствие ей и позволяющее прогнозировать и исследовать её функциональные характеристики, т. е. характеристики, определяющие взаимодействие системы с внешней средой [1, с. 61, с. 101].

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу проанализировать соответствие криминологической модели преступности, её оригиналу.

Автора интересует модель, разработанная отечественными криминологами в 60-х гг. XX в. для исследования преступности в СССР. Имеющаяся модель преступности широко используется в криминологических исследованиях до настоящего времени и не претерпела с момента её создания существенных изменений относительно её структуры.

Чем модель преступности может быть интересна для нас через шестьдесят лет после её создания?

Дело в том, что, как бы идеально ни была построена модель, как точно бы она ни отражала реальный объект, со временем сам объект может претерпеть такие изменения, которые делают модель малопригодной или непригодной вовсе для изучения объекта.

Как отметил В. И. Новосельцев: «По существу, для любой системной проблемы свойственно отсутствие какой-либо модели, устанавливающей исчерпывающим образом причинно-следственные связи между её компонентами, а о существовании критериев оптимальности можно говорить только после разрешения проблемы. Условность оптимального варианта разрешения сколько-нибудь значимой практической проблемы — факт общепризнанный. Достаточно назвать вариант, претендующий на эту роль, как не составит большого труда найти ряд обстоятельств, которые не были учтены при его обосновании, и тем самым продемонстрировать условность оптимальности. То есть сделать вывод о том, что данный вариант можно признать оптимальным при условии, если...» [19, с. 25].

Получается, что, если обнаружить обстоятельства, которые не были учтены в процессе моделирования преступности, то они могут свидетельствовать об отсутствии оптимальности характеристик всей модели. Такое положение, в свою очередь, будет достаточным основанием для построения новой модели, ведь моделирование — процесс адекватного отображения наиболее существенных сторон исследуемого объекта или явления с точностью, которая необходима для практических нужд.

Поскольку системный анализ имеет дело с определенным объектом, с конкретной проблемой, приступая к моделированию системы того или иного объекта, прежде всего, необходимо ясно сформулировать проблему, для решения которой заказчик инициирует построение системы. Важным является положение, согласно которому заказчик, определяя цель исследования, оказывает существенное воздействие на характеристики системы, которые зависимы и определяются, ориентируясь на имеющуюся цель. Цель исследования, таким образом, предполагается значимым внешним фактором по отношению к системе, а потому становится самостоятельным объектом исследования. Цель исследования выступает абстрактной моделью желаемого состояния среды [1, с. 17], «одна и та же система может быть представлена разными структурами в зависимости от стадии познания объектов или процессов, от аспектов их рассмотрения, цели создания. При этом по мере развития исследований или в ходе проектирования структура системы может изменяться» [25, с. 11].

«Уже Кант определял структуру как «положение и связь частей какого-либо организма, образованного с определенной целью» [7, с. 348]. В современной теории системного анализа структура — «совокупность необходимых и достаточных для достижения целей отношений между элементами» [25, с. 26].

Проведем анализ цели исследования преступности. Оговоримся, что можно сформулировать далеко не одну цель исследования объекта. Однако нас интересует главная, практическая цель, та, ради которой государство инициировало проведение исследований преступности. Такую цель несложно установить, обращаясь к уголовной политике государства, содержанием которой является разработка целей и задач, а также выработка средств и методов воздействия на преступность.

Для отечественной криминологии заказчиком построения известной сегодня модели системы преступности выступила Коммунистическая партия СССР. Изначально, на момент создания модели преступности, стратегическая цель исследования преступно-

сти звучала следующим образом: «Программа партии ставит задачу — искоренить всякие нарушения социалистического правопорядка, окончательно ликвидировать преступность и устранить все те причины, которые её порождают. Неизбежность отмирания преступности в условиях строительства коммунистического общества была предусмотрена гениальным научным предвидением В. И. Ленина», — утверждал А. А. Герцензон [5, с. 6],[9, с. 174].

Как видно, стратегическая цель исследования преступности — её окончательная ликвидация.

Философский словарь определяет структуру как «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях» [24, с. 657].

Приступая к изучению преступности с целью её ликвидации, понимаем: для того, чтобы она существовала, должны осуществляться определенные функции. Значит, необходимо определить эти функции и объекты, которым они принадлежат. Воздействуя на них, сможем добиться поставленной цели.

Первая функция обнаруживает себя в связи с внутренними противоречиями общественных отношений, что подчеркивает В. Н. Кудрявцев: «Рассматривая проблему причин преступности на наиболее высоком, общесоциальном или, точнее, философском уровне, можно утверждать, что, хотя в разных социально-экономических формациях, в различных исторических условиях причины преступности не одинаковы, все же их объяснение имеет нечто общее: в основе этих причин всегда лежат объективные социальные противоречия» [12, с. 12]. Я. И. Гилинский определял преступность «как сложное социальное явление есть одно из проявлений внутренних противоречий общественных отношений в конкретной исторической формации» [6, с. 11].

Определим особенности проявлений внутренних противоречий социалистических общественных отношений. Эти особенности отмечены коммунистической партией Советского Союза сразу при постановке цели ликвидации преступности: «осуществление этой грандиозной задачи в исторически краткий срок возможно только в стране, победившей социализма, вступившей в период развернутого строительства коммунизма», «неизбежность отмирания преступности в условиях строительства коммунистического общества была предусмотрена гениальным научным предвидением В. И. Ленина».

В таком случае уточним вопрос: каковы особенности внутренних противоречий в стране победившего социализма?

Признанной ценностью, закрепленной Конституцией СССР 1977 г., являлось достигнутое социальное равенство людей в советском обществе. СССР — это общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ [10, с. 3].

Из данного положения следует, что в советском обществе отсутствовали классовые антагонизмы, которые признавались ключевыми детерминантами преступности в капиталистических странах: «В отличие от эксплуататорского общества преступность не присуща социалистическому строю. Она существует лишь постольку, поскольку при социализме — этой переходной от капитализма к коммунизму фазе — сохраняются остатки досоциалистического прошлого», — был уверен А. А. Герцензон [5, с. 62].

«Преступность, — по словам Н. Ф. Кузнецовой, — складывается из двух качественно и количественно различных групп преступлений. Особо опасные государственные пре-

ступления являются выражением борьбы лагеря империализма со странами социалистического содружества. Существование этой преступности остается неизбежным до победы социализма в главных империалистических государствах. Другую основную часть преступности образует общеуголовная преступность, совершаемая в силу сохранения еще мелкобуржуазных взглядов и привычек. Эта преступность в условиях перехода от социализма к коммунизму все более теряет черты необходимого социального явления» [14, с. 211].

«К объективным причинам преступности, — сообщает П. П. Михайленко, — обычно относятся пережитки капитализма в сознании людей; наличие империалистических стран, делающих все возможное для оживления у отдельных советских граждан пережитков прошлого, для прямой враждебной деятельности против социалистических стран и, прежде всего, против Советского Союза, и, наконец, некоторые конкретные экономические условия, затрудняющие искоренение чуждых нам нравов и традиций, а, следовательно, и окончательную ликвидацию преступности» [17, с. 70].

Как видно, ценность социального равенства, закрепленная в Конституции СССР, находит свое конкретное выражение в процессе установления функциональной зависимости между большей частью преступности и пережитками прошлого. Незначительную долю составляют особо опасные государственные преступления, которые находятся в функциональной связи с антагонистическим влиянием империализма.

Социальное равенство советских людей подчеркивалась коммунистической партией при постановке цели ликвидации преступности. Это значит, что коммунистическая партия эксплицитно обозначила функциональную связь между преступностью и пережитками буржуазного прошлого для советских криминологов. Вопрос о том, было ли объективно достигнуто социальное равенство, советскими криминологами не ставился, выступая для криминологической науки как внешнее условие, ценность.

Таким образом, пережитки буржуазного прошлого выступают объектом, который состоит в определенной функциональной связи с преступностью. Не будет пережитков буржуазного прошлого, не будет и общеуголовной преступности. Отсюда следует, что одно из свойств пережитков буржуазного прошлого является родовым свойством преступности.

Известно, что свойство выражает такую сторону предмета, которая обуславливает его различие или общность с другими предметами и обнаруживается в его отношении к ним [24, с. 598]. Это означает, что, определив характер функциональной связи (отношение) между пережитками буржуазного прошлого и советского общества, мы тем самым определим родовое свойство преступности. В таком случае уточним функцию пережитков буржуазного прошлого в отношении советского общества.

Словарь научного коммунизма следующим образом характеризует пережитки прошлого. Пережитки прошлого в сознании и поведении людей — это идеи, представления, традиции, поступки и привычки людей, выступающие в условиях социализма как порождение и отражение изживших или изживающих себя общественных отношений. Эти явления разнообразны по своему характеру. К ним относятся: нарушения гуманистических принципов в отношениях между людьми (равнодушие, грубость, высокомерие, жестокость, нечестность, цинизм, клевета и т. д.); нарушения принципов морали коммунистической, выражающиеся в удовлетворении эгоистических личных потребностей в ущерб обществу, коллективу (тунеядство, прогулы, стяжательство, пьянство и т. п.). Сюда примыкают также явления, наносящие большой вред формированию коммунистического сознания (мещанство, бюрократизм, формализм, карьеризм, демагогия и т. п.); остатки великодержавного шовинизма и местного национализма; религиозные

предрассудки и суеверия; феодально-байское отношение к женщине. Все эти явления наносят большой вред социалистическому обществу. Крайним, особенно опасным выражением пережитков прошлого являются правонарушения. Корень их в индивидуальном сознании людей, пережитки прошлого могут выступать как форма неправильно понятого соотношения интересов личности и коллектива. Социалистическая революция ликвидирует социальную базу, постоянно порождающую подобные явления, — частнособственнические общественные отношения, эксплуатацию человека человеком, классовое неравенство. Однако это не значит, что явления, связанные с прошлым, исчезнут автоматически, сами собой. Социалистическое общество, которое пришло на смену капитализму, «во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло, претерпев все муки появления на свет» [16, с. 18; 18, с. 218].

Как видно, наряду с иными негативными явлениями, крайним, особенно опасным выражением пережитков прошлого являются правонарушения, и конкретную историческую ценность в СССР приобретает борьба с ними. В. И. Ленин подчеркивал, что от пережитков прошлого трудящиеся «избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» [15, с. 101].

Получается, что пережитки буржуазного прошлого функционально проявляют себя в форме вредности и общественной опасности для советского общества, выражаясь в противоправном поведении людей.

Исходя из вышеизложенного, можем сделать важный вывод о том, что в советской криминологии общественная опасность пережитков буржуазного прошлого становится атрибутом преступности, её необходимым, существенным свойством.

Есть ли еще социальные противоречия в СССР, которые являются родовыми для преступности? Для ответа на этот вопрос уточним позицию советских криминологов касательно фундаментальных причин преступности в СССР.

Анализируя взаимосвязь объективных противоречий общественного развития с социально негативными поступками, советские криминологи отмечали, что «отношения между индивидом и обществом, предполагающие товарное производство, пока еще не исключают возможности несовпадения потребностей и интересов социалистического общенародного коллектива с потребностями и интересами отдельных людей. Тем самым сохраняется абстрактная возможность негативно отклоняющегося поведения людей как формы реализации различных отрицательных социальных явлений» [22, с. 48].

«Реализация этой негативной возможности, — по мнению В. Н. Кудрявцева, — связана с действием конкретных объективных и субъективных причин. К ним относятся недостаточно высокий уровень культуры и сознательности части населения, остаточные явления буржуазной психологии; объективные недостатки и трудности в экономике, быту и организации общественной жизни, а порой и субъективные ошибки, и упущения; негативное влияние капиталистического мира, оживляющее мещанские и мелкобуржуазные привычки, и стремления» [13, с. 16]. По определению А. Б. Сахарова, хотя существование преступности и связано с некоторыми особенностями общественных отношений в социалистическом обществе, но, во-первых, эти особенности есть проявление незавершенности исторического процесса перехода к высшей стадии общественного развития — коммунизму, во-вторых, они не выражают сущности новой формации, а наоборот, временны и преходящи, и в-третьих, возникновение на почве подобных условий индивидуалистических взглядов и побуждений — не органическое и неизбежное, а лишь побочное и возможное их следствие [23, с. 18].

Отсюда видно, советские криминологи разделяли ценностную установку правящей коммунистической партии, что в самой системе советских общественных отношений отсутствовали классовые противоречия, порождающие преступность, хотя в обществе имелись определенные недостатки, носящие временный характер и возможное побочное негативное следствие.

Таким образом, преступность признавалась обособленной от советских общественных отношений, как не свойственная им.

Далее перейдем ко второй функции, необходимой для сохранения преступности как объекта. Она обнаруживает себя следующим образом.

«Преступность — явление уголовно-правовое, — утверждает Н. Ф. Кузнецова. — Круг составляющих её преступлений определяет уголовное законодательство, которое имеет интеллектуально-волевое содержание. Правовая сторона преступности обнаруживается при сколько-нибудь серьезном изменении уголовного законодательства, особенно если оно касается сужения или расширения сферы уголовной ответственности за тяжкие или распространенные преступления, либо группировки преступлений в особенной части УК» [14, с. 172].

«Преступность — явление не только социальное, но и правовое, — отмечал В. Н. Кудрявцев. — И хотя право тоже социальная категория, указание на правовой характер преступности имеет не просто дополнительный, а принципиальный характер. Оно вытекает из древнего и общепризнанного принципа *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания в законе), который закреплен в правовых системах большинства стран мира, в том числе в Конституции Российской Федерации (ст. 54), Уголовном кодексе РФ (УК РФ) (ст. 3, 8, 9). Преступность допустимо рассматривать как разновидность девиантного (отклоняющегося) поведения. Последнее существует объективно, независимо от того, признано уголовно наказуемым оно или нет. Но только криминализация его особо опасных форм в уголовном законе делает соответствующие виды отклоняющегося поведения преступными, а преступность становится относительно определенным и правовым явлением. При отступлении от принципа законности преступность утрачивает этот основополагающий признак. Поэтому она не может рассматриваться как любое поведение, отклоняющееся от аморфных моральных, религиозных и иных норм и установок, существующих в той или иной стране, хотя последнее может и должно изучаться в связи с преступностью» [11, с. 59].

Как видно, уголовный закон определяет границы объекта преступности (круг преступлений) и в этом смысле имеет принципиальное функциональное значение для его сохранения. Назовем данную связь — демаркационной зависимостью преступности от содержания уголовного закона.

Порождает ли уголовный закон преступность? В своем роде уголовный закон порождает преступность путем криминализации деяний законодателем. Должно ли это свойство учитываться в процессе моделирования преступности?

Действительно, можно ликвидировать преступность или часть преступности в её правовом понимании путем декриминализации тех или иных деяний. Однако, в связи с поставленной перед криминологией целью такого рода, её «ликвидация» не имеет значения, ведь социальное её содержание и опасность для общества останутся. Цель ликвидировать преступность, поставленная перед криминологией, не предполагает отыскания и ликвидации уголовно-правовых норм. В центре внимания коммунистической партии СССР и советской криминологии — пережитки буржуазного прошлого. Отсюда видно, что уголовному закону отведена техническая функциональная роль: отграничивать преступления как представляющие повышенную общественную опасность от иных нега-

тивных явлений. С другой стороны, допустимо рассматривать негативные явления в определенной связи с преступностью. Отсюда следует, что для криминологического понимания преступности родовой функциональной связью выступает её связь с социальными противоречиями в конкретной общественно-экономической формации, а связь с уголовным законом выполняет второстепенную функцию её отграничения от иных девиантных отклонений.

Может ли советский уголовный закон сам выступать фактором преступности?

«Советский уголовный закон, — как отмечается в Большой советской энциклопедии, — характеризует преступление как общественно опасное деяние, посягающее на охраняемые государством общественные отношения. Поскольку в социалистических государствах преступные посягательства направлены на отношения, в сохранении и упрочнении которых заинтересован весь народ, преступление является опасным для всего общества в полном смысле этого слова» [3, с. 348]. «Советский уголовный закон есть нормативный акт, издаваемый Верховным Советом СССР или Верховным Советом союзной республики, выражающий государственную волю советского народа», — заявлял М. И. Калинин [8, с. 23].

Уголовный закон представляет для советских криминологов вторую ценность, которую необходимо учитывать в процессе моделирования. Эта ценность выражена свойством советского уголовного закона отражать интересы всего общества. В советском обществе уголовный закон не может признаваться причиной преступности.

Определив цель исследования преступности и функции необходимые для её существования, получаем возможность приступить к следующему этапу системного анализа — рассмотрению структуры преступности.

В философии структура (лат. *structura* — строение, расположение, порядок) — относительно устойчивое единство элементов, их отношений и целостности объекта; инвариантный аспект системы [2, с. 46].

В таком случае, рассмотрим подробнее характер влияния цели на единство элементов, их отношений и целостность преступности.

«Ни элементы сами по себе, ни их отношения не дают полной структурной картины объекта: элементы и их отношения образуют структуру только тогда, когда отношения элементов приобретают характер устойчивых внутренних связей и на этой основе возникают целостные свойства системы, выявляемые в её внешних связях. Из природы целостных свойств возникает представление о внутренней и внешней структуре объекта, причем эти свойства образуют границу той и другой структуры. Внутренняя структура включает в себя элементы и их отношения, а внешняя структура предполагает целостные свойства объекта, которые становятся элементными свойствами по отношению к внешней структуре. Конечно, и внутренняя структура предполагает целостные свойства, но для нее они являются результатом, тогда как для внешней структуры эти же целостные свойства выступают в качестве исходных в познании структуры. Познание начинается с внешней структуры, переходит к внутренней структуре и от нее возвращается к более глубокому пониманию внешней структуры. Понятие внешней и внутренней структуры ведет к идее различных типов структур и к представлению о системе структурных уровней и о единой структуре мира как своеобразной сверхструктуре этой системы» [23, с. 140].

Таким образом, поскольку структура модели объекта ориентирована на достижение поставленной цели, постольку сформулированная цель является определяющей для понимания единства элементов системы, их целостности и отношений.

Установив функциональную связь преступности в СССР, указывающую на природу её целостных свойств, с пережитками буржуазного прошлого, автор де-факто определил её элементное свойство по отношению к внешней структуре. Общественная опасность пережитков буржуазного прошлого — целостное свойство преступности в отношении советского общества, выражающее такую её сторону, которая обуславливает её различие или общность с другими объектами и обнаруживается в её отношении к ним. Вместе с тем нормы уголовного закона уточняют границы преступности, выделяя её среди прочих негативных, вредных явлений.

Теперь, перейдем к рассмотрению внутренней структуры.

Следуя приведенным выше положениям, если мы хотим сохранить свойство целостности в компонентах (подсистемах) преступности, то компоненты должны состоять из элементов, родовое свойство которых — общественно опасные пережитки буржуазного общества.

Поскольку пережитки прошлого — это идеи, представления, традиции, поступки и привычки в сознании и поведении людей, то элементом внутренней структуры может выступить человек, находящийся под влиянием пережитков буржуазного прошлого (общественно опасный человек) и (или) его общественно опасное поведение.

Напомним, что элементы и их отношения образуют структуру только тогда, когда отношения элементов приобретают характер устойчивых внутренних связей, и на этой основе возникают целостные свойства системы, выявляемые в её внешних связях.

Ранее нами выявлен во внешних связях преступности тот факт, что она обладает целостным свойством общественной опасности пережитков прошлого для советского общества.

Поскольку внешней связью пережитков прошлого с иными объектами является их общественная опасность для советского общества, то и внутренняя связь, которая должна сохранять свойство целостности преступности в компонентах её внутренней структуры, — это общественная опасность пережитков прошлого.

Как во всем многообразии советских общественных отношений выявить чужеродные общественно опасные элементы, которые связаны между собой, находятся под влиянием и являются носителями пережитков буржуазного прошлого?

Известно, что в советских общественных отношениях отсутствуют причины преступности, поэтому все многообразие советских общественных отношений, формирующих психику человека, нас не интересует. Нами решается конкретная задача — выявление пережитков буржуазного прошлого, ведь именно они, отражаясь в психике людей, порождают преступность. Нам известно также, что советский уголовный закон отражает интересы всего общества.

Итак: «Для того чтобы установить непосредственную связь и взаимозависимость между юридическим и социологическим аспектом изучения отдельных видов преступлений, необходимо найти связующие их звенья. В противном случае юридический анализ окажется оторванным от социологического и затруднится раскрытие соотношения между юридической формой и наполняющим её материальным содержанием. Разработанное советской наукой уголовного права учение о составе преступления с образующими его элементами, с характеризующими их признаками — это та основа и вместе с тем связующее звено, о котором выше шла речь. Анализируя состав любого вида преступления, мы выявляем его объект, его объективную и субъективные стороны, субъекта преступления. Советский уголовный закон содержит обобщенную, абстрактную характеристику того или иного вида преступления. Так как советские законы в обобщенном виде отражают, характеризуют явления реальной общественной жизни,

то в этом нельзя не видеть гарантии того, что они имеют объективную научную значимость», — отмечал во «Введении в советскую криминологию» А. А. Герцензон [4, с. 33].

Известно, что отражение, как всеобщее свойство материи, заключается в воспроизведении признаков, свойств и отношений отражаемого объекта. Какое свойство отражает уголовный закон, характеризуя социальное действие, как явление реальной общественной жизни? Это общественная опасность.

Состав — это совокупность признаков общественно опасного деяния, определяющего его согласно уголовному закону, как преступное и уголовно наказуемое [2, с. 84].

Таким образом, состав преступления выступает для советской криминологии основанием для формирования внутренней структуры преступности, включая в него свойство общественной опасности пережитков буржуазного прошлого, что продиктовано пониманием внешней структуры и целью исследования преступности в условиях развитого социализма.

Здесь особо подчеркнем, что с позиций системного анализа состав преступления становится основанием для формирования внутренней структуры объекта преступности не потому, что уголовный закон ограничивает преступления от иных негативных явлений, а потому, что в конкретный исторический период развитого социализма необходимо выявлять и ликвидировать общественно опасные пережитки буржуазного прошлого.

Роль состава преступления в основании внутренней структуры объекта преступности трудно переоценить.

Во-первых, состав преступления позволяет выявить из всего многообразия различных деяний именно преступления, а вместе с ними и преступников, что гарантирует наличие у них необходимого для моделирования свойства общественной опасности. Так мы получаем представление о первичных элементах системы преступности.

Во-вторых, элементы состава преступления становятся идеальным основанием для криминологической классификации преступлений. Сгруппировав вокруг того или иного элемента состава преступления преступников, мы тем самым формируем целостные общественно опасные группы. Так мы получаем представление о компонентах, подсистемах преступности, которые обладают общественной опасностью, целостностью.

Здесь можно возразить, ведь между преступниками, как элементами системы, объединенными по признаку общественной опасности преступления, отсутствуют устойчивые внутренние связи, они не взаимодействуют. Что объединяет этих людей кроме нашего представления о том, что они находятся под влиянием пережитков буржуазного прошлого?

Ответом на данное возражение будет историко-материалистический подход марксизма к социальным группам, отраженный в Большой советской энциклопедии: «Качественная характеристика социальных групп предполагает определенное количественное измерение: различают большие, средние и мелкие социальные группы. Большие социальные группы — это совокупности людей, существующие в масштабах общества (страны) в целом: классы, социальные слои, профессиональные группы, этнические общности (нация, народность, племя), возрастные группы (молодежь, пенсионеры) и др. Принадлежность индивидов к большой группе определяется на основе некоторых объективных признаков. Лица, относящиеся к большой группе, группы и даже не сознавать своей принадлежности к ней» [3, с. 146].

Подведем итоги.

Целью моделирования преступности в СССР является её ликвидация.

Общественная опасность пережитков буржуазного прошлого — это целостное свойство преступности в советском обществе, выражающее такую её сторону, которая

обуславливает её различие или общность с другими объектами и обнаруживается в её отношении к ним.

Понимание общественной опасности пережитков буржуазного прошлого как свойства преступности основано на ценностях социального равенства советского общества и возможности советского уголовного закона отражать интересы всего общества.

Для того чтобы сохранить свойство целостности в компонентах (подсистемах) преступности, последние состоят из элементов, родовое свойство которых — общественно опасные пережитки буржуазного общества.

Состав преступления, как основание внутренней структуры преступности, гарантирует сохранение свойства общественной опасности в каждом элементе и подсистемах преступности.

В заключение отметим, что действующая модель преступности была создана для достижения конкретной цели — ликвидации преступности в советском обществе.

Следуя данной модели, прикладные криминологические исследования преступности начинаются с внешней структуры преступности, целостность которой проявляет себя общественной опасностью в отношении к советскому обществу. Затем общественная опасность переходит к внутренней структуре преступности, присутствуя во всех её элементах и подсистемах, и от нее возвращается к более глубокому пониманию внешней структуры, в основе которой — пережитки буржуазного прошлого.

С переходом России к капиталистической общественно-экономической формации существенно изменилась система общественных отношений, социальное равенство не является конституционной ценностью, а уголовный закон не отражает интересы всего общества¹. Иначе говоря, ценности советского общества, позволившие коммунистической партии сформулировать цель именно так, а не иначе, стали историей.

Таким образом, если согласиться с приведенными в настоящей статье аргументами, получаем возможность поставить под сомнение оптимальность характеристик рассмотренной криминологической модели преступности. Такое положение, в свою очередь, актуализирует построение новой модели для исследования преступности в условиях капитализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонов А. В. Системный анализ. — М.: Высш. шк., 2004. — 457 с.
2. Бородин С. В. Российское уголовное право. Общая часть / С. В. Бородин, В. Н. Кудрявцев, Н. Ф. Кузнецова и др. — М.: Спарк, 1997. — 454 с.
3. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энцикл., 1969 — 1978 [Электронный ресурс]. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=723512> (дата обращения: 11.12.2020).
4. Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. — М.: Юрид. лит., 1965. — 221 с.
5. Герцензон А. А. Советская криминология / А. А. Герцензон, В. К. Звирбуль, И. И. Карпец и др. — М.: Юрид. лит., 1968. — 320 с.
6. Гишинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений: вопросы теории и методики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1985. — 398 с.
7. Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Кораблева Г. В., Лутченко В. А. и др. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 575 с.
8. Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. — 319 с.

¹ Шестаков Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. — № 6. — 2008. — С. 131—142.

9. Калинин М. И. О социалистической законности. — М.: Изд-во Известия, 1959. — 186 с.
10. Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 окт. 1977 г. — М.: Политиздат, 1977. — 127 с.
11. Кудрявцев В. Н., Криминология / В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. — М.: Норма, 2009. — 512 с.
12. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. — М.: Гардарики, 2002. — 238 с.
13. Кудрявцев В. Н. Четыре тезиса советской криминологии [Электронный ресурс]. — URL: <http://ras.ru/FStorage/download.aspx?id=4221c6b1-f99a-49b1-82fd-95b42b87be1c> (дата обращения: 10.12.2020).
14. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — 232 с.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — М., 1985. — Т. 41. — 695 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 19. — 259 с.
17. Михайленко П. П. Предупреждение преступлений — основа успешной борьбы за полное искоренение преступности в СССР / П. П. Михайленко, И. А. Гельфанд // Советское государство и право. — 1963. — № 3. — С. 70—78.
18. Научный коммунизм: слов. / Под ред. А. М. Румянцева. — М.: Политиздат, 1983. — 352 с.
19. Новосельцев В. И. Системный анализ: современные концепции. — Воронеж: Кварта, 2003. — 360 с.
20. Саати Т. Аналитическое планирование. Организация систем / Т. Саати, К. Кернс. — М.: Радио и связь, 1991. — 224 с.
21. Сахаров А. Б. Методологические вопросы изучения социальной обусловленности преступности // Влияние социальных условий на преступность. — М., 1983. — С. 18.
22. Спиридонов Л. И. Проблема причинного комплекса преступности // Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности: сб. науч. тр. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1981. — М., 1981. — С. 35—50.
23. Философская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Ф. В. Константинова. — М.: Сов. энцикл., 1960—1970. — Т. 5. — 740 с.
24. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Ильичева. — М.: Сов. энцикл., 1983. — 839 с.
25. Чернышов В. Н. Теория систем и системный анализ. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. — 96 с.
26. Шестаков Д. А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. — № 6. — 2008. — С. 131—142.

REFERENCES

1. Antonov A. V. *Sistemnyj analiz* [System analysis]. Moscow, Higher School, 2004, 457 p.
2. Borodin S. V., Kudryavtsev V. N., Kuznetsova N. F. et al. *Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshhaja chast'* [Russian criminal law. A common part]. Moscow, Spark, 1997, 454 p. (in Russian).
3. *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 tons] / Ch. ed. A.M. Prokhorov, Moscow, Sov. Encycl., 1969 — 1978. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=723512> (accessed 11.12. 2020) (in Russian).
4. Herzensson A. A. *Vvedenie v sovetskiju kriminologiju* [Introduction to Soviet criminology]. Moscow, Legal literature, 1965, 221 p. (in Russian).
5. Herzenson A. A., Zvirbul V. K., Karpets I. I. and other. *Sovetskaja kriminologija* [Soviet criminology]. Moscow, Jurid. lit., 1968. — 320 p. (in Russian).
6. Gilinsky Ya. I. *Sociologicheskoe issledovanie prestupnosti i inyh antiobshhestvennyh projavlenij: voprosy teorii i metodiki: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.* [A sociological study of crime and other antisocial manifestations: questions of theory and methodology: author. dis. ... Dr. jur. Sciences]. Moscow, 1985, 398 p. (in Russian).

7. Gubsky E. F., Korableva G. V., Lutchenko V. A. and others. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, INFRA-M, 2006, 595 p. (in Russian).
8. Durmanov N. D. *Sovetskij ugolovnyj zakon* [Soviet criminal law]. Moscow Publishing House. University, 1967, 319 p. (in Russian).
9. Kalinin M. I. *O socialisticheskoj zakonnosti* [About socialist legality]. Moscow, Izvestia Publishing House, 1959, 186 p. (in Russian).
10. The Constitution (fundamental law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Council of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977. M.: Politizdat. 1977, 127 p. (in Russian).
11. Kudryavtsev V. N., Eminov V. E. *Kriminologija* [Criminology]. Moscow, Norma, 2009, 512 p. (in Russian).
12. Kudryavtsev V. N. *Prestupnost' i nrvay perehodnogo obshhestva* [Crime and mores of a transitional society]. Moscow, Gardariki, 2002, 238 p. (in Russian).
13. Kudryavtsev V. N. Chetyre tezisa sovetskoj kriminologii [Four theses of Soviet criminology]. Available at: <http://ras.ru/FStorage/download.aspx?id=4221c6b1-f99a-49b1-82fd-95b42b87be1c> (accessed: 12.10.2020) (in Russian).
14. Kuznetsova N.F. *Prestuplenie i prestupnost'* [Crime and criminality]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1968, 232 p. (in Russian).
15. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]. Moscow, 1985. V. 41, 695 p. (in Russian).
16. Marx K., Engels F. *Sochinenija* [Compositions]. Moscow: Politizdat, 1961, vol. 19, 259 p. (in Russian).
17. Mikhailenko P. P., Gelfand I. A. Preduprezhdenie prestuplenij — osnova uspešnoj bor'by za polnoe iskorenenie prestupnosti v SSSR [Crime prevention is the basis of a successful struggle for the complete eradication of crime in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet state and law*, 1963, no.3, pp. 70—78 (in Russian).
18. Scientific Communism: Dictionary / Ed. A. M. Rumyantsev. M.: Politizdat, 1983, 352 p. (in Russian).
19. Novoseltsev V. I. Sistemnyj analiz: sovremennye koncepcii [System analysis: modern concepts]. Voronezh: Quarta, 2003, 360 p. (in Russian).
20. Saati T., Kearns K. Analiticheskoe planirovanie. Organizacija sistem [Analytical planning. Organization of systems]. Moscow, Radio and communications, 1991, 224 p. (in Russian).
21. Sakharov A. B. Metodologicheskie voprosy izuchenija social'noj obuslovlennosti prestupnosti [Methodological issues of studying the social conditionality of crime]. *Vlijanie social'nyh uslovij na prestupnost' - The influence of social conditions on crime*. M., 1983, pp. 18. (in Russian).
22. Spiridonov L. I. Problema prichinnogo kompleksa prestupnosti [The problem of the causal complex of crime]. *Teoreticheskie voprosy izuchenija prichinnogo kompleksa prestupnosti — Theoretical questions of studying the causal complex of crime*. Moscow, 1981, pp. 48 (in Russian).
23. Philosophical Encyclopedia: in 5 volumes / Ch. ed. F. V. Konstantinova. M.: Soviet Encyclopedia, 1960—1970, vol. 5, 740 p. (in Russian).
24. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Ed. Ilyicheva. M.: Sov. Encyclopedia, 1983, 839 p. (in Russian).
25. Chernyshov V. N. Theory of systems and systems analysis. Tambov: Publishing house of Tamb. state tech. University, 2008, 96 p. (in Russian).
26. Shestakov D. A. Ot ponjatija prestupnosti k kriminologii zakona [From the concept of crime to the criminology of the law]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Modernity*, no. 6, 2008, pp. 131—142 (in Russian).

УДК: 343

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-126-136

Грибунов Олег Павлович

доктор юридических наук, профессор,
проректор по научной работе
Байкальского государственного университета
профессор кафедры криминалистики
Восточно-Сибирского института
МВД России
gribunov@mail.ru

Gribunov Oleg Pavlovich

Doctor of Law, Professor
Vice-rector for scientific work
Baikal State University,
professor of the Department of Criminology
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
gribunov@mail.ru

«ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА» В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. В. НИКОЛЮКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Введение: в статье проведен анализ научных публикаций по тематике «исполнение приговора» как основного института уголовного процесса и представлена информация о научном пути и научных достижениях профессора В. В. Николюка.

Материалы и методы: методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, носящий универсальный характер, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы наблюдения, сравнения, анализа, обобщения и описания.

Результаты исследования: начиная с 1977 г. и по настоящее время В. В. Николюк неизменно поднимает сложные, неоднозначные вопросы по данной теме и формулирует конкретные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Продемонстрирована фундаментальность в исследовании данного вопроса. Показаны сильные стороны его научных публикаций и междисциплинарный характер в освещении соответствующих проблем по вопросу исполнения приговора.

Выводы и заключения: вне всяких сомнений, в теорию уголовного процесса В. В. Николюком внесен неопределимый вклад, разработано колоссальное количество теоретических и прикладных положений, имеющих значение как для законодательного регулирования, так и правоприменительной практики. Труды ученого заслуживают внимания как у обучающихся образовательных организаций высшего образования, так и у лиц занимающихся научной деятельностью и сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: профессор В. В. Николюк, уголовный процесс, криминалистика, исполнение приговора, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, научные труды, правоприменительная деятельность.

**“EXECUTION OF THE SENTENCE” IN THE WORKS OF PROFESSOR
V.V. NIKOLYUK AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT
OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE
AND LAW ENFORCEMENT**

Introduction: the article analyzes scientific publications on the subject of "execution of a sentence" as the main institution of criminal procedure and provides information on the scientific path and scientific achievements of Professor V. V. Nikolyuk.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, which is universal in nature, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalizations and descriptions.

Results of the study: from 1977 to the present, V.V. Nikolyuk has invariably raised complex, controversial questions on this topic and formulated specific proposals for improving the criminal procedural, criminal and penal legislation. It was demonstrated the fundamental nature of the study of this issue. The strengths of his scientific publications and the interdisciplinary nature in the coverage of relevant problems on the issue of the execution of the sentence are shown.

Findings and conclusions: there are no doubt that the author made an invaluable contribution to the theory of criminal procedure, developed a colossal number of theoretical and applied provisions that are important both for legislative regulation and law enforcement practice. The works of the scientist deserve attention both among students in higher educational institutions and among scientists and law enforcement officers.

Keywords: professor V. V. Nikolyuk, criminal procedure, criminalistics, execution of a sentence, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, scientific works, law enforcement.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции (в отставке) Вячеслав Владимирович Николук относится к той плеяде ученых, которые на протяжении всей жизни фундаментально занимаются изучением проблем по определенной тематике. Еще со времен обучения в адъюнктуре в 1977 г. в Московской высшей школы милиции МВД СССР основная тема его научного познания — исполнение приговора. Перлюстрируя известные базы данных научных публикаций в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и изучая литературу по вопросу исполнения приговора исследователь может встретить статью В. В. Николука 1980 г. [1]. В 1980 г. им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему в советском уголовном судопроизводстве», а в 1991 г., после окончания докторантуры Академии МВД СССР, не менее успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР».

Безусловно, основные выкладки его научных исследований по вопросу исполнения приговора в том числе нашли отражение в материалах докторской диссертации: «Совокупность предложений по совершенствованию правового регулирования частных вопросов уголовно-исполнительного судопроизводства, имеющих, однако, важное зна-

чение для реализации соответствующих норм права, прежде всего в форме их применения: 1) преодоление неконкретизированности, чрезмерной общности ряда нормативных предписаний; 2) формулирование предмета доказывания по делам о замене осужденным назначенных мер уголовной ответственности; 3) установление дифференцированного — коллегиального и единоличного порядка производства по делам, возникающим при исполнении приговоров» [2], а также в предложениях по совершенствованию законодательства. В Верховный Совет СССР направлены предложения по совершенствованию доктринального проекта Основ уголовно-исполнительного законодательства СССР и союзных республик; об изменении содержания ст. 53 «Отсрочка исполнения наказания» проекта основ уголовного законодательства СССР и союзных республик. В МВД РСФСР представлен проект раздела Уголовно-процессуального кодекса РСФСР «Производство по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговоров, определений и постановлений суда».

Определение вектора совершенствования законодательства и в дальнейшем настойчиво предлагается в научных статьях В. В. Николюком: «нормативно-правовая основа участия суда в исполнении наказаний не может быть признана оптимальной... Поэтому в рамках правовой реформы законодательство, регламентирующее деятельность суда при исполнении наказаний, не может оставаться без изменений. Рассмотрим вопросы совершенствования только правовой формы законодательства...» [3].

Таким образом, главным достоинством научных трудов В. В. Николюка является его тщательная оценка качества законодательства. С научной «дерзостью и пытливостью», и это не может не вызывать уважения, еще на стадии подготовки кандидатской диссертации Вячеслав Владимирович внимательно изучал нормы законодательства, четко определяя его слабые стороны либо демонстрируя явные пробелы.

Большое значение как для представителей науки, так и для правоприменителей имеют публикации, в которых дана оценка постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации (далее также — ВС РФ) [4]. Кроме того, нельзя не отметить участие В. В. Николюка в подготовке заключения по поручению аппарата Конституционного Суда Российской Федерации (далее также — КС РФ), в котором на соответствующем уровне, как это и полагается для такого уровня документов, дана принципиальная оценка и уголовно-процессуальному законодательству и позициям КС РФ: «анализ жалобы о проверке конституционности ч.1 ст. 237 УПК РФ, позволяет прийти к выводу, что правовая позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении уголовного дела прокурору правоприменительной практикой трактуется неоднозначно... Полагаем также, что правовой анализ подтверждает сделанный предварительный вывод об отсутствии в УПК РФ и правовых позициях Конституционного Суда РФ запрета на возвращения уголовного дела прокурору» [5].

Его научная корректность, с одной стороны, и недвусмысленная оценка относительно законодательных новелл — с другой, вызывает восторг и уважение как у ученых, так и у практических работников, которые, к слову сказать, его научные публикации оценивают не ниже, чем комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Законодательство по вопросам исполнения приговора, по справедливому замечанию В. В. Николюка, «остается крайне нестабильным» [4] и надо признать, очень опера-

тивно профессор научно обоснованно реагировал на изменения УПК РФ [6]. При этом нельзя не заметить междисциплинарный подход к освещению проблем исполнения приговора [7].

Главный постулат В. В. Николюка относительно исполнения приговора, который отстаивался при рассмотрении соответствующего проекта постановления Пленума ВС РФ [7], это признание деятельности суда по рассмотрению и разрешению судом вопросов, связанных с исполнением приговора, одной из форм правосудия.

Вчитываясь в тексты статей вышепоименованного ученого, в очередной раз испытываешь восхищение литературными способностями профессора. Вот лишь некоторые обороты и «терминология», которые так вписаны в текст научной статьи, что, казалось бы, без их присутствия статья потеряет свой смысл, а комментарии по ним, полагаем, излишни: «Необходимость обратиться к понятию „приведение приговора в исполнение“, проследить его законодательное „прошлое“, поразмышлять о его доктринальном „будущем“; „данная точка зрения „уходит корнями“ в постановление Пленума Верховного Суда СССР“; отказ от использования в его тексте „чужой“ для уголовного процесса конструкции»; «будучи „размытым“, неопределенным, непригодным для всей линейки наказаний, утратив нормативное значение, превратился из законодательной конструкции в своеобразный правовой призрак» [8].

«Использование государственного принуждения обеспечивает „жизнеспособность“ уголовного процесса»; «подлежит ли зачету в срок наказания по „льготному тарифу“ содержание под стражей осуждённого к лишению свободы с отбыванием его в колонии-поселении»; «полагаю, что, несмотря на отсутствие определенности в законодательстве (фактически в нем обнаруживается пробел, который должен быть преодолен, а в перспективе — устранен)...».

«Очередной всплеск научных дискуссий по данной проблематике был объективно обусловлен официальным появлением в последние годы двух исторических, если иметь в виду необходимость обеспечения реализации конституционного права потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсацию причиненного им ущерба, документов» [9].

«Отрицательный ответ на поставленный выше вопрос „обнажает“ пробелы в законодательной регламентации заключения под стражу осуждённых, уклоняющихся от отбывания наказания, „поднимает“ проблему законности соответствующих судебных решений, принятых по аналогии со ст. 108 УПК РФ» [10].

«Законодатель изменил формат института УДО, включив в него нового „игрока“ — потерпевшего». «Застарелой болевой точкой» судебной процедуры рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, является отсутствие в гл. 47 УПК РФ нормы, предусматривающей виды решений, которые судья вправе вынести по поступившим в суд материалам в соответствии со ст. 397 УПК РФ». «Закон, к сожалению, „не подсказывает“, как поступать в этих случаях» [11].

Заслуживает внимания еще одно качество научного материала профессора. При разъяснении и интерпретации какой-либо статьи закона Вячеслав Владимирович приводит цифры статистики — сколько раз вносились изменения в данную норму, сколько статей посвящены регулированию какого-либо вопроса и т. д., что в очередной раз свидетельствует о тщательной, глубокой проработке научного материала. Причем это заметно

и в публикациях того времени, когда не было справочно-правовых систем и иных автоматизированных баз: «Анализ уголовного, уголовно-процессуального и исполнительно-трудового законодательства, положений, а также соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР показывает, что компетенцию суда составляют более 50 различных вопросов» [3].

«Так, в гл. 47 УПК РФ, включающих 6 самостоятельных статей внесено 37 изменений и дополнений, а ст. 397 УПК РФ корректировалась 15 раз. Изменения и дополнения в УИК РФ только за 2011 г. В 28 статей кодекса были внесены значительные коррективы» [4].

«С момента принятия и введения в действие УПК РФ раздел 14 Кодекса 43 раза изменялся и дополнялся соответствующими предписаниями». «Только в ст. 397 УПК РФ „Вопросы, подлежащие рассмотрению судом при исполнении приговора“, которая определяет границы судебного контроля за исполнением приговора, внесено 17 изменений и дополнений» [12].

«Базовая для уголовно-исполнительного судопроизводства ст. 399 УПК РФ за время её действия „тревожилась“ более 10 раз путем внесения в нее изменений и дополнений» [13].

Анализ трудов Вячеслава Владимировича позволяет заключить, что профессор является государственным, последовательно и предметно отстаивая интересы уголовного судопроизводства, преследуя цель обеспечения правопорядка и законности в обществе, однако при этом не остаются без внимания вопросы соблюдения и обеспечения законных прав и интересов человека и гражданина.

Отмечая важность и значимость стадии исполнения приговора в плане обеспечения целей, задач и назначения уголовного судопроизводства Вячеслав Владимирович не мог оставить без внимания постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и «ревизии» его ключевых положений [9]. Давая профессиональную научно-обоснованную оценку данному постановлению, профессор отмечает достоинства указанного документа, рассматривает наиболее важные его положения, отмечает спорность некоторых из них. Заслуживает внимание и представляет известный интерес комментарий профессора относительно изложения в постановлении нового перечня сомнений и неясностей, могущих возникнуть при исполнении приговора и подлежащих устранению судом [9].

Не останавливаясь на констатации качества соответствующего постановления Пленума ВС РФ, В. В. Николук предоставил и следующий материал на суд читателя: «Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21: все ли разъяснения даны?» [12]. Принципиальная позиция ученого относительно качества постановления Пленума ВС РФ в разрезе изменений законодательства не может не вызывать уважения и интереса. Именно в данной статье Вячеслав Владимирович вполне справедливо и обосновано посчитал «целесообразным остановиться на вопросах, которые трактуются Пленумом Верховного Суда РФ не в точном соответствии с последними изменениями в законодательстве, либо вовсе не даны в указанном постановлении» [12].

Детальное изучение отдельных проблемных вопросов правоприменительной деятельности изучаются Вячеславом Владимировичем задолго до принятия соответствующей

щих официальных интерпретационных актов. Так, еще в 2005 г. профессором поднят вопрос о «заочной» отмене судом условного осуждения этой части [14], о чем уважаемый профессор отмечает в соответствующих комментариях: «В свете изложенного некоторым диссонансом звучит следующее разъяснение Верховного Суда РФ относительно порядка отмены условного осуждения... Иными словами, хотя и не явно, но все же Верховным Судом РФ допускается отмена условного осуждения без присутствия осуждённого в судебном заседании» [4].

В продолжении изучения «качества» постановления Пленума ВС РФ, где, по справедливому уточнению Вячеслава Владимировича, «не затронуты вопросы задержания и заключения под стражу осуждённого, злостно уклоняющегося от отбывания наказания» [15], профессором, на основе детального (как впрочем, всегда) анализа соответствующих норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики сформулированы выводы, претендующие на статус методических рекомендации к действиям судами всех уровней.

Значимым не только для науки, но и, прежде всего, для правоприменителей, вопрос о судебном контроле за исполнением приговора, освещенный в соответствующей статье [16], где обозначены «принципиальные соображения по проблеме судебного контроля при исполнении приговора» — главное из которых то, что «судебный контроль осуществляется и при рассмотрении судьей вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ и ч. 1 ст. 20 УИК РФ» [16].

Не менее интересной, а пожалуй, и «прорывной», следует признать позицию В. В. Николюка и его ученика С. А. Синенко, защитившего в 2014 г. докторскую диссертацию [17], изложенную в соответствующей статье о проблеме участия потерпевшего в решении вопросов, связанных с исполнением приговора [9], где на основании анализа уголовно-процессуального законодательства, профильных постановлений Пленума ВС РФ, судебной практики (в тексте статьи есть конкретные примеры правоприменительной практики г. Москвы, Магаданской, Воронежской, Саратовской, Московской областей, Республики Калмыкия) и научных публикаций, касающихся участия потерпевшего в стадии исполнения приговора сформулированы предельно аргументированные и научно-обоснованные выводы в пяти позициях о признании факта таковым [9].

В. В. Николюк не обошел вниманием и вопрос об участии потерпевшего в делах об условно-досрочном освобождении от наказания [8]. При всех «законодательных» возможностях и признании потерпевшего, как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения и «допущения» его в стадию исполнения приговора, профессором абсолютно верно отмечено: «потерпевший как сторона обвинения объективно лишен возможности продолжать её (функцию обвинения) реализовывать в стадии исполнения приговора, поскольку она исчерпала себя в момент разрешения дела и принятия по нему итогового решения» [18], и резюмируя, основываясь на положениях ч. 2.1 ст. 399 УПК РФ, а также правилах и сформулированной КС РФ (Определение от 3 апреля 2007 г. № 330-0-0, постановление от 18 марта 2014 г. № 5-П) правовой позиции, констатирует, что «мнение потерпевшего не имеет правового значения», а следовательно, «судья не должен выяснять его мнение по существу рассматриваемого ходатайства осуждённого» [18].

Следует заметить, что на этом Вячеслав Владимирович не останавливается. Данный вопрос рассматривается и в другом контексте — а вправе ли потерпевший обжаловать судебное постановление об условно-досрочном освобождении осуждённого от отбывания наказания? [19]. И опять же на основе примеров судебной практики профессор приходит к выводу о том, что «в теоретическом и прикладном аспектах дополнительно предстоит выработать позицию по следующему вопросу: насколько юридически значима жалоба потерпевшего на постановление об УДО осуждённого, если жалоба не связана с обеспечением его личной безопасности, защиты его семьи и близких от угроз со стороны лица, совершившего преступление, возмещением причиненного этим преступлением вреда? ...Поэтому правоприменитель вправе ожидать соответствующих разъяснений от Пленума Верховного Суда РФ» [19].

Не может не вызвать уважения и восторга оценка и критический анализ опубликованных точек зрения и позиций относительно отрицания осуществления правосудия в стадии исполнения приговора [13]. И, как это принято у Вячеслава Владимировича, филигранно констатирует, что «искусственное, вопреки официальной позиции высшего судебного органа страны (который, кстати, является и авторитетным научным центром, при котором функционирует научно-консультативный совет, включающий лучших отечественных специалистов-правоведов) и без её обсуждения, анализа выведение уголовно-исполнительного судопроизводства за рамки правосудия, оправдание упрощения его процессуальной формы — все это чревато созданием своеобразного квазисудебного порядка, явно не соответствующего уровню и месту в уголовном процессе решений, принимаемых судом при исполнении приговора» [13]. Полагаем, к подобным нестандартным замечаниям комментарии не требуются.

О высоком уровне исследования соответствующих вопросов исполнения приговора свидетельствует поднятый профессором и крайне дискуссионный вопрос о праве мирового судьи арестовывать осуждённого, уклоняющегося от отбывания наказания [20]. При этом по традиции все положения подкреплены соответствующими примерами судебной практики разных субъектов Российской Федерации. И такой детальный, масштабный (всероссийский) анализ, следует отметить, практика подготовки постановлений Пленума ВС РФ — это подтверждение качества научных статей Вячеслава Владимировича.

Безусловно, круг научных интересов уважаемого профессора не ограничивается только темой исполнения приговора, и, конечно же, не остаются без внимания и другие вопросы уголовного процесса, в том числе точки соприкосновения уголовного процесса с другими науками (прежде всего, уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности). Об этом нами предметно освещено в соответствующей публикации [21].

Проведя довольно детальный, но при этом далеко не всеобъемлющий, анализ научных публикаций Вячеслава Владимировича, следует констатировать, что, наряду с УПК РФ, Уголовным кодексом Российской Федерации, постановлениями Пленума ВС РФ, полагаем уместным к числу настольных книг правоприменителей следует отнести и научные публикации заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Вячеслава Владимировича Николюка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Николук В. В. О совершенствовании института отсрочки исполнения приговора // Повышение эффективности деятельности органов прокуратуры, суда и юстиции в свете Конституции СССР 1977 года: сб. науч. тр. аспирантов и соискателей. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. — М., 1980. — С. 104—108.
2. Николук В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1990. — 448 с.
3. Николук В. В. Совершенствование правовой регламентации участия суда в исполнении наказаний // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1992. — № 3. — С. 111—114.
4. Николук В. В. Постановление пленума Верховного суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Уголовное право. — 2012. — № 3. — С. 93—100.
5. Николук В. В. Заключение по жалобе гадаева баходира телявовича о нарушении его прав «статьей 237 УПК РФ в части, запрещающей суду возвращать уголовное дело прокурору, если возвращение уголовного дела связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия...» / В. В. Николук, В. В. Кальницкий, Т. В. Куряхова // Законодательство и практика. — 2013. — № 1 (30). — С. 54—57.
6. Николук В. В. Новеллы УПК РФ (июль — декабрь 2013 г.) о правах потерпевшего в стадии исполнения приговора как отражение конфликта законодательной и судебной властей // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. — 2014. — С. 166—173.
7. Булатов Б. Б. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ / Б. Б. Булатов, В. В. Николук // Российская юстиция. — 2014. — № 12. — С. 46—50.
8. Николук В. В. Приведение приговора в исполнение: правовой фантом или действующая законодательная конструкция // Преступление, наказание, исправление. сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума: (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. — 2019. — С. 88—94.
9. Николук В. В. Потерпевший в стадии исполнения приговора / В. В. Николук, С. А. Синенко // Уголовное право. — 2012. — № 6. — С. 79—86.
10. Николук В. В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2015. — Т. 15. — № 4. — С. 43—52.
11. Николук В. В. Правовые позиции пленума верховного суда РФ о применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (уголовно-процессуальные аспекты) / В. В. Николук, В. А. Виноградова // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2016. — № 1 (34). — С. 36—40.
12. Николук В. В. Судопроизводство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, как форма осуществления правосудия: критический анализ теоретических конструкций в свете правовых позиций Верховного суда Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2015. — № 1 (30). — С. 5—14.
13. Николук В. В. «Броуновское движение» в стадии исполнения приговора: к вопросу об эффективности судебного контроля за применением к осужденным наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-в 20-й междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. — 2015. — С. 96—102 (с. 98).

14. Булатов Б. Б., Проблемы «заочной» отмены судом условного осуждения / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Российская юстиция. — 2005. — № 12. — С. 33—36.
15. Булатов Б. Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Уголовное право. — 2013. — № 6. — С. 96—102.
16. Николюк В. В. Судебный контроль за исполнением приговора // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2006. — № 3 (53). — С. 130—133.
17. Синенко С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2014. — 418 с.
18. Николюк В. В. Потерпевший — обвинитель по делам об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2014. — № 3 (28). — С. 3—9.
19. Николюк В. В. Вправе ли потерпевший обжаловать судебное постановление об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания? / В. В. Николюк, В. А. Терекян // Уголовное право. — 2015. — № 3. — С. 106—111.
20. Николюк В. В. О праве мирового суда арестовывать осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3. — С. 91—94.
21. Грибунов О. П., Варданян А. В., Антонов В. А. Профессор Вячеслав Владимирович Николюк – ученый, педагог, наставник, друг // Криминалистика: вчера сегодня завтра. — 2021. — № 3 — С. 11 — 23.

REFERENCES

1. Nikolyyuk V. V. On Improving the Institution of Postponement of Execution of a Sentence. *Povyshenie jeffektivnosti dejatel'nosti organov prokuratury, suda i justicii v svete Konstitucii SSSR 1977 goda: sb. nauch. tr. aspirantov i soiskatelej. Vsesojuznyj institut po izucheniju prichin i razrabotke mer preduprezhdenija prestupnosti* [Improving the efficiency of the activities of the prosecutor's office, the court and justice in the light of the Constitution of the USSR of 1977. Collection of scientific papers of graduate students and applicants. All-Union Institute for the Study of the Causes and Development of Crime Prevention Measures]. Moscow, 1980, pp. 104—108 (in Russian).
2. Nikolyyuk V. V. *Ugolovno-ispolnitel'noe sudoproizvodstvo v SSSR: dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Criminal and executive proceedings in the USSR: dis. ... for the degree of Doctor of Law], Moscow, 1990, 448 p. (in Russian).
3. Nikolyyuk V. V. Sovershenstvovanie pravovoj reglamentacii uchastija suda v ispolnenii nakazaniy [Improvement of the legal regulation of the court's participation in the execution of punishments]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie — News of higher educational institutions. Law studies*, 1992, no. 3, pp. 111—114 (in Russian).
4. Nikolyyuk V. V. Postanovlenie plenuma Verhovnogo suda RF ot 20 dekabrja 2011 g. № 21 «O praktike primenenija sudami zakonodatel'stva ob ispolnenii prigovora» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation OF DECEMBER 20, 2011 No. 21 "On the practice of applying legislation on the execution of a sentence by courts"]. *Ugolovnoe pravo — Criminal Law*, 2012, no. 3, pp. 93—100 (in Russian).
5. Nikolyyuk V. V., Kalnitsky V. V., Kuryakhova T. V. Zakljuchenie po zhalobe gadaeva bahodira teljavovicha o narushenii ego prav “stat'ej 237 UPK RF v chasti, zapreshhajushhej sudu vozvrashhat' ugolovnoe delo prokuroru, esli vozvrashhenie ugolovnogo dela svjazano s vospolnieniem nepolnoty provedennogo doznaniya ili predvaritel'nogo sledstvija...” [Conclusion on

the complaint of Gadaev bahodir telyavovich about the violation of his rights " by Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i praktika—Legislation and practice*, 2013, no. 1 (30), pp. 54—57 (in Russian).

6. Nikolyuk V. V. [Novellas of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (July-December 2013) on the rights of a victim at the stage of execution of a sentence as a reflection of the conflict of legislative and judicial authorities]. *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespechenija jeffektivnosti ugolovnogogo sudoproizvodstva: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Criminal procedural and criminalistic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings. Materials of the international scientific and practical conference]. 2014, pp. 166—173 (in Russian).

7. Bulatov B. B., Nikolyuk V. V. Problemy soglasovanija (preodolenija konkurencii) norm UPK RF i UIK RF [Problems of coordination (overcoming competition) of the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the PEC of the Russian Federation]. *Rossijskaja justicija — Russian Justice*, 2014, no. 12, pp. 46—50 (in Russian).

8. Nikolyuk V. V. [Enforcement of a sentence: a legal phantom or an existing legislative structure] *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov IV mezhdunarodnogo penitenciar'nogo foruma: (k 140-letiju ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii i 85-letiju Akademii FSIN Rossii): v 10 t.* [Crime, punishment, correction. collection of abstracts of speeches and reports of participants of the IV international penitentiary forum: (to the 140th anniversary of the penitentiary system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia): in 10 vol.], 2019, pp. 88—94 (in Russian).

9. Nikolyuk V. V., Sinenko S. A. Poterpevsij v stadii ispolnenija prigovora [The victim at the stage of execution of the sentence]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2012, no. 6, pp. 79—86 (in Russian).

10. Nikolyuk V. V. Rasprostranjaetsja li institut mer presechenija na stadiju ispolnenija prigovora? [Does the institution of preventive measures extend to the stage of execution of a sentence?]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. — Vestnik of the South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 43—52 (in Russian).

11. Nikolyuk V. V., Vinogradova V. A. Pravovye pozicii plenuma verhovnogo suda RF o primenenii uslovno-dosrochnogo osvobozhdenija ot otbyvanija nakazanija (ugolovno-processual'nye aspekty) [Legal positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of conditional early release from serving a sentence (criminal procedural aspects)]. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016, no. 1 (34), pp. 36—40 (in Russian).

12. Nikolyuk V. V. Sudoproizvodstvo po rassmotreniju i razresheniju voprosov, svjazannyh s ispolnieniem prigovora, kak forma osushhestvlenija pravosudija: kriticheskij analiz teoreticheskikh konstrukcij v svete pravovyh pozicij Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii [Judicial proceedings on consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence as a form of justice: a critical analysis of theoretical constructions in the light of the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 1 (30), pp. 5—14 (in Russian).

13. Nikolyuk V. V. ["Brownian motion" at the stage of execution of a sentence: on the issue of the effectiveness of judicial control over the application of punishment to convicts]. *Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah: sb. mat-v 20-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: V 2 t.* [The activity of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the 20th international scientific and practical conference: In 2 volumes]. 2015, pp. 96—102. p. 98 (in Russian).

14. Bulatov B. B., Nikolyuk V. V. Problemy "zaочноj" otmeny sudom uslovnogo osuzhdenija [Problems of "absentee" cancellation of a conditional sentence by a court]. *Rossijskaja justicija — Russian Justice*, 2005, no. 12, pp. 33—36 (in Russian).

15. Bulatov B. B., Nikolyuk V. V. Zaderzhanie osuzhdenного, zlostno uklonjajushhegosja ot ispolnenija prigovora (otbyvanija nakazanija) [Detention of a convicted person who maliciously evades the execution of a sentence (serving a sentence)]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2013, no. 6, pp. 96—102 (in Russian).

16. Nikolyuk V. V. Sudebnyj kontrol' za ispolnением prigovora [Judicial control over the execution of a sentence]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Orenburg State University*, 2006, no. 3 (53), pp. 130—133 (in Russian).

17. Sinenko S. A. *Obespechenie prav i zakonnyh interesov poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve: teo-reticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimeritel'nye problemy: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings: theoretical, legislative and law enforcement problems: dis. ... Doctor of Legal Sciences]. Moscow, 2014, 418 p. (in Russian).

18. Nikolyuk V. V. Poterpevschij — obvinitel' po delam ob uslovno-dosrochnom osvoboždenii ot otbyvanija nakazanija? [Victim-prosecutor in cases of conditional early release from serving a sentence?]. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 3 (28), pp. 3—9 (in Russian).

19. Nikolyuk V. V., Terekjan V. A. Vprave li poterpevschij obzhalovat' sudebnoe postanovlenie ob uslovno-dosrochnom osvoboždenii osuzhdenного ot otbyvanija nakazanija? [Does the victim have the right to appeal the court decision on the conditional early release of the convicted person from serving his sentence?]. *Ugolovnoe pravo — Criminal law*, 2015, no. 3, pp. 106—111 (in Russian).

20. Nikolyuk V. V. O prave mirovogo suda arestovyvat' osuzhdenного, uklonjajushhegosja ot otbyvanija nakazanija [On the right of the world court to arrest a convicted person who evades serving a sentence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3, pp. 91—94 (in Russian).

21. Gribunov O. P., Vardanyan A.V. Antonov V. A. Professor Vjacheslav Vladimirovich Nikoljuk — uchenyj, pedagog, nastavnik, drug [Professor Vyacheslav Vladimirovich Nikoljuk — scientist, teacher, mentor, friend]. *Kriminalistika: vchera segodnja zavtra — Criminalistics: yesterday today tomorrow*, 2021, no. 3, pp. 11—23 (in Russian).

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-137-144

Безруков Сергей Сергеевич

доктор юридических наук, доцент,
начальник центра организационного
обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-
исследовательского института
МВД России
bss76@inbox.ru

Bezrukov Sergey Sergeevich,

Doctor of Law, Associate Professor
Head of the Center for Organizational
Support of Scientific Activity of the
National Research Institute, Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation

bss76@inbox.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Введение: в статье обозначаются затруднения, неизменно возникающие у правоприменителей при реализации правовых предписаний, содержащих оценочные понятия. Отмечается, что на протяжении длительного времени, вопреки предостережениям ученых, число оценочных понятий, весьма широко используемых в уголовно-процессуальном законе, остается практически неизменным. При этом приемы юридической техники, призванные упростить их толкование и применение, фактически игнорируются законодателем.

Материалы и методы: нормативную основу подготовленной статьи образуют положения российского уголовно-процессуального законодательства, содержащие оценочные понятия. В работе использованы выводы ученых, проводивших исследования по аналогичной проблематике в общей теории права, а также в уголовном, гражданском, арбитражном праве. Методологической основой исследования стал диалектический метод познания социальных явлений и процессов, позволяющий оценивать динамику их изменения и развития. В работе использованы общенаучные и частнонаучные методы познания социальной действительности.

Результаты исследования позволили обозначить современное состояние проблемы использования оценочных понятий в уголовно-процессуальном законодательстве, выделить некоторые проблемы, затрудняющие оперирование ими в правоприменительной практике.

Выводы и заключения: по итогам исследования формулируется вывод о невозможности полного отказа от использования оценочных понятий в уголовно-процессуальном законе. Одновременно обращается внимание на нежелание отечественного законодателя воспользоваться приемами юридической техники, позволяющими упростить применение оценочных понятий, избежать их произвольного истолкования правоприменителем, исключить или минимизировать принятие необоснованных процессуальных решений, нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, оценочные понятия, юридическая техника, конкретизация оценочных понятий, уголовно-процессуальные нормы.

USE OF EVALUATIVE CONCEPTS IN THE CONTEXT OF REFORMING THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Introduction: the article identifies the difficulties that invariably arise for law enforcement officers when implementing legal prescriptions containing evaluative concepts. It is noted that for a long time, contrary to the warnings of scientists, the number of evaluative concepts that are very widely used in the criminal procedure law remains almost unchanged. At the same time, the methods of legal technique designed to simplify their interpretation and application are actually ignored by the legislator.

Materials and methods: the normative basis of the prepared article is formed by the provisions of the Russian criminal procedure legislation containing evaluative concepts. The paper uses the conclusions of scientists who have conducted research on similar issues in the general theory of law, as well as in criminal, civil, and arbitration law. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition of social phenomena and processes, which allows us to assess the dynamics of their change and development. The paper uses general scientific and private scientific methods of cognition of social reality.

Results of the study allowed us to identify the current state of the problem of the use of evaluative concepts in criminal procedure legislation, to identify some problems that make it difficult to operate with them in law enforcement practice.

Findings and Conclusions: according to the results of the study, the conclusion is formulated that it is impossible to completely abandon the use of evaluative concepts in the criminal procedure law. At the same time, attention is drawn to the unwillingness of the domestic legislator to use the techniques of legal technology that make it possible to simplify the application of evaluative concepts, avoid their arbitrary interpretation by the law enforcement officer, exclude or minimize the adoption of unjustified procedural decisions, violation of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, evaluative concepts, legal technique, concretization of evaluative concepts, criminal procedural norms.

Проблематика оценочных понятий в уголовном процессе была предложена автору данной статьи Вячеславом Владимировичем Николюком в качестве темы для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук в 1998 году. Профессор сразу предупредил начинающего исследователя о сложности темы, возможных затруднениях с подготовкой научной работы. Тем не менее в 2001 году диссертация «Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве» была успешно защищена. В положениях, выносимых на защиту, был сформулирован ряд предложений, направленных на оптимизацию использования оценочных понятий в уголовно-процессуальном законе и правоприменительной практике [1, с. 7—9]. Однако за истекшее время законодательный подход к оперированию такими понятиями фактически не изменился. В рамках затянувшейся на долгие годы судебно-правовой реформы, в условиях постоянной корректировки уголовно-процессуальных норм законодатель, как и прежде, применяет оценочные понятия не всегда уместно и корректно, не предпринимая равным счетом никаких усилий для разъяснения и конкретизации их содержания. В ряде случаев явно упрощенный подход, недооценка сложностей, связанных с уяснением этих понятий, свойственны и постановлениям Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ). О новейших противоречивых примерах использования оценочных понятий и пойдет речь в данной статье.

Оценочные понятия исследуются представителями различных отраслей права на протяжении нескольких десятилетий. В подавляющем большинстве случаев ученые, обращавшиеся к данной проблематике, отмечают значительную сложность применения таких понятий, обусловленную недостаточной определенностью их содержания, необходимостью установления правомерности реализации правовой нормы, включающей оценочную терминологию, в конкретном случае. Как следствие, таким понятиям приписывается способность существенного расширения пределов усмотрения субъектов, их применяющих, что может повлечь избыточное ограничение, а иногда — нарушение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в правоприменительный процесс.

Изучая причины, побуждающие законодателя прибегать к использованию оценочных понятий в тексте законов, специалисты обычно приходят к выводу об объективной необходимости данного приема юридической техники, невозможности детального урегулирования всего разнообразия жизненных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться правоприменителю. Нельзя не согласиться с утверждением М. Ф. Лукьяненко, сформулированным применительно к гражданскому законодательству, о том, что оценочные понятия имеют некоторые преимущества перед понятиями конкретно определенными, а следовательно, объективно необходимы [6, с. 12].

Исключительно казуистические приемы правового регулирования были характерны для первых источников права, становившегося по мере своего развития все более абстрактным: правовые предписания рассчитывались уже не только на единичные случаи. Тем не менее ученые традиционно сходятся во мнении о целесообразности сокращения числа оценочных понятий, поскольку их массированное применение в законодательстве влечет за собой исключительно негативные последствия. В юридической литературе распространены суждения авторов, призывающих свести к минимуму, а в перспективе и полностью исключить правоприменительные ошибки. С этой целью в уголовном законодательстве, например, предлагается использовать метод сокращения оценочных признаков, применяемых для описания составов преступлений [4, с. 17]. Сравнительный анализ количества оценочных понятий в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. и Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. позволяет О. С. Степанюк обнаружить тенденцию к их сокращению на 12 %. К причинам, объясняющим выявленную закономерность, она отнесла стабилизацию общественной жизни, а также необходимость создания максимальных гарантий соблюдения законности при осуществлении правоприменительной деятельности [10, с. 28—29].

Однако многие исследователи совершенно справедливо подчеркивают, что законодатель вынужден прибегать к широкому использованию оценочных понятий для обеспечения гибкости, в частности уголовно-правового регулирования [2, с. 38]. Более того, по убеждению отдельных ученых, не использовать оценочные понятия на современном этапе развития общества уже невозможно [11, с. 11].

Неудивительно, что, по некоторым наблюдениям, тенденции уменьшения количества оценочных терминов на единицу нормативного материала на протяжении XX и XXI вв. противостоит рост абсолютного числа их использования [8, с. 10]. Гражданский кодекс Российской Федерации, как отмечает М. Ф. Лукьяненко, и вовсе пошел по пути значительного увеличения числа норм, содержащих оценочные понятия. Но при этом законодатель активно использовал прием дефинитивного обеспечения посредством закрепления в законе приблизительных критериев, выступающих ориентиром для правоприменителей, ограничивающих свободу их усмотрения [6, с. 11]. Аналогичные тен-

денции в развитии современной правовой действительности выделяет и М. Г. Смирнова [9, с. 67].

Констатируя, что полный отказ от использования оценочных понятий при формулировании уголовно-процессуальных норм не только невозможен, но и не требуется, Н. С. Ермишина обозначает следующие направления преодоления проблем, связанных с применением оценочных понятий при принятии решений по уголовным делам: 1) «конкретизирование содержания» оценочных понятий в постановлениях Пленума ВС РФ; 2) издание ведомственных нормативных правовых актов, снижающих уровень усмотрения должностных лиц; 3) «устранение в уголовно-процессуальном законе неоправданных защитой прав и законных интересов оценочных понятий, которые влекут за собой нарушения указанных прав» [3, с. 46].

В качестве самых оптимальных способов законодательного определения оценочных понятий в уголовном праве Б. Н. Коробец называет их конкретизацию в примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также закрепление примерного перечня явлений и признаков, подпадающих под их содержание [5, с. 10]. Применять соответствующие принципы права для конкретизации оценочного понятия предлагает М. Г. Смирнова [9, с. 72].

Сравнительный анализ норм дореформенного и действующего уголовно-процессуального законодательства не позволяет вести речь ни о значительном расширении, ни о существенном сокращении числа оценочных понятий. Такие, вполне привычные для советских процессуалистов понятия, как «достаточные данные», «достаточные основания», «достаточные доказательства», «случай, не терпящий отлагательства», «исключительные случаи», «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», а равно и многие другие, по-прежнему широко используются в качестве оснований принятия множества процессуальных решений. Тем не менее в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержится пример законодательной попытки обеспечения прав участников уголовного судопроизводства при помощи оценочного понятия. Речь идет об оценочном понятии «разумный срок уголовного судопроизводства», использованном в сконструированной в 2010 году ст. 6¹ УПК РФ¹ и возведенном в ранг принципов уголовного процесса.

Для раскрытия содержания «оценочного принципа», закрепленного в указанной статье УПК РФ, законодателем использовано множество оценочных понятий, сущность которых им не определена. В итоге даже приблизительные границы разумного срока уголовного судопроизводства не установлены. В уголовно-процессуальном законе не раскрыто, что такое «правовая или фактическая сложность уголовного дела», не разъяснено, какое поведение участников уголовного судопроизводства может оправдывать длительные сроки расследования или судебного разбирательства уголовного дела, совершенно неясен способ проверки эффективности действий органов и должностных лиц, отвечающих за движение уголовного дела.

Таким образом, есть веские основания для вывода о том, что прием юридической техники, состоящий в определении примерного содержания оценочного понятия непо-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 апр. 2010 г. № 69-ФЗ. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

средственно в тексте соответствующего нормативного правового акта, применен в уголовно-процессуальном законодательстве крайне неудачно. Конкретизировать понятие «разумный срок» посредством ряда других, в меньшей степени нуждающихся в пояснениях, не получилось. Неудивительно, что положение о разумном сроке уголовного судопроизводства, декларативно причисленное к принципам уголовного процесса, за прошедшее время не оказало серьезного воздействия на скорость производства по уголовным делам.

Массу усилий российский законодатель затратил на реформирование порядка апелляционного, кассационного и надзорного производств в уголовном процессе, претерпевших за время действия УПК РФ кардинальные изменения. Однако нововведения практически не коснулись оценочных понятий, используемых в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих деятельность суда и иных участников таких производств. В неизменном виде в УПК РФ сохранились основания отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке (ст. 389¹⁵ УПК РФ), незначительные корректировки внесены в статьи УПК РФ, частично раскрывающие содержание понятий «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции», «существенное нарушение уголовно-процессуального закона», «неправильное применение уголовного закона», «несправедливость приговора» (ст.ст. 389¹⁶ — 389¹⁸ УПК РФ). Понятиями «существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона (законов), повлиявшие на исход дела», законодатель оперирует и в ст. 401¹⁵, ст. 412⁹ УПК РФ, устанавливающими основания отмены или изменения судебного решения при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, в порядке надзора. Их содержание в тексте УПК РФ не разъясняется.

Существенно отличающиеся друг от друга подходы к использованию оценочных понятий встречаются и в постановлениях Пленума ВС РФ. В качестве примера обратимся к постановлению «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»¹. Дискуссионные моменты указанного постановления сразу после его принятия уже выступали предметом научного анализа [7, с. 26—33]. В данной статье подробнее остановимся на анализе использования в его тексте оценочной терминологии. В пункте 15 постановления частично разъясняется понятие «лица, которые в силу физических или психических недостатков не могут самостоятельно осуществлять свое право на защиту», содержащееся в п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ. К таким лицам, как указывает Пленум ВС РФ, следует относить, в частности, тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также лиц, страдающих существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим их способность пользоваться процессуальными правами. Определять исчерпывающее содержание данного понятия Пленум ВС РФ не стал, воспользовавшись дополнительной оценочной терминологией: в качестве основания причисления к указанным лицам названо наличие у обвиняемого существенных дефектов речи, слуха, зрения, а также других недугов, ограничивающих его способность защищаться самостоятельно. Применительно к данному случаю совершенно очевидна крайняя затруднительность, а помимо того и практическая нецелесообразность установления исчерпывающего перечня лиц,

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

не способных самостоятельно реализовывать предоставленное им право на защиту. Как представляется, примерного разъяснения, приведенного в анализируемом постановлении, вполне достаточно для уяснения и надлежащего применения соответствующего предписания УПК РФ.

Иной подход к оперированию оценочными понятиями используется в пунктах 5 и 18 рассматриваемого постановления. Так, Пленум ВС РФ требует у судов оценивать, располагал ли обвиняемый достаточным временем для подготовки к защите с момента извещения о дате, времени и месте заседания суда первой, апелляционной или кассационной инстанции. Если отведенного времени было явно недостаточно, а также в иных случаях по просьбе обвиняемого, в целях обеспечения требований части 3 статьи 47 УПК РФ, суду предписывается объявлять перерыв в судебном заседании либо откладывать его на определенный срок. Примеров явной недостаточности времени, как и приблизительного перечня иных случаев, когда по просьбе обвиняемого может объявляться перерыв в судебном заседании или оно может откладываться на определенный срок, Пленум ВС РФ не приводит.

Обязывая суды реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту, Пленум ВС РФ все же допускает отдельные исключения. В соответствии с п. 18 постановления право обвиняемого на защиту может не признаваться нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса. Какие-либо разъяснения, а равно примеры явно недобросовестного использования стороной защиты предоставленных полномочий в постановлении отсутствуют.

Пленумом ВС РФ предпринята попытка частично раскрыть оценочные понятия, используемые для формулировки оснований отмены или изменения судебных решений в апелляционном или кассационном порядке. С этой целью в п. 19 постановления «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции¹» приводятся несколько примеров существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции. В случае выявления таких нарушений, как рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, нарушение права обвиняемого на защиту, которое не может быть восполнено судом апелляционной инстанции, уголовное дело предписывается передавать на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

В постановлении «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции²» Пленум ВС РФ дает разъяснения о том, что является предметом судебного разбирательства в кассационном порядке в случае обжалования законности судебных реше-

¹ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 нояб. 2012 г. № 26 (ред. от 01.12.2015). — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

² О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 19. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.08.2021).

ний, указывает условия проверки жалоб, представлений на несправедливость приговора (п. 16 постановления). В полном объеме содержание трактуемых оценочных понятий здесь не устанавливается.

Проведенный анализ практики оперирования оценочными понятиями в законодательстве об уголовном судопроизводстве убедительно свидетельствует о том, что единый подход к их использованию до сих пор не выработан. Вводя подобные понятия в текст уголовно-процессуального закона, постановлений Пленума ВС РФ, разработчики соответствующих предписаний в минимальной степени заботятся о доступности их смысла, простоте уяснения правоприменителями. В подавляющем большинстве случаев содержание оценочных понятий не разъясняется вовсе либо разъясняется весьма приблизительно посредством других оценочных понятий с не менее абстрактным содержанием. Примеры приведения в уголовно-процессуальном законе, постановлениях Пленума ВС РФ исчерпывающих или хотя бы приблизительных перечней случаев, образующих содержание того или иного оценочного понятия, по-прежнему являются единичными, носят характер исключения из общего правила, а не устоявшегося приема юридической техники. В подобных условиях ответственность за надлежащее применение нормы, включающей оценочное понятие, фактически полностью возлагается на правоприменителей, зависит от их усмотрения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 25 с.
2. Волков К. А. Оценочные понятия в уголовном праве и проблемы их конкретизации / К. А. Волков, А. В. Нем // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2012. — № 1 (22). — С. 33—39.
3. Ермишина Н. С. Оценочные понятия и их влияние на обеспечение прав личности при принятии решений по уголовным делам // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 2 (17). — С. 44—46.
4. Иванов Н. Об унификации оценочных признаков уголовного закона // Российская юстиция. — 1996. — № 4. — С. 16—18.
5. Коробец Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве: социальная обусловленность и юридическая сущность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, 2007. — 21 с.
6. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2010. — 53 с.
7. Николук В. В. Концептуальные и прикладные вопросы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении норм о праве на защиту / В. В. Николук, С. С. Безруков // Уголовный процесс. — 2015. — № 8 (128). — С. 26—33.
8. Опалев Р. О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2008. — 28 с.
9. Смирнова М. Г. Принципы права как средство конкретизации оценочных понятий // Ленинградский юридический журнал. — 2020. — № 2 (60). — С. 65—73.
10. Степанюк О. С. Некоторые вопросы истории использования оценочных понятий как приема законодательной техники в уголовном праве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2012. — № 1 (22). — С. 24—33.
11. Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2009. — 23 с.

REFERENCES

1. Bezrukov S. S. *Ocenochnye ponjatija i terminy v ugovolno-processual'nom zakonodatel'stve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Evaluative concepts and terms in criminal procedure legislation: abstract of the dissertation]. Moscow, 2001, 25 p. (in Russian).
2. Volkov K. A., Nem A. V. *Ocenochnye ponjatija v ugovolnom prave i problemy ih konkretizacii* [Evaluative concepts in criminal law and problems of their concretization]. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1 (22), pp. 33—39 (in Russian).
3. Ermishina N. S. *Ocenochnye ponjatija i ih vlijanie na obespechenie prav lichnosti pri prinjatii reshenij po ugovolnym delam* [Evaluative concepts and their impact on ensuring individual rights when making decisions on criminal cases]. *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Juridicheskie nauki — Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences*, 2014, no. 2 (17), pp. 44—46 (in Russian).
4. Ivanov N. *Ob unifikacii ocenochnyh priznakov ugovolnogo zakona* [On the unification of evaluative features of the criminal law]. *Rossijskaja justicija — Russian Justice*, 1996, no. 4, pp. 16—18 (in Russian).
5. Korobets B. N. *Ocenochnye ponjatija v rossijskom ugovolnom prave: social'naja obuslovlennost' i juridicheskaja sushhnost': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Evaluative concepts in Russian criminal law: social conditionality and legal essence: abstract of the dissertation. M.: Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov], 2007. 21 p. (in Russian).
6. Lukyanenko M. F. *Ocenochnye ponjatija grazhdanskogo prava: teoretiko-pravovoj analiz i praktika pravoprimerenija: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk.* [Evaluative concepts of civil law: theoretical and legal analysis and practice of law enforcement: abstract of the dissertation]. Moscow, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2010. 53 p. (in Russian).
7. Nikolyuk V. V., Bezrukov, S. S. *Konceptual'nye i prikladnye voprosy postanovlenija Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii o primenenii norm o prave na zashhitu* [Conceptual and practical issues of resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the implementation of the norms on the right to the protection]. *Ugovolnyj process — Criminal proceedings*, 2015, no. 8 (128), pp. 26—33 (in Russian).
8. Opalev R. O. *Ocenochnye ponjatija v arbitrazhnom i grazhdanskom processual'nom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Evaluative concepts in arbitration and civil procedure law: abstract of the dissertation]. Yekaterinburg, Ural State Law Academy, 2008. 28 p. (in Russian).
9. Smirnova M. G. *Principy prava kak sredstvo konkretizacii ocenochnyh ponjatij* [Principles of law as a means of concretization of evaluative concepts]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal — Leningrad Law Journal*, 2020, no. 2 (60), pp. 65—73 (in Russian).
10. Stepanyuk O. S. *Nekotorye voprosy istorii ispol'zovanija ocenochnyh ponjatij kak priema zakonodatel'noj tehniky v ugovolnom prave* [Some questions of the history of the use of evaluative concepts as a method of legislative technique in criminal law]. *Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2012, no. 1 (22), pp. 24—33 (in Russian).
11. Fetisov O. E. *Ocenochnye ponjatija v prave: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk.* [Evaluative concepts in law: problems of theory and practice: abstract of the dissertation]. Tambov, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 2009, 23 p. (in Russian).

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-145-155

Муравьев Кирилл Владимирович
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника Орловского
юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова
(по научной работе)
murki@list.ru

Muravyev Kirill Vladimirovich
Doctor of Law, Associate Professor
Deputy Head of the Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian
Federation named after V.V. Lukyanov
(for scientific work)
murki@list.ru

**МОДЕЛЬ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ДЕЙСТВУЮЩИХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ И В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
(В РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА
ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ,
ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА В. В. НИКОЛЮКА)**

Введение: в работах В. В. Николюка обозначен научный подход, согласно которому уголовно-процессуальный институт мер пресечения «обслуживает» центральное, основное производство в уголовном процессе — расследование и судебное разбирательство уголовного дела и не распространяется на гл. 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Имеется необходимость в более тщательной правовой регламентации принудительных средств, применяемых к осуждённым, уклоняющимся от отбывания наказания.

Материалы и методы: в статье проанализированы научные труды В. В. Николюка, посвященные мерам принуждения в уголовно-исполнительном судопроизводстве, а также работы иных авторов по связанной тематике; использованы логический и системный методы исследования, а также методы анализа, описания и обобщения.

Результаты исследования: в развитие научного подхода Вячеслава Владимировича предложена модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве.

Выводы и заключения: и в основном производстве по уголовному делу и в особом дополнительном уголовно-исполнительном судопроизводстве меры процессуального принуждения имеют единое предназначение — они применяются для обеспечения исполнения итогового судебного решения, касающегося наказания или иных мер уголовно-правового характера. Такой подход предполагает нормативное сближение мер пресечения, действующих в различных уголовно-процессуальных производствах. В обобщенном виде модель правового регулирования мер пресечения предполагает регламентацию данного института в Общей и Особенной частях кодекса.

Ключевые слова: меры процессуального принуждения, меры пресечения, уголовно-исполнительное судопроизводство, нормативное регулирование, структура Уголовно-процессуального кодекса, Общая и Особенная части Кодекса.

**THE MODEL OF NORMATIVE REGULATION OF PREVENTIVE MEASURES
ACTING IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND IN CRIMINAL ENFORCEMENT
PROCEEDINGS (IN THE DEVELOPMENT
OF THE SCIENTIFIC APPROACH OF THE HONORED SCIENTIST
OF THE RUSSIAN FEDERATION, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR
V. V. NIKOLYUK)**

Introduction: in the researches of V. V. Nikolyuk, a scientific approach is indicated. According to which the criminal procedure Institute of preventive measures “serves” the central, main production in criminal proceedings — the investigation and judicial review of a criminal case and does not apply to Chapter 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. There is a need for more thorough legal regulation of coercive means applied to convicted persons who evade serving their sentence.

Materials and methods: the article analyzes the scientific works of V. V. Nikolyuk were devoted to coercive measures in criminal enforcement proceedings, as well as the works of other authors on related topics; logical and systematic research methods, as well as methods of analysis, description and generalization are used.

Results of the study: in the development of the scientific approach of Vyacheslav Vladimirovich, a model of normative regulation of preventive measures acting in criminal proceedings and in criminal enforcement proceedings is proposed.

Findings and conclusions: both in the main criminal proceedings and in special additional criminal enforcement proceedings, the measures of procedural coercion have a single purpose — they are used to ensure the execution of the final court decision concerning punishment or other measures of a criminal legal nature. This approach assumes a normative convergence of preventive measures operating in various criminal procedural proceedings. In a generalized form, the model of legal regulation of preventive measures assumes the regulation of this institution in the General and Special parts of the Code.

Keywords: measures of procedural coercion, preventive measures, criminal and executive proceedings, regulatory regulation, structure of the Criminal Procedure Code, General and Special parts of the Code.

Защита прав и законных интересов потерпевших от преступления, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод, как правило, невозможны без применения мер процессуального принуждения. В разделе IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ, а также кодекс) законодатель сконцентрировал меры, обеспечивающие принудительное исполнение обязанностей участниками процесса (задержание, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения), которые способствуют достижению назначения уголовного судопроизводства. Кроме того, ряд мер принудительного характера «получили прописку» в других разделах закона: задержание обвиняемого (ч. 3 ст. 210 УПК РФ), вскрытие помещения при отказе владельца добровольно его открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ), удаление из зала судебного заседания (ст. 258 УПК РФ) и др.

Центральное место в системе мер процессуального принуждения принадлежит мерам пресечения, им посвящена гл. 13 УПК РФ. Здесь регламентируется, что данные принудительные средства применяются к лицам, обвиняемым в совершении преступления (в исключительных случаях — к подозреваемым (ст. 100 УПК РФ)), в случае обос-

нованной угрозы препятствования уголовному судопроизводству (ст. 97 УПК РФ) при учете тяжести преступления, сведений о личности преследуемого и других обстоятельств (ст. 99 УПК РФ). Законодатель закрепил систему мер пресечения (ст. 98 УПК РФ), предусмотрел процессуальный порядок их избрания, отмены, изменения, сроки применения и др. (ст. 101—110 УПК РФ). Кроме того, отдельные аспекты реализации рассматриваемых обеспечительных мер регулируются в Особенной части Кодекса (ст. 160, ст. 224, п. 3 ч. 1 ст. 228, п. 6 ч. 2 ст. 231, ч. 2 ст. 238, ст. 255, п. 10 ч. 1 ст. 308, ст. 311 УПК РФ).

На институт мер пресечения традиционно оказывает значительное влияние уголовно-процессуальная политика. Продолжается поиск наиболее эффективных и рациональных средств, которые обеспечивали бы предполагаемое наказание и иные меры уголовно-правового характера с наименьшими ограничениями прав и свобод подозреваемых, обвиняемых. Совершенствуются основания, иные условия законности и обоснованности применения мер пресечения, порядок их избрания, изменения, отмены и т. п. Несмотря на предпринятую оптимизацию нормативной правовой основы «сопровождения» уголовного производства государственным принуждением, остаются проблемы, которые требуют своего решения [2, с. 23—30]. Одно из важных направлений, заслуживающее внимания, — достигнуть определенности в регламентации мер пресечения в уголовно-исполнительном судопроизводстве.

На протяжении нескольких десятилетий проблему применения мер процессуального принуждения к осуждённым при исполнении приговора разрабатывает Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор В. В. Николюк. В своих многочисленных трудах [3; 7; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; и др.] уважаемый ученый обращает внимание на то, что уголовно-процессуальный институт мер пресечения *в существующем законодательном оформлении* не распространяется на гл. 47 УПК РФ, а «обслуживает» лишь центральное, основное производство в уголовном процессе — расследование и судебное разбирательство уголовного дела.

Вячеслав Владимирович отмечает, что в п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ четко обозначено правило, в соответствии с которым с вступлением приговора в законную силу меры пресечения утрачивают свою легитимность. Правовые ограничения для осуждённого в дальнейшем наступают уже с учетом содержания вступившего в законную силу приговора (иного судебного решения) и назначенного наказания (иных мер уголовно-правового характера). Однако при замене наказания в связи с уклонением осуждённого от его отбывания для обеспечения явки в судебное заседание предусмотрено заключение под стражу осуждённого (пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ).

Важно учитывать, что применение рассматриваемой меры государственного принуждения имеет специфику в сравнении с «обычным» заключением под стражу подозреваемого, обвиняемого: отличаются цели, основания, а также порядок и сроки ареста осуждённых. Так, при «особом» взятии под стражу путем краткосрочного (до 30 суток) лишения свободы осужденного пресекается его злостное уклонение от отбывания наказания и обеспечивается явка в суд для участия в рассмотрении представления о замене назначенного наказания более суровым видом, направлении в колонию-поселение под конвоем. Основанием для ареста в этом случае выступают установленные в судебном заседании данные, указывающие на то, что осуждённый злостно уклонялся от отбывания наказания, допускал нарушения порядка и условий отбывания наказания, скрывался

от контроля органа, исполняющего наказание, а также при условии, что оставление его на свободе вновь позволит ему скрыться, и иным способом обеспечить явку в суд невозможно.

Всеми признанный в уголовно-процессуальной доктрине авторитет обращает внимание на то, что, кроме предусмотренного пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ заключения под стражу, никакие другие меры пресечения при исполнении приговора не применяются. В. В. Николюк отмечает, что встречающиеся в практике судов решения о применении в производстве по делам об исполнении приговора меры обеспечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении являются, по сути, незаконными.

Таким образом, Вячеслав Владимирович абсолютно правильно резюмирует, что особенности уголовно-исполнительного судопроизводства обусловили отдельное, специальное регулирование мер процессуального принуждения к осужденным, скрывающимся в целях уклонения от отбывания наказания. Применение заключения под стражу в связи с уголовно-исполнительным судопроизводством регламентируется нормами, вынесенными за рамки гл. 13 УПК РФ «Меры пресечения» и помещенными в гл. 47 УПК РФ «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора». Подобной законодательной техникой недвусмысленно иллюстрируется, что меры принуждения, обеспечивающие участие осужденного в судебном заседании при решении вопросов, указанных в пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, носят самостоятельный характер. Позиционирование заключения под стражу, предусмотренного указанными нормами, как разновидности ареста, применяемого в качестве меры пресечения в соответствии со ст. 108 и 109 УПК РФ, не показывает места и роли данного принудительного средства в обеспечении достижения назначения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

В. В. Николюк обращает внимание и на то, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» не упоминаются особенности заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания. Принципиально важно, что разъяснения ряда неопределенных ситуаций, возникающих при применении пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, размещены в постановлении Пленума ВС РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», а не в решении высшего судебного органа по уголовным делам, которое посвящено мерам пресечения.

В. В. Николюк также предостерегает от попыток ликвидировать в УПК РФ раздел «Исполнение приговора» и переместить нормы, закрепленные в ст. 397 УПК РФ, исходя из содержания их предмета регулирования, в другие разделы (главы) данного кодекса, в том числе разместить пп. 18 и 18¹ УПК РФ в соответствующей гл. 13 «Меры пресечения». Ученый также полагает, что специфика заключения под стражу осужденного, его особое место в решении вопросов отправления правосудия требуют специального, отдельного отражения условий и порядка применения такого ареста в гл. 47 УПК РФ.

Присоединяясь к суждениям Вячеслава Владимировича о необходимости совершенствования законодательного закрепления мер принуждения при исполнении приговора, позволим себе в развитие его научного подхода предложить модель нормативного

регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве.

Изначально обратим внимание на ряд концептуальных аспектов, имеющих для построения данной модели наибольшее значение.

Во-первых, вопрос о возможном правовом оформлении «особого» заключения под стражу не может быть правильно разрешен без уяснения специфики судебной деятельности, связанной с исполнением приговора, её места в системе уголовного процесса. В настоящий момент в доктрине сформировалось научное направление, «возглавляемое» В. В. Николюком и разделяемое многими авторами, в рамках которого обосновывается позиция о том, что исполнение приговора не должно рассматриваться в качестве стадии уголовного процесса. Имея собственный предмет, цель и процессуальную форму, судебное производство, связанное с исполнением приговора, обладает такими специфическими чертами, которые в совокупности позволяют отграничить его от обычного производства по уголовному делу и рассматривать в качестве самостоятельного и комплексного по своей юридической природе вида судебной деятельности — уголовно-исполнительного судопроизводства. Объективно существуют предпосылки к тому, чтобы считать его с позиций системного построения уголовного процесса особым дополнительным производством, осуществляемым в рамках специальной процедуры, регламентированной ст. 399 УПК РФ [17, с. 97—99]. Причем необходимость в дополнительном правоприменении в связи с исполнением одного и того же приговора может возникать неоднократно. В связи с этим разумно вести речь о «дополнительных производствах». Каждое из них является «полистадийным», поскольку может включать судебные стадии, начиная с назначения и подготовки к судебному разбирательству и заканчивая пересмотром дела в кассационной, надзорной инстанциях.

Во-вторых, следует еще раз обратить внимание на суждения В. В. Николюка о том, что раздел IV УПК РФ «Меры процессуального принуждения» и, в частности, гл. 13 УПК РФ «Меры пресечения», рассчитаны исключительно на основное, центральное производство по расследованию и судебному разбирательству уголовного дела. Более того, сделаем акцент на том, что нормы данных институтов в первую очередь предназначены для «обслуживания» именно этапа предварительного расследования. Регламентированные в Общей части уголовно-процессуального закона процессуальный порядок, правила исчисления сроков применения мер принуждения предполагают в качестве первоочередного адресата органы, ведущие досудебное производство. Так, в ч.ч. 3—9 ст. 108 УПК РФ закреплены процессуальная форма возбуждения следователем, дознавателем ходатайства об избрании заключения под стражу и порядок принятия по нему решения, в ст. 109 УПК РФ регламентируется срок ареста при расследовании преступлений и в период рассмотрения прокурором уголовного дела, поступившего с итоговым документом предварительного расследования. Лишь в отдельных случаях (например, ч. 1 ст. 106, ч. 10 ст. 108 УПК РФ) специально оговариваются вопросы применения мер пресечения в судебном заседании. Регулирование различных аспектов применения мер процессуального принуждения в судебном производстве в основном содержится в соответствующих разделах Особенной части кодекса. В частности, ст. 255 УПК РФ допускает избрание, изменение или отмену меры пресечения в отношении подсудимого, регламентирует сроки содержания под стражей в судебном разбирательстве.

Такое нормативное регулирование, ориентированное в большей части на органы предварительного расследования, нельзя назвать оптимальным. Следует учитывать, что в части первой УПК РФ «Общие положения» должны содержать правовые предписания, имеющие значение для всего уголовного процесса, большинства его стадий [1, с. 37], и каждая из норм этой части должна относиться ко всем или, по крайней мере, нескольким последующим частям кодекса [19, с. 38—39]. Учитывая значимость института процессуального принуждения для всего уголовного процесса, всех его стадий и производств, полагаем, что законодатель оправданно поместил в Общую часть кодекса нормы, регламентирующие принуждение. Нельзя согласиться с подходом авторов, отмечающих, что раздел IV УПК РФ связан с отдельными вопросами уголовно-процессуальных производств, которые должны получить свое место исключительно в Особенной части уголовно-процессуального закона [4, с. 2—3]. Считаем, что именно в Общей части УПК РФ целесообразно закрепление общих положений о процессуальном принуждении, распространяющихся на весь уголовный процесс (досудебное и судебное производство, уголовно-исполнительное судопроизводство). Однако это не исключает необходимости дополнительного правового регулирования частных, особенных аспектов применения мер пресечения в разделах кодекса, посвященных отдельным процессуальным стадиям и производствам.

В-третьих, отметим, что «обычное» заключение под стражу (в рамках основного производства по делу) и «особое» (в рамках уголовно-исполнительного судопроизводства), несмотря на массу различий, имеют единую природу и предназначение.

Дело в том, что меры пресечения (а равно отдельные иные принудительные меры) допустимо рассматривать не только как средства предупреждения возможных нарушений уголовно-процессуального законодательства и обеспечения нормального хода процесса, но и в качестве средств уголовно-правового воздействия [5]. Применение мер процессуального принуждения — не самоцель, но их главный, существенный признак — обеспечение соответствующих условий, порядка реализации материальной нормы. Поэтому процессуальное принуждение допускается только в рамках развивающегося материального правоотношения, полная реализация которого требует определенной процессуальной формы [20, с. 110].

Уголовный процесс и уголовно-процессуальные отношения формируются в связи с уголовно-правовыми отношениями, складываются по поводу данных отношений. Они предназначены для конкретизации содержания уголовных правоотношений посредством установления лежащих в их основе юридических фактов — деяний, субъектов уголовных правоотношений, а также индивидуализации их объектов — средств уголовно-правового воздействия (уголовной ответственности) [6, с. 35—56].

В этой связи важно констатировать, что правовая природа ограничений, предусмотренных как гл. 13 УПК РФ, так и пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, едина. Их применение способствует решению задач, установленных ст. 2 УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества), данные принудительные средства прямо или опосредовано участвуют в общей и специальной превенции преступлений.

Решение о мере пресечения в рамках основного производства действует до вступления приговора в законную силу. После обращения приговора к исполнению уголовно-правовое воздействие, «трансформированное» в меру процессуального принуждения, сменяется на наказание. Уклонение от его отбывания нельзя рассматривать в качестве нарушения условий применявшейся к подсудимому меры пресечения. Происходит уже невыполнение условий и порядка отбывания конкретного наказания. Применение предусмотренного пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ заключения под стражу требуется для обеспечения судебной процедуры (в результате которой может быть принято решение об изменении наказания на более строгое в связи с его нарушением) и для обеспечения исполнения судебного постановления, вынесенного в порядке ч. 7 ст. 399 УПК РФ.

В ч. 2 ст. 97 УПК РФ в качестве одной из целей применения мер пресечения выделяется «обеспечение исполнения приговора». Такую цель суд преследует при вынесении обвинительного приговора или при оставлении его без изменения вышестоящей инстанцией вплоть до приведения в исполнение. По справедливому мнению, В. В. Никула, решения, выносимые судом в порядке исполнения приговора и касающиеся назначенного наказания, исчисления его сроков, устраняющие допущенные судом первой инстанции ошибки под видом сомнений и неясностей, должны облекаться в форму дополнительного приговора. Именно такое решение в аналогичных случаях предусматривалось ст. 955 Устава уголовного судопроизводства [10, с. 125—126]. В этой связи для синхронизации целей «обычного» и «особого» заключения под стражу в УПК РФ важно внести изменения. Возможны два варианта: либо фразу ч. 2 ст. 97 УПК РФ «для обеспечения исполнения приговора» дополнить словами «или постановления, вынесенного в порядке ч. 7 ст. 399 УПК РФ», либо (что предпочтительнее) в ч. 7 ст. 399 УПК РФ термин «постановление» изменить на «дополнительный приговор».

На основании изложенного перспективная модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве, может выглядеть следующим образом:

1. В соответствующем разделе Общей части УПК РФ должны найти отражение общие положения процессуального принуждения, которые распространяются на весь уголовный процесс, большинство его стадий и производств (включая уголовно-исполнительное). Здесь могут быть нормативно оформлены: цели применения принуждения; общие условия и виды мер пресечения; обстоятельства, учитываемые при их избрании; порядок взаимозачета сроков применения ограничений и обязательств, составляющих содержание мер пресечения.

2. Свободным от загромождения Общей части УПК РФ способом регламентации принудительных средств может являться подход, при котором основания и иные условия, а также порядок и сроки применения мер пресечения будут регулироваться в Особенной части кодекса (гл. 21 «Общие условия предварительного расследования», 30 «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору», 35 «Общие условия судебного разбирательства», 47 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» и др.).

При этом в статьях закона, регулирующих судебное производство, следует предусмотреть возможность применения судом меры принуждения к осужденному до обращения обвинительного приговора к исполнению (а не до вступления приговора в силу, как это указано в п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ).

В уголовно-исполнительном судопроизводстве целесообразно детально регламентировать порядок заключения под стражу осуждённого, уклоняющегося от отбывания наказания, а также допустить применение альтернативных мер пресечения: домашнего ареста и запрета определенных действий.

Полагаем, что в отличие от производства по делу в рассматриваемом особом дополнительном производстве основания применения мер пресечения не носят «доказательно-прогностический» характер, а отражают уже состоявшиеся нарушения уголовно-исполнительного законодательства; органам, ответственным за исполнение наказания, необходимо доказывать наличие обстоятельств, указывающих на неисполнение осуждённым возложенных ограничений.

Среди условий применения мер пресечения к осуждённому необходимо законодательно оформить соразмерность их характера и сроков наказанию, на которое может быть изменено неисполненное. Полагаем, что для применения заключения под стражу осуждённого, а также его домашнего ареста, запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения необходимо, чтобы предполагаемое «новое» наказание предусматривало изоляцию от общества. При определении длительности применения мер пресечения к осуждённому суд должен принимать во внимание срок фактически отбытого наказания (в пересчете на дни лишения свободы по правилам, установленным нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)), а также срок лишения свободы, на который может быть заменено ранее назначенное наказание. Следует также учитывать, что, в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ, в случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом назначенное наказание не может быть условным. Поскольку никаких формальных пропорций при определении срока лишения свободы вместо штрафа уголовный закон не предусматривает, считаем правильной позицию В. В. Николюка, согласно которой в случаях, установленных ст. 204 и 290—290¹ УК РФ, допускающими наказание в виде лишения свободы, при рассмотрении представления судебного пристава-исполнителя о заключении под стражу осуждённого до решения вопроса о замене штрафа другим наказанием судья, независимо от оставшейся неуплаченной суммы штрафа, вправе арестовать осуждённого на срок до 30 суток [8, с. 173].

Подведем итоги:

1. Институт мер пресечения (гл. 13 УПК РФ) в существующем законодательном оформлении не распространяется на уголовно-исполнительное судопроизводство. Имеется необходимость в более тщательной правовой регламентации принудительных средств, применяемых к осуждённым, уклоняющимся от отбывания наказания.

2. Действующее нормативное регулирование мер процессуального принуждения в основном производстве по уголовному делу (раздел IV УПК РФ) не является оптимальным, имеет «перекос» в сторону досудебного производства, требует дальнейшего совершенствования.

3. Единое предназначение мер пресечения позволяет предложить модель правового регулирования принудительных средств, применяемых в ходе производства по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве.

4. В обобщенном виде такая модель предполагает регламентацию института мер пресечения в Общей и Особенной частях УПК РФ. В части первой УПК РФ «Общие положения» должны найти отражение: цели применения принуждения; общие условия и виды мер пресечения; обстоятельства, учитываемые при их избрании; порядок взаимозачета сроков ограничений и обязательств. Вопросы оснований, частных условий, особенностей процессуального порядка избрания и сроков применения мер пресечения на различных этапах процессуальной деятельности следует законодательно оформить в главах УПК РФ, регулирующих досудебное и судебное производство по делу, а также уголовно-исполнительное судопроизводство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Божьев В. П. Уголовно-процессуальное право и его источники // Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В. П. Божьева. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2000. — 574 с.
2. Булатов Б. Б. Институт мер пресечения в УПК РФ: динамика развития и перспективы совершенствования / Б. Б. Булатов, К. В. Муравьев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 6. — С. 23—30.
3. Булатов Б. Б. Применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора / Б. Б. Булатов, В. В. Николук // Советская юстиция. — 1982. — № 20. — С. 19.
4. Зинатуллин З. З. Какой должна быть структура УПК РФ? / З. З. Зинатуллин, Т. В. Шушанова // Уголовное судопроизводство. — 2010. — № 2. — С. 2—3.
5. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: моногр. — Омск, 2017. — 228 с.
6. Муравьев К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: моногр. — М., 2019. — С. 35—56.
7. Николук В. В. «Броуновское движение» в стадии исполнения приговора: к вопросу об эффективности судебного контроля за применением к осужденным наказания // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-в 20-й междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. — Иркутск, 2015. — Т. 1. — С. 96—102.
8. Николук В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: моногр. — Орел, 2015. — 236 с.
9. Николук В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве: колл. моногр. — М., 2019. — С. 124—160.
10. Николук В. В. Концепция стадии исполнения приговора в Уставе уголовного судопроизводства и ее современное восприятие // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства: современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. — М., 2014. — Ч. 2. — С. 125—126.
11. Николук В. В. О праве мирового суда арестовывать осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 3. — С. 91—94.
12. Николук В. В. Особенности рассмотрения судом вопроса о заключении под стражу осужденного, уклоняющегося от прибытия в колонию-поселение // Уголовное право. — 2015. — № 4. — С. 93—99.
13. Николук В. В. Практика заключения под стражу осужденного до рассмотрения судом представления о замене штрафа, ограничения свободы, обязательных, исправительных работ лишением свободы (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // Уголовное право. — 2014. — № 6. — С. 107—114.

14. Николюк В. В. Практика заключения под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Российское правосудие. — 2018. — № 10. — С. 5—16.
15. Николюк В. В. Привод, задержание и заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: науч.-практ. пособ. — М., 2018. — 170 с.
16. Николюк В. В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». — 2015. — Т. 15. — № 4. — С. 43—52.
17. Николюк В. В. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? / В. В. Николюк, Л. А. Пупышева // Российское правосудие. — 2021. — № 1. — С. 97—106.
18. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. — Иркутск, 1989. — 256 с.
19. Россинский С. Б. Общая характеристика и структура УПК РФ // Уголовный процесс: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец-ти 030501 «Юриспруденция» / под ред. А. П. Гуськовой, Ф. К. Зиннурова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2010. — 663 с.
20. Филющенко А. А. Об уголовно-процессуальном принуждении // Правоведение. — 1974. — № 3. — С. 108—110.

REFERENCES

1. Bozhev V. P. *Ugolovno-processual'noe pravo i ego istochniki* // *Ugolovnyj process: ucheb. dlja vuzov* [Criminal procedural law and its sources. Criminal process: textbook for universities]. Moscow, 2000, 574 p. (in Russian).
2. Bulatov B. B., Muravyev K. V. Institut mer presechenija v UPK RF: dinamika razvitija i perspektivy sovershenstvovanija [Institute of preventive measures in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: dynamics of development and prospects for improvement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika — Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2021, no. 6, pp. 23—30 (in Russian).
3. Bulatov B. B., Nikoljuk V. V. *Primenenie mer presechenija v celjah obespechenija ispolnenija prigovora* [Application of preventive measures in order to ensure the execution of a sentence]. Soviet justice, 1982, no. 20, p. 19. (in Russian).
4. Zinatullin Z. Z., Shushanova T. V. *Kakoj dolzhna byt' struktura UPK RF?* [What should be the structure of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo — Criminal proceedings*, 2010, no. 2, p. 2—3 (in Russian).
5. Muravyev K. V. *Mery processual'nogo prinuzhdenija — osobyje sredstva ugolovno-pravovogo vozdeystvija: doktrina, primenenie, optimizacija: monogr* [Measures of procedural coercion — special means of legal influence: doctrine, application, optimization: monograph]. Omsk, 2017, 228 p. (in Russian).
6. Muravyev K. V. *Optimizacija processual'noj formy primenenija ugolovnogo zakona: monogr* [Optimization of the procedural form of application of the criminal law: monograph]. Moscow, 2019, pp. 35—56 (in Russian).
7. Nikoljuk V. V. [“Brownian motion” at the stage of execution of a sentence: on the question of the effectiveness of judicial control over the application of punishment to convicts]. *Dejatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh uslovijah: sb. mat-v 20-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf. V 2 t.* [The activity of law enforcement agencies in modern conditions: collection of materials of the 20th international scientific and practical conference. In 2 vols]. Irkutsk, 2015, vol. 1, pp. 96—102 (in Russian).
8. Nikoljuk V. V. *Zakljuchenie pod strazhu osuzhdenного, skryvshegosja v celjah ukloenija ot otbyvanija nakazaniija: doktrina, zakonodatel'naja konstrukcija, tolkovanie i problemy prakticheskogo primenenija: monogr.* [Detention of a convicted person who has disappeared in order to evade serving a sentence: doctrine, legislative construction, interpretation and problems of practical application: monograph]. Orel, 2015, 236 p. (in Russian).

9. Nikolyuk V. V. *Zakljuchenie pod strazhu osuzhdennogo, skryvshegosja v celjah ukloenija ot otbyvanija nakazanija // Zakljuchenie pod strazhu i ego al'ternativy v ugovnom sudoproizvodstve: koll. monogr.* [Remand in custody of a convicted person who has disappeared in order to evade serving a sentence // Remand in custody and its alternatives in criminal proceedings: a collective monograph]. Moscow, 2019, pp. 124—160 (in Russian).

10. Nikolyuk V. V. the [Concept stage of execution in the Charter of criminal proceedings and its modern perception]. *150 let Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya ugovno-processual'nogo zakonodatel'stva: sb. mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch.* [150 years of the Charter of criminal proceedings: the current state and prospects of development of criminal procedure legislation: SB. Mat-lov Intern. nauch.-pract. Conf.: vol 2], Moscow, 2014, part 2, pp. 125—126 (in Russian).

11. Nikolyuk V.V. O prave mirovogo suda arestovyvat' osuzhdennogo, uklonjajushhegosja ot otbyvanija nakazanija [On the right of the world court to Convicted Escaping Sentence]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 3, pp. 91—94 (in Russian).

12. Nikolyuk V.V. Osobennosti rassmotrenija sudom voprosa o zakljuchenii pod strazhu osuzhdennogo, uklonjajushhegosja ot pribytija v koloniju-poselenie [Features of the court's consideration of the issue of remand in custody of a convicted person who evades arrival in a colony-settlement]. *Ugovnoe pravo — Criminal law*, 2015, no. 4, pp. 93—99 (in Russian).

13. Nikolyuk V. V. Praktika zakljuchenija pod strazhu osuzhdennogo do rassmotrenija sudom predstavlenija o zamene shtrafa, ogranichenija svobody, objazatel'nyh, ispravitel'nyh rabot lisheniem svobody (p. 18 st. 397 UPK RF) [The practice of detaining a convicted person before the court considers a submission on replacing a fine, restriction of freedom, mandatory correctional labor with deprivation of liberty (paragraph 18 of Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Ugovnoe pravo — Criminal law*, 2014, no. 6, pp. 107—114 (in Russian).

14. Nikolyuk V. V. *Praktika zakljuchenija pod strazhu osuzhdennogo, skryvshhegosja v celjah ukloenija ot otbyvanija nakazanija* [The practice of detaining a convicted person who was hiding in order to evade serving a sentence]. *Rossijskoe pravosudie — Russian justice*, 2018, no. 10, pp. 5—16 (in Russian).

15. Nikolyuk V. V. Privod, zaderzhanie i zakljuchenie pod strazhu osuzhdennogo, skryvshegosja v celjah ukloenija ot otbyvanija nakazanija [Drive, detention and detention of a convicted person who has disappeared in order to evade serving a sentence]. Moscow, 2018, 170 p. (in Russian).

16. Nikolyuk V. V. Rasprostranjaetsja li institut mer presechenija na stadiju ispolnenija prigovora? [Does the institution of preventive measures extend to the stage of execution of the sentence?]. *Vestnik JuUrGU. Serija "Pravo" — Vestnik of SUSU. The series "Law"*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 43—52 (in Russian).

17. Nikolyuk V. V., Pupyshcheva L. A. Ispolnenie prigovora v sisteme ugovnogo processa: processual'naja stadija ili osoboe sudebnoe proizvodstvo? [Execution of a sentence in the system of criminal procedure: the procedural stage or special judicial proceedings?]. *Rossijskoe pravosudie — Russian jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 97—106 (in Russian).

18. Nikolyuk V. V. *Ugovno-ispolnitel'noe sudoproizvodstvo v SSSR* [Criminal and executive proceedings in the USSR.]. Irkutsk, 1989 — 256 p. (in Russian).

19. Rossinsky S. B. *Obshhaja harakteristika i struktura UPK RF* [General characteristics and structure of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, 2010, 663 p. (in Russian).

20. Filyushchenko A. A. Ob ugovno-processual'nom prinuzhdenii [On criminal procedural coercion]. *Pravovedenie — Law science*, 1974. — No. 3. — pp. 108—110 (in Russian).

УДК 343.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-156-166

Пупышева Любовь Андреевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Омской академии МВД России
lyuba-shabalina@yandex.ru

Pupysheva Lyubov Andreevna

Candidate of Law Sciences, docent Associate,
Professor of the Department of Criminal Proce-
dure of the Omsk Academy of the Ministry
of Internal affairs of the Russian Federation
lyuba-shabalina@yandex.ru

**ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ
С ЗАМЕНОЙ НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ
ОТ ЕГО ОТБЫВАНИЯ (ПУНКТЫ 2, 18, 18¹ СТ. 397 УПК РФ)¹**

Введение: в статье описаны результаты изучения судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пункты 2, 18, 18.1 ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), проводимого по инициативе Верховного Суда Российской Федерации в 2018 году, предшествующее и во многом способствовавшее, принятию 18 декабря 2018 г. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

Обобщение проводилось с участием Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка и автора статьи.

Материалы и методы: нормативно-правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, приказы и другие ведомственные акты ФСИН России, МВД России, регулирующие досудебный этап подготовки и судебного рассмотрения представлений о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания; использованы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также решения Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам исполнения приговора и реализации уголовного наказания. В качестве методологической основы исследования выступают общенаучные методы познания диалектики, формальной логики, системного анализа.

Результаты исследования: проведенное исследование позволило составить детальное представление о соответствии судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, требованиям действующего законодательства, правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации судебной деятельности при исполнении приговора, выде-

¹ По результатам изучения судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пункты 2, 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ), с участием Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка и автора статьи.

лить в ней проблемные ситуации, сформулировать предложения по совершенствованию закона, по дополнению существующих и принятию новых разъяснений на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Выводы и заключения: проведенное исследование показало, что судебная практика замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания характеризуется многообразием, отсутствием единства даже в пределах одного субъекта Российской Федерации, у судей возникает множество вопросов, однозначные ответы на которые отсутствуют в законодательстве и в разъяснениях высших судебных инстанций, посвященных назначению и исполнению наказания.

Ключевые слова: исполнение приговора, меры пресечения, осужденный, заключение под стражу, продление срока задержания, профессор В. В. Николюк, Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

FROM THE EXPERIENCE OF STUDYING THE JUDICIAL PRACTICE OF CONSIDERATION BY COURTS OF ISSUES RELATED TO THE REPLACEMENT OF PUNISHMENT IN CASE OF MALICIOUS EVASION FROM SERVING IT (PARAGRAPHS 2, 18, 18¹ OF ARTICLE 397 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Introduction: the article describes the results of the study of judicial practice of consideration by courts of issues related to the replacement of punishment in case of malicious evasion from serving it (paragraphs 2, 18, 18.1 of Article 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), conducted at the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation in 2018, preceding and, in many ways, contributing to the adoption of December 18, 2018. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43 "On Amendments to the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 21 "On the practice of applying legislation on the execution of a sentence" and of December 22, 2015 No. 58 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation".

The generalization was carried out with the participation of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor V. V. Nikolyuk and the author of the article.

Materials and methods: the legal basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure, criminal and penal enforcement legislation, orders and other departmental acts of the Federal Penitentiary Service of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, regulating the pre-trial stage of preparation and judicial review of submissions on the replacement of punishment in case of malicious evasion from serving it; resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the execution of the sentence and the implementation of criminal punishment are used. The methodological basis of the research is the general scientific methods of cognition of dialectics, formal logic, and system analysis.

Results of the study: the conducted research allowed us to make a detailed idea of the compliance of judicial practice with the consideration by courts of issues related to the replacement of punishment in the case of malicious evasion from serving it with the requirements of current legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation of judicial activity during the execution of a sentence, to identify problematic situa-

tions in it, to formulate proposals for improving the law, to supplement the existing and adopt new clarifications at the level of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Findings and conclusion: the conducted research has shown that the judicial practice of replacing punishment in the case of malicious evasion from serving it is characterized by diversity, lack of unity even within one subject of the Russian Federation, judges have a lot of questions, there are no unambiguous answers to which are absent in the legislation and in the explanations of higher judicial instances devoted to the appointment and execution of punishment.

Keywords: execution of the sentence, preventive measures, convicted person, detention, extension of the period of detention, Professor V. V. Nikoljuk, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

14 сентября 2021 г. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Вячеслав Владимирович Николюк отмечает 65-летие. Обширная библиография, включающая несколько сотен научных трудов, свидетельствует о том, что в сферу его научных интересов входят как общие положения уголовно-процессуального права, так и досудебное и судебное производство по уголовному делу, взаимодействие уголовно-процессуального законодательства с иными законами о противодействии преступности, а также многие другие. При этом в области уголовно-исполнительного судопроизводства¹ — производства по рассмотрению и рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора, в научном сообществе В. В. Николюк по праву признан ведущим специалистом.

Производству по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, посвящено немало работ профессора В. В. Николюка, они исчисляются десятками. Он является одним из немногих ученых, который обстоятельно исследует его уже более тридцати лет. Среди его трудов особо хотелось бы выделить те, которые посвящены вопросам уголовно-процессуального принуждения при исполнении приговора [1; 2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10]. В этой связи нельзя не упомянуть и о том, что в 2013—2014 гг. он принимал участие в проводимом Верховным Судом Российской Федерации (далее — ВС РФ) обобщении во всех субъектах Российской Федерации (далее — субъект федерации) практики применения судами норм Уголовно-процессуального закона Российской Федерации (далее — УПК РФ) и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), регулирующих замену осуждённым наказания при исполнении приговора и заключение под стражу осуждённых, уклоняющихся от отбывания наказания.

С учетом неоценимого вклада ученого в доктрину уголовно-исполнительного судопроизводства неудивительно, что в 2011 году² он был приглашен в качестве члена рабочей группы для разработки и обсуждения проекта постановления Пленума ВС РФ

¹ Термин, введенный в научный оборот В. В. Николюком в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, которым впоследствии стали пользоваться многие процессуалисты для обозначения уголовно-процессуальных производств, регламентированных главой 47 УПК РФ.

² С 2011 г. В. В. Николюк является членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

«О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», принятого 20 декабря 2011 года.

Позднее, в 2018 году по результатам обобщения и изучения судебной практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (далее — обобщение), В. В. Николуком совместно с автором данной статьи подготовлены два авторских проекта постановлений Пленума ВС РФ (далее — проекты), отдельные положения которых впоследствии были включены в текст действующей редакции упомянутого документа.

Исследование, в рамках которого были изучены материалы (информационные справки, копии судебных решений), представленные всеми судами субъектов федерации по результатам изучения судебной практики рассмотрения районными (городскими) судами в 2017 году представлений о замене обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ, ограничения свободы в случае злостного уклонения от отбывания наказания, проводилось в соответствии с «Примерной программой изучения практики рассмотрения судами вопросов, связанных с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (пункты 2, 18, 18¹ статьи 397 УПК РФ)».

Успешность проведенного обобщения напрямую связана с уникальной «научной квалификацией» Вячеслава Владимировича, его бесценным опытом в проведении подобных исследований. Благодаря его пылливому уму и методическому таланту исследование судебной практики было проведено комплексно и скрупулезно.

Результатом обобщения, помимо упомянутых выше проектов, стала обзорная справка, содержащая научно-практические комментарии складывающихся в судебной практике сложных неоднозначных ситуаций, вызванных как отсутствием надлежащего правового регулирования, так и соответствующих разъяснений со стороны Пленума ВС РФ.

В ней приведены наиболее распространённые (типичные) дела, при разрешении которых у судов не возникает трудностей, они правильно понимают и применяют закон. Однако внимание Пленума ВС РФ, прежде всего, обращено на сложные уникальные случаи, описанные и проиллюстрированные конкретными примерами, аккумулированы и систематизированы вопросы, требующие, по мнению судов, законодательного разрешения и (или) «вмешательства» высшей судебной инстанции посредством дачи необходимых разъяснений. При этом авторами обобщения они также прокомментированы и также предложены способы их разрешения.

В обзорной справке были выделены следующие рубрики (разделы):

Подготовка и назначение судебного заседания

Вопросы подсудности представлений о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания.

Возвращение представления (ходатайства) без рассмотрения.

Отказ в принятии материалов к производству.

Постановление о назначении судебного заседания.

Извещение участников о дате времени и месте судебного заседания.

Рассмотрение и разрешение вопроса о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания на судебном заседании.

Решения, принимаемые при неявке осуждённого на судебное заседание.

Практика заочного рассмотрения представлений.

Решения, принимаемые по результатам рассмотрения и разрешения вопросов о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания.

Решения о розыске осуждённого.

Привод, задержание и заключение под стражу осуждённого, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания.

Привод.

Заключение под стражу (продление срока задержания) осуждённых, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания.

Распространенность практики заключения под стражу осуждённого, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания.

Действие положений ст. 108 УПК РФ при рассмотрении судом представления о заключении под стражу осуждённого в соответствии с пунктами 18 и 18¹ статьи 397 УПК РФ.

Разрешение вопросов, предусмотренных пунктами 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, мировым судьей.

Наименование судебных постановлений, выносимых при применении пунктов 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ.

Категории осуждённых, которые могут заключаться под стражу.

Участие осуждённого в работе судебного заседания.

Понятие места задержания осуждённого.

Рассмотрение вопроса о заключении под стражу осуждённого до внесения в суд представления о замене наказания

Основания заключения под стражу осуждённого в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК РФ.

Основания отказа в удовлетворении представления о заключении под стражи осуждённого.

Учет срока оставшейся не отбытой части наказания при определении длительности заключения осуждённого под стражу.

Виды решений, принимаемых судом по результатам рассмотрения представления о заключении под стражу осуждённого.

Сроки заключения под стражу.

Особенности рассмотрения и разрешения вопросов о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания в отношении несовершеннолетних осуждённых.

Вопросы, связанные с заменой наказания в виде принудительных работ

Иные вопросы, связанные с заменой наказания в случае злостного уклонения от его отбывания.

Случаи замены обязательных работ, исправительных работ, а также ограничения свободы на другой вид наказания, кроме принудительных работ и лишения свободы.

Выводы и предложения.

Полагаем, следует сказать несколько слов о предпосылках к проведению подобного обобщения. В качестве таковых выступали, прежде всего, масштабы соответствующей сферы правоприменения, поскольку ежегодно десятки тысяч осуждённых, которым

вступившим в законную силу приговором назначено наказание, не связанное с лишением свободы, направляются судом, в соответствии со ст.ст. 397, 399 УПК РФ, в исправительные учреждения за злостное уклонение от его отбывания.

Дела о замене наказания в связи со злостным уклонением осуждённого от его отбывания специфичны, представляют определенную сложность в доказывании наличия оснований для замены наказания.

Как показывают опубликованные данные отдельных исследований, суды испытывают затруднения в трактовке оснований замены назначенного приговором наказания более строгим его видом. В результате принимаются незаконные и необоснованные судебные постановления как о замене наказания, так и в отказе в этом. Достаточно большое число таких судебных решений становится предметом апелляционной и кассационной проверки.

Замена наказания более строгим видом в случае злостного уклонения от его отбывания принципиально изменяет правовое положение осужденного в сравнении с тем, как оно зафиксировано приговором суда. Поэтому к содержанию и качеству представляемых в суд материалов, подтверждающих злостность уклонения осужденного от наказания или нарушения предусмотренных приговором обязанностей при условном осуждении, а также к процедуре рассмотрения таких материалов должны предъявляться требования, исключающие процессуальное упрощенчество.

Вместе с тем, судя по опубликованным в центральной печати материалам, в большинстве регионов страны сохраняется практика рассмотрения этой категории судебных дел в отсутствие осуждённого, который, по данным учреждения или органа, исполняющего наказание, скрывается, и его местонахождение неизвестно. Однако их должностные лица не всегда принимают предусмотренные законом и ведомственными актами меры к установлению местонахождения скрывающегося осуждённого и обеспечению его явки на судебное заседание. Суды, в свою очередь, необоснованно назначают и разрешают такие дела без участия осуждённого на судебном заседании, с принятием заочного решения в соответствии с п. 2 ст. 397 УПК РФ об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подобная практика не соответствует предусмотренному ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция России) праву гражданина на судебную защиту, закрепленному в ч. 3 ст. 123 Конституции России положению об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, п. 20 ст. 47, ч. 2 ст. 399 УПК РФ, где осуждённому гарантировано участие в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Признавая невозможным в условиях действующего нормативного регулирования (п. 20 ст. 47, ч. 2 ст. 399 УПК РФ) разрешение по существу представления уголовно-исполнительной инспекции о замене наказания в связи со злостным уклонением осуждённого от его отбывания без участия осуждённого в судебном заседании, суды выносят разные постановления (о прекращении производства по материалам, об оставлении представления без рассмотрения, об отказе в удовлетворении представления).

При применении п. 18 ст. 397 УПК РФ в связи с рассмотрением данных дел также возникает ряд вопросов, которые неодинаково разрешаются в судебной практике. В частности, закон не содержит требований к содержанию представления о заключении

под стражу осуждённого, не устанавливает срока его рассмотрения судьей, подсудность (мировой судья, судья районного суда), круга участников судебного заседания, решений, которые могут быть приняты по представлению о заключении под стражу осуждённого, не регламентирует особенности проверки судебных постановлений о заключении под стражу осуждённого в апелляционном порядке. В постановлениях Пленума ВС РФ 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» вопросы заключения под стражу осуждённого, уклоняющегося от отбывания наказания, не разъясняются.

Характерной особенностью дел о замене наказания более строгим видом является также то, что при удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции (далее — УИИ) суды вынуждены назначать краткие, в пределах 1—2 недель, сроки лишения свободы. В связи с этим исполнение судебных постановлений о направлении осуждённых в исправительное учреждение становится объективно невозможным учитывая десятидневный срок апелляционного обжалования таких судебных актов (ст. 401 УПК РФ), в течение которого осуждённый находится в следственном изоляторе.

На практике не всегда учитывается, что решение суда о заключении под стражу осуждённого на период до вступления в законную силу постановления суда о замене обязательных исправительных работ лишением свободы утрачивает свое значение в момент истечения срока лишения свободы, назначенного на основании ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Осуждённый подлежит освобождению из следственного изолятора по отбытии наказания, что на практике не всегда происходит из-за отсутствия в постановлениях судов соответствующих указаний.

Суды по разному реагируют на факты злостного уклонения от отбывания наказания несовершеннолетних осуждённых, которым, в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (допускают ошибки и не принимают во внимание предписания ч. 6 ст. 88 УК РФ, удовлетворяя представления УИИ о замене обязательных исправительных работ лишением свободы; заведомо зная о том, что обязательные исправительные работы не подлежат замене лишением свободы при бесспорном установлении злостности уклонения подростка от данного наказания, назначают «техническое» судебное заседание и отказывают в удовлетворении представления УИИ; возвращают материалы в УИИ без рассмотрения).

Неопределенность в правовом регулировании полномочий адвоката в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, приводит к неоднозначному применению ч. 4 ст. 399 УПК РФ в её взаимосвязи с положениями норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего участие защитника в уголовном судопроизводстве, которые, в сущности, могут применяться только по аналогии. В подобной ситуации создание надлежащих условий для реализации осуждённым права на защиту крайне затруднено. При этом в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) неоднократно излагалась правовая позиция, в соответствии с которой право на защиту должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая исполнение приговора.

Анализ судебной практики позволяет констатировать отсутствие единства в подходе судов к определению процессуального статуса адвоката осуждённого, его прав, обязанностей и выполняемых функций (адвокат, защитник, представитель).

Изложенные обстоятельства объясняли на тот момент необходимость анализа судебной практики, который позволил составить более детальное представление о соответствии закону и правовым позициям КС РФ, ВС РФ, судебной деятельности при исполнении приговора, выделить в ней проблемные ситуации, сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, по дополнению существующих и принятию новых разъяснений на уровне постановлений Пленума ВС РФ.

По результатам обобщения были сформулированы следующие основные выводы, многие из которых по-прежнему не потеряли своей актуальности:

1. Судебная практика в соответствующей части характеризуется многообразием, отсутствием единства даже в пределах одного субъекта федерации. В процессе применения норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ о замене осуждённым наказания в связи с злостным уклонением от отбывания наказания, заключении под стражу (продлении срока содержания) осуждённого при исполнении приговора у судей возникает целый ряд вопросов, однозначных ответов на которые ни в законодательстве, ни в принятых Пленумом ВС РФ постановлениях, посвященных назначению и исполнению наказания, нет.

2. К числу наиболее часто возникающих в деятельности судов неопределенных ситуаций, разрешаемых судами «на грани» нарушения закона, по аналогии закона и обозначенных во многих или даже в большинстве справок судов субъектов федерации, обобщивших практику замены наказаний в виде штрафа, ограничения свободы, обязательных работ, исправительных работ лишением свободы, относятся следующие:

— действие правил об общих условиях судебного разбирательства (главы 36 и 37 УПК РФ) при производстве в порядке главы 47 УПК РФ;

— истечение установленного при замене наказания срока лишения свободы до вступления в силу постановления суда, которым заменено назначенное приговором наказание;

— решения судей по поступившим в суд материалам о замене наказания в зависимости от того, обеспечена или нет явка осуждённого на судебное заседание;

— определение подсудности дел о замене осуждённого наказания при исполнении приговора;

— основания прекращения производства по представлению;

— участие в судебных заседаниях по вопросам исполнения приговора прокурора, адвоката, законного представителя несовершеннолетнего осуждённого;

— условия отложения судебного заседания;

— допустимость использования принудительной меры в виде привода для обеспечения явки осуждённого на судебное заседание;

— виды решений по итогам рассмотрения представлений (ходатайств) в порядке статьи 399 УПК РФ;

— пределы рассмотрения судом представления о замене наказания, отмене условного осуждения.

3. К вопросам, вызывающим у судов наибольшие затруднения при рассмотрении представлений о заключении под стражу осуждённого, скрывшегося в целях уклонения

от отбывания наказания, а также осуждённого к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклоняющегося от получения предписания, предусмотренного частью первой статьи 75¹ УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок (пункты 18 и 18¹ статьи 397 УПК РФ), относились следующие:

— Действуют ли положения статьи 108 УПК РФ при рассмотрении судом представления о заключении под стражу осуждённого в соответствии с пунктами 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ?

— Как следует понимать термин «место задержания осуждённого» в контексте части 4.1 статьи 396, пункта 3 части 1 статьи 399 УПК РФ?

— Может ли суд заключить под стражу осуждённого на основании пункта 18 статьи 397 УПК РФ, если в суд еще не поступило представление о замене наказания?

— В какие сроки суд должен рассмотреть вопрос о заключении под стражу осуждённого в соответствии с пунктами 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ?

— Как следует понимать основания заключения под стражу осуждённого применительно к пунктам 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ?

— Вправе ли суд на основании пункта 18 статьи 397 УПК РФ заключить осуждённого под стражу без его участия в судебном заседании?

— Включается ли 48-часовой срок задержания осуждённого в 30-суточный срок заключения под стражу?

— Обязательно ли участие прокурора, адвоката в судебном заседании, назначенного для рассмотрения вопросов, изложенных в пунктах 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ?

— При определении срока заключения осуждённого под стражу, в соответствии с пунктом 18 статьи 397 УПК РФ, связан ли суд сроком лишения свободы, на который осуждённому может быть заменено ранее назначенное наказание?

— Какие решения вправе принять суд по результатам рассмотрения представлений, предусмотренных пунктами 18 и 18.1 статьи 397 УПК РФ?

— Каковы последствия истечения установленного в соответствии с пунктом 18 статьи 397 УПК РФ срока заключения под стражу до даты судебного заседания, назначенного для рассмотрения вопроса о замене наказания?

4. Учитывая наличие в судебной практике указанных проблемных вопросов, их устойчивость и сохранение в большей части на протяжении длительного времени, констатирована целесообразность внесения изменений и дополнений в действующее постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора».

Отмеченные в справках судов и в обзорной справке типичные ситуации, вызывавшие затруднения у судей в их правильном разрешении в условиях недостаточной определенности действующего правового регулирования замены наказания осужденным при исполнении приговора, не требовали корректировки законодательства и могли быть разъяснены путем формулирования ВС РФ соответствующих правовых позиций.

5. Принимая во внимание распространенность на практике случаев заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, последствием которых является ограничение одной из основных конституционных ценностей — свободы и личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции России), особенно-

сти правовой природы задержания и заключения под стражу осуждённых при исполнении приговора, наличие множества спорных вопросов в судебной практике в этой части, предполагающих формулирование цельной системы относительно самостоятельных и в то же время логически взаимосвязанных уточняющих нормативных положений, объединённых единой тематикой, высказаны предположения о наличии оснований для обсуждения варианта принятия отдельного постановления Пленума ВС РФ, посвященного применению судами норм о задержании и заключении под стражу осуждённого при исполнении приговора¹.

Подводя итоги, необходимо, во-первых, сказать о том, что профессор В. В. Николук является ярким примером ученого, научно-исследовательская деятельность которого всегда отличается не только актуальностью, научной новизной, оригинальностью, но и неопределимым теоретическим и практическим значением, оказывая влияние на доктрину и реальное правоприменение.

Во-вторых, хочется поздравить Вячеслава Владимировича с юбилеем и присоединиться ко всем искренним пожеланиям в его адрес.

В-третьих, поблагодарить профессора за оказанное автору настоящей статьи доверие и предоставленную возможность трудиться на благо уголовно-процессуальной науки под его руководством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Булатов Б. Б. Привод как мера принуждения в стадии исполнения приговора / Б. Б. Булатов, В. В. Николук // *Российский следователь*. — 2013. — № 13. — С. 9—12.
2. Николук В. В. Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде заключения под стражу в стадии исполнения приговора // *Уголовное судопроизводство*. — 2015. — № 1. — С. 33—39.
3. Николук В. В. Вправе ли мировой судья арестовать осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания? // *Мировой судья*. — 2015. — № 5. — С. 3—8.
4. Николук В. В. Задержание осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания. Спорные вопросы // *Уголовный процесс*. — 2020. — № 10 (190). — С. 86—91.
5. Николук В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: моногр. — Орел: ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2015. — 236 с.
6. Николук В. В. Заочный арест осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания // *Уголовный процесс*. — 2014. — № 12 (120). — С. 58—69.
7. Николук В. В. Обзор практики заключения судами под стражу (продления срока задержания) осужденных, скрывшихся в целях уклонения от отбывания наказания (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // *Российское правосудие*. — 2015. — № 7 (111). — С. 61—81.
8. Николук В. В. Практика заключения под стражу осужденного до рассмотрения судом представления о замене штрафа, ограничения свободы, обязательных, исправительных работ лишением свободы (п. 18 ст. 397 УПК РФ) // *Уголовное право*. — 2014. — № 6. — С. 107—114.

¹ Некоторые наши предложения, воспринятые Пленумом ВС РФ, учтены в профильном постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», однако от идеи принятия отдельного документа, посвященного вопросам применения мер государственного принуждения в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, мы по-прежнему не отказываемся.

9. Николюк В. В. Практика заключения под стражу осужденного, скрывавшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Российское правосудие. — 2018. — № 10. — С. 5—16.

10. Николюк В. В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2015. — Т. 15. — № 4. — С. 43—52.

REFERENCE

1. Bulatov B. B., Nikolyuk V. V. Privod kak mera prinuzhdenija v stadii ispolnenija prigovora [Drive as a measure of coercion at the stage of execution of a sentence]. *Rossijskij sledovatel' — Russian investigator*, 2013, no. 13, pp. 9—12 (in Russian).

2. Nikolyuk V. V. Aktual'nye voprosy primenenija mery presechenija v vide zaključenija pod strazhu v stadii ispolnenija prigovora [Actual issues of the application of a preventive measure in the form of detention at the stage of execution of a sentence]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo — Criminal proceedings*, 2015, no. 1, pp. 33—39 (in Russian).

3. Nikolyuk V. V. Vprave li mirovoj sud'ja arestovat' osuzhdennoho, ukлонjajushhegosja ot otbyvanija nakazanija? [Does a justice of the peace have the right to arrest a convicted person who evades serving a sentence?]. *Mirovoj sud'ja — Justice of the Peace*, 2015, no. 5, pp. 3—8 (in Russian).

4. Nikolyuk V. V. Zaderzhanie osuzhdennoho, skryvshegosja v celjah ukлонenija ot otbyvanija nakazanija. Spornye voprosy [Detention of a convicted person who has disappeared in order to evade serving a sentence. Disputable issues]. *Ugolovnyj process — Criminal process*, 2020, no. 10 (190), pp. 86—91 (in Russian).

5. Nikolyuk V. V. Zaključenje pod strazhu osuzhdennoho, skryvshegosja v celjah ukлонenija ot otbyvanija nakazanija: doktrina, zakonodatel'naja konstrukcija, tolkovanie i problemy praktičeskogo primenenija: monogr. [Detention of a convicted person who disappeared in order to evade serving a sentence: doctrine, legislative construction, interpretation and problems of practical application: monograph]. Orel, ORYUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2015, 236 p. (in Russian).

6. Nikolyuk V. V. Zaochnyj arest osuzhdennoho, ukлонjajushhegosja ot otbyvanija nakazanija [Absentee arrest of a convicted person who evades serving a sentence]. *Ugolovnyj process — Criminal process*, 2014, no. 12 (120), pp. 58—69 (in Russian).

7. Nikolyuk V. V. Obzor praktiki zaključenija sudami pod strazhu (prodlenija sroka zaderzhanija) osuzhdennyh, skryvshihsj v celjah ukлонenija ot otbyvanija nakazanija (p. 18 st. 397 UPK RF) [Review of the practice of detention by courts (extension of the period of detention) of convicts who disappeared in order to evade serving their sentence (paragraph 18 of Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Rossijskoe pravosudie — Russian Justice*, 2015, no. 7 (111), pp. 61—81 (in Russian).

8. Nikolyuk V. V. Praktika zaključenija pod strazhu osuzhdennoho do rassmotrenija sudom predstavlenija o zamene shtrafa, ogranichenija svobody, objazatel'nyh, ispravitel'nyh rabot lisheniem svobody (p. 18 st. 397 UPK RF) [The practice of detaining a convicted person before the court considers a submission on replacing a fine, restriction of freedom, mandatory correctional labor with deprivation of liberty (paragraph 18 of Article 397 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)]. *Ugolovnoe pravo — Criminal Law*, 2014, no. 6, pp. 107—114 (in Russian).

9. Nikolyuk V. V. Praktika zaključenija pod strazhu osuzhdennoho, skryvavshegosja v celjah ukлонenija ot otbyvanija nakazanija [The practice of detaining a convicted person who was hiding in order to evade serving a sentence]. *Rossijskoe pravosudie — Russian justice*, 2018, no. 10, pp. 5—16 (in Russian).

10. Nikolyuk V. V. Rasprostranjaetsja li institut mer presechenija na stadiju ispolnenija prigovora? [Does the institution of preventive measures extend to the stage of execution of a sentence?]. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo — Vestnik of the South Ural State University. Series: Law*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 43—52 (in Russian).

УДК 343.13

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-167-177

Буфетова Марьям Шамильевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
института государства и права
Байкальского государственного
университета
maryamf@list.ru

Bufetova Maryam Shamilevna,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of Criminal Law, Criminology
and Criminal Procedure,
Institute of State and Law, Baikal State
University
maryamf@list.ru

Литвинцева Наталья Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и прокурорского надзора
института государства и права
Байкальского государственного
университета
litvintseva_nu@mail.ru

Litvintseva Natalia Yurievna,
PhD in Law, Associate Professor,
Chair of Criminal Law, Criminology
and Criminal Procedure,
Institute of State and Law
Baikal State University
litvintseva_nu@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в статье рассматривается понятие и содержание принципа целесообразности уголовного судопроизводства, его взаимосвязь с другими принципами и началами уголовного процесса России. Рассматривается зарубежный опыт применения принципа целесообразности в уголовном судопроизводстве. Исследуется понятие и содержание принципов эффективности и рационального уголовного судопроизводства и их взаимосвязь с принципом целесообразности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составили Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а также уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран. Методологической основой исследования послужил общий диалектический метод научного познания, также методы логической дедукции, индукции, познавательные методы и приемы анализа, сравнения, обобщения и описания.

Результаты исследования позволяют заключить, что в зарубежных странах вопрос целесообразности уголовного судопроизводства решается на стадии возбуждения уголовного дела и непосредственным образом связан с дискретностью (выбором) уполномоченных лиц осуществлять уголовное преследование. На примере дифференциации производств определен вопрос о том, что не всегда рационализация уголовного судопроизводства обусловлена целесообразностью.

Выводы и заключения: произведена оценка возможности использования зарубежного опыта в российском уголовном процессе. Сделан вывод о необходимости соблюдения баланса

в вопросах соблюдения принципов целесообразности, эффективности и рациональности уголовного судопроизводства и необходимости более подробного исследования данной проблемы. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию порядка уголовного судопроизводства, основанного на принципе целесообразности.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, принцип целесообразности, принцип рациональности, принцип эффективности.

THE PRINCIPLE OF EXPEDIENCY OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Introduction: the article considers the concept and content of the principle of expediency criminal proceedings, as well as its relationship with other principles of the criminal procedure in Russia. The foreign experience of applying the principle of expediency in criminal proceedings is considered. The concept and content of the principles of efficiency and rational criminal proceedings and their relationship with the principle of expediency are investigated.

Materials and methods: the normative basis of the research was formed by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as the criminal procedure legislation of number foreign countries. The methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, the methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of analysis, comparison, generalization and description.

Results of the study allows for the conclusion that in foreign countries the issue of the expediency of criminal proceedings is decided at the stage of initiating a criminal case and is directly related to the discretion (choice) of authorized persons to carry out criminal prosecution. On the example of differentiation of production, the question is determined that the rationalization of criminal proceedings is not always due to expediency.

Findings and conclusions: an assessment was made of the possibility of using foreign experience in the Russian criminal process. It is concluded that it is necessary to maintain a balance in matters of compliance with the principles of expediency, efficiency and rationality of criminal proceedings and the need for a more detailed study of this problem. Concrete recommendations are proposed for improving the order of criminal proceedings based on the principle of expediency.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal proceedings, the principle of expediency, the principle of rationality, the principle of efficiency.

В системе уголовного судопроизводства принципы занимают важное и значимое положение. Принципы — это первичные нормы права, которые невозможно вывести из самих себя и которые охватывают другие, более частные нормы и конкретизирующие их применение и положение среди иных норм. Принципы как правовые нормы обладают высокой степенью общности, реализуясь и конкретизируясь в других правилах и нормах. Значимость принципов уголовного процесса также заключается в том, что они синхронизируют систему процессуальных норм и приводят к единообразию механизма уголовно-процессуального воздействия. Данная взаимосвязь и взаимообусловленность общих и конкретизирующих норм является средством достижения единства процессуального порядка по уголовным делам вне зависимости от их категории и степени сложности, а также соблюдения законности в уголовном судопроизводстве в целом [16, с. 60].

Принципы уголовного судопроизводства образуют его основу, определяют его важнейшие начала, формируют остальные его свойства и отношения [13, с. 27], обеспечивают реализацию конституционных прав личности [10, с. 35].

Особая значимость принципов уголовного судопроизводства заключается в том, что они пронизывают все стадии уголовно-процессуальной деятельности и способствуют реализации назначения уголовного судопроизводства, в том числе в сфере защиты прав и законных интересов граждан, вовлеченных в сферу уголовного процесса.

Система принципов уголовного судопроизводства отражена в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). Некоторые из начал уголовного судопроизводства не имеют правового отражения, но реализация уголовного судопроизводства без них невозможна. Одним из таких правовых начал является принцип целесообразности.

Некоторые ученые-процессуалисты указывают на существование принципа целесообразности, но ввиду отсутствия его нормативного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, в понимании данного принципа и его содержании отсутствует единая точка зрения. Так, А. М. Баранов определяет целесообразность как определенное свойство законности, обусловленное его социально-нравственной природой, которое получает свое выражение в установлении определенного порядка и организации уголовного судопроизводства. При этом важным свойством целесообразности указанный ученый называет наименьшую степень принуждения, которая предполагается в применении к участникам уголовного судопроизводства [6, с. 10].

А. Ю. Афанасьев непосредственной задачей целесообразности называет совершенствование «уголовно-процессуальных процедур производства по уголовному делу в целях экономии времени, сил и средств, для этого необходимых» [5, с. 42].

Интересное видение принципа целесообразности содержится в работе Г. В. Абшилавы, который устанавливает взаимосвязь принципа целесообразности и исковое понимание обвинения. Иными словами, исследователь под обвинением понимает публичный уголовный иск. В свою очередь, распоряжение правом на использование уголовного иска уполномоченными лицами способствует развитию принципа состязательности сторон [2, с. 114].

В. Т. Томин рассматривал принцип целесообразности в совокупности с принципом процессуальной экономии, связывая целесообразность в уголовном судопроизводстве с возможностью выбора и применения наиболее оптимального из числа представленных законодателем способа действия в сложившихся условиях [19, с. 64; 7, с. 21].

Н. Н. Апостолова в своих исследованиях отождествляет целесообразность в уголовном судопроизводстве и дискреционность, под которой понимает возможность выбора формы осуществления уголовного процесса, обусловленную уголовно-процессуальным законодательством и сложившейся ситуацией [3, с. 108; 4, с. 46]. Точку зрения Н. Н. Апостоловой поддерживает В. И. Самарин, который также связывает принцип целесообразности с дискретностью в решениях лиц, уполномоченных расследовать, рассматривать и разрешать уголовные дела [14, с. 73].

И если следует согласиться с точкой зрения Н. Н. Апостоловой о том, что в целесообразности уголовного судопроизводства существует объективная причина [4,

с. 46], то с отождествлением дискреционности как возможности выбора и целесообразности в уголовном процессе согласиться сложно, т. к. целесообразность лежит в основе усмотрения, но не всегда усмотрение и выбор, сделанный в результате, диктуется условиями целесообразности.

Разделяем позицию И. Г. Смирновой о том, что «требование целесообразности детерминировано целенаправленным характером уголовно-процессуальной деятельности» [18, с. 161], а также тем, что целесообразность и эффективность непосредственным образом связаны с уголовно-процессуальной стратегией [17, с. 77].

Соответственно, из характера уголовно-правовой деятельности и уголовного судопроизводства проистекает и содержание принципа целесообразности. Как показал анализ различных точек зрения, в большинстве своем многие авторы рассматривают принцип целесообразности не как самостоятельное начало уголовного судопроизводства, а в связке с каким-либо иным принципом, например, принципом дискретности, публичности, принципом процессуальной экономии и т. д.

Целесообразность — это соответствие поставленной цели, разумность. Целесообразность в уголовном судопроизводстве означает соответствие уголовно-процессуальной деятельности назначению уголовного судопроизводства.

Полагаем, подмена и установление тождества между указанными принципами невозможна, т. к. принцип целесообразности имеет самостоятельный характер, и именно им определяется возможность или невозможность начала, продолжения или прекращения уголовного преследования.

Безусловный интерес вызывает определение целесообразности в зарубежном уголовном судопроизводстве. Так, А. А. Усачев и Л. Н. Котлярова, обращаясь к анализу зарубежного законодательства и опыту применения принципа целесообразности, отмечают, что во многих зарубежных странах целесообразность уголовного судопроизводства непосредственным образом связана и реализуется на стадии возбуждения уголовного дела. Такой порядок существует во Франции, Великобритании, США, Японии, Бельгии и других странах [20, с. 25].

В соответствии с нормами немецкого уголовно-процессуального законодательства уполномоченные органы могут отказаться от уголовного преследования подростка в связи с его нецелесообразностью [12, с. 19], при этом закон не обязывает данные органы сообщать причины отказа [11, с. 35].

Британское уголовно-процессуальное законодательство трактует принцип целесообразности через возможность отказа от уголовного преследования в том случае, если оно нецелесообразно и осуществляется только в тех случаях, когда действия обвиняемого требуют его преследования, исходя из публичного интереса [1, с. 25].

Интересен законодательный опыт Швейцарии. Статья 8 УПК Швейцарской Конфедерации нормативно закрепляет возможность выбора уполномоченных органов отказаться от уголовного преследования, если оно нецелесообразно [14, с. 77], т. е. фактически швейцарский законодатель противопоставляет принцип публичности уголовного судопроизводства и принцип целесообразности, поскольку может быть реализован только один из них.

Законодательство Французской Республики наделяет прокурора правом отказа в возбуждении уголовного дела по причине его нецелесообразности [20, с. 26].

Анализ зарубежного законодательства позволил сделать вывод о том, что целесообразность уголовного судопроизводства во многих зарубежных странах непосредственным образом связана с дискретностью, т. е. осуществлением выбора уполномоченных органов на законных основаниях осуществлять или отказаться от уголовного преследования. При этом реализация принципа целесообразности в подавляющем большинстве случаев производится на стадии возбуждения уголовного дела. Так, исследование зарубежного законодательства позволяет вести речь о существующей тенденции вытеснения принципа законности принципом целесообразности. Принцип целесообразности является ключевой предпосылкой альтернатив уголовному преследованию. Так, Л. М. Володина справедливо утверждает, что в западном зарубежном законодательстве уголовное преследование строится на принципе целесообразности, а его применение ведет к применению альтернативных мер или мер компромисса в борьбе с преступностью [8, с. 147].

Вместе с тем, учитывая, что принципы российского уголовного судопроизводства не могут противопоставляться и противоречить друг другу, а также подавляющую составляющую усмотрения при возбуждении уголовного дела с применением принципа целесообразности в зарубежных странах, полагаем, данное прочтение принципа целесообразности в российском правовом порядке недопустимо, т. к. противоречит принципу публичности процесса.

Поясним свою позицию. Так, возбуждение уголовного дела в соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством осуществляется уполномоченными органами при наличии поводов и основания, достаточных для возбуждения уголовного дела. При этом законодатель выделяет три категории уголовных дел, исходя из порядка их возбуждения — дела публичного обвинения, возбуждаемые при наличии достаточных признаков преступления; дела частного обвинения, возбуждаемые не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, а также дела частного публичного обвинения, которые могут быть возбуждены как по заявлению потерпевшего и его законного представителя, так и по решению уполномоченных органов. Исходя из системного анализа норм УПК РФ можно говорить о том, что решение о возбуждении уголовного дела осуществляется не только на основании усмотрения уполномоченного лица, но и на строгом соблюдении закона. В частности, при наличии поводов и основания возбуждения уголовного дела, наличия признаков преступления и отсутствия обстоятельств в отказе возбуждения уголовного дела, последнее должно быть возбуждено. Увеличение доли дискретности на данной стадии судопроизводства будет способствовать развитию тенденции массовых отказов в возбуждении уголовных дел без объяснения причин, только на основании нецелесообразности его возбуждения, увеличении коррупциогенного фактора в органах предварительного расследования, что в конечном итоге повлечет массовые нарушения прав граждан в сфере уголовного судопроизводства. В конечном итоге при развитии такого сценария возможна ситуация, когда назначение уголовного судопроизводства, закрепленное нормативно, вступит в противоречие с его реальным состоянием.

С другой стороны, оценка зарубежного опыта необходима, т. к. позволит сопоставить действующую модель реализации принципа целесообразности уголовного судопроизводства

производства с эффективностью и достижением цели уголовного процесса, а также соотнести реализуемые меры с состоянием преступности.

Полагаем, что целесообразность является тем началом, правовым средством, благодаря которому определяется возможность осуществления и реализации уголовно-процессуальных отношений в рамках, установленных законом.

В этой связи представляется возможным сделать вывод о том, что целесообразность распространяется не только на возможность выбора уголовно-правовых средств, представленных законом при осуществлении уголовного преследования (в связи с чем невозможно её отождествление с дискретностью), и выбора наиболее оптимального из них (в связи с чем следует говорить о том, что целесообразность по своему содержанию шире, чем принцип процессуальной экономии), но и распространяется на механизм принятия новых норм уголовно-процессуального закона, изменения действующих или отмену устаревших. Кроме того, целесообразность непосредственно связана с реализацией назначения уголовного судопроизводства как важнейшей цели по защите прав и законных интересов его участников и лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

Соответственно, содержание целесообразности уголовного судопроизводства лежит в нескольких плоскостях:

- совершенствование уголовно-процессуального закона;
- выработка уголовно-процессуальной стратегии в контексте исторической и правовой обусловленности, в непосредственной взаимосвязи с принципами эффективности и разумности;
- выбор уголовно-процессуального средства при реализации назначения уголовного судопроизводства в виде деятельности органов предварительного расследования и иных субъектов при расследовании, рассмотрении уголовных дел, защите прав личности от преступных посягательств;
- выбор и применение наиболее оптимальной формы уголовного преследования в зависимости от обстоятельств.

Иными словами, именно целесообразность лежит в основе применения таких принципов, как дискретность и процессуальная экономия, при этом целесообразность не может вступать в конфликт с такими принципами, как законность, диспозитивность, состязательность сторон и неотвратимость наказания.

Принцип целесообразности уголовного судопроизводства взаимосвязан с эффективностью и рациональностью уголовного процесса.

Эффективность уголовного судопроизводства прямо не указывается законодателем, но существование данного начала обусловлено самим существованием уголовного судопроизводства и реализацией его назначения. Так, эффективность уголовного судопроизводства как начала определяется результатом деятельности уполномоченных органов уголовного преследования, иных участников уголовного процесса по достижению цели и задач уголовного судопроизводства. Эффективность уголовного судопроизводства предполагает поиск оптимальной формы его осуществления, при реализации которой достижение целей и задач уголовного судопроизводства, его назначения будет наивысшим. При этом предполагается, что эффективность уголовного судопроизводства должна быть осуществлена не только с максимальной эффективностью для участников уголовного судопроизводства и лиц, в него вовлеченных, но и для лиц, уполномоченных

возбуждать, расследовать, рассматривать и разрешать уголовные дела. Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность непосредственным образом связана с другим началом уголовного судопроизводства — рациональностью.

Рациональность как начало уголовного судопроизводства предполагает применение правил сбережения ресурсов и уголовно-процессуальных средств с целью сократить издержки, расходы, временные и трудовые затраты при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел, что предполагает введение мер процессуальной экономии. Процессуальная экономия — это возможность достичь максимально возможного эффективного результата при максимально возможной упрощенной, быстрой и доступной системе уголовного судопроизводства.

Вместе с тем следует согласиться с С. П. Серебровой, по мнению которой, процессуальная экономия «должна быть направлена на исключение формализма в процессе, но не упрощение формы, т. к. упрощение формы также упрощает (уменьшает) гарантии прав участников процесса, в частности подозреваемого и обвиняемого. Исходя из требования базиса (экономики и политики страны) процесс как надстройку можно упростить, увеличивая гарантии и механизмы защиты прав участников процесса в большую сторону для стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого), т. е. сделать их правом, при обязательном условии исключения возможности органов обвинения влиять на выбор упрощенной формы» [15, с. 17].

Однако всегда ли принципы эффективности и рациональности обусловлены целесообразностью?

Современный период развития уголовного судопроизводства характеризуется введением максимального количества мер процессуальной экономии. Был введен упрощенный порядок судопроизводства для обвиняемых, согласившихся с предъявленным обвинением, а также в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве; широко применяются медиация, сделки и институт примирения сторон; возможно применение институтов мер воспитательного воздействия и мер принудительного медицинского характера; широко используются современные достижения науки и техники в виде электронных форм правосудия.

С одной стороны, такая широкая дифференциация уголовного судопроизводства должна быть направлена на максимально эффективное расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел, особая форма расследования и разрешения уголовного дела при определенных законом обстоятельствах направлена на максимальную процессуальную экономию. С другой стороны, излишняя дифференциация уголовного судопроизводства приводит не только к упрощению формы и экономии процессуальных средств, но и упрощает саму суть производства, ведет к формированию формализации в определенных ситуациях, что влечет нарушение прав участников уголовного судопроизводства, поскольку лишает их права выбора. Например, при реализации упрощенного порядка уголовного судопроизводства в порядке глав 40 и 40.1 УПК РФ, приговор станет всегда носить обвинительный характер, но при этом будет максимально и, возможно, излишне смягчен. В результате, репрессия назначенного наказания может оказаться сомнительной или бесполезной. В данном случае цель уголовного судопроизводства достигнута не будет, т. к. очевидно прямое нарушение прав потерпевшей стороны. Возможна и обратная ситуация, когда согласие обвиняемого с предъявленным ему обвине-

нием ведет к упрощению процедуры предварительного расследования и рассмотрения в суде, что может повлечь два варианта негативных последствий — самооговор и последующее осуждение невиновного, либо ввиду формального сбора доказательств — существует риск прекращения уголовного дела в особом порядке и направление его на рассмотрение в общем порядке. В таком случае очевидно, что цель уголовного судопроизводства так же не имеет вероятности быть достигнутой.

Соответственно, полагаем, что излишняя рационализация уголовного судопроизводства в виде чрезмерной дифференциации форм процесса с целью максимальной процессуальной экономии не всегда отвечает принципам целесообразности и эффективности уголовного судопроизводства. Рациональность и эффективность уголовного судопроизводства неравнозначны его упрощению, в первую очередь они должны отвечать принципу целесообразности. Достижение целей уголовного судопроизводства возможно только в случае баланса указанных принципов, которые не должны развиваться произвольно, а быть частью уголовно-процессуальной стратегии. Считаем, данный вопрос нуждается в более тщательном исследовании.

Верно отмечает Л. В. Головкин, что принцип целесообразности определяет в деятельности обвинительной власти свободное усмотрение, поскольку целесообразность предопределяет наилучшее решение вопроса, когда в рамках установленных законом процедур возможны различные варианты решения [9, с. 35—36]. Таким образом, принцип законности предполагает один вариант, когда законным может быть только одно решение, а принцип целесообразности предполагает возможность выбора нескольких вариантов, когда несколько решений при определенных обстоятельствах будут одинаково законными (не взаимоисключающими). Принцип целесообразности предопределяет возникновение альтернатив уголовному преследованию в современном уголовном судопроизводстве.

Действие любого закона, в том числе и уголовно-процессуального, всегда должно соответствовать определенной цели, а действия, направленные на его формирование и дальнейшую практическую реализацию, следовательно, должны быть целесообразными.

Таким образом, во-первых, целесообразность не должна выходить за рамки законности, а соблюдение закона должно оставаться приоритетным, отступление от принципа законности при осуществлении правотворческой и правоприменительной деятельности является недопустимым.

Во-вторых, целесообразность должна быть обоснованной, а именно — вытекать из фактических условий конкретного случая и быть объективно необходимой. Обоснованное применение положений уголовно-процессуального закона означает практически целесообразное их использование в данных конкретных условиях.

В-третьих, целесообразность должна применяться в четко очерченных законодателем пределах. Нормы УПК РФ, применение которых возможно с учетом положений целесообразности, должны содержать строго установленный, принятый на законодательном уровне и не подлежащий произвольному изменению перечень альтернативных действий, которые могут быть использованы правоприменителем при принятии им конкретных решений в уголовном судопроизводстве.

В-четвертых, целесообразность должна соответствовать назначению уголовного судопроизводства, его целям и задачам.

В качестве итогового вывода следует подчеркнуть значимость принципа целесообразности уголовного судопроизводства, т. к. данным принципом должны объясняться действия не только участников уголовного судопроизводства, уполномоченных принимать властные действия и решения, но и действия законодателя по выработке направлений совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bohlander M. Principles of German Criminal Procedure / M. Bohlander. — Oxford: Hart Publishing Ltd., 2012. — 242 p.
2. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / Г. В. Абшилава. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 456 с.
3. Апостолова Н. Н. Неотвратимость уголовной ответственности и дискреционные начала уголовного судопроизводства / Н. Н. Апостолова // Государство и право. — 2011. — № 4. — С. 107—110.
4. Апостолова Н. Н. Принцип целесообразности (дискреционности) в современном российском уголовном процессе / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. — 2009. — № 7. — С. 46—49.
5. Афанасьев А. Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе / А. Ю. Афанасьев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 8—2. — С. 42—44.
6. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. М. Баранов. — Омск: Омская акад. МВД РФ, 2006. — 39 с.
7. Варпаховская Е. М. Обоснован ли разный подход законодателя к учету мнения потерпевшего при рассмотрении уголовных дел в особом порядке судебного разбирательства? / Е. М. Варпаховская // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 4 (26). — С. 20—27.
8. Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л. М. Володина. — Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1999. — 171 с.
9. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: моногр. / Л. В. Головки. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.
10. Литвинцева Н. Ю. Конституционный механизм реализации прав личности в уголовном судопроизводстве / Н. Ю. Литвинцева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2019. — № 2 (24). — С. 28—35.
11. Поляков М. П., Смолин А. Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: моногр. / М. П. Поляков, А. Ю. Смолин. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011. — 152 с.
12. Попаденко Е. В. Применение примирительных процедур (медиации) в уголовном судопроизводстве: моногр. / Е. В. Попаденко. — М.: Юрлитинформ, 2010. — 144 с.
13. Смолькова И. В. Принципы современного российского уголовного судопроизводства: моногр. / отв. ред. Р. В. Мазюк. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 384 с.
14. Самарин В. И. Принцип целесообразности против принципа публичности в современном уголовном процессе / В. И. Самарин // Уголовный процесс как средство обеспечения прав человека в правовом государстве: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. И. Самарин. — Минск: Изд. центр БГУ, 2017. — С. 73—84.
15. Сереброва С. П. Рационализация уголовного процесса: учеб. пособ. / С. П. Сереброва. — Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2001. — 224 с.

16. Смирнов А. В. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов. — М.: Норма-Инфра, 2019. — 752 с.
17. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная стратегия: конфликт целеполагания / И. Г. Смирнова // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 28. — С. 76—82.
18. Смирнова И. Г. Эффективность уголовного судопроизводства как одно из обязательных условий формирования уголовно-процессуальной стратегии: в развитие идей И. В. Смольковой / И. Г. Смирнова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 158—168.
19. Томин В. Т. Принципы отечественного уголовного процесса как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство: лекция-моногр. / В. Т. Томин. — Н. Новгород: Волго-Вятская акад. гос. службы, 2007. — 79 с.
20. Усачев А. А., Котлярова Л. Н. Принцип целесообразности в уголовном процессе: российский исторический и зарубежный опыт / А. А. Усачев, Л. Н. Котлярова // Современные достижения и разработки в области юриспруденции: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — Оренбург: Федеральный центр науки и образования «ЭВЕНСИС», 2017. — С. 25—27.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Bohlander M. Principles of German Criminal Procedure . Oxford, Hart Publishing Ltd., 2012, 242 p.
2. Abshilava G. V. *Soglasitel'nye procedury v ugovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii* [Conciliation procedures in criminal proceedings of the Russian Federation]. Moscow, JurLitinform, 2012, 456 p. (in Russian).
3. Apostolova N. N. Neotvratimost' ugovnoy otvetstvennosti i diskrecionnye nachala ugovnogo sudoproizvodstva [The inevitability of criminal responsibility and discretionary grounds of criminal procedure]. *Gosudarstvo i pravo — State and Law*, 2011, no. 4, pp. 107—110 (in Russian).
4. Apostolova N. N. Princip celesoobraznosti (diskrecionnosti) v sovremennom rossijskom ugovnom processe [The principle of expediency (discretion) in the modern Russian criminal process]. *Rossijskaja justicija — Russian Justice*, 2009, no. 7, pp. 46—49 (in Russian).
5. Afanasyev A. Yu. Dispozitivnost', diskrecionnost' i usmotrenie v ugovnom processe [Dispositiveness, discretion and discretion in criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk — Actual problems of the humanities and natural sciences*, 2015, no. 8—2, pp. 42—44 (in Russian).
6. Baranov A. M. *Zakonnost' v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam: avtoreferat dis. ... dokt. jurid. nauk* [Legality in pre-trial proceedings in criminal cases: author. dis. ... PhD in Law]. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2006, 39 p. (in Russian).
7. Varpakhovskaya E. M. Obosnovan li raznyj podhod zakonodatelja k uchetu mneniya poterpevshego pri rassmotrenii ugovnyh del v osobom porjadke sudebnogo razbiratel'stva? [Are different approaches of the lawmaker to taking into account the opinion of the in special criminal procedure justified?]. *Sibirskie ugovno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija — Siberian criminal procedural and criminalistic readings*, 2019. No. 4(26), pp. 20—27 (in Russian).
8. Volodina L. M. *Mehanizm zashchity prav lichnosti v ugovnom processe* [The mechanism for protecting the rights of the individual in criminal proceedings]. Tyumen, Tyumen State University, 1999, 171 p. (in Russian).
9. Golovko L. V. *Al'ternativy ugovnomu presledovaniju v sovremennom prave: monografiya* [Alternatives to prosecution in the contemporary English Law: monograph]. SPb.: Law Center — Press, 2002, 544 p. (in Russian).

10. Litvintseva N. Yu. Konstitucionnyj mehanizm realizacii prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve [The constitutional mechanism of implementing the rights of a person in criminal proceedings]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija — Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2019, no. 2(24), pp. 28—35 (in Russian).

11. Polyakov M. P., Smolin A. Yu. *Princip processual'noj jekonomii v ugovolnom sudoproizvodstve: monografija* [The principle of procedural economy in criminal proceedings: monograph]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, 152 p. (in Russian).

12. Popadenko E. V. *Primenenie primiritel'nyh procedur (mediacii) v ugovolnom sudoproizvodstve: monografija* [Application of reconciliation procedures (mediation) in criminal proceedings: monograph]. Moscow, Jurlitinform, 2010, 144 p. (in Russian).

13. Smolkova I. V. *Principy sovremennogo rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva: monografija* [Principles of modern Russian criminal justice: monograph]. Moscow, Jurlitinform, 2015, 384 p. (in Russian).

14. Samarin V. I. [The principle of opportunity vs. the principle of publicity in the modern criminal procedure]. *Ugovolnyj process kak sredstvo obespechenija prav cheloveka v pravom gosudarstve: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Criminal proceeding Based on the Rule of Law as the Means to Ensure Human Rights: materials of the International scientific-practical conference]*. Minsk, Publishing Center of BSU, 2017. pp. 73—84 (in Russian).

15. Serebrova S. P. *Racionalizacija ugovolnogo processa* [Rationalization of the criminal process: textbook]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2001, 224 p. (in Russian).

16. Smirnov A. V. *Ugovolnyj process* [Criminal process: textbook]. Moscow, Norma-Infra, 2019, 752 p. (in Russian).

17. Smirnova I. G. *Ugovolno-processual'naja strategija: konflikt celepolaganija* [Criminal Procedure Strategy: Conflict of the Goal]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Vestnik of the Tomsk State University. Right*, 2018, no. 28, pp. 76—82 (in Russian).

18. Smirnova I. G. *Jeffektivnost' ugovolnogo sudoproizvodstva kak odno iz objazatel'nyh uslovij formirovanija ugovolno-processual'noj strategii: v razvitie idej I.V. Smol'kovoj* [The effectiveness of criminal proceedings as one of the prerequisites for the formation of a criminal procedural strategy: in the development of I. V. Smolkova]. *Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chtenija — Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2014, no. 2 (6), pp. 158—168 (in Russian).

19. Tomin V. T. *Principy otechestvennogo ugovolnogo processa kak otrasli gosudarstvennoj dejatel'nosti: ponjatie, znachenie i sistema; doktrinal'nye podhody i zakonodatel'stvo: lekcija-monografija* [The principles of the domestic criminal procedure as a branch of state-shock activity: concept, meaning and system; doctrinal approaches and legislation: lecture-monograph]. Nizhny Novgorod, Volgo-Vyatka Academy of Civil Service, 2007. 79 p. (in Russian).

20. Usachev A. A., Kotlyarova L. N. [The principle of expediency in the criminal process: Russian historical and foreign experience]. *Sovremennye dostizhenija i razrabotki v oblasti jurisprudencii: sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Modern achievements and developments in the field of jurisprudence: a collection of scientific papers based on the results of an international scientific and practical conference]. Orenburg, Federal Center for Science and Education “EVENSIS”, 2017, pp. 25—27 (in Russian).

УДК: 347.963

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-178-187

Иванов Пётр Иванович

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской
Федерации, главный научный сотрудник
отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-
исследовательского центра Академии
управления МВД России
IvanovPI1952@yandex.ru.

Ivanov Peter Ivanovich

Doctor of Law, Professor,
Chief researcher of Department
for researching the
problems of branch management
of the research center of the Academy
of management of the Ministry of internal
Affairs of the Russian Federation
IvanovPI1952@yandex.ru.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОКУРОРСКИМ НАДЗОРОМ
ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Введение: в условиях становления и упрочения основ правового государства нетерпимыми становятся всякого рода нарушения законов, в том числе в сфере оперативно-розыскной деятельности. Как известно, обеспечить верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также защиту охраняемых законом интересов общества и государства путем выявления и своевременного устранения нарушений закона призван прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, который в настоящее время в силу целого ряда имеющихся проблем нуждается в совершенствовании.

Своевременное обнаружение проблемных вопросов, требующих разрешения, их учет и анализ при разработке и реализации комплекса мер позволяет создать прочную основу для успешной реализации прокурорских функций.

Материалы и методы: результаты изучения и анализа законодательных и иных нормативных правовых актов, юридической литературы, в том числе научных публикаций, посвященных проблемам прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, а также собранные автором материалы правоприменительной практики.

В процессе исследования использовалась совокупность методов: диалектический материализм, комплексный подход к решению проблемы, система общенаучных и частных методов познания, включающих в себя наблюдение, сравнение, описание, аналогию, формальную классификацию, а также логические приемы и способы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция).

Результаты исследования позволили автору обобщить существующие проблемные вопросы, связанные с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, и обосновать их. Со своей стороны считаем, что тем самым сфокусировали внимание законодателя и научных работников, прежде всего, области теории прокурорского надзора на необходимость поиска путей их решения. Для удобства пользования все сложные вопросы, требующие разрешения, нами условно сгруппированы на теоретические, правовые и организационно-методические проблемы.

Выводы и заключения: существующие на сегодняшний день проблемы никак не способствуют повышению эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Они во многом пронизывают теоретические, правовые и организационно-методические основы прокурорского надзора, тем самым носят отчасти системный характер. Накладывает также свой отпечаток необходимость внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры. Разработка и принятие комплекса мер по решению проблемных вопросов, связанных с прокурорским надзором за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности — насущная задача указанных органов. Только путем скорейшего их решения представляется возможным привести данную отрасль прокурорского надзора в соответствие современным реалиям. В настоящее время состояние соблюдения законности в сфере оперативно-розыскной деятельности настоятельно требует усиления прокурорского надзора в целях выявления и своевременного устранения любых нарушений закона и привлечения к ответственности виновных.

Ключевые слова: прокурорский надзор, соблюдение законности, сфера оперативно-розыскной деятельности, проблемные вопросы, цифровизация, пути решения проблем.

SOME PROBLEMS RELATED TO THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN POLICE INTELLIGENCE AND WAYS TO SOLVE THEM

Introduction: in the conditions forming and establishing rule of law, violations of various laws are unacceptable, including in the field of criminal intelligence. As you know, the prosecutor's supervision is obliged to ensure the rule of law, unity and strengthening of the rule of law, protection of human and civil rights and freedoms, as well as protection of the interests of society and the state protected by law, by identifying and eliminating violations of the law over the implementation of laws in the criminal intelligence. But now a number of existing problems, it needs to be improved.

Timely detection of problematic issues need require resolution, their consideration and analysis in the development and implementation of a set of measures allows create a solid foundation for the successful implementation of prosecutorial functions.

Materials and methods: the results of the study and analysis of legislative and other normative legal acts, legal literature, including scientific publications devoted to the problems of public Prosecutor's supervision over execution of laws in the criminal intelligence and the collected material practice.

In the course of the research, a set of methods was used: dialectical materialism, an integrated approach to solving the problem, a system of general scientific and particular methods of cognition, including: observation, comparison, description, analogy, formal classification, as well as logical techniques and methods of research (analysis, synthesis, induction, deduction).

Results of the study allowed the author to summarize the existing problematic issues related to the implementation of prosecutor's supervision over the implementation of laws in the criminal intelligence and justify them. For our part, we believe that this has focused the attention of the legislator and researchers, primarily in the field of the theory of prosecutor's supervision, on the need to find ways to solve them. For ease of use, all complex issues that require resolution are conventionally grouped into theoretical, legal, and organizational and methodological problems.

Findings and conclusion: currently the problems do not contribute in any way to improving the effectiveness of the prosecutor's supervision over the implementation of laws in the criminal intelligence. They largely permeate the theoretical, legal, organizational and methodological foundations of prosecutor's supervision and thus are partly systemic in nature. The introduction of digital technologies into the activities of the prosecutor's office leave traces. The development and adoption of a set of measures to address problematic issues related to the prosecutor's supervision of the implementation

of laws in the criminal intelligence is an urgent task of these bodies. Only the solution of problems will bring this branch of prosecutorial supervision in line with modern realities. Currently, in order to identify and promptly eliminate any violations of the law and bring the perpetrators to justice compliance with the rule of law in the field of criminal intelligence requires strengthening prosecutorial supervision.

Keywords: prosecutor's supervision, compliance with the rule of law, the scope of criminal intelligence, problematic issues, digitalization, ways to solve problems.

Повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) во многом зависит от своевременного решения проблем.

Одной из важнейших проблем на сегодня является выработка единого терминологического аппарата. Необходимость в этом продиктована в первую очередь тем, чтобы особенно в текстах правовых документов использовались единые термины и понятия, которые закреплялись бы нормативным правовым актом.

Автор настоящей статьи разделяет мнение специалистов, предлагающих унифицировать, например, такие термины, как «компьютерный инцидент», «сайт в сети Интернет», «поисковая система», «доступ к информации», «конфиденциальность информации», «сетевой адрес», «владелец сайта в сети Интернет», «критическая информационная инфраструктура», «объекты критической инфраструктуры», «бот-сеть», «вредоносная программа», «детская порнография». Такую работу следует проводить на фоне поиска путей повышения эффективности противодействия киберпреступности в международном плане. Здесь речь идет в целом о системе международного правового регулирования.

Относительно терминологического аппарата заслуживает внимание мнение профессоров В. Н. Омелина [14, с. 100] и В. Ф. Луговика, согласно которому в настоящее время имеет место в действующих законодательных актах некоторая несогласованность терминов. Так, например, в статье 30 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹ используется термин «надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность», а в статье 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — ФЗ «Об ОРД») — «прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью». Ими справедливо указывается на то, что эти термины не являются тождественными, поскольку содержание у них разное. И тем самым статья 21 ФЗ «Об ОРД» расширяет предмет прокурорского надзора, т. к. речь идет не о прокурорском надзоре за исполнением законов оперативно-розыскными органами, а о надзоре за ОРД в целом [13, с. 133].

Неслучайно специалисты теории прокурорского надзора сами признают, что вопрос об объекте и предмете надзора «наиболее запутанный в терминологии прокурорского надзора» [2, с. 62]. В юридической литературе эти понятия порой определяют как взаимоисключающие. Данное обстоятельство и побудило нас критически их рассмотреть

¹ О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. федер. закона от 30 дек. 2020 г. № 540-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 8. — Ст. 366.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. федер. закона от 30 дек. 2020 г. № 515-ФЗ) // СЗ РФ. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.

[4]. Например, предмет и предел прокурорского надзора — это два тесно взаимосвязанных между собой понятия. Полагаем резонным усматривать в этом наличие определенной закономерности.

Другой не менее значимой проблемой выступает модернизация прокурорского надзора [8]. Чтобы понять, о чем идет в данном случае речь, обратимся к рекомендации, подготовленной по результатам недавно проведенной Всероссийской научно-практической конференции¹.

Участники конференции, обсудив актуальные проблемы использования информационных технологий в борьбе с преступностью, современное состояние и тенденции борьбы в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерной информации, вопросы специфики международного сотрудничества и совершенствования противодействия киберпреступности, отметили, что насущной потребностью является модернизация прокурорского надзора. Отсюда невольно возникает вопрос: что же при этом имели они в виду (что же кроется за этими словами?). Как нам представляется, в условиях цифровизации правоохранительной деятельности в целом это предполагает:

— повышение квалификации работников путем профессиональной переподготовки на базе заблаговременно разработанной программы повышения их квалификации. Полагаем, что образовательные программы высшего юридического образования также требуют корректировки на фоне возможного перехода в перспективе к расширению, например, перечня электронных процессуальных документов и формированию электронных уголовных дел;

— наличие единообразного понятийного (терминологического) аппарата, используемого в текстах правовых документов. Это, на наш взгляд, означает своеобразную «унификацию» терминов и понятий, непосредственно связанных с использованием цифровых технологий (цифровизацией правоохранительной деятельности [6; 7]);

— трансформацию, в рамках современной политики цифровизации, организации и деятельности органов прокуратуры. В свою очередь, это подразумевает совершенствование технологического уровня развития системы сбора, хранения, обработки и использования информации путем модернизации существующих баз данных;

— разработку и внедрение высокотехнологичных способов прокурорского надзора, используемых при выявлении и устранении нарушений законности в сфере ОРД;

— совершенствование системы мониторинга состояния прокурорского надзора и его результатов. Разработка на этой основе предложений и рекомендаций по устранению выявленных недостатков и упущений — конечная цель такого мониторинга;

— приведение в соответствие с требованиями времени законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих организацию и тактику прокурорского надзора за ОРД. Вопросы информационной безопасности должны находиться под пристальным вниманием, чтобы не допустить случаев утечки информации об оперативно-служебной деятельности органов прокуратуры. Для этого целесообразно проработать вопрос об ужесточении требований к техническим и программным средствам, используемым в обеспечении информационной безопасности. Думается, что информационная инфраструктура в целом нуждается в перестройке.

¹ Всероссийская научно-практическая конференция на тему: «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)», которая состоялась 27 января 2021 г. в Университете прокуратуры Российской Федерации. По результатам проведения данного научно-представительского мероприятия участники приняли рекомендации.

Среди проблемных вопросов, требующих скорейшего решения, это — совершенствование правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД.

Так, исследователи, изучая и подвергая к анализу состояние прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД, констатируют наличие множества нерешенных здесь проблем. В частности, Г. В. Дытченко в своей монографии акцентирует внимание читателей на такие проблемы, как:

— несоответствие порядка правового регулирования общественно-правовым отношениям, возникающим при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности;

— некорректное законодательное определение предмета и пределов надзора¹;

— отсутствие законодательной регламентации полномочий прокурора;

— отсутствие на законодательном уровне правового регулирования организации и порядка осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД [3, с. 2].

Обобщая сказанное, подчеркиваем, что указанный вид прокурорского надзора нуждается в совершенствовании в двух аспектах: 1) правовом; 2) организационно-методическом. В работе Г. В. Дытченко конкретизирует эти аспекты, выделяя при этом следующие основные направления совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: правовое регулирование; организацию прокурорского надзора, его средств, наконец, методику прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

Следует заметить, что В. Н. Осипкин несколько шире рассматривает аспекты совершенствования, включив в их число и аспекты теоретического плана [15]. Резюмируя сказанное, отметим, что многие специалисты теории прокурорского надзора, в том числе А. Ф. Козусев [9], В. Н. Осипкин, И. В. Литвинова [11], также утверждают о наличии проблем, включая правовое регулирование прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД. Однако со своей стороны полагаем, что перед оперативно-розыскным законодательством в целом стоит проблема в части его совершенствования. Оно, прежде всего, продиктовано, на наш взгляд, необходимостью неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина в такой сфере, как осуществление ОРД.

Возвращаясь к проблемам и направлениям совершенствования прокурорского надзора, перечисленным Г. В. Дытченко, автор из-за ограниченности объема настоящей научной статьи не ставил перед собой цель дискутировать по ним. К тому же, автор, приводя результаты анализа законодательных актов, сложившейся правоприменительной практики и мнений специалистов теории прокурорского надзора, предпринял попытку научно обосновать высказанные им положения. Как представляется, приведенные в монографии доводы и аргументы весьма убедительны. Между тем следует заметить, что не все известные научным работникам и практикам проблемы стали предметом рассмотрения Г. В. Дытченко, на отдельных из них остановимся по мере возможности.

¹ Со своей стороны полагаем, что по этой причине посредством принятия подзаконных нормативных правовых актов конкретизируется (уточняется) содержание предмета прокурорского надзора. Так, совместное указание Генпрокуратуры России и МВД России №№ 215/69, 1/7818 от 29 сентября 2008 г. устанавливает, что вопросы, касающиеся организации, тактики, методов и средств в предмет прокурорского надзора не входят, также не входит в предмет и надзор за исполнением ведомственных нормативных правовых актов МВД России.

Существует в настоящее время по затронутому нами вопросу и такое мнение. Так, например, Е. В. Коротыш и В. П. Хвостанцев полагают необходимым внести в действующее законодательство нормы о таких прокурорских актах, которые позволили бы непосредственно и быстро устранять наиболее серьезные и значимые нарушения, связанные с вынесением незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела органами дознания и предварительного следствия. По их мнению, такими актами могли бы стать: указание прокурора о проведении оперативно-розыскных мероприятий (в случае бездействия оперативно-розыскного органа); постановление о прекращении незаконно начатых и проводимых оперативно-розыскных мероприятий (в том числе ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина); санкция прокурора при вынесении постановления руководителя оперативно-розыскного органа о возбуждении ходатайства перед судом о даче согласия на проведение оперативно-розыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права и свободы человека и гражданина.

Приведенный перечень актов, как отмечают вышеназванные ученые, позволил бы решить проблему, связанную с несоблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также предупреждать такие нарушения в будущем [10].

Что же касается по высказанным предложениям Е. В. Коротышем и В. П. Хвостанцевым, то можем сказать следующее: уполномоченный (надзирающий) прокурор обладает достаточными на сегодня властно-распорядительными полномочиями, а потому нет особой необходимости расширения его полномочий. Заметим, у него есть средства прокурорского реагирования (он наделен ими) в случае выявления им нарушений. Причем такие средства не носят ограниченный характер, как отдельные исследователи без достаточных на то оснований пытаются об этом утверждать. Зачастую забывают о том, что, помимо прокурорского надзора за ОРД, есть еще контроль, в том числе ведомственный, который также предполагает обеспечение соблюдения законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий. По названной причине нами не разделяется позиция указанных авторов.

В рамках настоящей статьи в качестве дискуссионного вопроса автор решил обозначить и точку зрения, согласно которой судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью якобы вполне может послужить как альтернатива прокурорскому надзору [17]. На этой позиции стоит, в частности, В. В. Семенчук, который, основываясь на результатах изучения им теоретических представлений, нормативных правовых актов, а также практики Европейского суда по правам человека, делает вывод о том, что якобы текущая система прокурорского надзора за ОРД не отвечает критерию объективности. Ученый также считает целесообразным рассмотреть вопрос об организации независимого контроля за ОРД. Для этого предлагает создать систему текущего судебного контроля за ОРД¹ в качестве альтернативы прокурорскому надзору. Одновременно рекомендует включить в предмет судебного контроля не только проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, но и проверочную закупку и оперативный эксперимент.

¹ В настоящее время законодательством Российской Федерации не предусмотрен судебный контроль за ОРД. Однако суд также относится к органам, осуществляющим контрольные функции в сфере ОРД, поскольку в соответствии со ст. 9 ФЗ «Об ОРД» материалы, касающиеся ограничения конституционных прав граждан на проведение ОРМ (прослушивание телефонных переговоров, неприкосновенность жилища и др.), в обязательном порядке рассматривает судья. Несмотря на это, в ст. 20 ФЗ «Об ОРД» судебные органы не упоминаются в качестве субъектов, осуществляющих контроль.

Вынуждены не согласиться с мнением В. В. Семенчука в части несоответствия текущей системы прокурорского надзора за ОРД критериям объективности, поскольку возникает несколько вопросов, ответы на которые указанный автор не дает. В частности, что же он понимает под объективностью применительно к прокурорскому надзору (?), где и каким актом установлены критерии объективности (?), наконец, почему это касается не всей системы прокурорского надзора, а только отдельно взятой его подотрасли?

Полноценный ответ на поставленные вопросы, на наш взгляд, можно найти, обратившись к учебнику под ред. А. Я. Сухарева, в котором дается общая характеристика прокурорского надзора. В частности, в нем подчеркивается, что прокурорский надзор — это обособленный самостоятельный вид государственной деятельности, функции прокуратуры не могут осуществлять никакие другие государственные, а также коммерческие, общественные органы, организации, предприятия, учреждения, должностные лица или частные граждане. Он реализуется от имени государства и ... в его интересах [16, с. 155]. К тому же, например, М. А. Аушев утверждает, что в процессе производства оперативно-розыскных мероприятий могут ограничиваться конституционные права человека и гражданина, а также «оперативно-розыскная деятельность может иметь конспирированный характер, в силу чего прокурорский надзор является наиболее рациональным средством установления и поддержания законности в данной деятельности» [1, с. 14]. Аналогичной позиции придерживается и В. Н. Омелин, который считает, что ОРД нередко сопровождается ограничением прав и свобод человека и гражданина, попавших в сферу интересов оперативно-розыскных органов. При этом может происходить вмешательство в личную жизнь значительного круга лиц, которое не всегда осуществляется в соответствии с требованиями законов, регулирующих ОРД. В связи с этим прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, имеет особое значение [14].

Наконец, есть еще одна группа проблем, которая во многом затрагивает интересы, как самого надзирающего прокурора, так и поднадзорных органов, тесно связанная, прежде всего, с действующими критериями оценки их деятельности.

Так, профессор В. Ф. Луговик, опираясь на результаты изучения им судебной практики, актов прокурорского реагирования, опроса сотрудников оперативных подразделений, а также накопленного определенного опыта в ходе участия в работе научно-консультативного совета при Прокуратуре по Омской области, приходит к выводу о том, что деформированные критерии оценки деятельности прокуратуры побуждают прокуроров требовать дисциплинарного наказания сотрудников оперативных подразделений полиции и выносить незаконные постановления о привлечении их к административной ответственности [12]. Думается, что данное обстоятельство заслуживает внимания как со стороны специалистов теории прокурорского надзора, так и ОРД. Выход из создавшейся ситуации, как видится, многовариантен. Одним из них может быть совместный поиск путей решения возникших проблемных вопросов (по мере возможности) посредством создания межведомственной рабочей группы (так называемый компромиссный вариант). При этом автором статьи вовсе не преследуется цель «очернить» надзирающий либо поднадзорный орган. Однако следует заметить, что проведенное нами выборочное изучение состояния законности в сфере ОРД показало, что различного рода нарушения в действительности допускаются сотрудниками оперативных подразделений [5], которые, как правило, выявляются и устраняются по результатам проведенного ведомствен-

ного контроля. Между тем не хочется принизить в этом деле и роль прокурорского надзора, она ощутима.

В заключение предлагается подвести некоторые итоги.

Во-первых, повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД зависит от многих факторов. Существующие при этом проблемы нами условно поделены на теоретические, нормативно-правовые и организационные.

Во-вторых, прокурорский надзор за исполнением законов в ОРД, как и иные виды правоохранительной деятельности, находится в преддверии нового этапа его развития, обусловленного внедрением в ближайшем будущем цифровых технологий. Теория прокурорского надзора уже прорабатывает в научном плане механизм плавного перехода.

В-третьих, поднадзорные органы также усиленно занимаются внедрением цифровых технологий. В допустимых пределах, с учетом соблюдения служебных и государственных тайн, готовится платформа для этого. Наблюдаем взаимосвязанный процесс: и органы прокуратуры, и оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, стремятся по мере возможности «поставить на рельсы» инновации в оперативно-служебной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аушев М. А. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Уральский журнал правовых исследований. — 2020. — № 3 (10). — С. 14—27.
2. Даев В. Г. Основы теории прокурорского надзора / В. Г. Даев, М. Н. Маршунов. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. — 136 с.
3. Дытченко Г. В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: моногр. — М.: КНОРУС, 2020. — 182 с.
4. Иванов П. И. О соотношении предмета и предела прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью оперативных подразделений полиции // Закон и право. — 2019. — № 12. — С. 138—140.
5. Иванов П. И. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: поводы и основания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — С. 236—248.
6. Иванов П. И. Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности / П. И. Иванов, А. С. Шитов // Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. (Москва, 15 ноября 2019 г.). — М.: ВНИИ МВД России, 2020. — С. 27—33.
7. Иванов П. И. К вопросу о важности приспособления механизма противодействия налоговой преступности к цифровой реальности / П. И. Иванов, А. С. Шитов // Искусственный интеллект (Большие данные) на службе полиции: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 ноября 2019 г.). — М.: Академия управления МВД России, 2020. — С. 98—103.
8. Иванов П. И. К вопросу об инновационном праве / П. И. Иванов, А. С. Шитов // Юридическая техника. — 2021. — № 15: мат-лы XXII междунар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Н. Новгород, 23—26 сентября 2020 г.). — Н. Новгород: Проспект, 2021. — С. 175—178.
9. Козусев А. Ф. Проблемы правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Проблемы совершенствования оперативно-розыскного законодательства: мат-лы кругл. стола, посв. 10-летию принятия федер. закона «Об оперативно-розыскной деятельности». — М.: ВНИИ МВД России, 2005. — С. 62—69.
10. Коротыш Е. В. Проблемы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, дознания и оперативно-розыскной дея-

тельностью / Е. В. Коротыш, В. П. Хвостанцев // Проблемы науки. — 2020. — № 9 (57). — С. 57—60.

11. Литвинова И. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2001. — 211 с.

12. Луговик А. Ф. Прокурор не всегда прав: судебная практика об ответственности сотрудников оперативных подразделений полиции за невыполнение требований прокурора // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2020. — № 2 (77). — С. 43—48.

13. Луговик В. Ф. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью: тотальный контроль или надзор за исполнением законов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2009. — № 3 (5). — С. 129—135.

14. Омелин В. Н. Некоторые аспекты прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2020. — № 4 (26). — С. 100—103.

15. Осипкин В. Н. Теоретические и организационно-методические проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 199 с.

16. Прокурорский надзор: российская прокуратура в правовом демократическом государстве: учебник / О. Т. Анкудинов, И. С. Викторов, А. Ю. Винокуров; под ред. А. Я. Сухарева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2008. — 463 с.

17. Семенчук В. В. Судебный контроль за оперативно-розыскной деятельностью — альтернатива прокурорскому надзору // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 4. — С. 130—141.

REFERENCES

1. Aushev M. A. *Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov organami, osushhestvljajushhimi operativno-rozysknuju dejatel'nost'* [Procuratorial supervision of the execution of laws by bodies carrying out police intelligence]. *Ural'skiy zhurnal pravovyh issledovaniy* — *Ural Journal of Legal Research*, 2020, no. 3 (10), pp. 14—27 (in Russian).

2. Dayev V. G., Marshunov M. N. *Osnovy teorii prokurorskogo nadzora*. [Fundamentals of the theory of prosecutor's supervision]. Leningrad.: Publishing house of Leningrad state University, 1990, 136 p. (in Russian).

3. Dytchenko G. V. *Razvitie prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoj dejatel'nosti: monografija* [Development of prosecutor's supervision over the execution of laws in police intelligence: monograph]. Moscow: KNORUS, 2020, 182 p. (in Russian).

4. Ivanov P. I. O sootnoshenii predmeta i predela prokurorskogo nadzora za operativno-rozysknoj dejatel'nost'ju operativnyh podrazdelenij policii [On the relation of object and limit judicial oversight of police intelligence of operational police]. *Zakon i pravo* — *Law and legislation*. 2019, no. 12, pp. 138—140 (in Russian).

5. Ivanov P. I. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonov organami, osushhestvljajushhimi operativno-rozysknuju dejatel'nost': povody i osnovaniya [Prosecutor's supervision over execution of laws by the bodies conducting police intelligence: reasons and grounds]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* — *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020, no. 2 (93), pp. 236—248 (in Russian).

6. Ivanov P. I., Shitov A. S. [Actual problems of digitalization of police intelligence] *Tehnologii informacionnogo obshhestva i razvitie teorii operativno-rozysknoj dejatel'nosti: sbornik nauchnyh trudov (Moskva, 15 nojabrja 2019 g.)*. [Moscow, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2020, pp. 27—33 (in Russian).

7. Ivanov P. I., Shitov A. S. [The question of the importance of adaptation mechanism of combating tax crime to digital reality]. *Iskusstvennyj intellekt (Bol'shie dannye) na sluzhbe policii: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 28 nojabrja 2019 g.)* [Artificial

intelligence (Big data) on the police service: the collection of articles of International scientific-practical conference (Moscow, November 28, 2019)]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, pp. 98—103 (in Russian).

8. Ivanov P. I., Shitov A. S. [On the question of innovative law] // Legal technology. — 2021. — № 15: Materialy XXII Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma “Jurtehnetika” na temu: “Juridicheskie innovacii (doktrina, praktika, tehnika)” (Nizhnij Novgorod, 23—26 sentjabrja 2020 g.) [Nizhny Novgorod: Prospekt], 2021, no.15, pp. 175—178 (in Russian).

9. Kozusev A. F. [Problems of legal regulation of prosecutor’s supervision over the execution of laws in police intelligence]. Problemy sovershenstvovaniya operativno-rozysknogo zakonodatel’sstva: materialy kruglogo stola, posvjashhennogo 10-letiju prinjatija Federal’nogo zakona “Ob operativno-rozysknoj dejatel’nosti” [Moscow, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian], 2005, pp. 62—69 (in Russian).

10. Korotysh E. V., Khvostantsev V. P. Problemy prokurorskogo nadzora za ugolovno-processual’noj dejatel’nost’ju organov predvaritel’nogo rassledovaniya, doznaniya i operativno-rozysknoj dejatel’nost’ju [Problems of prosecutor’s supervision over the criminal procedure activity of the bodies of preliminary investigation, inquiry and police intelligence]. Problemy nauki — Problems of science, 2020, no. 9 (57), pp. 57—60 (in Russian).

11. Litvinova I. V. Prokurorskij nadzor za sobljudeniem prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri osushhestvlenii operativno-rozysknoj dejatel’nosti: dis. ... kand. jurid. Nauk [Prosecutor’s supervision over the observance of human and civil rights and freedoms in the implementation of police intelligence: abstract of the thesis of the Candidate of Law]. St. Petersburg, 2001, 211 p. (in Russian).

12. Lugovik A. F. Prokuror ne vseгда prav: sudebnaja praktika ob otvetstvennosti sotrudnikov operativnyh podrazdelenij policii za nevypolnenie trebovanij prokurora [The prosecutor is not always right: judicial practice on the responsibility of employees of operational police units for non-compliance with the requirements of the prosecutor]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii — Scientific Vestnik of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008, no. 2 (77), pp. 43—48 (in Russian).

13. Lugovik V. F. Prokurorskij nadzor za operativno-rozysknoj dejatel’nost’ju: total’nyj kontrol’ ili nadzor za ispolnieniem zakonov [Procuratorial supervision of police intelligence: total control or supervision of the execution of laws]. Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009, no. 3 (5), pp. 129—135 (in Russian).

14. Omelin V. N. Nekotorye aspekty prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonov organami, osushhestvljajushhimi operativno-rozysknuju dejatel’nost’ [Some aspects of the prosecutor’s supervision over the execution of laws by bodies carrying out police intelligence]. Penitenciarное право: juridicheskaja teorija i pravoprimeritel’naja praktika — Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice, 2020, no. 4 (26), pp. 100—103 (in Russian).

15. Osipkin V. N. Teoreticheskie i organizacionno-metodicheskie problemy prokurorskogo nadzora za operativno-rozysknoj dejatel’nost’ju: dis. ... kand. jurid. nauk. [Theoretical and organizational and methodological problems of prosecutor’s supervision of police intelligence: abstract of the thesis of the Candidate of Law]. Moscow, 1998. 199 p. (in Russian).

16. Sukharev A. Ya., Ankudinov O. T., Viktorov I. S., Vinokurov A. Yu. Prokurorskij nadzor: rossijskaja prokuratura v pravovom demokraticheskom gosudarstve: uchebnyj [Prosecutor’s supervision: the Russian prosecutor’s office in a legal democratic state: textbook]. 2nd ed., reprint. and add., Moscow, Norma, 2008, 463 p. (in Russian).

17. Semenchuk V. V. Sudebnyj kontrol’ za operativno-rozysknoj dejatel’nost’ju — al’ternativa prokurorskomu nadzoru [Judicial control over police intelligence-an alternative to prosecutor’s supervision]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo — Vestnik of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, 2020, no. 4, pp. 130—141 (in Russian).

**КРИМИНАЛИСТИКА;
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-188-197

Гармаев Юрий Петрович

доктор юридических наук, профессор,
старший научный сотрудник профессор
кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики Восточно-Сибирского
филиала Российского государственного
университета правосудия, профессор
кафедры уголовного процесса
и криминалистики Бурятского
государственного университета
имени Доржи Банзарова
garmaeff1@mail.ru

Garmaev Yury Petrovich

Doctor of Law, Professor
Senior researcher
Professor of criminal procedure
of the Department law
and criminalistics East Siberian branch
of the Russian state University
of justice, professor at the department
of criminal proceedings
and criminalistics Dorji Banzarov
Buryat State University
garmaeff1@mail.ru

**НЕОБОСНОВАННЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-СЕКТОРА**

Введение: в статье на основе определения понятий «антикоррупционный комплаенс» и «коррупционный риск» раскрывается сущность необоснованных коррупционных рисков, возникающих в деятельности бизнес-сектора российской экономики, и мер по минимизации этих рисков.

Материалы и методы: нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, нормы международного и национального права в сфере противодействия коррупции. Методологической основой исследования послужил, прежде всего, диалектический метод познания явлений, а также междисциплинарный и диспозитивный подходы к формированию рекомендаций в сфере антикоррупционного комплаенса. Использовались также такие частно-научные методы, как: формально-логический, системно-структурный, моделирования — для исследования сущности и содержания коррупционных рисков, сравнительно-правовой — для анализа российских и зарубежных источников, закономерностей коррупции с участием представителей бизнеса.

Результаты исследования: доказано, что коррупционные риски в бизнес-среде бывают как обоснованными, так и необоснованными — риски незаконного привлечения к уголовной ответственности (в узком и широком смысле), включая риски незаконных методов расследования, клеветы со стороны граждан и СМИ, и др.

Выводы и заключения: мероприятия в рамках антикоррупционного комплаенса необходимо реализовывать с учетом наличия не только обоснованных, но и необоснованных коррупционных рисков. Необходимо информировать предпринимателей в том числе о способах защиты от незаконного уголовного преследования, разработанных с учетом достижений науки криминалистики и оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: коррупционные риски, антикоррупционный комплаенс; защита от незаконного обвинения; комплаенс; корпоративный сектор; коррупционные преступления; предупреждение коррупции.

UNJUSTIFIED CORRUPTION RISKS IN THE ACTIVITIES OF BUSINESS SECTOR REPRESENTATIVES

Introduction: the article reveals the essence of unjustified corruption risks based on the definition of the concepts of “anti-corruption compliance” and “corruption risk”, which arising in the activities of the business sector of the Russian economy and measures to minimize these risks.

Materials and methods: the normative basis of the study is the Constitution of the Russian Federation, the norms of international and national law in the field of fight against corruption. First of all the methodological basis of the study was the dialectical method of cognitive phenomenon, as well as interdisciplinary and dispositive approaches to the formation of recommendations in the field of anti-corruption compliance. We also used such private scientific methods as: formal-logical, system-structural, modeling — for study the essence and content of corruption risks, comparative legal — to analyze Russian and foreign sources, patterns of corruption with the participation of business representatives.

Results of the study: it has been proven that corruption risks in the business environment can be both justified and unjustified — the risks of illegal prosecution (in a narrower and broader sense), including the risks of illegal investigation methods, libel by citizens, the media and others.

Findings and conclusions: within the framework of anti-corruption compliance measures must be implemented taking into account the presence of not only justified, but also unjustified corruption risks. It is necessary to inform entrepreneurs, including about the methods of protection from illegal criminal prosecution, developed taking into account the achievements of the science of forensic science and operational search activities.

Keywords: corruption risks, anti-corruption compliance; protection from unlawful accusations; compliance; corporate sector; corruption crimes; prevention of corruption.

В конце XX — начале XXI века все бóльшая роль в предупреждении коррупции отводится бизнесу. В компаниях негосударственного сектора экономики началось постепенное внедрение антикоррупционного и иного комплаенса (налогового, антиотмывочного и т. п.). Данный процесс не оставил в стороне и российские, в первую очередь крупные, компании [3, с. 7]¹.

По мнению Э. А. Иванова, антикоррупционный комплаенс представляет собой процесс управления, который позволяет определять применимые правовые нормы, выявлять и оценивать коррупционные риски, создавать локальные нормы организации с учетом этических принципов, а затем принимать меры, направленные на соблюдение организацией и взаимодействующими с ней лицами правовых норм, локальных норм организации и профилактику коррупционных рисков [5, с. 15].

¹ Здесь и далее использованы идеи из данной монографии, в основном из её третьего раздела (автор раздела Ю. П. Гармаев).

Следует также определить понятие «коррупционный риск» коммерческой организации и её собственников, руководителей, сотрудников. В литературе отмечается, что этот термин хотя и является легальным, но используется только в подзаконных актах и нормативно не определен. В науке также нет единообразного толкования термина. Например, определение коррупционного риска как обобщенной оценки вероятности возникновения коррупции и её угрозы общественным отношениям [9, с. 64—65] при всей научной обоснованности вряд ли отражает прагматичное понимание соответствующих процессов в бизнес-среде самими предпринимателями. В цитируемом определении в основу положена некая парадигма, которую можно обозначить так: «Нужно не совершать коррупционных преступлений, иных правонарушений в компании, и все будет хорошо». Понимание коррупционного риска на основе такой парадигмы не всегда эффективно, поскольку не учитывает ситуации, например, незаконного возбуждения уголовных дел.

Представители этой группы населения весьма прагматичны. Их интересует конкретный результат — минимизация, а лучше исключение уголовно-правовых и прочих рисков:

— не только (и не столько) причиняющих вред неким «общественным отношениям», зачастую понимаемым как некая абстрактная категория, а конкретно — компании и им лично;

— не только коррупционных, но и прочих, условно говоря, смежных, уголовно-правовых и иных¹;

— не только обоснованных, но и любых иных.

В этой связи под коррупционным риском компании предлагаем понимать вероятность совершения реально или мнимо коррупционного и иного правонарушения работником организации и другими лицами, связанными с ней, а также вероятность наступления вытекающих неблагоприятных последствий для бизнеса и конкретных его представителей.

Коррупционные (и иные) риски могут быть высокими, средними и низкими. Задача собственников и иных представителей компании — исключить любой уголовно-правовой (или административно-правовой) риск или свести его к минимуму. Предположим, в организации формально совершено нечто не вполне обдуманное, например, явно незаконное или сомнительное с точки зрения закона. Но благодаря принятию своевременных мер в рамках антикоррупционного комплаенса и профессиональной защиты от обвинения уголовное дело не возбуждено или возбужденное — прекращено.

Коррупционные, равно как и иные уголовно-правовые риски могут быть как обоснованными, так и необоснованными.

В целом необоснованные уголовно-правовые риски можно рассматривать, условно говоря, в двух значениях:

— необоснованные уголовно-правовые риски в узком смысле (рассматриваемые только в рамках уголовного права);

— необоснованные уголовно-правовые риски в широком смысле, включая криминалистические и оперативно-розыскные факторы риска.

¹ Существует множество видов комплаенса, помимо коррупционного: налоговый, антимонопольный и др.

По первому значению приведем мнение А. Э. Жалинского, который среди необоснованных выделяет следующие риски:

- а) применения уголовно-правовой нормы без законного фактического основания;
- б) расширительного толкования уголовно-правовой нормы;
- в) неправильной уголовно-правовой оценки деяния;
- г) незаконного или несправедливого наказания.

При этом к уголовно-правовым факторам риска относятся те, которые дают возможность принятия незаконного и несправедливого решения, но не связаны напрямую с открытым нарушением предписаний уголовного закона [4; цит. по: 11, с. 54—57].

Во втором значении (в широком), на котором остановимся подробнее, уголовно-правовые риски можно классифицировать на следующие:

— риски проведения против менеджмента и сотрудников компании незаконных оперативно-розыскных мероприятий, включая применение провокаций, фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и т. п.;

— риски незаконного проведения доследственных и иных проверок, незаконного возбуждения уголовного дела;

— риски незаконных методов расследования и судебного разбирательства, включая фальсификацию доказательств, нарушения закона в рамках проведения следственных, иных процессуальных действий и т. п.

К этой же категории (ко второму значению) отнесем риски неправомерных действий конкурентов в рыночной среде, а также необоснованные риски, связанные с клеветой со стороны недобросовестных лиц и СМИ.

Кроме того, все необоснованные уголовно-правовые риски (в широком значении) можно условно разделить на:

— связанные с низкой квалификацией правоприменителей и иных лиц, которые, действуя в основном неумышленно, нарушают права и законные интересы представителей бизнеса. Есть основания полагать, что большинство необоснованных уголовно-правовых рисков именно таковы;

— связанные с умышленным, сознательным нарушением требований закона со стороны субъекта уголовного преследования с целью причинения вреда коммерческим и иным организациям.

Мотивы последнего со стороны правоохранителей могут быть самыми разнообразными: обеспечить ложно благополучную отчетность; как форма «заказного» уголовного преследования (например, «заказ» со стороны конкурентов с целью захвата бизнеса и т. п.); из личных неприязненных отношений со стороны соответствующих правоохранителей; из корыстной заинтересованности — как способ вымогательства взяток и тому подобные мотивы.

Важно также глубоко понимать сущность обвинительного уклона как ментальной установки и разновидности неправомерных действий отдельных сотрудников полиции, иных правоохранительных органов и суда. В научной и справочной литературе обвинительный уклон определяется как некая направленность деятельности следователя, дознавателя, прокурора и суда в уголовном и административном судопроизводстве, при которой указанные должностные лица принимают позицию обвинения, игнорируют доводы стороны защиты, пренебрегают обстоятельствами, свидетельствующими в пользу лица, привлекаемого к уголовной или административной ответственности, что влияет

на объективное расследование и рассмотрение дела [6, с. 26—29; 7, с. 149—154]. Проявления обвинительного уклона имеют место во всех правоохранительных органах, а иногда и в судах. Причем не только в нашей стране, но и во всех, в том числе экономически благополучных странах мира.

20 февраля 2019 г. в ежегодном Послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации вновь обратил внимание на давление, оказываемое на бизнес, и призвал правоохранительные и контрольно-надзорные органы отказаться от такового, поскольку, «чтобы добиться тех масштабных целей, которые стоят перед страной, нам нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьей, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного наказания»¹.

В 2020 году бизнес-омбудсмен Борис Титов представил Президенту Российской Федерации доклад об уголовном преследовании предпринимателей. В нем отмечено, что уголовное преследование разрушает бизнес почти в 85 % случаев. К этому приводит арест банковских счетов, изъятие документов, контакты правоохранительных органов с контрагентами предпринимателей, заключение бизнесменов под стражу. Аресту подвергались 23,8 % участников исследования (под домашний арест попадали 9,5 %), при этом есть примеры того, когда пребывание бизнесменов в СИЗО превышает два года в отсутствие приговора по делу.

Б. Титов отметил, что в 2019 году значительная часть предпринимателей по-прежнему привлекается к уголовной ответственности по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — «Мошенничество». На нее пришлось 55,5 % всех обращений бизнеса по уголовному преследованию. При этом причиной возбуждения уголовного дела опрошенные предприниматели называют:

- конфликт с другим бизнесменом (37,6 %),
- или личный интерес сотрудников правоохранительных органов и иных органов власти (41,3 %).

В результате недоверие к правоохранительным органам со стороны бизнеса возросло с 45 до 70,3 %, а к судебным органам оценивается в 57,7 %, а 73,8 % опрошенных отрицают независимость и беспристрастность российского правосудия. Об отсутствии защиты от необоснованного уголовного преследования заявили 93,7 % предпринимателей².

Нельзя сказать, что государство и общество не предпринимают усилий по противодействию незаконному уголовному преследованию. Уголовным и уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности уголовного судопроизводства, призванные защищать права и законные интересы предпринимателей. Так, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 159—159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ (если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности), а также ст. 170.2, 171—174, 174.1, 176—178, 180—183, 185—185.4, ч. 1 ст. 185.6, ст. 190—199.2 УК РФ законодательством предусмотрены специальные нормы, касаю-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 13.04.2021).

² Доклад Президенту Российской Федерации — 2020 [Электронный ресурс]. — URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (дата обращения: 13.04.2021).

щиеся, в частности, порядка рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 7—9 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) и возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 1.2 ст. 140 УПК РФ), признания предметов и документов вещественными доказательствами (ст. 81.1 УПК РФ), применения меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), а также особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ)¹.

Однако в контексте антикоррупционного комплаенса нетрудно заметить, что в упомянутых перечнях статей УК РФ нет коррупционных преступлений. Иначе говоря, не существует специальных норм, облегчающих жизнь предпринимателей в плане привлечения к уголовной ответственности за совершение именно коррупционных преступных посягательств.

Частью 3 ст. 299 УК РФ установлена уголовная ответственность должностных лиц правоохранительных органов за незаконное возбуждение уголовного дела, совершенное в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее прекращение такой деятельности или причинение крупного ущерба (согласно примечанию к статье — свыше 1,5 млн рублей). Речь идет о тяжком преступлении (санкция — лишение свободы на срок от 5 до 10 лет).

Между тем, как верно отметил А. Н. Сухаренко, следует скептически оценивать эффективность этого уголовно-правового запрета ввиду необходимости доказывать наличие преступной цели возбуждения уголовного дела в отношении бизнесмена. В уголовном законе и без указанной нормы хватает статей для наказания сотрудников правоохранительных органов. Это нормы: о провокации взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ), о незаконном задержании, заключении под стражу или содержании под стражей (ст. 301 УК РФ), о принуждении к даче показаний (ст. 302 УК РФ), о фальсификации доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ), о воспрепятствовании законной предпринимательской и иной деятельности (ст. 169 УК РФ). Для привлечения правоохранителей к уголовной ответственности необходимо лишь желание следственных органов, которого как раз и не имеется. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2010—2015 гг. по ст. 169, 299, 302 и 304 УК РФ осудили в общей сложности 12 человек. Больше всего осужденных было лишь по ч. 2—3 ст. 303 УК РФ — 171 человек. Статья 301 УК РФ остается вообще невостребованной [10].

Также остро стоит вопрос о своевременном и неотвратимом привлечении к уголовной ответственности судей за вынесение неправосудных приговоров, решений или иных судебных актов (ст. 305 УК РФ), на основании которых представители бизнеса лишаются имущества. За последние годы по этой статье было осуждено всего несколько судей. Например, в феврале 2008 года вступил в силу приговор в отношении бывшего судьи Тагилстроевского районного суда Нижнего Тагила А. Деменко, подписавшего постановление, с помощью которого пытались захватить екатеринбургский рынок «Обо-

¹ См.: О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2016 г. № 48

ронснабсбыт». Ранее Свердловский областной суд признал его виновным в совершении преступления по ч. 2 ст. 305 УК РФ и приговорил к 4 годам лишения свободы [1; цит. по: 10, с. 64].

Вместе с тем, как верно заметил С. В. Бажанов, зачастую сами предприниматели обращаются в правоохранительные органы, причем не столько за защитой своего бизнеса общепринятыми правовыми средствами, сколько в целях противозаконного воздействия на контрагентов (партнеров) по договорным отношениям. В числе подобных методов выступает так называемое заказное уголовное преследование, ставшее действенным инструментом в недобросовестной конкурентной борьбе. На данное обстоятельство обращается внимание, в частности, в информационном письме Генерального прокурора Российской Федерации от 12.09.2016 № 36-39-2016 «О недостатках надзора за соблюдением правоохранительными органами прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебной стадии уголовного судопроизводства» [2, с. 17—25].

В. Пичугин приводит типовое высказывание лиц, занимающихся захватом чужого бизнеса: «Легче возбудить уголовное дело, чем применять физическое устранение; результативность — та же, если не более высокая». В результате «заказного уголовного дела», возможно, даже не будут найдены признаки преступлений. Но это выясняется много позже, иногда — через много месяцев расследования. «А за это время разбегутся привычные партнеры по бизнесу, сотрудники без руководителя имеют свойство разворовывать все, что можно и нельзя, появится реальная возможность утраты собственности... Именно действия конкурентов становятся самой частой причиной уголовного преследования бизнесменов. Это может быть „честное стукачество“, когда конкуренты собирают информацию о не совсем законной деятельности какого-либо бизнесмена и передают её в правоохранительные органы, которые, в свою очередь, возбуждают уголовное дело. Может иметь место фабрикация уголовного преследования, грубая и сама по себе преступная» [8, с. 40].

А. Н. Сухаренко отметил, что в марте 2019 года главы АСИ, РСПП, ТПП, «Опоры России» и «Деловой России» подписали соглашение о создании специализированной автономной некоммерческой организации, которая будет поддерживать и развивать цифровую платформу «За бизнес» для приема обращений предпринимателей в связи с оказанием на них неправомерного давления со стороны правоохранительных органов¹. Приведем авторские тезисы подробнее. Платформа представляет собой электронный ресурс для приема обращений предпринимателей в режиме онлайн. По состоянию на июнь 2020 года туда поступили 1,1 тыс. жалоб, 60 % из которых — на действия сотрудников

¹ Сухаренко А. Н. Деловая коррупция в России: состояние, тенденции и меры противодействия: научный доклад на семинаре «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы охраны экономических интересов и предпринимательской деятельности». ИзиСП, 30.06.2020. Доклад представлен автором. См. также: Сухаренко А. Административно-коррупционные грабли // Независимая газета. — 2019. — № 122 (7598) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-06-17/7_7599_ideas2.html?print=Y (дата обращения: 20.06.2020); Сухаренко А. За взяточничество осуждают все меньше предпринимателей // Независимая газета. — 2019. — №239 (7346) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2018-11-06/100_ideas061118.html?print=Y (дата обращения: 20.06.2020).

полицейской¹. Большая их часть касается изъятия имущества в ходе обыска и затягивания сроков его возврата, нарушений при возбуждении уголовного дела, фальсификаций доказательств по делу, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, необоснованных отказов в удовлетворении ходатайств и жалоб².

Платформа позволяет направлять обращения напрямую в МВД России, Следственный комитет России, Генеральную прокуратуру России и ФСБ России, а также в деловые объединения и бизнес-омбудсмену для получения независимой и оперативной оценки. За ходом рассмотрения обращения можно будет следить в личном кабинете, там же будут публиковаться ответы правоохранительных органов и позиции бизнес-омбудсмена и деловых объединений. При этом предприниматели могут не согласиться с заключением ведомства. В этом случае модераторы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации могут провести экспертизу или помочь обратиться в суд³.

Следует согласиться с А. Н. Сухаренко в том, что для эффективной реализации антикоррупционной политики в бизнес-среде необходимо не только обеспечить государственную защиту предпринимателей, в частности, от незаконного уголовного преследования в случае разоблачения коррупционеров, но и повысить их информированность о существующих внесудебных механизмах защиты своих прав и интересов.

Дополним, что необходимо повышать информированность предпринимателей не только в части указанных механизмов защиты, но о способах их реализации, в том числе разработанных в рамках науки криминалистики, ОРД и др. На это и должна быть ориентирована содержательная сторона антикоррупционного комплаенса (подробнее об этом см.: [3]).

Для надлежащей реализации антикоррупционной политики в бизнес-среде и минимизации рисков конкретной компании необходимо не только обеспечить защиту предпринимателей со стороны государства и гражданского общества. Необходимо инициативное создание внутри организации эффективной комплаенс-системы. Причем не только антикоррупционной, но и шире — уголовно-правовой, налоговой, антимонопольной.

Так, в рамках создания системы антикоррупционного комплаенса необходимо разработать полный комплект необходимой документации (этические нормы, инструкции и т.д.), провести аудит и оценку рисков, выработать рекомендации по антикоррупционной политике компании, выстроить работу с контрагентами, внедрить ряд IT-решений и т. д.

Особенно важно на регулярной основе проводить тренинги и семинары в рамках антикоррупционного и антикриминального просвещения сотрудников. Причем отдельно для двух целевых аудиторий: топ-менеджмент и собственники, остальные сотрудники,

¹ Здесь и далее А. Н. Сухаренко цитирует работы: Колганов Г. Бизнес остался при своих жалобах // Коммерсантъ. Адвокатская газета. — 2019. — № 240 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.ng.ru/ideas/2018-11-06/100_ideas061118.html?print=Y (дата обращения: 20.06.2020).

² Адвокатская газета. 2020. № 1 (306).

³ Сухаренко А. Н. Деловая коррупция в России: состояние, тенденции и меры противодействия: научный доклад на семинаре «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные механизмы охраны экономических интересов и предпринимательской деятельности». ИзиСП, 30.06.2020. Доклад представлен автором.

поскольку коррупционные и иные риски этих аудиторий существенно отличаются. Просветительские занятия — ключевой компонент антикоррупционного комплаенса в компаниях.

В рамках таких занятий, в контексте необоснованных рисков всем сотрудникам организации, включая специально уполномоченные подразделения (комплаенс-офицеры, сотрудники кадровых, юридических служб, службы безопасности) с помощью приглашенных спикеров, тренеров, необходимо обучаться наиболее эффективным методам защиты как от законного, так и от незаконного, необоснованного уголовного преследования. Основа этих методов — уголовно-правовые, криминалистические и оперативно-розыскные содержательные компоненты антикоррупционного комплаенса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдеев С. Нижнетагильский судья осужден за помощь рейдеру // Рос. газ. — 2007. — № 270. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2007/12/03/sudia-anons.html> (дата обращения 15.06.2021).
2. Бажанов С. В. Состояние законности при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений, совершаемых предпринимателями // Право и экономика. — 2017. — № 8. — С. 17—25.
3. Гармаев Ю. П. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: моногр. / Ю. П. Гармаев, Э. А. Иванов, С. А. Маркунцов. — М.: ИД Юриспруденция, 2020. — 240 с.
4. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — 400 с.
5. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС. — М.: Юриспруденция, 2015. — 136 с.
6. Кудрявцев В. Л. «Обвинительный уклон» в деятельности следователя: проблема только законодательного урегулирования? // Уголовное судопроизводство. — 2008. — № 2. — С. 26—29.
7. Назаров А. Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 9. — С. 149—154.
8. Пичугин В. Безопасность бизнеса. Защита от уголовного преследования. — М: Альпина Диджитал, 2009. — 176 с.
9. Помазуев А. Е. Коррупционные риски: понятие и значение для механизма противодействия коррупции // Российский юридический журнал: электрон. прил. — 2/2016. — С. 64—65. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsionnye-riski-ponyatie-i-znachenie-dlya-mehanizma-protivodeystviya-korrupsii/viewer> (дата обращения 15.06.2021).
10. Сухаренко А. Н. Уголовно-правовая защита бизнеса от незаконного преследования // Безопасность бизнеса. — 2017. — № 2. — С. 60—64.
11. Яни П. С. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере: содержательный элемент / П. С. Яни, Н. В. Прохоров // Российская юстиция. — 2018. — № 9. — С. 54—57.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Avdeev S. *Nizhniy Tagil judge convicted for helping a raider* [Rossiyskaya Gazeta]. Available at: <https://rg.ru/2007/12/03/sudia-anons.html>. (accessed 15.06. 2021) (in Russian).
2. Bazhanov S. V. *Sostojanie zakonnosti pri vzbuzhdenii ugovolnyh del i rassledovanii prestuplenij, sovershaemyh predprinimateljami* [The state of legality in the initiation of criminal cases

and the investigation of crimes committed by entrepreneurs]. *Pravo i jekonomika — Law and Economics*, 2017, no 8. pp. 17—25 (in Russian).

3. Garmaev Y. P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. *Antikorrupcionnyj komplaens v Rossijskoj Federacii: mezhdisciplinarnye aspekty: monografija* [Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects: monograph]. Moscow, ID Jurisprudence, 2020, 240 p. (in Russian).

4. Zhalinsky A. E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz* [Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis]. 2nd ed., revised and expanded Moscow, Prospekt, 2009, 400 p. (in Russian).

5. Ivanov E. A. *Antikorrupcionnyj komplaens-kontrol' v stranah BRIKS* [Anti-corruption compliance control in the BRICS countries]. Moscow, Jurisprudence, 2015, 136 p. (in Russian).

6. Kudryavtsev V. L. “Obvinitel'nyj ukлон” v dejatel'nosti sledovatelja: problema tol'ko zakonodatel'nogo uregulirovaniya? [“The Accusatory bias” in the activities of the investigator: is it only legislation to solve problems?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo — Criminal proceedings*, 2008, no 2. pp. 26—29 (in Russian).

7. Nazarov A. D. Obvinitel'nyj ukлон v dejatel'nosti subektov, vedushhih ugolovnyj process, kak faktor, sposobstvujushhij pojavleniju oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve [Presumption of guilt of an offender in the activities of the subjects controlling criminal process as a factor causing judicial mistakes in criminal judicial proceedings]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual problems of Russian law*, 2015, no 9. pp. 149—154 (in Russian).

8. Pichugin V. *Bezopasnost' biznesa. Zashhita ot ugolovno go presledovanija* [Business security. Protection from criminal prosecution]. Alpina Digital, 2009, 200 p (in Russian).

9. Pomazuev A. E. Korrupcionnye riski: ponjatie i znachenie dlja mehanizma protivodejstvija korrupcii [Corruption risks: the concept and importance for the mechanism of fighting corruption]. *Jelektronnoe prilozhenie k “Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu” — Electronic supplement to the “Russian legal journal”*, 2016, no 2, pp. 64—65 (In Russian).

10. Sukharenko A. N. Ugolovno-pravovaja zashhita biznesa ot nezakonno go presledovanija [Criminal legal protection of business from illegal prosecution]. *Bezopasnost' biznesa — Business Security*, 2017, no. 2, pp. 60—64 (in Russian).

11. Yani P. S., Prokhorov N. V. Antikorrupcionnyj komplaens v ugolovno-pravovoj sfere: sodержatel'nyj jelement [Anti-corruption compliance in the criminal law sphere: a meaningful element]. *Rossijskaja justicija — Russian justice*, 2018, no. 9, pp. 54—57 (in Russian).

УДК 343.985.7

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-198-212

Кондратьев Максим Валерьевич
заместитель начальника Управления
по контролю за оборотом наркотиков
Главного управления МВД России
по Кемеровской области,
адъюнкт кафедры оперативно-розыскной
деятельности в ОВД
Санкт-Петербургского университета
МВД России
kondratev_83@mail.ru

Kondratyev Maxim Valerievich
Deputy chief Drug Control Agencies
of General Department of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
in the Kemerovo region, post-graduate
student of the Department of operative
search activity of St. Petersburg University
of the Ministry of internal Affairs of the
Russian Federation
kondratev_83@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ
«ОБСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ, ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ,
УЧАСТКОВ МЕСТНОСТИ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИКОВ**

Введение: в статье рассматриваются организационно-правовые и прикладные особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с наркосбытом. Проводится анализ понятия данного оперативно-розыскного мероприятия, нормативно-правовых актов МВД России, регламентирующих порядок его проведения, а также некоторых судебных решений.

Материалы и методы: исследование основано на изучении норм действующего российского и зарубежного оперативно-розыскного законодательства, нормативно-правовых актов МВД России, решений Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, Европейского суда по правам человека. Методологическую основу исследования составили диалектический, сравнительно-правовой, статистический, логический и другие методы научного познания, анализ и обобщение.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что понятие и сущность оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» нуждается в совершенствовании нормативно-правового и законодательного регулирования, даны методические рекомендации проведения рассматриваемого мероприятия по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков.

Выводы и заключения: автором внесены предложения о внесении в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и в приказ МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 изменений и дополнений, в части, касающейся наименования и правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков

местности и транспортных средств», дано авторское определение понятия рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскное мероприятие, незаконный сбыт наркотиков, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, Инструкция.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF CONDUCTING AN OPERATIONAL SEARCH EVENT "INSPECTION OF PREMISES, BUILDINGS, STRUCTURES, TERRAIN AREAS AND VEHICLES" IN THE IDENTIFICATION AND DISCLOSURE OF CRIMES RELATED TO THE ILLEGAL SALE OF DRUGS

Introduction: the article deals with the organizational, legal and applied features of the operational search activity “inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles” in the identification and disclosure of crimes related to drug trafficking. The article analyzes the concept of this operational search event, the normative legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia regulating the procedure for its conduct, as well as some court decisions.

Materials and methods: the study is based on the study of the norms of the current Russian and foreign operational-search legislation, normative-legal acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, the European Court of Human Rights. The methodological basis of the study was dialectical, comparative legal, statistical, logical and other methods of scientific knowledge, analysis and generalization.

Results of the study: the author comes to the conclusion that the concept and essence of the operational search activity “inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles” needs to be improved in regulatory and legislative regulation, methodological recommendations are given for conducting the considered event on crimes in the field of drug trafficking.

Findings and conclusions: the author has made proposals for introducing amendments and additions to the Federal Law “On Operational-search Activities” and the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 199 of April 1, 2014, in terms of the name and legal regulation of the operational-search event “inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles”, the definition of the author’s concept of the considered operational-search event is given.

Keywords: operational-search activity, operational-search event, illegal sale of drugs, inspection of premises, buildings, structures, terrain areas and vehicles, Instructions.

3 марта 2021 года Министром внутренних дел Российской Федерации, генералом полиции Российской Федерации В. А. Колокольцевым на расширенном заседании коллегии МВД России было отмечено, что наркоситуация в стране остается по-прежнему напряженной. В 2020 году правоохранительными органами было выявлено порядка 190 тысяч наркопреступлений, из незаконного оборота изъято более 20 тонн наркотиче-

ских средств¹, выявлено 284 факта легализации преступных наркодоходов, пресечена деятельность 256 подпольных нарколабораторий по производству синтетических наркотиков².

За последние несколько лет в Российской Федерации прослеживается тенденция к увеличению спроса и предложения на синтетические наркотики, изготовленные на территории нашего государства, о чем свидетельствуют результаты оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел (далее по тексту — ОВД) по выявлению нарколабораторий. Так, в 2018 году выявлено 104 нарколаборатории, в 2019 году — 208, в 2018 — 256.

Кроме того, организованные преступные наркоформирования продолжают наращивать усилия по совершенствованию каналов незаконной поставки наркотиков, механизмов и способов их незаконного сбыта с использованием новейших информационно-телекоммуникационных технологий, о чем было отмечено в новой Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733.

В связи с этим в оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел по противодействию незаконному обороту наркотиков (далее — НОН) актуализируется роль и значение оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в части совершенствования организационно-правовых и прикладных особенностей проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее также — ОРМ), одним из которых является «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее также — ОРМ «Обследование»).

В рамках настоящего исследования нами изучены материалы 100 дел оперативно-го учета (далее — ДОУ) по факту незаконного сбыта наркотических средств за 2019—2021 годы подразделений по контролю за оборотом наркотиков Главного управления МВД России по Кемеровской области.

В результате изучения материалов ДОУ установлено, что по 96 ДОУ в ходе оперативных проверок и оперативных разработок проводилось ОРМ «Обследование», из которых обследование жилища проводилось по 90 ДОУ, обследование транспортных средств по 73 ДОУ, обследование участков местности по 36 ДОУ, обследование нежилых помещений по 15 ДОУ.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что одними из основных объектов обследования при документировании наркопреступлений являются жилые помещения и транспортные средства.

Безусловно, что на сегодняшний день ОРМ «Обследование» нуждается в надлежащем нормативно-правовом и методическом обеспечении, поскольку при проведе-

¹ Под наркотическими средствами в настоящей статье нами понимаются наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, сильнодействующие и ядовитые вещества, наркосодержащие растения, а также новые потенциально опасные психоактивные вещества.

² Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании Коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 3 марта 2021 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/document/23363523> (дата обращения: 23.03.2021).

нии данного вида ОРМ необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан на неприкосновенность личности, собственности, жилища, а также иных прав и свобод человека и гражданина.

При организации и проведении рассматриваемого ОРМ по противодействию НОН можно выделить три типовых этапа: подготовительный, основной и заключительный.

На *подготовительном этапе* оперативный сотрудник:

— производит оценку имеющейся в его распоряжении оперативно-розыскной информации об объекте обследования (характеристики объекта, подходы, заградительные сооружения, наличие охраны, сигнализации, систем видеонаблюдения и т. д.);

— изучает личности владельцев или пользователей объектов, подлежащих обследованию (их черты характера, судимости, имеющуюся административную практику, наличие зарегистрированного гражданского оружия, спортивных званий, военной подготовки и т. д.);

— производит расчет и подготовку сил и средств ОВД, необходимых для наиболее результативного проведения ОРМ (количество оперативных сотрудников, специальных поисковых средств и т. д.);

— осуществляет подготовку и утверждение оперативно-служебных документов, являющихся основаниями для проведения данного ОРМ (рапорт и распоряжение на обследование конкретных объектов; при обследовании жилища: ходатайство в судебный орган о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, и последующее получение судебного решения на проведение ОРМ).

В ходе *основного этапа* проводятся непосредственные поисковые действия, направленные на обнаружение и изъятие предметов и веществ, представляющих оперативный интерес для ОВД: наркотических средств, психотропных веществ и оборудования, предназначенного для их изготовления; денежных средств и иного имущества, полученного от наркосбыта. При этом в обязательном порядке должно обеспечиваться экспертно-криминалистическое сопровождение поисковых действий в целях правильной фиксации и изъятия следов противоправной деятельности в сфере НОН, упаковки изъятых предметов и веществ. Также оперативным сотрудникам следует учитывать, что обследование любого объекта может проводиться по круговой системе (слева направо или наоборот), а также концентрическим (от периферии к центру объекта) или эксцентрическим (от центра к периферии) способами.

На *заключительном этапе* составляется протокол ОРМ, в котором последовательно отражаются все производимые в ходе основного этапа поисковые действия, основания для проведения ОРМ, сведения об участниках обследования, сделанные в процессе обследования замечания, используемые технические средства. Подводятся итоги проведенного мероприятия, предварительное визуальное изучение обнаруженных и изъятых предметов и веществ, имеющих значение для дела, в целях получения оперативно значимых сведений. О результатах проведенного обследования оперативный сотрудник докладывает руководителю органа, осуществляющего ОРД.

На сегодняшний день в практической деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков ОВД, а также на страницах научной печати возникает множе-

ство споров об организации и порядке проведения рассматриваемого ОРМ, в том числе и по преступлениям в сфере НОН.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») приводится лишь наименованное данного ОРМ, но не раскрывается его содержание, что приводит к многообразию толкования организации и порядка его проведения.

Существует множество определений ОРМ «Обследование». Так, коллектив авторов комментария к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» под обследованием помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств понимает ОРМ, заключающееся в непроцессуальном осмотре объектов в целях обнаружения следов преступной деятельности, орудий совершения преступления, разыскиваемых преступников, а также получения иной информации, необходимой для решения конкретных тактических задач [5, с. 99—100].

А. Е. Чечётиным предлагается переименовать обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативный осмотр, под которым им понимается ОРМ, заключающееся в непроцессуальном осмотре помещений, транспортных средств и других объектов в целях обнаружения следов преступной деятельности, орудий совершения преступления, разыскиваемых преступников, а также получения иной информации, необходимой для решения конкретных тактических задач [7, с. 152—153].

Принятый на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 16 ноября 2006 года Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» дает следующее определение ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» — это проникновение и осмотр указанных объектов с целью обнаружения следов преступления, орудий совершения преступления, иных предметов, веществ или документов, вероятно имеющих отношение к совершению преступления, а равно и для решения иных конкретных задач ОРД¹.

Исходя из анализа приведенных определений обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, можно сделать вывод, что содержанием рассматриваемого ОРМ является непроцессуальный визуальный осмотр перечисленных объектов, целью которого является обнаружение и фиксация следов противоправной деятельности и получения иной оперативно значимой информации для решения задач исключительно ОРД.

Проведение ОРМ «Обследование», как и большинства других ОРМ, регламентированных ФЗ «Об ОРД», предусмотрено как в гласной, так и в негласной форме.

Порядок проведения рассматриваемого ОРМ в негласном порядке регламентируется закрытыми ведомственными нормативными правовыми актами МВД России,

¹ Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (новая редакция). Принят на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (постановление № 27—6 от 16 ноября 2006 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. — Режим доступа: <http://iacis.ru/upload/iblock/7ab/058.pdf> (дата обращения: 23.03.2021).

в которых раскрывается организация и тактика его проведения и, соответственно, содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Для целей настоящего исследования наиболее интересным нам представляется анализ данного ОРМ при его проведении в гласном порядке.

В деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел порядок проведения обследования в гласной форме регламентируется Инструкцией о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, утвержденной приказом МВД России от 1 апреля 2014 года № 199 (далее — Инструкция или приказ МВД России № 199-2014).

В пункте 1 Инструкции отражено, что её действие не распространяется на обследование жилых помещений. Наверное, именно поэтому в деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков ОВД не возникает особых проблем при обследовании квартир, домов, дач объектов оперативной заинтересованности.

Однако в научных и практических кругах не утихают споры о законности проведения рассматриваемого ОРМ, поскольку отдельные практические работники правоохранительных органов и представители научной общественности полагают, что оно подменяет собой такие следственные действия, как осмотр и обыск [7, с. 154]. Ряд других ученых и практиков придерживаются диаметрально противоположной точки зрения [3, с. 185—186; 4, с. 27].

По нашему мнению, вести речь о подмене обыска и осмотра таким ОРМ, как «Обследование», было бы как минимум некорректно, хотя бы на основании того, что данные действия преследуют разные цели и задачи, а также проводятся в рамках разных сфер правоохранительной деятельности: обследование в рамках ОРД, обыск и осмотр в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

В продолжение рассматриваемой темы А. Е. Чечётин и И. Д. Шатохин полагают, что гласное обследование жилища по своему содержанию должно отличаться от обыска в меньшем объёме ограничений права на неприкосновенность жилища, поскольку оперативно-розыскное обследование не обеспечивает тех процессуальных гарантий защиты личности от необоснованного ограничения прав, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законом. Поэтому данное ОРМ должно ограничиваться визуальным осмотром помещений и находящихся в них предметов без активных поисковых действий, включающих вскрытие хранилищ и перемещение предметов [9, с. 179—180].

Вопреки этому мнению Л. А. Бакланов считает, что гласное обследование может быть проведено с возможностью нарушения целостности обследуемых объектов и иного имущества, а деятельная сторона данного ОРМ может заключаться как в визуальном изучении обследуемых объектов, так и в активных поисковых действиях субъектов, направленных на достижение целей ОРД любыми доступными и не запрещёнными законом способами [1, с. 13].

Автор настоящей статьи в большей степени склонен придерживаться научных взглядов второго ученого, поскольку достижение положительных результатов

в обнаружении наркотических средств и психотропных веществ при проведении рассматриваемого ОРМ представляется нам невозможным без активных поисковых действий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Такие действия заключаются, прежде всего, в необходимости перемещения вещей и предметов, находящихся на обследуемом объекте, а также в нарушении их целостности, равно как и целостности самих обследуемых объектов. Однако при этом не должно допускаться не вызываемое объективной необходимостью умышленное повреждение имущества, принадлежащего как объектам оперативной заинтересованности, так и другим лицам.

Имеющиеся судебные решения также не дают однозначного ответа на этот вопрос. Так, Верховный Суд Российской Федерации (далее также — ВС РФ) в кассационном определении от 9 января 2013 года № 45-012-77 отметил, что, согласно ФЗ «Об ОРД», обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств является одним из ОРМ, проводимых для решения задач ОРД. Данное ОРМ осуществляется негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу¹.

Несмотря на то, что ВС РФ является высшей инстанцией в системе судебной власти, данное судебное решение, на наш взгляд, с позиции научного аспекта является спорным аргументом при обосновании недопустимости проведения гласного обследования жилища против воли проживающих в нем лиц, о чем также пишут Л. А. Бакланов и Д. Б. Панюшин [2, с. 80].

Кроме того, автор не согласен с утверждениями ВС РФ о том, что обследование может осуществляться исключительно в негласной форме, о чем будет сказано ниже.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее также — КС РФ) в Определении от 1 декабря 1999 года № 211-О отметил, что проведение ОРМ, сопровождающих производство предварительного расследования по уголовному делу, не может подменять процессуальные действия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом².

Наряду с этим, в Определении от 4 февраля 1999 года № 18-О КС РФ отразил, что ОРД и проводимые в ходе её осуществления соответствующие ОРМ не подменяют процессуальные действия, осуществляемые при проведении дознания и предварительного следствия. Они также направлены на борьбу с преступностью, осуществляются именно в целях защиты личности, общества и государства от преступных посягательств и, следовательно, не могут рассматриваться как нарушение Конституции Российской Федерации³.

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 янв. 2013 г. № 45-012-77. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2021).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 1 дек. 1999 г. № 211-О. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2021).

³ По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 февр. 1999 г. № 18-О. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2021).

КС РФ также неоднократно указывал на то, что результаты ОРМ сами по себе доказательствами не являются, а представляют собой сведения об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований ФЗ «Об ОРД», могут стать доказательствами после их надлежащего закрепления процессуальным путем, в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона¹.

Что же касается постановления Европейского суда по правам человека (далее также — ЕСПЧ) по делу «Аванесян против России», то в нём не приводится каких-либо аргументов в части, касающейся законности проведения ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». В данном постановлении лишь отражены недостатки конкретного судебного решения о проведении ОРМ, заключающиеся в том, что в основу постановления суда о проведении обследования в жилище заявителя были положены доводы, основанные на предположениях, и в нём не были указаны предметы, подлежащие обнаружению (наркотики, оружие, боеприпасы и т. д.). На основании этого, ЕСПЧ пришел к выводу, что данное судебное решение является не мотивированным, вмешательство в конституционные права заявителя со стороны сотрудников правоохранительных органов неоправданным, а судьей в достаточной степени не проверены сведения, изложенные в постановлении о проведении ОРМ². Однако все это недопустимо расценивать в качестве незаконности самого ОРМ.

Согласно положениям оперативно-розыскного законодательства, ОРД осуществляется посредством проведения ОРМ, перечень которых установлен ст. 6 ФЗ «Об ОРД». В соответствии со ст. 1 ФЗ «Об ОРД» ОРМ могут проводиться как гласно, так и негласно, при этом гласное проведение того или иного ОРМ не может исключать проведение этих же мероприятий в негласной форме.

Безусловно, что определенные ОРМ могут проводиться исключительно в негласной форме. К таким относятся: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент.

В свою очередь, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств по признаку гласности проведения относится к ОРМ, которые могут проводиться как гласно, так и негласно [6, с. 228].

Исходя из вышеизложенного, стоит сказать о том, что гласное ОРМ «Обследование» в жилище не может быть признано незаконным, в том числе при выявлении и раскрытии наркопреступлений, если оно организовано и проведено при наличии до-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 74 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2321-О. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.03.2021).

² Постановление Европейского суда по правам человека от 18 сентября 2014 г. по делу «Аванесян против России»: вынесено 1 секцией (жалоба № 41152/06). — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 25.03.2021).

статочных оснований для его проведения, указанных в ст. 7 ФЗ «Об ОРД», в соответствии с требованиями ч. 2—3 ст. 8 и ст. 9 ФЗ «Об ОРД».

Что же касается обследования нежилых помещений и иных объектов, не относящихся к жилищу, то, согласно требованиям вышеуказанной Инструкции, для принятия решения о проведении такого ОРМ оперативный сотрудник при наличии оперативной информации о признаках преступления, при отсутствии достаточных оснований для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, подготавливает и представляет руководителю органа, осуществляющего ОРД, мотивированный рапорт и проект распоряжения на проведение обследования. Уполномоченный руководитель рассматривает поступившие к нему на подпись материалы, в случае принятия положительного решения о проведении ОРМ подписывает их, после чего подписанное распоряжение регистрируется в журнале учета распоряжений о проведении гласного ОРМ «Обследование». Только после выполнения всех вышеперечисленных действий оперативный сотрудник имеет право провести обследование, о результатах которого он обязан доложить рапортом соответствующему руководителю.

Указанная Инструкция не лишена определенных недостатков, которые уже нашли свое отражение в периодических научных изданиях МВД России. Так, А. Е. Чечётин и А. В. Каунов, отмечают следующее:

1) содержание Инструкции не соответствует её названию, поскольку, исходя из своего названия, Инструкция должна регулировать, прежде всего, порядок проведения обследования, а не изъятия предметов и документов, чему фактически посвящена большая часть её текста;

2) в Инструкции не установлены цели обследования, права и обязанности должностных лиц, пределы их полномочий, порядок и содержание действий в процессе обследования;

3) Инструкция не закрепляет обязательность разъяснения владельцам обследуемых объектов их прав, в том числе права на обжалование распоряжения о проведении обследования и действий должностных лиц;

4) Инструкция не даёт ответа на вопрос об обеспечении в процессе обследования конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь, т. е. о возможности участия в обследовании адвоката;

5) Инструкция не устанавливает пределов принуждения при проведении обследования в случае отказа владельцев впустить должностных лиц в обследуемое помещение, не предписывает возможности либо невозможности ограничения в передвижении лиц, находящихся в нём, их личной неприкосновенности и неприкосновенности их личных вещей и других мер, ограничивающих права и свободы присутствующих лиц [8, с. 143—144].

Нам хотелось бы отметить и другие «черные дыры» и «белые пятна» Инструкции, наиболее характерные для правоприменительной деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков ОВД.

В частности, в Инструкции отсутствует регламентация возможности проведения рассматриваемого ОРМ без распоряжения руководителя оперативно-розыскного органа с последующим уведомлением последнего и вынесением распоряжения после проведе-

ния ОРМ в случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого и особо тяжкого преступления в сфере НОН.

Такая необходимость весьма актуальна для деятельности антинаркотических подразделений, поскольку оперативно-розыскная информация об объекте обследования, подлежащая обязательному отражению в распоряжении, зачастую поступает оперативным сотрудникам от конфиденциальных источников, а также в момент активного проведения иных ОРМ, таких как «Опрос», «Наблюдение», «Прослушивание телефонных переговоров», «Снятие информации с технических каналов связи» и требует принятия незамедлительных мер реагирования, направленных на своевременную проверку и реализацию такой информации.

В подобных случаях время, затраченное оперативным сотрудником на подготовку проекта распоряжения и мотивированного рапорта на имя уполномоченного руководителя для принятия решения о проведении ОРМ, приводит к отсутствию наступательности в ОРД, совершению тяжких и особо тяжких наркопреступлений, поступлению наркотических средств в незаконный оборот, а также непривлечению виновных лиц к предусмотренной законом ответственности.

Так, например, сведения о государственном регистрационном знаке и марке транспортного средства (месте предполагаемого обследования), на котором осуществляется перевозка наркотиков, могут поступить в распоряжение оперативных сотрудников незадолго до того момента, когда уже необходимо производить задержание этого транспортного средства, а также лиц, передвигающихся на нём.

Согласно положениям Инструкции, при изъятии электронных носителей информации сотрудником, осуществляющим изъятие, организуется изготовление их копий на другие электронные носители информации, которые по ходатайству законного владельца изъятых электронных носителей или обладателя содержащейся на них информации передаются последним, о чём делается запись в протоколе.

Данное требование Инструкции абсолютно неприменимо при проведении рассматриваемого ОРМ по наркопреступлениям, поскольку передача копий с электронных носителей сведений с содержанием оперативно значимой информации в сфере НОН во владение и пользование лиц, в отношении которых проводится ОРМ, крайне недопустимо, даже если эти лица являются законными владельцами изъятых электронных носителей или обладателями содержащейся на них информации.

Именно поэтому Инструкцией предусмотрена норма, содержащая запрет на копирование и выдачу информации, если это может воспрепятствовать осуществлению ОРД, что, по нашему мнению, является весьма положительным моментом.

К такой информации могут быть отнесены сведения о местах бесконтактного сбыта, приобретателях наркотических средств, транзакциях об оплате денежных средств за наркотики, способах легализации наркодоходов и контрабанды наркотических средств, об интернет-ресурсах, посредством которых осуществляется незаконный сбыт наркотиков, соучастниках противоправной деятельности в сфере НОН и т. п.

Предоставление вышеуказанных сведений в распоряжение лиц, объективно заподозренных в причастности к НОН, противоречит фундаментальным тактическим аспектам выявления и раскрытия наркопреступлений, а также наделяет потенциальных подо-

зреваемых и обвиняемых значительным материалом для формирования линии защиты на стадиях предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела.

По мнению автора статьи, рассмотренные положения Инструкции наиболее применимы в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, а именно: при выявлении и раскрытии преступлений экономической направленности.

Кроме того, в Инструкции в недостаточной степени урегулирован порядок привлечения к проведению рассматриваемого ОРМ иных участвующих лиц в целях удостоверения факта, содержания, хода и результатов его проведения.

В соответствии с положениями Инструкции к участию в ОРМ привлекается не менее двух дееспособных граждан, достигших возраста 18-ти лет, не заинтересованных в результатах изъятия, не состоящих с лицами, проводящими изъятие, в родстве или свойстве, не подчиненных и не подконтрольных указанным лицам, не являющихся работниками органов исполнительной власти.

Однако, применительно к преступлениям в сфере НОН, в числе вышеперечисленных не отражены некоторые важные критерии.

Во-первых, лица, привлекаемые к проведению обследования, не должны являться наркопотребителями, а также находиться в состоянии наркотического, токсического или алкогольного опьянения, что может повлиять на объективное и достоверное удостоверение факта, содержания, хода и результата ОРМ.

Во-вторых, от указанных участвующих лиц в обязательном порядке перед началом обследования должны быть получены подписки о неразглашении сведений, ставших им известными в ходе и результате проведения ОРМ.

И, в-третьих, в случае отказа участвующего лица в дальнейшем проведении обследования после его начала либо невозможности дальнейшего участия по объективным причинам должна быть предусмотрена замена данного лица с отражением этого факта в протоколе обследования.

Также положениями Инструкции не урегулирован порядок дальнейшего оборота самого распоряжения о проведении гласного обследования и мотивированного рапорта о необходимости его проведения, утвержденного уполномоченным руководителем.

Вышеуказанные оперативно-служебные документы могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд¹ либо должны быть приобщены к материалам дела оперативного учета или номенклатурного дела.

Полагаем, что все вышеперечисленные нами недостатки Инструкции должны быть устранены путем внесения в неё соответствующих изменений и дополнений.

Кроме того, основные аспекты проведения ОРМ «Обследование» должны найти своё отражение не только в ведомственном нормативном правовом акте,

¹ Об утверждении инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: Приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Рос. газ. — 2013. — № 282. — 13 дек.

но и на законодательном уровне, поскольку не только МВД России относится к органам, наделённым полномочиями по осуществлению ОРД. В связи с чем можно сделать вывод, что понятие и общий порядок проведения ОРМ «Обследование» нуждаются в детальном закреплении в ФЗ «Об ОРД».

Подобная правоприменительная тенденция уже нашла свое отражение в оперативно-розыском законодательстве Республик Беларусь¹, Таджикистан², Узбекистан³, Киргизия⁴ и Армения⁵, а в Казахстане⁶, Молдове⁷ и на Украине⁸ понятие и сущность ОРМ «Обследование» закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве.

Автор также считает, что наименование самого ОРМ нуждается в корректировке, а именно: перечень объектов обследования необходимо дополнить термином «предметы», к которым можно будет отнести мобильные телефоны, смартфоны, компьютерные устройства, ручную кладь и иные материальные вещи, имеющие отношение к объектам оперативной заинтересованности. Именно в вышеперечисленных объектах чаще всего содержится значительный объем информации о противоправной деятельности в сфере НОН. В сегодняшней формулировке рассматриваемое ОРМ ограничивает спектр оперативного поиска среди объектов, представляющих оперативный интерес.

Принимая во внимание все вышеизложенные доводы, предлагаем внести в ФЗ «Об ОРД» отдельную статью «*Обследование помещений, зданий, сооружений, предметов, участков местности и транспортных средств*», наиболее детально регламентирующую общий порядок и условия проведения одноименного ОРМ, которую изложить в следующей редакции:

«Обследование помещений, зданий, сооружений, предметов, участков местности и транспортных средств — это оперативно-розыскное мероприятие, заключающееся в гласном или негласном визуально-тактильном исследовании помещений, зданий, сооружений, предметов, участков местности и транспортных средств в целях обнаружения и изъятия следов преступной деятельности и решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Обследование в жилище проводится на основании судебного решения по мотивированному ходатайству руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

¹ Часть 5 статьи 19 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 года № 307-3.

² Пункт 15 части 1 статьи 1 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 марта 2011 года № 687.

³ Пункт 9 части 1 статьи 14 Закона Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 29 декабря 2012 года № ЗРУ-344.

⁴ Часть 8 статьи 2 Закона Киргизской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» от 16 октября 1998 года № 131.

⁵ Статья 24 Закона Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности» от 19 ноября 2007 года № ЗР-223.

⁶ Статья 247 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан.

⁷ Статья 132.6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Молдова.

⁸ Статья 267 Уголовно-процессуального кодекса Украины.

Обследование помещений, зданий, сооружений, предметов, участков местности и транспортных средств проводится с участием двух совершеннолетних дееспособных участвующих лиц (представителей общественности), незаинтересованных в результатах обследования, которые должны удостоверить факт, ход и результаты проведения оперативно-розыскного мероприятия.

По результатам проведения обследования помещений, зданий, сооружений, предметов, участков местности и транспортных средств составляется протокол, в котором указываются дата, место, время его проведения; лица, участвующие в его проведении; описывается обстановка на обследуемых объектах, порядок и последовательность действий по обнаружению, изъятию и упаковке предметов, веществ и материалов, имеющих значение для достижения целей и решения задач оперативно-розыскной деятельности».

Полагаем, что внесение подобных изменений в действующее оперативно-розыскное законодательство могло бы способствовать унификации толкования организации и порядка проведения данного вида ОРМ и оценке формируемых на его основе уголовно-процессуальных доказательств.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что в законодательном закреплении нуждается не только понятие и сущность ОРМ «Обследование», но и всех остальных ОРМ, предусмотренных ФЗ «Об ОРД». Однако, ограничиваясь рамками настоящего исследования, о других ОРМ будем вести речь в следующих наших научных изысканиях.

Кроме того, также предлагаем внести следующие изменения в приказ МВД России № 199-2014:

Пункт 14 Инструкции дополнить абзацем следующего содержания: *«Перед началом проведения обследования от этих лиц должны быть получены подписки о неразглашении сведений, ставших им известными в результате проведения оперативно-розыскного мероприятия. При невозможности дальнейшего участия лица в проведении обследования оно может быть заменено на другое подходящее лицо, о чем делается соответствующая запись в протоколе обследования».*

Дополнить Инструкцию пунктом 41 в следующем изложении: *«Мотивированный рапорт о необходимости проведения гласного обследования, утвержденный уполномоченным руководителем, и распоряжение о проведении гласного обследования приобщаются к материалам дела оперативного учета либо к материалам специального номенклатурного дела. Их копии могут быть представлены органу дознания, следователю или в суд для использования в доказывании».*

Дополнить Инструкцию пунктом 11.1 в следующем содержании: *В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, которые могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, при наличии явных признаков подготавливаемого или совершаемого преступления, допускается проведение гласного обследования оперативными сотрудниками без распоряжения уполномоченного руководителя. В течение 24 часов с момента начала проведения обследования уполномоченный руководитель на основании оценки собранных материалов и полученных результатов должен вынести распоряжение о проведении обследования либо признать его проведение не-*

обоснованным, о чем подготовить соответствующий рапорт на имя вышестоящего руководителя.

Автор настоящей статьи отдает себе отчет в том, что отдельные высказанные им научные взгляды могут иметь дискуссионный характер, поэтому готов к рассмотрению конструктивных замечаний и к изложению дополнительных аргументов в обоснование своего мнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: моногр. — Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. — 126 с.
2. Бакланов Л. А. Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников: pro et contra / Л. А. Бакланов, Д. Б. Панюшин // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2018. — № 2 (45). — С. 78—84.
3. Важенин В. В. Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов // В. В. Важенин, С. В. Баженов, А. А. Сафронов // Общество и право. — 2014. — № 3 (49). — С. 183—189.
4. Железняк Н. С. Обследование и обыск — единство или борьба противоположностей? / Н. С. Железняк, Ю. В. Леонтьева // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (36). — С. 24—32.
5. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. В. С. Овчинский]; вступ. ст. В. Д. Зорькина. — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 576 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 690 с.
7. Чечётин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: моногр. — СПб: СПбУ МВД России, 2016. — 232 с.
8. Чечётин А. Е. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности / А. Е. Чечётин, А. В. Каунов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2018. — № 4 (80). — С. 140—150.
9. Чечётин А. Е. Права личности и оперативно-розыскная деятельность / А. Е. Чечётин, И. Д. Шатохин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 1 (81). — С. 171—181.

REFERENCES

1. Baklanov L. A. *Glasnoe obsledovanie pomeshhenij, zdaniij, sooruzhenij, uchastkov mestnosti i transportnyh sredstv v operativno-rozysknoj dejatel'nosti organov vnutrennih del: monografija* [Public survey of premises, buildings, structures, areas of terrain and vehicles in the operational and investigative activities of internal affairs bodies: monograph]. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, 126 p. (in Russian).
2. Baklanov L. A., Panyushin D. B. *Provedenie glasnogo obsledovaniya zhilishha bez soglasija ego sobstvennikov: pro et contra* [Conducting a public survey of a dwelling without the consent of its owners: pro et contra]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (45), pp. 78—84 (in Russian).

3. Vazhenin V. V., Bazhenov S. V., Safronov A. A. Glasnoe obsledovanie: podgotovka, provedenie, ispol'zovanie rezul'tatov [Transparent examination: preparation, conduct, use of results]. *Obshhestvo i pravo — Law and Society*, 2014, no. 3 (49), pp. 183—189 (in Russian).

4. Geleznyak N. S., Leontieva Y. V. Obsledovanie i obysk — edinstvo ili bor'ba protivopozhnostej? [Inspection and search — unity and struggle of opposites?]. *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii — Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 3 (36), pp. 24—32 (in Russian).

5. Commentary to the Federal Law “On Operational and Investigative activities”. With the appendix of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation reviews of the practice of the European Court of Human Rights / [ed. by V. S. Ovchinsky]; introduction by V. D. Zorkina. — 3rd ed., add. and pererab, M.: Norma: INFRA-M, 2018, 576 p. (in Russian).

6. Theory of operational and investigative activities: textbook. 2nd ed., reprint. edited by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinsky, G. K. Sinilov. M., INFRA-M, 2012, 690 p. (in Russian).

7. Chechetin A. E. *Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meroprjatij: monografija* [Ensuring the rights of the individual when conducting operational search activities: monograph]. St. Petersburg, SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, 232 p. (in Russian).

8. Chechetin A. E., Kaunov A. V. O pravovom regulirovanii glasnogo obsledovanija v operativno-rozysknoj dejatel'nosti [On the legal regulation of public inspection in operational-investigative activities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (80), pp. 140—150 (in Russian).

9. Chechetin A. E., Shatokhin I. D. Prava lichnosti i operativno-rozysknaja dejatel'nost' [Human rights and operational-search activity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (81), pp. 171—181 (in Russian).

УДК 343.148

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-213-222

Крисанова Вероника Юрьевна

научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России
eg7911@yandex.ru

Krisanova Veronika Yuryevna,

Researcher of research division on special expertise and forensic support of countering of drug-related crimes, Forensic Science Center, MIA of Russia
eg7911@yandex.ru

Панасюгина Лада Евгеньевна,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России
lada-ple@mail.ru

Panasyugina Lada Evgenyevna,

PhD in Philology
Leading researcher worker of research division on special expertise and forensic support of countering of drug-related crimes,
Forensic Science Center, MIA of Russia,
lada-ple@mail.ru

Довбня Андрей Владимирович,

главный эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России
dav_@rambler.ru

Dovbnya Andrey Vladimirovich,

Chief expert of explosion and fire-technical expertise division, Forensic Science Center, MIA of Russia
dav_@rambler.ru

Шеков Анатолий Александрович,

кандидат химических наук, доцент, заместитель начальника кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России
shek@inbox.ru

Shekov Anatoly Aleksandrovich

PhD in Chemistry, Associate Professor
Deputy Head of the Department of Forensic Science,
East-Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation
shek@inbox.ru

МОРСКИЕ И РЕЧНЫЕ СУДА КАК ОБЪЕКТЫ СУДЕБНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Введение: в статье рассмотрены вопросы пожарной безопасности на водном транспорте, причины возникновения пожаров на морских и речных судах, их особенности. Приводится подробное описание экспертного исследования пожара, произошедшего на борту судна.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образуют законодательство и нормативные акты, регламентирующие правила пожарной безопасности на судах.

Методологической основой исследования послужили типовые методики исследования пожаров.

Результаты исследования позволили уточнить отдельные положения, относящиеся к криминалистической характеристике морских и речных судов как объектов судебной пожарно-технической экспертизы, раскрыть содержание и практическое значение процесса исследований судов в рамках пожарно-технической экспертизы.

Выводы и заключения: согласно статистическим данным, наибольшее количество пожаров происходит во время стоянки судов у пирсов, в портах, при ремонте в доках. С точки зрения пожарной опасности морские и речные суда представляют особую категорию объектов, для установления причины пожара на которых целесообразно привлечение пожарно-технического специалиста (эксперта).

Ключевые слова: пожарная безопасность на судне, судебная пожарно-техническая экспертиза, осмотр места пожара.

SEA AND RIVER VESSELS AS OBJECTS OF FORENSIC FIRE ENGINEERING INVESTIGATIONS IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article considers water transport fire safety, causes of fires on sea and river vessels and features of that kind of fires. A detailed description of expert study of fire on the boat is given.

Materials and Methods: legislation and regulations on fire safety on ships form the normative framework for the study. Standard methods on fire research served as methodological bases for the study.

Results of the study have clarified some clauses relating to criminalistics characteristics of sea and river vessels as objects of forensic fire-technical expertise. They also allowed to provide an interpretation of the content and practical significance of the process concerning forensic examination of vessels.

Findings and conclusions: according to statistics the largest number of fires occurs on berthed vessels or during repair in docs. In terms of fire hazard sea and river vessels represent a particular category of objects, thus it's desirable to invite forensics in order to determine the causes of fire.

Keywords: fire safety on board, forensic fire-technical expertise, fire scene examination.

Пожарная безопасность на водном транспорте предусматривает комплекс специальных мер. Обеспечение пожарной безопасности является первостепенной задачей при эксплуатации или проведении ремонтных работ на морских и речных судах, к которым относятся: транспортные суда (для перевозки грузов и (или) пассажиров); суда технического флота; служебно-вспомогательные и обслуживающие суда; суда специального назначения; прогулочные и спортивные, поскольку они представляют особую категорию объектов с точки зрения пожарной опасности¹.

Современное надводное судно — это сложная система, состоящая из силовой установки большой мощности, жилых помещений, грузовых отсеков, танков большой емкости для легковоспламеняющихся, горючих жидкостей (далее — ЛВЖ, ГЖ) и других вспомогательных помещений и агрегатов.

Тяжесть последствий пожара на судне объясняется следующими факторами:

— особенностями конструктивной планировки помещений (в том числе разноуровневых), ограниченных по площади, их разновидностью, а также пассажироместимостью;

— высокой плотностью размещения электротехнического и силового оборудования;

— развитой системой вентиляции;

— наличием ЛВЖ, ГЖ и взрывоопасных грузов;

— особенностью тушения, которое должно проводиться с учетом устойчивости корпуса;

— ограничением способов и возможностей эвакуации людей [1].

По мере распространения горения на судне нарушается герметичность помещений, происходит быстрое задымление, насыщение отсеков токсичными продуктами горения, интенсивный нагрев тепло- и шумоизоляции и отделочных материалов, закрепленных на металлических конструкциях. При этом площадь пожара растет скачкообразно и в первую очередь зависит от места расположения очага пожара.

Опасность аварий на судах подтверждает и статистика: хотя пожары составляют около 5 % всех аварий, происходящих на морских и речных судах, в то же время 40 % пожаров заканчиваются гибелью судна или его полным конструктивным разрушением. При этом, согласно статистическим данным, около 90 % всех пожаров происходит во время стоянки судов у пирсов, в портах, при ремонте в доках². Из-за быстрого распространения пожара и его опасных факторов не удастся избежать и человеческих жертв. Кроме того, последствия возникновения пожаров на судах могут привести к экологическим катастрофам.

В связи с этим вопросам обеспечения пожарной безопасности уделяется внимание еще на стадии проектирования и строительства судна. Безопасность достигается особен-

¹ Приказ Минтранса РФ от 24.12.2002 № 158 «Об утверждении правил пожарной безопасности на судах внутреннего водного транспорта Российской Федерации». URL: http://www.Consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_40495 (дата обращения: 18.03.2021); ГОСТ Р 55506—2013. Транспорт водный внутренний. Термины и определения. URL: <https://base.garant.ru/71347750/#friends> (дата обращения: 18.03.2021).

² Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.mchs.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

ностями конструкции судна, его оборудованием и оснащением. В этих целях используют устойчивые к возгоранию материалы, прокладывают системы трубопроводов пожаротушения, обрабатывают поверхности огнезащитными средствами, обеспечивают изоляцию между отсеками и т. д.

Пожарная безопасность судов обеспечивается:

- поддержанием в рабочем состоянии и готовности к немедленному использованию противопожарного оборудования и средств для борьбы с огнем;
- выполнением экипажем требований по эксплуатации судового оборудования;
- организационными мероприятиями по созданию системы противопожарной защиты судна;
- соблюдением противопожарного режима на судне;
- выполнением специальных требований пожарной безопасности при перевозке грузов, производстве погрузочно-разгрузочных, бункеровочных, ремонтных и других видов работ.

Несмотря на наличие всех предусмотренных мер, суда продолжают оставаться опасными в пожарном отношении объектами.

К основным причинам возникновения пожара на судне относятся:

- использование открытого огня, нагревательных приборов, курение;
- неисправности электрокабелей, электрооборудования, освещения, судовых механизмов и нарушение правил их эксплуатации;
- попадание топлива на раскаленные и горячие поверхности механизмов и выхлопных трубопроводов;
- искрообразование при работе котлов, камбузных печей и при ударах;
- нарушение правил производства сварочных работ и работ с открытым огнем;
- разряды статического и атмосферного электричества;
- самовоспламенение и самовозгорание грузов, в том числе в результате смешения несовместимых опасных грузов [5].

На сегодняшний день на судах принимаются все возможные меры для снижения их пожарной опасности — современная пожарная техника позволяет ликвидировать многие пожары, особенно если тушение начато своевременно. Строительство судов с учетом требований пожарной безопасности, оборудование их автоматическими системами предупреждения и тушения пожаров снижают вероятность возникновения пожаров и взрывов.

К сожалению, следует отметить, что полностью избежать пожаров на судах пока не удается, что связано с особенностями их эксплуатации, пожаро- и взрывоопасностью некоторых видов грузов, необходимостью создания комфортных условий пребывания пассажиров и членов экипажей на судне и т. п.

Наибольшей пожароопасностью характеризуются пассажирские¹ и наливные² (танкеры, нефтеналивные несамоходные суда, газо- и химовозы) суда [5].

¹ Пассажирское судно — судно, построенное и оборудованное для перевозки более 12 человек.

² Наливное судно — самоходное или несамоходное судно, предназначенное для перевозки жидких грузов, наливаемых в специальные отсеки (танки) корпуса судна или баки.

При возникновении пожара на пассажирском судне необходимо в первую очередь спасать людей и одновременно принимать меры по их защите от опасных факторов пожара¹ и по предотвращению распространения пожара по судну.

Наиболее опасны пожары в жилых и служебных помещениях пассажирских судов, где для отделки применяется много горючих материалов. Пожар, как правило, возникая в одном помещении, некоторое время развивается скрытно. Продукты горения заполняют помещение, нагревают отделочные материалы переборок, мебели и оборудования. Зашивка, образующая воздушную прослойку с переборкой, горит с обеих сторон и быстро выгорает. Через неплотности дверей, открытые иллюминаторы и вентиляционные отверстия дым распространяется в коридоры и другие помещения.

Коридорная система планировки способствует тому, что уже в течение нескольких минут значительная часть помещения бывает задымлена или отрезана от эвакуационных выходов. Средняя температура в жилых и служебных помещениях достигает 700—900 °С.

Высокая скорость роста температуры и хорошая теплопроводность стальных перегородок и палуб приводят к распространению огня в смежных помещениях, даже если они отделены перегородками.

Как правило, одной из основных причин пожаров на пассажирских судах является нарушение пассажирами противопожарного режима (курение, использование электробытовых приборов и т. д.).

Наливные суда относятся к категории особо опасных по роду перевозимых грузов, т. к. при определенных условиях на них может произойти взрыв и пожар. Высокая степень вероятности возникновения взрывов и пожаров возникает при нахождении наливных судов у причалов (в грузовых танках и грузовых насосных отделениях), при выполнении грузовых операций, зачистки грузовых танков от остатков наливных грузов и текущих ремонтных работ. Особенности развития таких пожаров являются: высокая вероятность взрывов, неконтролируемые разливы нефтепродуктов из поврежденных танков, распространение горения на пирс и др.

Конструкция нефтеналивных самоходных судов отличается от танкеров: они не имеют сильно развитых палубных надстроек, машинного, котельного, моторного и насосного отделений, поэтому в пожарном отношении менее опасны.

Сложными пожарами являются пожары на газо- и химовозах. Высокая вероятность взрывов при возникновении пожаров вынуждает экипажи экстренно покинуть аварийные суда.

Также пожары и взрывы на наливных судах часто сопровождаются разливами жидкого груза на водную поверхность, что может привести к экологической катастрофе.

Однако следует отметить, что современные наливные суда оборудованы противопожарными средствами. Операции налива и слива груза на них очень строго регламентированы, поэтому пожары на наливных судах сравнительно редки. Такие части судна, как машинно-котельное отделение, помповые отделения и сухогрузный трюм, обычно отделены от грузовых пространств коффердамами, которые, будучи заполненными водой, служат надежной защитой этих помещений [5].

¹ Опасные факторы пожара — пламя, тепловой поток, повышенная температура окружающей среды, продукты горения и термического разложения и др.

Несмотря на многообразие типов судов, пожары, возникающие на них, можно разделить на три группы:

- пожары в жилых и служебных помещениях;
- пожары в машинно-котельных и вспомогательных помещениях;
- пожары в грузовых помещениях [4].

Морские и речные суда как объекты судебной пожарно-технической экспертизы представляют собой сложный и одновременно интересный объект исследования. Объясняется это в первую очередь спецификой терминологии: для описания следов термических повреждений конструкций и отсеков судов употребляются специальные термины и определения, принятые на водном транспорте согласно ГОСТ Р 55506—2013 «Транспорт водный внутренний. Термины и определения». Исследование и установление причин пожара на данных объектах может представлять определенные трудности, поэтому осмотр сгоревшего судна целесообразно проводить с участием пожарно-технического специалиста, вместе с представителем экипажа судна (капитана, его помощников, механиков и т. п.). При необходимости в состав комиссии включают представителя организации-проектировщика судна.

Случай возгорания на борту катера Montrachet 72 Viking, находившегося в доке судоремонтного завода, показал целесообразность привлечения пожарно-технических специалистов, благодаря участию которых были установлены действительные причины пожара.

В целях выявления характерных очаговых признаков и установления предварительной причины возникновения пожара, с участием экспертов ЭКЦ МВД России был проведен дополнительный осмотр термически поврежденного катера Montrachet 72 Viking. При осмотре было установлено, что обстановка, сложившаяся после пожара, видоизменена (наблюдаются следы разбора вещной обстановки, демонтажа конструктивных элементов).

Внешний осмотр катера позволил установить выраженные следы термических воздействий на левом борту, в районе кормовой части (место нахождения машинного отделения) (рис. 1). Следы наибольших термических повреждений катера были сосредоточены с левой стороны машинного отделения, в районе левого топливного бака, и выражались в выгорании горючих материалов (древесина, пластик и др.), обгорании и частичном уничтожении конструктивных элементов из стеклопластика (рис. 2).

Рисунок 1. Внешний вид левого борта катера Montrachet 72 Viking

Рисунок 2. Термические повреждения машинного отделения катера Montrachet 72 Viking

По мере удаления от зоны максимальных термических повреждений, следы термического воздействия последовательно уменьшались. Носовая часть катера сохранилась полностью.

Совокупный анализ термических повреждений катера с учетом показаний свидетелей (очевидцев) позволил сделать вывод о том, что очаг пожара находился в левой части машинного отделения катера Montrachet 72 Viking, в районе левого топливного бака.

В ходе осмотра с катера из машинного отделения были демонтированы два дизельных двигателя, на которых позже были выявлены следы незначительных термических повреждений. Каких-либо следов аварийных режимов работы выявлено не было.

Единственным электроприбором, находившимся в очаге пожара, был электрообогреватель, изъятый в ходе осмотра и предоставленный экспертам для установления его причастности к возникновению пожара (рис. 3). Эксперты выяснили, что данный электроприбор является электрообогревателем типа ЭиП, напольного исполнения, с ТЭНом на 220 В и мощностью 0,75 Вт.

При изучении представленных материалов дела было установлено, что накануне возникновения пожара данный электрообогреватель с помощью проволоки был подвешен на расстоянии 30—50 см от пола в помещении машинного отделения.

Рисунок 3. Внешний вид электрообогревателя

Выявленные в ходе исследования подтеки металла (рис. 4) были ориентированы со стороны тыльной (нижней) стенки обогревателя на лицевую (верхнюю), что указывало на положение электрообогревателя лицевой поверхностью вниз, т. е. на подвешенное (перевернутое) состояние.

Рисунок 4. Внешний вид электрообогревателя с наплавлениями и подтеками серебристого цвета

На момент дополнительного осмотра в машинном отделении находились пустые емкости из-под химических жидкостей, ветошь, тряпки и т. п. Полы, стены, потолки помещений машинного отделения были изготовлены из стеклопластика. Известно, что вышеуказанные материалы способны к воспламенению как при непосредственном контакте с разогретой поверхностью электрообогревателя, так и при тепловом воздействии нагретых конвективных потоков [2].

Проведенные исследования (обстоятельств происшествия, материалов дела, вещественных доказательств, изъятых в ходе дополнительного осмотра места пожара), позволили установить, что причиной возникновения пожара на катере Montrachet 72 Viking послужило загорание горючих материалов, произошедшее либо от тепловых процессов, сопровождавших работу электрообогревателя в нештатном режиме (перевернутом состоянии), либо от теплового проявления аварийного режима работы питающего провода вследствие повреждения изоляции от внешнего теплового воздействия обогревателя, либо их комплексное сочетание [3; 6].

Рассмотрим имевший место случай возгорания на теплоходе «Москва-94», пришвартованного у причала Московского северного речного вокзала (далее — МСРВ). В результате пожара на теплоходе «Москва-94» погибла женщина-фельдшер медпункта МСРВ.

В целях выявления характерных очаговых признаков и уточнения планировки катера с участием экспертов ЭКЦ МВД России был проведен дополнительный осмотр термически поврежденного теплохода «Москва-94», отбуксированного с места пожара в базу отстоя.

При осмотре было установлено, что рубка управления, располагавшаяся на верхней палубе, ограждение верхней прогулочной палубы, пассажирский салон носовой и центральной частей главной палубы сгорели полностью с разрушением металлических и деревянных конструкций. Металлические конструкции управляющих приборов

рубки управления лежали на главной палубе. Наружные ограждения главной палубы левого борта от носовой части до машинного отделения сгорели практически полностью. Поверхность главной палубы покрыта слоем пожарного мусора толщиной 15—20 см. У теплохода «Москва-94» имелось локальное термическое повреждение сохранившейся части ограждения правого борта в районе каюты № 2.

Локальное термическое повреждение сохранившихся ограждающих конструкций правого борта теплохода «Москва-94» являлось одним из признаков, указывающих на зону очага пожара, а именно: месторасположения кают.

Совокупный анализ термических повреждений теплохода с учетом показаний свидетелей (очевидцев) позволил сделать вывод о том, что очаг пожара (место первоначального возникновения горения) находился в районе каюты № 2 теплохода «Москва-94».

Горение, возникнув в районе каюты № 2 теплохода «Москва-94», по сгораемым материалам и предметам вещной обстановки распространялось первоначально внутрь салона главной палубы. Затем, вследствие конструктивных особенностей теплохода (в частности применения алюминево-магниевого сплава, являющегося неорганическим веществом, поддерживающем горение), пожар распространился на верхнюю палубу теплохода «Москва-94».

в ходе дополнительного осмотра места пожара из зоны с максимальными термическими повреждениями были изъяты остатки электрообогревателя и представлены экспертам для установления его причастности к возникновению пожара.

Проведенными исследования (обстоятельств происшествия, представленных материалов дела, изъятых вещественных доказательств), в соответствии с действующими методиками установления причины пожара, потенциальным источником возникновения загорания в установленном очаге пожара (каюта № 2 теплохода «Москва-94») могла быть высоконагретая поверхность элементов электрообогревателя открытого типа с кварцевыми нагревательными элементами, температура поверхности которых может достигать 450 °С (в соответствии с экспериментальными данными). При непосредственном контакте с поверхностью элементов нагревателя, этой температуры достаточно для воспламенения большинства горючих материалов, составлявших вещную обстановку каюты № 2 теплохода «Москва-94»: одеяла, скатерти, одежды и т. д.

Таким образом, технической причиной пожара послужило воспламенение горючих материалов вещной обстановки от непосредственного контакта с высоконагретой поверхностью электрообогревателя открытого типа с кварцевыми нагревательными элементами, располагавшегося в каюте № 2 теплохода «Москва-94».

На сегодняшний день одним из резонансных пожаров, произошедших на водном транспорте, стал пожар на флагмане Северного флота ВМФ, тяжелом авианесущем крейсере (ТАВКР) проекта 1143.5 «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», единственном в своем классе крейсере в составе ВМФ Российской Федерации. В 2019 году корабль находился на плановом ремонте у причала судоремонтного завода в Мурманске. В результате пожара два человека погибли, более двенадцати пострадали¹, ущерб составил более 450 млн рублей.

¹ Ведомости: деловое изд. [Электронный ресурс]. — URL:<http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 15.03.2021).

Вышеизложенное наглядно свидетельствует о том, что несоблюдение мер пожарной безопасности во время проведения ремонтных работ на судах, стоящих в доках, может привести не только к крупному материальному ущербу, но и к более трагическим последствиям — человеческим жертвам.

В целях повышения эффективности мероприятий экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, сопряженных с пожарами на водном транспорте, в части осуществления следственных действий, для исследования пожаров на морских и речных судах следует привлекать пожарно-технического специалиста (эксперта) для получения обоснованных выводов по установлению очага и определению причины пожара при проведении пожарно-технических экспертиз.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Колегаев Б. Н., Басанец Н. Г. Безопасность жизнедеятельности и выживание на море. — Одесса. — 2008. — 352 с.
2. Корольченко А. Я., Корольченко Д. А. Пожаровзрывоопасность веществ и материалов и средства их тушения: справ. — в 2-х ч. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Пожнаука. — 2004. — Ч. 1. — 713 с.; Ч. 2. — 774 с.
3. Судебная пожарно-техническая экспертиза: пособие для экспертов, следователей и судей / Л. М. Авилина, Д. П. Данилов, Н. В. Докшина и др. Ч. 1. — М.: ВНИИСЭ МЮ РФ, 1994. — 141 с.; Часть 2. — М.: ВНИИСЭ МЮ РФ, 1995. — 229 с.
4. Теребнев Н. С., Артемьев В. А. и др. Транспорт: наземный, морской, речной, воздушный, метро: справ. — 2007. — 383 с.
5. Шарапов С. В. Анализ информации о пожарах на судах и о практике их тушения в портах / С. В. Шарапов, А. С. Крутолапов, Н. Н. Копейкин // Пожаровзрывобезопасность. — 2017. — Т. 26. — № 1. — С. 52—60. DOI: 10.18322/PVB.2017.26.01.52-60.
6. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / Под ред. А. Ю. Семенова. Под общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. — М.: ЭКЦ МВД России, 2012. — 800 с.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Kolegaev B. N., Basanets N. G. *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti i vyzhivanie na more* [Safety of life and survival at sea]. Odessa, 2008, 352 p. (in Russian).
2. Korol'chenko A. Ya., Korol'chenko D. A. *Pozharovzryvoopasnost' veshhestv i materialov i sredstva ih tusheniya. Spravochnik: v 2-h ch. — 2-e izd., pererab. i dop.* [Firelessness of substances and materials and their extinguishing means. Directory: Part 1, 2, 2nd ed., updated and revised]. Moscow, Pozhnauka Pbl, 2004, part 1, 713 p; part 2, 774 p. (in Russian).
3. Avilina L. M., Danilov D. P., Dokshina N. V. *Sudebnaya pozharno-tekhnicheskaya ehkspertiza* [Judicial fire and technical expertise]. Manual for experts, investigators and judges. Moscow: VNIISEH MYU RF Publ., 1994, part 1, 141 p.; Part 2, 1995. — 229 p. (in Russian).
4. Terebnev N. S., Artem'ev V. A. *Transport: nazemnyi, morskoi, rechnoi, vozdushnyi, metro* [Transport: ground, sea, river, air, metro]. Guidebook, 2007, 383 p. (in Russian).
5. Sharapov S. V., Krutolapov A. S., Kopeikin N. N. *Analiz informatsii o pozharakh na sudakh i o praktike ikh tusheniya v portakh* [Analysis of information about fires on ships and their practice extinguishing in ports]. *Pozharovzryvobezopasnost'* — Fire safety, 2017, no. 26 (1), pp. 52-60. DOI: 10.18322/PVB.2017.26.01.52-60 (in Russian).
6. Semenova A. Yu. *Tipovye ehkspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv.* [Typical expert methods for the study of material evidence]. Moscow, EHKTС MVD Rossii Publ., 2012, Part. II, 800 p. (in Russian).

УДК 343

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-223-235

Светличный Александр Алексеевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы
и таможенного дела Тульского государ-
ственного университета
alexandrsvetl@rambler.ru

Svetlichny Alexander Alekseevich
PhD in Law, Associate Professor
Associate Professor, Department of Foren-
sic Expertise and Customs, Tula State
University
alexandrsvetl@rambler.ru

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ ТЕРМИНОВ КРИМИНАЛИСТИКИ И ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ ДАННЫХ НАУК

Введение: статья посвящена современным проблемам формирования и развития терминологического аппарата криминалистики и общей теории судебной экспертизы, в частности исследуются вопросы инвентаризации и унификации научных терминов.

В настоящее время термины справедливо рассматриваются в качестве инструмента для приобретения, хранения, репродукции, передачи особой информации, создающей систему языкового выражения специальных понятий (терминологию), необходимую для развития познавательной и преобразующей деятельности человека. Следовательно, термин выступает средством передачи или обмена информацией не только в пространстве, но и во времени.

В последние годы бурное развитие науки и техники, открытие новых знаний, разработка и внедрение разнообразных технологий создают такую ситуацию, когда появление новых терминов неизбежно. Вместе с тем формирование и пополнение терминологического аппарата любой науки, для гармоничного их включения и полноценного использования не только в теории, но и на практике, должно проходить в соответствии с разработанными нормами и правилами терминоведения как самостоятельной отрасли знания. Однако происходит это не всегда так, что и подчеркивает важность и необходимость осуществления научных исследований в данном направлении и выработки соответствующих рекомендаций по устранению имеющихся неточностей и недостатков различных терминосистем.

Указанная проблема возникновения и включения новых терминов в теорию и практику присуща и таким наукам, как криминалистика и общая теория судебной экспертизы, терминологический аппарат которых, развиваясь на едином терминологическом поле раскрытия и расследования преступлений, существенно пополнился за последние годы. При этом пополнение произошло не только за счет появления новых открытий и достижений в смежных с ними науках, перешедших на вооружение, например, субъектам следственной и судебно-экспертной деятельности, но и появлением собственных терминов, возникших как результат обогащения собственных научных знаний.

Однако, как показывает практика, терминологических неточностей и противоречий достаточно много, что существенно затрудняет не только развитие теоретических концепций

в указанных направлениях, но и приводит ко многим проблемам в сфере правоприменительной деятельности.

Материалы и методы: нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, нормативно-правовые акты, регламентирующие судебно-экспертную деятельность, а также труды отечественных и зарубежных исследователей по вопросам изучаемой проблематики. При написании статьи использовались фундаментальные положения материалистической диалектики, а также общие и частные методы научного познания: логико-философский, исторический, обобщения, аналогии, абстрагирования, описания, социологический, сравнительно-правовой и др.

Результаты исследования: проанализированы особенности инвентаризации и унификации терминов как некоторые из основных направлений развития терминологии криминалистики и общей теории судебной экспертизы. Выявлены особенности образования и даны рекомендации по специфике формирования терминологического аппарата данных наук с учетом разработанных в терминоведении нормативных требований к упорядочению терминов (однозначность, правильность, точность, системность, способность к деривации и др.).

Выводы и заключения: сделан вывод о том, что современный терминологический аппарат криминалистики и общей теории судебной экспертизы формируется в соответствии с общими принципами терминоведения, образуя свою специальную терминосистему. Вместе с тем имеющиеся особенности языка обозначенных дисциплин должны учитываться для его органичной интеграции в общую терминологическую систему юридических и прикладных наук.

Ключевые слова: терминология, инвентаризация терминов, унификация терминов, терминологический аппарат, язык криминалистики, терминоведение.

INVENTORY AND UNIFICATION OF THE TERMS OF CRIMINALISM AND THE GENERAL THEORY OF FORENSIC EXPERTISE AS THE BASIC MODERN SCIENTIFIC DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF DATA TERMINOLOGY

Introduction: the article is devoted to modern problems of the formation and development of the terminological apparatus of forensic science and the general theory of forensic examination. In particular, the issues of inventory and unification of scientific terms are being investigated.

Currently, the terms are rightly considered as a tool for the acquisition, storage, reproduction, transmission of special information, creating a system of linguistic expression of special concepts (terminology) necessary for the development of cognitive and transformative human activities. Consequently, the term acts as a means of transmission or exchange of information not only in space, but also in time.

In recent years, the rapid development of science and technology, the discovery of new knowledge, the development and implementation of various technologies creates a situation where the emergence of new terms is inevitable. At the same time, the formation and replenishment of the terminological apparatus of any science, for their harmonious inclusion and full use not only in theory, but also in practice, should take place in accordance with the developed norms and rules of terminology, as an independent branch of knowledge. However, this does not always happen, which emphasizes the importance and necessity of scientific research in this direction and the development of appropriate rec-

ommendations to eliminate the existing inaccuracies and shortcomings of various terminological systems.

The specified problem of the emergence and inclusion of new terms in theory and practice is also inherent in such sciences as forensic science and the general theory of forensic examination, the terminological apparatus of which, developing on a single terminological field of disclosing and investigating crimes, has significantly replenished in recent years. At the same time, the replenishment took place not only due to the emergence of new discoveries and achievements in related sciences, which were adopted, for example, by the subjects of investigative and forensic activities, but also due to the emergence of their own terms, which arose as a result of the enrichment of their own scientific knowledge.

However, as practice shows, there are a lot of terminological inaccuracies and contradictions, which significantly complicates not only the development of theoretical concepts in these areas, but also leads to many problems in the field of law enforcement.

Materials and methods: the regulatory framework of the study was made up of the Constitution of the Russian Federation, the criminal procedure legislation of the Russian Federation, regulatory legal acts regulating forensic activity, as well as the works of domestic and foreign researchers on the issues under study. When writing the article, the fundamental provisions of materialistic dialectics were used, as well as general and particular methods of scientific knowledge: logical-philosophical, historical, generalization, analogy, abstraction, description, sociological, comparative-legal and others.

Results of the study: the features of inventory and unification of terms are analyzed as some of the main directions of development of the terminology of forensic science and the general theory of forensic examination. The features of education are revealed and recommendations are given on the specifics of the formation of the terminological apparatus of these sciences, taking into account the regulatory requirements for the ordering of terms developed in terminology (unambiguity, correctness, accuracy, consistency, ability to derivation, etc.).

Finding and conclusions: it is concluded that the modern terminological apparatus of forensic science and the general theory of forensic examination is formed in accordance with the general principles of terminology, forming its own special terminological system. At the same time, the existing features of the language of the designated disciplines should be taken into account for its organic integration into the general terminological system of legal and applied sciences.

Keywords: terminology, inventory of terms, unification of terms, terminological apparatus, language of forensic science, terminology.

Вопросы значения термина имеют давнюю историю, т. к. язык, выступая особой формой отражения бытия и сознания, прошел все этапы развития человека и общества, в котором он проживал. На протяжении всего этого времени правоотношения, как правило, фиксировались всего лишь двумя способами, а именно, — в словесной форме с помощью устных или письменных знаков, а также посредством неязыковой символики. В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что процесс обмена информацией без участия языка практически не представляется возможным. Посредством закрепленной в языке информации мы получаем знание о накопленном коллективном опыте, что, несомненно, способствует дальнейшему развитию творческой мысли. Именно через язык «информационная картина мира получает возможность социального репродукции, связанного не с простым копированием, а с активным, целенаправленным отношением к прошлому опыту» [1, с. 288].

Как следует из анализа научной литературы, большинство современных ученых рассматривают термины в качестве инструмента для приобретения, хранения, репродукции, передачи особой информации, создающей систему языкового выражения специальных понятий (терминологию), необходимую для развития познавательной и преобразующей деятельности человека. Следовательно, термин выступает средством передачи или обмена информацией не только в пространстве, но и во времени.

Тем не менее, как показывает практика, в различных областях научной деятельности в наше время возникают определенные терминологические проблемы. Одной из причин возникшей ситуации является произошедший в начале XX века «терминологический взрыв», который вследствие резкого информационного ускорения привел к увеличению существующих терминов. Так, например, Ю. Н. Марчук отмечает, что «в начале XX века вся немецкая научно-техническая терминология насчитывала около 1 млн слов, а в середине века только терминология одной электротехники составляла уже свыше 4 млн терминов» [2, с. 135].

Указанные процессы обусловили появление новой науки — терминоведения, что подтверждает значительную роль терминологии в научном знании и профессиональной коммуникации. Изучение вопросов терминологии началось в 30-е годы XX века. Данными научными проблемами занимались не только европейские ученые, например, австриец Э. Вюстер, немец Л. Ольшки, но и отечественные исследователи (Г. О. Винокур, Э. К. Дрезен, Д. С. Лотте, А. А. Реформатский, М. В. Сергиевский, П. А. Флоренский, С. А. Чаплыгин и др.). В результате трудов указанных и многих других ученых формирование методологической базы и теоретических основ терминоведения завершилось уже в 70-е годы прошлого века, а уже спустя всего 20 лет были четко обозначены новые подходы и методы терминологических исследований, что способствовало формированию терминоведения уже как интегративной науки, направленной на изучение специальной лексики со стороны её типологии, происхождения, формы, содержания, упорядочения и использования. Сформировавшаяся таким образом наука оказала значительное влияние на зарождение, формирование и становление многих научных терминоведческих систем во многих самостоятельных сферах знаний.

Отметим, что в настоящее время на страницах учебной литературы одновременно с термином «терминоведение» используется термин «терминология», который обозначает особый сектор лексики, рассматривающий систему терминов — слов научного языка.

Целенаправленный отбор и организация терминоведческих средств, специфичность их употребления обусловлены развитием науки как общественного явления, что привело к разработке научного функционального стиля. В дальнейшем этот стиль определился как особая функционально-речевая разновидность, обладающая совокупностью наиболее устойчивых и существенных признаков.

Возникновение новых терминов незамедлительно сказывается на специальной лексике русского языка. Отчасти это объяснимо, поскольку с появлением новых мыслительных категорий и их объективизацией трансформируются и модифицируются языковые средства и методы анализа. Современный этап научно-технического развития общественных отношений потребовал выработки иного состава языковых категорий, отличающихся как качественно, так и количественно.

Указанная проблема возникновения и включения новых терминов в теорию и практику присуща и таким наукам, как криминалистика и общая теория судебной экс-

пертизы, терминологический аппарат которых, развиваясь на едином терминологическом поле раскрытия и расследования преступлений, существенно пополнился за последние годы. При этом отметим, что пополнение произошло не только за счет появления новых открытий и достижений в смежных с ними науках, перешедших на вооружение, например, субъектам следственной и судебно-экспертной деятельности, но и разработки собственных терминов, возникших как результат обогащения собственных научных знаний. Вместе с тем на сегодняшний день на монографическом уровне научные исследования в области системы языка криминалистики, общей теории судебной экспертизы, а также процессуальной сферы в целом практически отсутствуют [3].

Однако, как показывает законодательная и правоприменительная практика, терминологических неточностей и противоречий достаточно много, например, во многих институтах процессуального права, в сфере раскрытия и расследования преступлений, в области использования специальных знаний, что существенно затрудняет не только развитие теоретических концепций в указанных направлениях, но и приводит ко многим проблемам в сфере правоприменительной деятельности.

Проведенный нами анализ современной терминологии криминалистики и общей теории судебной экспертизы позволяет выделить следующие основные научные направления протекающей в данных науках терминологической деятельности: *инвентаризация терминов*, *унификация терминосистем и терминов*, а также *терминография*. Также активно в настоящее время проводится перевод терминов и определений, создаются различные банки данных, осуществляется организационно-методическая деятельность на разных уровнях. Выделенные нами направления, безусловно, взаимосвязаны и взаимозависимы и могут быть схематично изображены следующим образом.

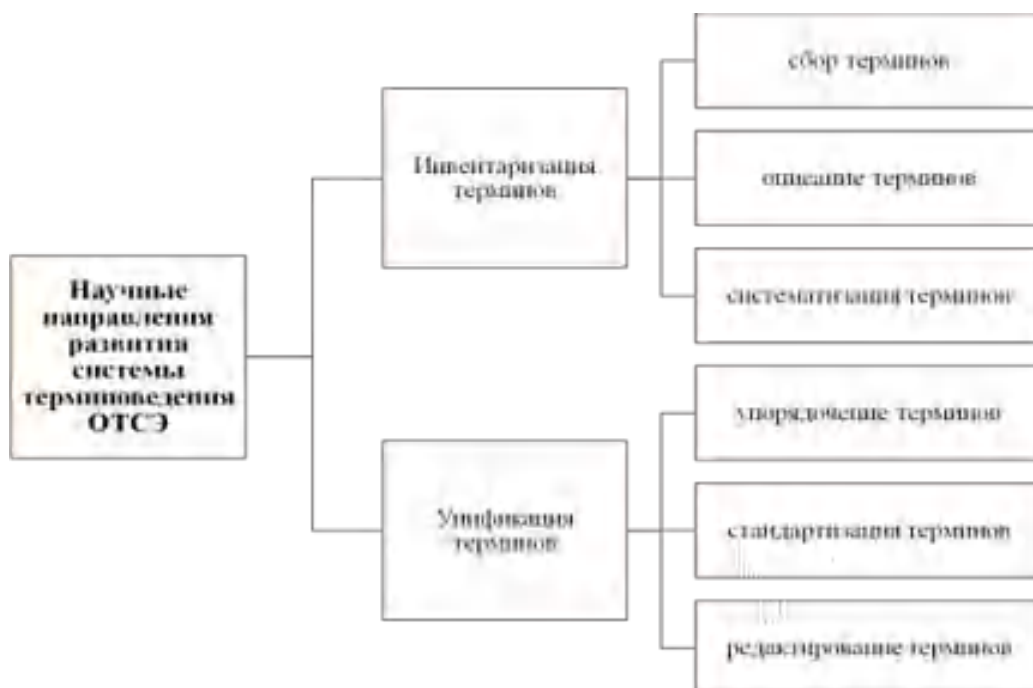

Схема 1. Современные направления развития системы терминологии криминалистики и общей теории судебной экспертизы

Рассмотрим указанные научные направления более детально.

Инвентаризация терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы представляет собой самостоятельное направление терминологической деятельности и заключается в осуществлении *сбора, описания и систематизации* всех терминов, образующих определенную предметную область. При проведении изучения вновь образующихся терминосистем, например, в общей теории судебной экспертизы, инвентаризация представляет особую значимость, т. к. она отражает исследовательский характер терминоведения.

По итогам проведения инвентаризации возможно формирование каких-либо баз данных или терминологических описательных словарей. Вместе с тем определяющее методологическое значение для терминологической системы как криминалистики, так и общей теории судебной экспертизы имеет обоснование принципов и критериев инвентаризации терминов.

Так, например, существовавший ранее термин «следственная тактика» был исключен из лексикона и заменен на новый термин «криминалистическая тактика». Вместе с тем в настоящее время на страницах научной и учебной литературы по-прежнему наряду с термином «одорологическая экспертиза» встречаются и такие термины, как «одорографическая экспертиза» и «ольфакторная экспертиза» [4; 5; 6; 7; 8; 9].

В каждой самостоятельно существующей терминосистеме должна проводиться *систематизация* инвентаризованных терминов. Она способствует распределению терминов определенной области знания по отдельным категориям, а также выступает инструментом образования классификаций понятий и определений. В итоге образуется системно-структурная иерархия понятий, терминов и определений. Так, например, Д. С. Лотте выделил четыре класса наименований для технической терминологии: «процессы, свойства, предметы, величины» [10, с. 79]. Спустя некоторое время Т. Л. Канделаки существенно расширила значения терминов: «предметы, свойства, процессы, величины, единицы измерения, режимы, науки и отрасли, профессии и занятия» [11, с. 81]. Однако хотелось бы особо отметить, что существующая общенаучная классификация определений и понятий терминосистемы применительно к общей теории судебной экспертизы, как самостоятельной области знаний, в полной мере не подходит, поскольку не может отразить специфику её интеграционного характера. В этой связи весьма актуальным становится вопрос о необходимости разработки и создания собственной классификации, которая смогла бы учесть, с одной стороны, все особенности *обозначенной* науки и специфику характера судебно-экспертной деятельности, с другой.

Следующим направлением в области терминоведения криминалистики и общей теории судебной экспертизы является унификация терминов, которая состоит, в свою очередь, из трех самостоятельных видов — *упорядочение, стандартизация терминов и терминологическое редактирование*.

Требования к упорядочению терминов можно представить на схеме следующим образом.

Схема 2. Нормативные требования к упорядочению терминов

В целях правильного отражения понятий, объектов, процессов и признаков, адекватного выбора каких-либо терминов или определений, в криминалистике и общей теории судебной экспертизы в настоящее время довольно активно осуществляется *упорядочение* их терминологических систем.

Отметим, что в научной среде относительно подхода к упорядочению терминологии существуют два самостоятельных направления. Как полагают В. С. Звягинцев и Ю. В. Сложеникина, различия между ними связаны с неодинаковым пониманием сущности термина как языкового знака [12, с. 23]. В рамках первого направления (Д. С. Лотте, С. И. Коршунов, Г. Г. Самбунова [13]) на основе общелингвистических и специальных подходов к упорядочению терминологии были разработаны такие критерии, как краткость, точность, однозначность, простота и понятность. При этом особое внимание обращалось на систематичность терминологии и независимость термина от контекста [14, 15].

В начале 80-х годов прошлого столетия В. П. Даниленко и Л. И. Скворцов разработали свой подход к упорядочиванию терминологии. Указанные авторы полагали, что нормативные рекомендации должны предъявляться в рамках основной сферы использования терминов — «в языке науки, реализующемся в специальной литературе и в устном профессиональном общении специалистов той или иной области знания» [16, с. 11]. При этом они особо подчеркивали, что «при унификации терминов требование однозначности соотношения понятия и термина должно быть твердым. Однако существующие дублиеты и варианты терминов нельзя игнорировать как справочный аппарат для стандартизации терминологии» [16, с. 11].

Что касается криминалистики и общей теории судебной экспертизы, то, на наш взгляд, обоснование выбора конкретных терминов, безусловно, требует соответствия терминологичности и нормативности того или иного термина. При этом нормативные требования должны отражать не только содержательную сторону термина (его соотношение как знака с понятием), но и логическую (правильное отражение системы понятий в терминах) и лингвистическую (языковая структура термина) его составляющие. С этой точки зрения нормативность будет отражать требования к содержанию термина (а именно его систематичность, однозначность, дефинитивность); к форме термина (прежде всего, деривативность, краткость, правильность, нейтральность), а также способность термина к переводу, гармонизации и широкому внедрению как в теоретические, так и практические сферы.

Одним из главных требований нормативности терминологии является его *однозначность*. Вместе с тем, как показывает анализ научной и учебной литературы, понятие это трактуется весьма широко и разнообразно. Так, например, Л. Л. Кутина называет однозначность неотъемлемым терминологическим свойством [17, с. 82], в то время как С. В. Гринев и Д. С. Лотте в рамках отраслевой терминологии говорят об «относительной однозначности» термина [18, с. 35; 10, с. 16]. А В. П. Даниленко пишет о том, что однозначность термина представляет собой лишь желаемое, но в существующих терминосистемах все же редко реализуемое требование нормативности [19, с. 18]. Автор, в свою очередь, считает, что появление и дальнейшее использование новых терминов в криминалистике и общей теории судебной экспертизы должно обязательно отменять использование ранее существовавших, в ином случае полисемия (от греч. *πολυσημεία* — «многозначность») языка науки не позволит его адекватно воспринимать и передавать необходимую информацию как в теории, так и в практической сфере деятельности.

Так, например, в настоящее время на страницах научной и учебной литературы, в процессуальных документах одновременно продолжают употребляться такие термины, как «почерковедение» и «графология», «фоноскопическая экспертиза» и «фонографическая экспертиза», «одорологическая экспертиза» и «ольфакторная экспертиза», «общая теория судебной экспертизы» и «экспертология» и др. В 80-х годах в рамках трасологической экспертизы был сформирован новый раздел — «микротрасология», определены его предмет, объекты, сформулированы понятия, решаемые задачи при исследовании микрообъектов. Иногда новое весьма успешно объясняется через старое, уже знакомое и научно-определенное, так, например, введено понятие «оружиеведение».

При этом особо подчеркнем, что иногда отсутствие терминологической и понятийной однозначности коренным образом может оказывать влияние на формирование концептуальных теоретических положений (например, на построение классификационных систем, на разработку методик исследования), а также на разработку практических рекомендаций, что отчетливо прослеживается в рекомендациях для экспертов в СЭУ различных ведомств.

Следующим, не менее важным требованием к упорядочению терминов, является его *системность* (*систематичность*). Системность терминов проявляется, прежде всего, в том, что все термины определенного языка и тем более самостоятельной области знания так или иначе взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг с другом. По мнению Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобринина, термины как элементы терминологической системы «связаны друг с другом на понятийном, лексико-семантическом, словообразовательном (дериватологическом) и грамматическом „уровнях“» [20, с. 31]. Иными словами, термин указывает на связь между понятиями и определяет место выражаемого термином понятия среди других понятий. В этой связи термин способствует установлению иерархичности понятий и родо-видовых отношений в терминологии. О важности и необходимости соблюдения требования системности часто упоминается и на страницах научной литературы, посвященной актуальным проблемам криминалистики и общей теории судебной экспертизы [21, с. 35; 22, с. 31].

Отметим, что нормативное требование системности в отношении терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы обладает определенной спецификой, заключающейся в том, что, помимо упорядочения в общей системе указанных наук, термины должны также логически вписываться в систему базовых и смежных наук уголовно-правового цикла (прежде всего, уголовный процесс, уголовное право, криминология и др.) а также отражать отношение, в случае необходимости, к техническим, экономическим, научно-естественным и другим наукам (при появлении новых терминов, обусловленных возникновением новых знаний либо технологий, заимствование которых применяется при раскрытии и расследовании преступлений).

Правильность термина как нормативное требование, подразумевает соответствие его требованию языковым правилам построения и употребления [23, с. 125].

Еще одним нормативным требованием является *нейтральность* термина. Суть указанного требования заключается в том, что форма выражения термина не должна содержать какой-либо экспрессивной или стилистической направленности, нести в себе отрицательное или положительное сопутствующее значение. Как справедливо в этой связи отметил А. А. Реформатский, термин принципиально находится вне экспрессии, т. к. экспрессия предполагает выбор между «хорошо — плохо», «грустно — весело», «серьезно — шутливо» и т. п. Для термина выбора в этом смысле быть не должно [24, с. 53].

Следующим основным нормативным требованием для терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы выступает *краткость*. Термин должен обладать таковым признаком хотя бы по той причине, что он легко запоминается, к тому же краткость способствует его более широкому как теоретическому, так и практическому при-

менению. Логически можно предположить, что требование краткости может противоречить другому требованию «точность», однако на практике это не всегда так.

Анализируя требования краткости применительно к терминологическому аппарату криминалистики и общей теории судебной экспертизы, отметим, что современная терминология указанных наук обладает весьма широким набором терминов-словосочетаний как простой, так и сложной структур. В то же время усложненная терминология применяется, прежде всего, с целью уточнения понятия, для чего иногда в одном термине происходит отражение сразу нескольких признаков того или иного понятия, в результате чего и возникают сложные, многоструктурные комбинации. Полагаем, что для терминов криминалистики и общей теории судебной экспертизы требование краткости должно применяться, но не во всех случаях, а только в тех ситуациях, когда это негативно не отразится на его точности.

В качестве нормативного требования выделяют также *способность термина к деривации* (от латинского слова *derivatio* — отведение, отклонение). Данное требование особо важно для научной речи, так как деривативность (словообразовательная возможность)¹ термина обеспечивает основу лексической системности терминосистемы.

В рамках терминосистемы криминалистики и общей теории судебной экспертизы, как областей знания, использующих термины других наук уголовно-правового цикла, а также ряда естественных и технических, указанное требование необходимо для отражения в терминах явления одного порядка. Так, например, деривативность будет иметь определяющее значение при выборе терминов-синонимов в терминологическом ряду.

Таким образом, проанализированные нами основные научные направления развития системы терминологии криминалистики и общей теории судебной экспертизы позволяют сделать вывод о том, что современный терминологический аппарат указанных наук формируется в соответствии с общими принципами терминоведения, образуя свою специальную терминосистему. Вместе с тем обозначенная нами специфика языка криминалистики и общей теории судебной экспертизы должна учитываться для его органичной интеграции в общую терминологическую систему юридических наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Казарина С. Г. Типологические характеристики отраслевой терминологии: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1999. — 385 с.
2. Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика: учеб. пособ. — М., 2007. — 317 с.
3. Панарина Д. В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: дис. ...канд. юрид. наук. — Тула, 2018. — 239 с.
4. Старовойтов В. И. Судебная ольфакторная экспертиза следов пахнущих веществ из крови и пота человека // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2011. — № 12. — С. 70—79.
5. Собко Г. М. Вероятностно-статистическое обоснование достоверности одорологической идентификации // Вопросы теории судебной экспертизы: сб. науч. тр. — М.: ВНИИСЭ, 1977. — № 31. — С. 142—177.

¹ Под деривативностью понимают словообразовательную возможность.

6. Панфилов П. Б. Вероятностно-статистическое обоснование достоверности ольфакторных исследований запаховых следов человека в судебной экспертизе // Юридические науки. — 2006. — № 1 (17). — С. 172—186.
7. Панфилов П. Б. Биодетекция и интерпретация поведения собак-детекторов в идентификационном ольфакторном исследовании // Судебная экспертиза. — 2008. — № 3. — С. 104—112.
8. Архипова А. Н. Роль одорологической экспертизы при расследовании убийства «без трупа» / А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев // Вестник Академии адвокатуры Украины. — 2008. — Вып. 13. — С. 108—111.
9. Койсин А. А. Современные методы исследования запаховых следов (образований) // Эксперт-криминалист. — 2008. — № 2. — С. 37—39.
10. Лоте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 160 с.
11. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. — М.: Наука, 1977. — 167 с.
12. Звягинцев В. С. Общеметодологические вопросы упорядочения терминологии / В. С. Звягинцев, Ю. В. Сложеникина // Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — № 4. — Омск, 2017. — С. 23—27.
13. Как работать над терминологией: основы и методы: пособ. / сост. по трудам Д. С. Лотте. — М.: Наука, 1968. — 76 с.
14. Лотте Д. С. Очередные задачи научно-технической терминологии // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия. — 1931. — № 4. — С. 883—591.
15. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / АН СССР, Ком. науч.-техн. терминологии; [Сост. С. И. Коршунов, Г. Г. Самбурова]. — М.: Наука, 1979. — 76 с.
16. Даниленко В. П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов // Вопросы языкознания. — М., 1981. — № 1. — С. 7—16.
17. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологий // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970. — 147 с.
18. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Московский лицей, 1993. — 309 с.
19. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, 1977. — 243 с.
20. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М.: Высшая школа, 1987. — 105 с.
21. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. — М.: Изд-во «ЛексЭст», 2002. — 306 с.
22. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособ. для вузов в 3-х томах. — 3-е изд., доп. — М., 2001. — Т. 1. — 323 с.
23. Кичева И. В. Формирование понятийно-терминологической системы педагогики в 90-е годы XX века: дис. ... д-ра юрид. наук. — Пятигорск, 2004. — 507 с.
24. Реформатский А. А. Введение в языкознание. — М.: Аспект Пресс., 1996. — 536 с.

REFERENCES

1. Kazarina S. G. *Tipologicheskie harakteristiki otraslevoj terminologii. Diss. ... dokt. filologicheskikh nauk.* [Typological characteristics of industry terminology. Diss. ... doct. philological sciences]. Moscow, 1999, 385 p. (in Russian).
2. Marchuk Yu. N. *Komp'yuternaja lingvistika: uchebnoe posobie* [Computational linguistics: textbook]. Moscow, 2007, 317 p. (in Russian).
3. Panarina D. V. *Sovremennye problemy i tendencii razvitiya jazyka obshhej teorii sudebnoj jekspertizy: Dis. ...kand. jurid. nauk.* [Modern problems and trends in the development of the language of the general theory of forensic examination: Dis. ... Cand. jurid. Sciences]. Tula, 2018, 239 p. (in Russian).
4. Starovoitov V. I. *Sudebnaja ol'faktornaja jekspertiza sledov pahnushhih veshhestv iz krovi i pota cheloveka* [Forensic olfactory examination of traces of odorous substances from human blood and sweat]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika — Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2011, no. 12, pp. 70—79 (in Russian).
5. Sobko G. M. [Probabilistic and statistical substantiation of the reliability of odorological identification]. *Voprosy teorii sudebnoj jekspertizy: Sbornik nauch. trudov* [Questions of the theory of forensic examination: Collection of scientific. works]. Moscow, VNIISE, 1977, no. 31, pp. 142—177 (in Russian).
6. Panfilov P. B. *Verojatnostno-statisticheskoe obosnovanie dostovernosti ol'faktornyh issledovaniy zapahovyh sledov cheloveka v sudebnoj jekspertize* [Probabilistic and statistical substantiation of the reliability of olfactory studies of human odor traces in forensic examination]. *Juridicheskie nauki — Legal sciences*, 2006, no. 1 (17), pp. 172—186 (in Russian).
7. Panfilov P. B. *Biodetekcija i interpretacija povedenija sobak-detektorov v identifikacionnom ol'faktornom issledovanii* [Biodetection and interpretation of the behavior of detector dogs in identification olfactory research]. *Sudebnaja jekspertiza — Forensic examination*, 2008, no. 3, pp. 104—112 (in Russian).
8. Arkhipova A. N., Kitaev N. N. *Rol' odorologicheskoi jekspertizy pri rassledovanii ubijstva "bez trupa"* [The role of odorological examination in the investigation of murder "without a corpse"]. *Vestnik Akademii advokatury Ukrainy. — Vestnik of the Academy of Advocacy of Ukraine*, 2008, no. 13, pp. 108—111 (in Russian).
9. Koisin A. A. *Sovremennye metody issledovaniya zapahovyh sledov (obrazovaniy)* [Modern methods of research of odor traces (formations)]. *"Jekspert-kriminalist" — "Expert-criminalist"*, 2008, no. 2, pp. 37—39 (in Russian).
10. Lote D. S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoi terminologii: Voprosy teorii* [Fundamentals of building scientific and technical terminology: Theoretical issues]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961, 160 p. (in Russian).
11. Kandelaki T. L. *Semantika i motivirovannost' terminov* [Semantics and motivation of terms]. Moscow, Nauka, 1977, 167 p. (in Russian).
12. Zvyagintsev V. S., Slozhenikina Yu. V. [General methodological issues of terminology streamlining] *Aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya gumanitarnykh nauk / Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Actual issues and prospects for the development of the humanities. Collection of scientific papers on the basis of the international scientific and practical conference]. Omsk, 2017, no. 4, pp. 23—27 (in Russian).
13. Lotte D. S. *Kak rabotat' nad terminologiej: Osnovy i metody* [How to work on terminology: Fundamentals and methods]. Moscow, Nauka, 1968, 76 p. (in Russian).
14. Lotte D. S. *Ocherednye zadachi nauchno-tehnicheskoi terminologii* [The next tasks of scientific and technical terminology]. *Izvestija Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshhestvennykh nauk.*

VII serija. — Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences. VII series, 1931, no. 4, pp. 883—591 (in Russian).

15. Korshunov S. I., Samburova G. G. *Kratkoe metodicheskoe posobie po razrabotke i uporjadocheniju nauchno-tehnicheskoy terminologii* [A short methodological guide for the development and streamlining of scientific and technical terminology]. *AN SSSR, Kom. nauch.-tehn. terminologii — Academy of Sciences of the USSR, Kom. scientific and technical terminology*. Moscow, Nauka, 1979, 76 p. (in Russian).

16. Danilenko V. P., Skvortsov L. I. *Lingvisticheskie problemy uporjadochenija nauchno-tehnicheskoy terminologii* [Linguistic problems of ordering scientific and technical terminology]. *Voprosy jazykoznanija — Questions of linguistics*, Moscow, 1981, no. 1, pp. 7—16 (in Russian).

17. Kutina L. L. *Jazykovye processy, vznikajushhie pri stanovlenii nauchnyh terminologij* [Linguistic Processes Arising in the Formation of Scientific Terminologies]. *Linguistic Problems of Scientific and Technical Terminology*. Moscow, Nauka, 1970, 147 p. (in Russian).

18. Grinev S. V. *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology]. Moscow, Moscow Lyceum, 1993, 309 p. (in Russian).

19. Danilenko V. P. *Russkaja terminologija: Opyt lingvisticheskogo opisanija* [Russian Terminology: An Experience of Linguistic Description]. Moscow: Nauka, 1977, 243 p. (in Russian).

20. Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah* [Linguistic foundations of the doctrine of terms]. Moscow, Higher school, 1987, 105 p. (in Russian).

21. Golovin A. Yu. *Kriminalisticheskaja sistematika* [Forensic taxonomy]. Moscow, “LexEst” Publishing house, 2002, 306 p. (in Russian).

22. Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki. Uchebnoe posobie dlja vuzov v 3-h tomah* [Forensics course. Textbook for universities in 3 volumes]. 3rd ed., Supplemented, Moscow, 2001, part 1, 323 p. (in Russian).

23. Kicheva I. V. *Formirovanie ponjatijno-terminologicheskoy sistemy pedagogiki v 90-e gody XX veka. Dis. ... dokt. jurid. nauk*. [Formation of the conceptual and terminological system of pedagogy in the 90s of the XX century. Dis. ... doct. jurid. Sciences]. Pyatigorsk, 2004, 507 p. (in Russian).

24. Reformed A. A. *Vvedenie v jazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow, Aspect Press, 1996. 536 p. (in Russian).

УДК 343.98

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-236-245

Янин Сергей Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
начальник учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской
академии МВД России
s.yanin1@yandex.ru

Yanin Sergey Alexandrovich

Candidate of law, associate Professor
head of the educational and scientific
complex for preliminary investigation
in the internal Affairs bodies of the
Volograd Academy of the Ministry
of internal Affairs of the Russian Federation
s.yanin1@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ МЕХАНИЗМА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 243²
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Введение: статья посвящена рассмотрению механизма незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания. Представлено понятие и элементы механизма преступления, раскрыто содержание ряда его элементов применительно к совершению преступления, предусмотренного ст. 243² Уголовного кодекса Российской Федерации: типичные предметы преступного посягательства, характеристика личности преступника, способы совершения рассматриваемого преступления, типичные следы, характерные для совершения преступлений указанной категории.

Материалы и методы: нормативно-правовую базу настоящего исследования составили уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, материалы изучения судебно-следственной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 243² Уголовного кодекса Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составляет общий диалектический метод познания. Кроме того, использованы методы анализа, описания, обобщения.

Результаты исследования: на основе анализа материалов судебно-следственной практики по преступлениям, предусмотренным ст. 243² Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотрено содержание ряда элементов механизма совершения рассматриваемого преступления, отмечены закономерности возникновения типичных следов.

Выводы и заключения: делается вывод о том, что владение информацией о закономерностях механизма анализируемых преступлений будет способствовать эффективной деятельности правоохранительных органов по борьбе с ними и сохранению отечественной культуры для будущих поколений россиян.

Ключевые слова: незаконный поиск и изъятие, археологические предметы, культурный слой, расследование, личность преступника, следы преступления.

TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF SOME ELEMENTS OF THE CRIMINAL MECHANISM PROVIDED BY ARTICLE 243² OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Introduction: the article is devoted to the mechanism of illegal search and (or) removal of archaeological objects from their places of occurrence. Presents the concept and elements of mechanism of a crime, disclosed the contents of several elements relating to the Commission of a crime under article of the criminal code 243²: typical subjects of criminal assault, characteristics of offender, the modus operandi of the crime, the typical traces that are typical for the Commission of such offences.

Materials and methods: the legal framework of this study consists of the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation, materials of the study of judicial and investigative practice in criminal cases of crimes under article 243² of the criminal code of the Russian Federation.

The methodological basis of the research is the General dialectical method of cognition. In addition, methods of analysis, description, and generalization were used.

Results of the study based on the analysis of materials of forensic investigative practices for crimes envisaged in article 243² of the criminal code, considered a number of the elements of the mechanism of Commission of the crime, noted the regularities of typical traces.

Finding and conclusions: it is concluded that the possession of information about the regularities of the mechanism of the analyzed crimes will contribute to the effective work of law enforcement agencies to combat them and preserve the national culture for future generations of Russians.

Keywords: illegal search and seizure, archaeological objects, cultural layer, investigation, identity of the criminal, traces of the crime.

В 2013 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 245¹, которым был внесен ряд изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии. В числе таких изменений в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) появилась статья 243², наказывающая за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания. Таким образом, государство предприняло меры к сохранению для будущих поколений россиян истории страны, наиболее достоверными источниками которой выступают, наравне с летописями и архивными документами, археологические предметы. Последние определены в Федеральном законе № 73 (далее — ФЗ № 73) как «движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых, независимо от обстоятельств их обнаружения, являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок»².

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии [Электронный ресурс]: федер. закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс».

² Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. — Доступ из справ-правовой системы «Консультант Плюс».

Очевидно, что археологические предметы концентрируются под землей в тех местах, которые являлись населенными пунктами, стоянками и т. п. В таких местах в процессе жизнедеятельности людьми выбрасывались, терялись, прятались различные предметы, строительный и иной мусор, различные остатки, отходы. При этом постепенно уровень поверхности поднимался за счет напластований грунта, «консервируя» такие предметы, сохраняя их. Археологи и историки, обнаружив эти предметы, могут фактологически обоснованно сделать выводы об образе жизни наших предков, их хозяйствовании, верованиях и тому подобных вещах, подробнее узнать историю своей страны.

Слой, в котором находятся следы жизнедеятельности предыдущих поколений, принято называть культурным. Согласно положениям УК РФ, таковым является «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает сто лет, включающий археологические предметы».

Д. А. Авдусин дает несколько иное, больше «техническое», определение культурного слоя, по которым понимает «исторически сложившуюся систему напластований, состоящую, в основном, из органических и строительных остатков, образовавшихся в результате деятельности человека» [1, с. 25].

С учетом того, что в культурном слое обнаруживаются археологические предметы, обладающие, кроме культурной, зачастую и немалой материальной ценностью, в жизни общества появилось такое негативное явление, как «черная» археология. Оно зародилось не сегодня и не вчера, еще пирамиды древнеегипетских фараонов спустя довольно непродолжительное (по историческим меркам) время после их погребения были разграблены желающими поживиться хранящимися там ценностями. О том, что при этом наносится колоссальный ущерб национальной культуре, никто не задумывался, главным было обнаружить и завладеть как можно большим количеством ценностей, не обращая внимания на иные предметы, изготовленные не из драгоценных металлов и камней, уничтожая, повреждая и просто выбрасывая их. К сожалению, подобное имело место тысячелетия назад, но продолжается и доньше. Однако государство все же прилагает усилия для того, чтобы воспрепятствовать уничтожению своего культурного достояния, присваивая особый статус памятникам археологии, принимая специализированное законодательство, запрещающее незаконные раскопки и свободный оборот археологических предметов. Примером тому является и принятие законодателем изменений в действующий российский уголовный закон.

Однако для действенной борьбы с этим явлением недостаточно просто криминализовать его, необходимо также разработать методику его расследования, что является прерогативой криминалистики. При этом деятельность следователя (дознавателя) должна исходить из знаний закономерностей, связывающих воедино детали механизма преступления. Под ним в теории криминалистики принято понимать «сложную — многоэлементную, динамическую систему, включающую: поведение и действия субъектов преступления, потерпевшего и других лиц, оказавшихся участниками преступного события; способ преступления; орудия и средства его совершения и сокрытия; обстановку совершения преступления, а также взаимосвязи и процессы взаимодействия между указанными элементами» [2, с. 26].

«Знание механизма преступления как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обусловивших возникновение материальных и иных носителей информации о самом преступлении и его участниках, — справедливо отмечает А. М. Кустов, — обеспечивает возможность выдвижения общих и частных версий, планирования расследования, а также целенаправленного поиска материальных последствий преступления, установления преступника, потерпевшего, способствует правильной квалификации преступного деяния, исследованию всех обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с требованиями закона» [3, с. 165—166].

По мнению О. С. Кучина, элементами механизма преступления являются следующие:

- 1) участники;
- 2) отношение участников преступления к своим действиям, их последствиям, соучастникам;
- 3) предмет преступного посягательства;
- 4) способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений;
- 5) преступный результат и преступный продукт;
- 6) обстоятельства, способствующие совершению преступлений;
- 7) поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками преступлений [4, с. 137—138].

Стоит отметить, что процессы взаимодействия между перечисленными элементами обуславливают появление специфической следовой картины, характерной для каждого конкретного случая, и вместе с тем типичной для совершения преступлений определенного вида. Анализ такой картины позволяет следователю (дознавателю) при знании соответствующих закономерностей установить и иные элементы механизма преступления.

По мнению автора статьи, наиболее важными из них являются предмет преступного посягательства, способ совершения и сокрытия преступления, личность преступника и следовая картина как результат взаимодействия всей совокупности элементов.

Проанализируем перечисленные элементы механизма преступления применительно к незаконному поиску и (или) изъятию археологических предметов из мест залегания.

Так, предметом преступления являются, как следует из наименования и диспозиции статьи 243² УК РФ, археологические предметы, определение которых представлено выше. Кроме того, для признания деяния преступлением обязательным последствием должно быть уничтожение или повреждение культурного слоя — другого предмета преступного посягательства, специально выделенного и в УК РФ, и в ФЗ № 73 (в противном случае, без повреждения культурного слоя действия нелегальных «археологов» образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения»).

Как следует из положений ФЗ № 73, объекты археологического наследия находятся в государственной собственности и отчуждению не подлежат. Это же правило действует и в отношении археологических предметов, которые также являются государ-

ственной собственностью и при обнаружении должны быть переданы в государственную часть Музейного фонда страны. Работы по их обнаружению — археологические полевые — возможно проводить только на основании разрешения (открытого листа), который выдается Министерством культуры Российской Федерации лицам, имеющим соответствующее образование и подготовку. При этом результаты поисковой деятельности отражаются в научном отчете, который по её окончании сдается в Институт археологии Российской академии наук (далее — РАН).

Подобные ограничения относительно возможности проведения работ по поиску археологических предметов обусловлены тем, что последние могут дать достоверную информацию для историков только в совокупности с культурным слоем, в котором залегают, поэтому археологические полевые работы производятся по утвержденной РАН методике [5; 6]. С учетом того, что культурный слой неповторим, его невозможно восстановить в случае уничтожения или повреждения, работы должны проводиться только квалифицированными специалистами. Поисковики-нелегалы никаких методик, естественно, не соблюдают, обнаруженные ценные археологические предметы присваиваются, не имеющие материальной ценности (с их точки зрения) выбрасываются, культурный слой уничтожается, что впоследствии, даже при изъятии археологических предметов, крайне затруднит либо вообще не позволит провести их грамотную датировку, оценить значение для истории конкретной местности и государства в целом.

Согласно материалам изученной судебно-следственной практики, археологическими предметами преступного посягательства выступали монеты, слитки-гривны, нательные украшения из бронзы, иных материалов, предметы обихода, керамика и др. Однако, с учетом латентности преступлений данного вида, когда далеко не все преступники задерживаются с обнаруженными ими предметами, определить круг последних можно лишь в общих чертах.

Способом совершения анализируемого преступления с позиции уголовного закона являются активные поисковые действия. В большинстве случаев подготовкой к ним служили анализ литературных источников, географических карт с целью определения места наиболее вероятного нахождения археологических предметов, подыскание поисковых средств (металлоискателя), шанцевого инструмента, автотранспорта, соответствующей экипировки (одежда, фонари и т. п.), землеройной техники.

С точки зрения криминалистической науки, указанное преступление совершалось путем незаконных раскопок в границах объекта археологического наследия (т. е. именно там, где обнаружить артефакты наиболее вероятно) как ручным инструментом, так и с использованием использования землеройной техники (трактора).

При этом непосредственно для земляных работ применялись лопаты, ломы, кирки, а для обнаружения мест наиболее вероятного скопления археологических предметов — специальные технические средства поиска (металлоискатели).

Так, например, Василенко В. Н., находясь 12 ноября 2016 года в период времени с 07 часов 40 минут до 10 часов 30 минут на территории Базарно-Карабулакского района Саратовской области в границах выявленного объекта археологического наследия «Обрядовый комплекс Шняево-1», содержащего культурный слой, осознавая отсутствие у него специального разрешения (открытого листа) на проведение археологиче-

ских раскопок, обладая достоверными сведениями о наличии в данной местности мест залегания археологических предметов, с помощью имевшейся у него при себе лопаты и специального технического средства поиска — металлоискателя, умышленно, незаконно, из личной заинтересованности с целью коллекционирования, произвел поиск археологических предметов. Одновременно с этим Василенко В. Н., обнаруживая в результате поиска археологические предметы — 9 медных монет, отчеканенных в XVIII—XIX веках (1 монета — 1739 года чеканки, 1 монета — 1747 года чеканки, 1 монета — 1748 года чеканки, 1 монета — 1754 года чеканки, 1 монета — 1758 года чеканки, 1 монета — 1789 года чеканки, 1 монета — 1812 года чеканки, 1 монета — 1821 года чеканки, 1 монета — 1823 года чеканки), осуществлял их изъятие из мест залегания на поверхности земли и в земле, используя взятую с этой целью лопату и выкапывая их, тем самым повреждая культурный слой вышеуказанного объекта культурного наследия¹.

Переходя от типичного предмета преступного посягательства и способов совершения анализируемых преступлений к совершающим их лицам, можно отметить, что таковых, исходя из изученных материалов судебно-следственной практики, с учетом направленности их, умысла можно условно классифицировать на «корыстных», т. е. целью которых является продажа обнаруженных объектов для получения прибыли, и «коллекционеров», которые занимаются указанной незаконной деятельностью «из любви к искусству», для пополнения своих частных коллекций, обмена с другими коллекционерами.

Проводимые в последние годы исследования следующим образом характеризуют таких лиц:

пол: мужской (97,3 % обвиняемых, подсудимых);
возраст: от 36 лет и выше (45 %), от 25 до 30 лет (39,3 %), от 16 до 19 лет (7,5%);
род занятий: без определенных занятий, работы (37,7 %), занимающиеся предпринимательством (27,7 %); занимающиеся научной или профессиональной деятельностью, связанной с изучением археологических памятников (12,2%);
образование: высшее (41,7 %), неполное среднее (29,5 %);
социальное положение: из обеспеченных семей (81 %);
привлечение к уголовной ответственности: ранее не привлекались 74,5 % фигурантов [7, с. 31].

Как видно из представленной информации, данные преступления совершаются преимущественно ранее не судимыми зрелыми мужчинами с высшим образованием, из обеспеченных семей. Они обладают, как правило, исторической информацией о наиболее вероятных местах нахождения археологических предметов, занимаются коллекционированием либо сбывают обнаруженные предметы, имеют возможность приобрести специальные поисковые средства (металлоискатели), зачастую, довольно высокой стоимости (например, настраиваемые на поиск изделий из различных благородных металлов).

¹ Приговор № 1-1-68/2017 1-68/2017 от 21 июля 2017 г. по делу № 1-1-68/2017. Архив Базарно-Карабулакского районного суда Саратовской области.

Как уже было отмечено выше, в результате взаимодействия элементов механизма преступления формируется определенная следовая картина. Знание закономерностей её образования позволит следователю (дознавателю) полно и в короткие сроки сформировать качественную доказательственную базу по делу, «привязать» фигуранта к факту совершения им преступления вне зависимости от того, сотрудничает ли он с правоохранительными органами либо, пытаясь уйти от ответственности, дает ложные показания либо вообще отказывается от их дачи.

При этом встречающиеся следы традиционно подразделяются следующие разновидности:

- идеальные;
- материальные;
- «виртуальные» [8].

При этом материальные следы имеют физические и пространственные характеристики, поэтому после проведения с ними определенных процессуальных действий признаются вещественными доказательствами по уголовному делу. Вовлечение же в процесс расследования по уголовному делу идеальных и «виртуальных» следов в качестве доказательств предусматривает необходимость их, с позволения сказать, «овеществления», т. е. превращения их в очевидные для непосредственного восприятия участниками расследования и судебного разбирательства, а также для исследования специалистами или экспертами.

Идеальные следы, хранясь в памяти участников события, «предметно» выступают в виде протоколов допросов свидетелей, подозреваемых, обвиняемых, в которых зафиксированы их показания [9].

Вторая группа следов — материальных — уже являясь материальными объектами, отличается разнообразием. Её можно подразделить на следы подготовки, непосредственного совершения и сокрытия преступления, т. к. эти действия и обуславливают возникновение таких следов.

Так, с учетом того, что выбор места незаконных раскопок случайным не бывает, следами подготовки к совершению анализируемого преступления являются, как правило, документы, конкретно указывающие либо характеризующие какой-либо участок местности как возможный источник обнаружения археологических предметов. Последние, как уже было сказано выше, концентрируются на территории объектов археологического наследия, местах различных исторических событий, старинных поселений и т. п. Таким образом, следами в этом случае будут являться топографические карты, в том числе, старинные (их копии); научная и историческая литература с описанием конкретных местностей — объектов археологического наследия; абонементные книжки (читательские билеты, формуляры) библиотек с зафиксированной в них информацией об ознакомлении фигуранта с указанными источниками; аналогичная информация в памяти ЭВМ, в том числе личных ПЭВМ подозреваемого, электронных формулярах библиотек.

Конечно, все перечисленные следы в случае их обнаружения являются косвенными, т. е. напрямую не свидетельствуют о причастности фигуранта к совершению преступления, предусмотренного ст. 243² УК РФ, однако вкупе с другими следами, речь

о которых пойдет ниже, могут значительно усилить доказательственную базу, логически подкрепив выводы следователя.

Непосредственное совершение преступления, т. е. производство поисковых действий на местности, предусматривает обязательное образование следующих следов, традиционных для криминалистической науки: предметов, отображений и наслоений [10].

К следам-предметам относятся лопаты, ломы, кирки, сита для просеивания грунта, средства большой и малой механизации (землеройные машины — тракторы, бульдозеры, различные подъемные механизмы и т. д.), приборы и средства обнаружения и фиксации — металлоискатели, геолокаторы, эхолоты (если речь идет о подводном поиске), документы об их приобретении, специальная и иная одежда, фонари, фрагменты артефактов, не представляющие ценности для преступников, сами обнаруженные археологические предметы, кости, фрагменты глиняной посуды, следы стоянки, лагеря (палатки, место готовки пищи и др.), и т. п.

Следами-отображениями являются следы ног, транспортных средств на грунте, следы рук на инструменте, иных изъятых объектах, транспорте, следы зубов на окурках, микроволокна.

Следами-наслоениями являются следы на одежде и теле подозреваемого, его автотранспорте (следы почвы, частиц растений, запаховые, потожировые следы, волосы, слюна, ГСМ на грунте и т. п.).

Кроме идеальных и материальных следов, развитие технического прогресса, цифровизация современной жизни обуславливают необходимость выделения такой специфической группы следов, как «виртуальные», хранящиеся в памяти различных электронных устройств и ПЭВМ. При этом такие следы могут свидетельствовать:

о подготовке к совершению преступления (посещение специализированных сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее — сеть Интернет), подыскание специальной литературы, карт);

о производстве незаконных поисковых действий (в случае, когда, например, процесс поиска, обнаружения, изъятия археологического предмета, сопутствующих действий фиксируется на смартфон, видеокамеру, видеорегиистратор);

о способах сокрытия преступления.

На последнем необходимо, на наш взгляд, остановиться подробнее. Так, например, сбыт обнаруженных археологических предметов, рассматриваемый как способ сокрытия преступления, закономерно предполагает активное общение подозреваемого на специализированных форумах нелегальных поисковиков в сети Интернет, социальных сетях, подача объявлений о продаже артефактов, обмен текстовой информацией, фотоизображениями обнаруженных предметов, видеозаписями процесса раскопок. Соответственно, источниками такой информации будут память ПЭВМ (планшетных, стационарных компьютеров, ноутбуков, смартфонов). Записи, фотоизображения можно обнаружить в видеокамерах, регистраторах, используемых в качестве видеокамеры, накопителях информации (флэш-картах, внешних жестких дисках).

Указанные следы, своевременно выявленные и зафиксированные на материальных носителях, т. е., как было указано выше, «овеществленные» и исследованные специалистами, будут являться одним из важнейших доказательств виновности фигуранта.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что знание лицом, ведущим расследование по уголовному делу о преступлении, предусмотренном ст. 243² УК РФ, элементов механизма совершения данного преступления, а также связанных с этим закономерностей, позволит повысить эффективность расследования, сократить его сроки, устанавливая и изобличая всех причастных лиц и возвращая государству фактически похищенное у него культурное наследие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР: учеб. пособ. — М.: Высш. шк., 1980. — 335 с.
2. Криминалистика: учеб. / под ред. А. Ф. Вольнского, В. П. Лаврова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 943 с.
3. Кустов А. В. Криминалистическая концепция механизма преступления // Вестник МФЮА. — 2016. — № 2. — С. 164—169.
4. Кучин О. С. Криминалистическая теория и практика выявления и расследования незаконного оборота ценностей: дисс. ... д-ра юрид. наук. — М., 2011. — 380 с.
5. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации: утв. постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук 20.06.2018 № 32. — М.: ИА РАН, 2018. — 64 с.
6. Мартынов А. И. Методы археологического исследования / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. — М.: Высш. шк., 2002. — 240 с.
7. Баграмян С. Л. Особенности личности преступника по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 243.2 «Незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания» Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2017. — № 3 (37). — С. 29—32.
8. Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Росинская. 3 изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2011. — 944 с.
9. Суворова Л. А. Идеальные следы в криминалистике. — М.: Юрлитинформ, 2006. — 200 с.
10. Криминалистика: учеб. / под ред. Е. П. Ищенко. — М.: Проспект, 2012. — 504 с.

REFERENCES

1. Avdusin D. A. *Polevaja arheologija SSSR. Ucheb. Posobie* [Field archeology of the USSR. Textbook]. Moscow, Higher school, 1980, 335 p. (in Russian).
2. Volynsky A. F., Lavrov V. P. *Kriminalistika: uchebnik* [Forensics: textbook] Moscow, UNITY-DANA, 2013, 943 p. (in Russian).
3. Kustov A. V. *Kriminalisticheskaja koncepcija mehanizma prestuplenija* [Criminalistic concept of the crime mechanism]. *Vestnik MFUA — Vestnik MFJuA*, 2016, no. 2, pp. 164—169 (in Russian).
4. Kuchin O. S. *Kriminalisticheskaja teorija i praktika vyjavlenija i rassledovanija nezakonno oborota cennostej: dis. ... dokt. jurid. nauk.* [Criminalistic theory and practice of detection and investigation of illegal turnover of values: dis. ... doct. the faculty of law sciences]. Moscow, 2011, 380 p. (in Russian).
5. Regulations on the procedure for conducting archaeological field work and compiling scientific reporting documentation: approved by the resolution of the Bureau of the Department of historical

and philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, 20.06.2018, No. 32. M., IA RAS, 2018, 64 p. (in Russian).

6. Martynov A. I., Sher Ya. A. *Metody arheologicheskogo issledovaniya* [Methods of archaeological research]. Moscow, Higher school, 2002, 240 p. (in Russian).

7. Bagramyan S. L. Osobennosti lichnosti prestupnika po delam o prestuplenijah, predusmotrennyh stat'ej 243.2 "Nezakonnij poisk i (ili) izatie arheologicheskikh predmetov iz mest zaleganija" Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Features of the criminal's personality in cases of crimes provided for in article 243.2 "Illegal search and (or) removal of archaeological objects from places of occurrence" of the Criminal code of the Russian Federation]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2017, no. 3 (37), pp. 29—32 (in Russian).

8. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rosinskaya E. R. *Kriminalistika: uchebnik dlja vuzov* [Criminalistics: textbook for universities]. 3 ed updated and revised, Moscow, Norma, 2011. 944 p. (in Russian).

9. Suvorova L. A. *Ideal'nye sledy v kriminalistike* [Ideal traces in criminalistics]. M., Yurlitinform, 2006. 200 p.

10. Ishchenko E. P. *Kriminalistika: uchebnik* [Forensics: the textbook]. Moscow, The Avenue, 2012, 504 p. (in Russian).

УДК: 316.455

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-246-254

Майоров Владимир Иванович
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административной
деятельности органов внутренних дел
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников
МВД России
1955715@rambler.ru

Mayorov Vladimir Ivanovich
Doctor of Legal Sciences, professor,
professor chair of administrative activity
of the internal affairs bodies Tyumen
Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the
Russian Federation
1955715@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Введение: в статье рассматривается значимость формирования общественного мнения о деятельности полиции в контексте современной концепции социального партнерства полиции и общества. Отмечается, что взаимодействие полиции и общества является управленческой функцией полиции, включающей: а) управление общественным мнением о полиции; б) управление имиджем полиции. В статье анализируются проблемные аспекты (условия и причины) связанные с процессом формирования позитивного общественного мнения о полиции и её деятельности.

Материалы и методы: нормативную основу исследования образует административное законодательство, регламентирующее деятельность полиции, в том числе реализации принципа открытости в её деятельности. Методологической основой исследования послужили частно-научные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, системного анализа и др.

Результаты исследования позволили определить главную цель формирования позитивного общественного мнения о полиции и её деятельности — установление в обществе положительного образа полицейского, для максимально полной и эффективной реализации функций полиции как общественного института и государственной службы по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности.

Выводы и заключения: для наиболее целенаправленного формирования позитивного общественного мнения о деятельности полиции необходима разработка единой имиджевой стратегии российской полиции, ключевыми факторами которой являются: 1) компетентность и профессионализм; 2) морально-нравственный вектор «служения»; 3) социально-ориентированная направленность на оказание «помощи и защиты» в пределах полномочий и выполняемых функций.

Ключевые слова: полиция, общественное мнение, имидж, социальное партнерство, оценка деятельности.

CREATING A POSITIVE PUBLIC OPINION ABOUT THE POLICE

Introduction: the article discusses the importance of forming public opinion about the activities of the police in the context of the modern concept of social partnership between the police and society. It is noted that the interaction of the police and society is a management function of the police, including: a) management of public opinion about the police, b) management of the police image. The article analyzes the problematic aspects (conditions and reasons) associated with the process of forming a positive public opinion about the police and its activities.

Materials and methods: the normative basis of the research is formed by the administrative legislation governing the activities of the police, including the implementation of the principle of openness in its activities. The methodological basis of the study was the private scientific methods of cognition: formal legal, comparative legal, historical, systems analysis and others.

Results of the study allowed to determine the main goal of forming a positive public opinion about the police and its activities — to establish a positive image of a police officer in society, for the most complete and effective implementation of the functions of the police as a public institution and public service, to ensure public order and combat crime.

Finding and conclusions: for the most purposeful formation of a positive public opinion about the activities of the police, it is necessary to develop a unified image strategy of the Russian police, the key factors of which are: 1) competence and professionalism; 2) the moral and ethical vector of “service”; 3) a socially oriented focus on providing “assistance and protection” within the powers and functions performed.

Keywords: police, public opinion, image, social partnership, performance evaluation.

Полиция относится к одним из исторически сложившихся социальных институтов и является важным ведомством в структуре государственных органов исполнительной власти, в основные функции которой входит обеспечение общественного порядка и противодействие преступности. В настоящее время эффективность деятельности полиции невозможна без одобрения со стороны общества и поддержки населения. Поскольку современные концепции противодействия преступности и обеспечения общественного порядка базируются на модели «предупреждения» и «коллективной ответственности» за производство безопасности, то это требует высокий уровень правовой интеграции обществ, социального партнерства полиции и населения. Как известно, концепция «социального партнёрства» появилась в зарубежных странах с высоким уровнем социально-экономического развития, имеющих длительный путь демократического развития, что предполагает открытость гражданского общества, участие населения не только в оказании поддержки и содействии по предупреждению противоправного поведения, но и в оценке эффективности деятельности полиции через постоянный мониторинг общественного мнения, так называемый социальный аудит [6].

В современной России активная реализация данной концепции правоохранительного ведомства началась сравнительно недавно (в сравнении с зарубежными странами), с административных реформ в 2011 году, принятием Федерального закона «О полиции». В соответствии со статьей 9 данного закона: «Полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан, тем самым формируя в общественном сознании положительный образ сотрудника полиции».

Обращение к данному аспекту деятельности сотрудников правоохранительного ведомства в России не является абсолютно новым. В Положении о советской милиции, утвержденном Советом министров СССР 17 августа 1962 г., были отражены основные задачи милиции, её место и роль в системе органов государственного управления; подчеркивалось, что во всей своей деятельности милиция служит народу, поддерживает постоянную связь с широкими массами трудящихся и общественными организациями, опирается на их помощь и поддержку. Планомерные преобразования по всем актуальным направлениям деятельности в период 1960—1980 гг. отразились на повышении эффективности работы ведомства, укреплении авторитета, доверия и содействия со стороны граждан. В стране был низкий уровень преступности (как по сравнению с предыдущими временными отрезками внутри страны, так и по сравнению с зарубежными странами), а уровень организации безопасности при проведении «Олимпиады-80» был признан на мировом уровне одним из лучших в тот период. Эффективный опыт работы правоохранительного ведомства, активно перенимался и оказал влияние на многие зарубежные страны, в том числе Восточной Европы и Китая. Однако в 90-е годы XX века, в период политического и социально-экономического кризиса в стране и последующих, не всегда продуманных преобразований, многое из положительного опыта было утрачено или забыто, многое до сих пор требует переосмысления в новых условиях, в том числе связанных с информационно-техническими возможностями и социальными технологиями современности.

В соответствии с принятием в 2011 г. Федерального закона «О полиции», с активным проведением административной реформы в МВД был предпринят ряд мер, направленных на повышение эффективности работы правоохранительного ведомства: 1) переаттестация кадрового состава, повышение уровня образования сотрудников и их профессионализма; 2) укрепление морально-нравственного сознания сотрудников; 3) повышение культуры поведения и коммуникации при работе с гражданами; 4) активизация деятельности участковых уполномоченных полиции (УУП); 5) материально-техническое переоснащение, обеспечение современными средствами связи, транспортом, специальной техникой; 6) повышение заработной платы сотрудников, надежные социальные гарантии.

Современная оценка деятельности полиции осуществляется на основе трех главных критериев: 1) фактические (статистические) данные по основным направлениям деятельности полиции; 2) экспертно-аналитическая оценка; 3) общественное мнение о деятельности полиции. Таким образом, общественное мнение, выступая в роли «социального аудита» является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, что, по сути, должно является непосредственным отражением уровня профессионализма её сотрудников. В настоящее время в стране действует несколько крупных социологических центров по изучению общественного мнения, а внимательное изучение предоставляемых ими отчетов позволяет фиксировать как положительные достижения, так видеть и наличие проблем в данной сфере [10].

Один из важных вопросов — формирование позитивного общественного мнения о деятельности полиции, т. к. на протяжении почти десяти лет мониторинг, осуществляемый авторитетными организациями, в том числе ВЦИОМ, ФОМ, констатируют оценку деятельности полиции в пределах от 50 % до 55 %. С одной стороны, граждане отмечают важную роль данного социального института, фактическое снижение преступности

за последнее десятилетие, повышение безопасности за свою жизнь и имущество. Но при этом (в том числе и на региональном уровне) достаточно часто фиксируется явное противоречие между высоким уровнем фактических данных по основным направлениям деятельности полиции и в то же время средне-нейтральная (50—55 %) или даже невысокая оценка её деятельности со стороны населения, что свидетельствует о наличии проблем в данной сфере [3].

Предпримем попытку определить некоторые причины и условия, вызывающие сложившееся положение дел и возможные пути их решения, с целью повышения эффективности деятельности полиции, т. к. функционирующее позитивное общественное мнение оказывает влияние на три основных момента: 1) изменяет поведение людей, вызывает стремление быть законопослушным гражданином, следовать «букве закона», оказывать помощь полиции; 2) содействует результативности работы полиции, т. к. общий уровень деликтности снижается, а в своей непосредственной деятельности полиция получает поддержку со стороны населения; 3) происходит повышение правосознания граждан, более активная позиция по отношению к нарушителям порядка и закона, происходит правовая интеграция общества (полиция и общество на одной стороне, против преступных посягательств), более того, полиция — это интегрированная часть общества, которой доверено обеспечивать порядок и на законных основаниях защищать граждан. Таким образом, доверие граждан и их позитивное отношение к полиции влияет на результативность её работы, полноту и эффективность выполняемых ею функций как государственной службы [4].

Несомненно, в первую очередь на формирование позитивного общественного мнения влияет высокое качество работы полиции, которое в представлениях обычного гражданина выглядит не цифрах, графиках, и процентах снижения преступности, а в ощущении безопасности и уверенности в защищенности, что в психологическом смысле создает доверие, стремление к поддержанию правопорядка, желание оказывать содействие полиции в её деятельности.

Но на мнение граждан о полиции (как о государственной службе) может оказывать сильное влияние ряд негативных факторов внешней среды, которые напрямую не зависят от её деятельности. Рассмотрим некоторые из этих факторов.

Во-первых, важным фактором, влияющим на формирование позитивного (негативного) общественного мнения о полиции, является феномен социально-психологического переноса, который заключается в том, что на оценку деятельности полиции имплицитно переносится позитивная (негативная) оценка (недовольство) населением деятельностью государственной власти на федеральном, региональном, местном уровне. В свою очередь, на формирование такой оценки влияет большой спектр факторов из разных сфер жизнедеятельности, общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе, в том числе уровень заработной платы, наличие безработицы, организация здравоохранения, обеспечение жильем, доступность и разнообразие досуговой сферы и сферы отдыха, состояние экологии и другими аспектами, влияющими на качество жизни населения.

Во-вторых, значимое негативное влияние на имидж полиции оказывают факты раскрытия коррупции, где фигурантами являются известные и узнаваемые представители власти: чиновники высокого статуса (в том числе губернаторы), а также полицейские высокого ранга. С одной стороны, открытая информация о данных явлениях — это важ-

ный фактор открытого гражданского общества, с другой стороны — им не противопоставляются факты, которые бы являлись в глазах общественности примером высокого морально-нравственного уровня и бескорыстного служения, усиливающие доверие граждан к государственной власти, повышающие её авторитет и, таким образом, пролонгированные в будущее, т. е. формирующие позитивные ожидания у граждан, связанных с пресечением коррупции.

В-третьих, также следует учитывать, что полиция при реализации своих функций вынуждена применять меры государственного принуждения, поэтому всегда будет присутствовать часть негативной оценки её деятельности со стороны граждан, которые «не в ладах с законом». Органы внутренних дел (далее — ОВД) являются самой многочисленной правоохранительной структурой в стране, поскольку так или иначе косвенно или непосредственно с её деятельностью сталкивается значительное число граждан.

В-четвертых, следует отметить, что большинство людей, не имеющих непосредственного отношения к организации обеспечения правопорядка, не могут в полной мере представить себе всей суммы факторов, которые влияют на эффективность деятельности полиции. К тому же граждане не вполне четко представляют себе именно те функции, которые возложены на полицию, поэтому имеют более расширенные и завышенные ожидания от её деятельности [1].

В-пятых, общественное мнение остается ригидным, если в нем продолжают циркулировать отрицательные факты, постоянно подпитывающие негативное отношение, и в то же время общественное мнение пластично, если активизируется положительная информация и факты, создается эффект вовлеченности, сопричастности позитивному.

В контексте современной концепции безопасности, принцип взаимодействия с населением основан не просто на «кооперации» по поддержанию общественного порядка и противодействию преступности, а именно на «сотрудничестве», что предполагает социально-ориентированную деятельность полиции, заинтересованный и продуктивный «диалог» с населением.

В качестве механизмов, содействующих формированию позитивного общественного мнения о полиции, следует выделить те, которые направлены на поддержание «диалога» между полицией и обществом, снятие барьеров для осуществления политики открытости и доступности. В настоящее время они реализуются в разнообразных формах с применением различных современных средств коммуникации (ССК), которые значительно расширяют круг взаимодействия полиции и граждан [5].

Первым делом следует отметить деятельность общественных советов, созданных при ОВД, в основные задачи которых входит не только рассмотрение обращений граждан, но и анализ мнения граждан о деятельности полиции и доведение обобщенной информации до соответствующего управленческого уровня органов внутренних дел. Деятельность общественных советов, имеет значительный ресурс повышения уровня «диалога» ОВД и населения, который в настоящее время по ряду причин реализуется не в полной мере.

Также важными аспектами поддержания «диалога» и взаимопонимания, на основе которого также формируется общественное мнение, являются: 1) возможность обращения и своевременное рассмотрение жалоб граждан; 2) прием граждан участковыми уполномоченными полиции (УУП); 3) периодический отчет руководителей ОВД перед гражданами (с возможностью задать вопросы); 4) проведение отчете-

тов УУП перед населением административно подведомственной территории; 5) распространение информации об оказании полицией государственных услуг и существующих алгоритмов действий для решения необходимых вопросов. Таким образом, любой контакт (в том числе и единичный) оказывает влияние на формирование личного мнения о полиции, который в представлениях субъекта распространяется на весь социальный институт правопорядка [8].

Следует отметить и такой факт, что в современном мире самой активной интерактивной средой коммуникации между полицией и обществом являются масс-медиа, т. е. вся совокупность СМИ (теле- и радиовещание, печатная пресса, кинематограф и др.), что требует специализированного уровня подготовки и компетентности в данной сфере [9]. Данная сфера непосредственно связана с целенаправленным формированием позитивного общественного мнения о полиции.

При этом необходимо учитывать, что в информационном обществе (в силу молниеносного распространения информации) на формирование общественного мнения о работе полиции [2] могут оказывать влияние различного рода манипуляции: 1) вбрасывание в информационное поле «фейков», т. е. непроверенной информации или откровенно ложной; 2) чрезмерное количество криминальной информации при отсутствии освещения положительной; 3) наплыв негативной информации в соцсетях под «соусом непредвзятого личного мнения» и многое другое. Общественное мнение — это «мнение», следовательно, оно включает как обобщенные социальные стереотипы и предубеждения, сложившиеся и постоянно циркулирующие в обществе, так и субъективные представления, складывающиеся из целого ряда факторов. Важен характер и периодичность подаваемой информации в масс-медиа, на основе которой формируются определенные ментальные установки граждан. Также следует учитывать, что общество не является однотипным, оно имеет сложную социальную структуру и стратификацию, различается по гендерно-возрастным характеристикам, образовательным стандартам, культурному уровню, финансовому обеспечению, что предполагает дифференциацию и сегментирование объектов, попадающих под формирующее воздействие.

В зарубежной практике, как известно, созданию и поддержанию положительного имиджа полиции отдается много сил, в нашей действительности данному аспекту уделяется недостаточное внимание, в то время как имидж выполняет значимую функцию в формировании позитивного общественного мнения о полиции и в конечном итоге служит повышению эффективности её деятельности. Проясним некоторые аспекты.

В рамках имеющихся технологических достижений, в которых существует современный социум, формирование позитивного общественного мнения о полиции во многом связано с грамотным конструированием и созданием имиджа, как самой полиции (государственной службы, выполняющей специфические функции по защите закона, обеспечению общественного порядка и противодействию преступности), так и её отдельного представителя — полицейского (государственного служащего). Имидж важен при опосредованном общении больших групп, когда основным источником информации являются средства массовой коммуникации. Здесь уместно сделать психологическое уточнение, что «имидж полиции» не принадлежит полиции как данность, а существует только в представлениях, мнениях и оценках каждого отдельного субъекта. Положительный имидж полиции стимулирует положительные эмоции субъекта, кото-

рые проецируются на деятельность полиции и выполняемые ею функции. Положительный имидж соответствует высокому престижу профессии, что позволяет осуществлять отбор наиболее качественного персонала, что также влияет на повышение эффективности деятельности полиции. Положительный имидж, зафиксированный в массовом сознании, является залогом устойчивого отношения в кризисных ситуациях и выступает гарантом принятия и поддержки деятельности полиции.

К вопросу о значимости имиджевой политики российской полиции для повышения эффективности в решении поставленных перед нею задач и в рамках концепции сотрудничества и продуцирования коллективной безопасности отечественные ученые обращались неоднократно [3]. Именно зафиксированная в социологических исследованиях средне-нейтральная оценка общественного мнения о полиции «сигнализирует» о том, что назрела необходимость разработки наиболее действенной имиджевой политики российской полиции и определение её стратегических приоритетов. Во-первых, с содержательно-смысловой точки зрения концепция имиджа полиции должна включать в том числе следующие ключевые факторы: 1) высокий профессионализм, компетентность и оснащенность; 2) социально-направленный вектор деятельности на оказание помощи и защиты граждан в пределах своих полномочий; 3) высокие морально-нравственные критерии государственных служащих правоохранительной сферы. Во-вторых, с процессуальной точки зрения необходимо создание и реализация отвечающих запросам общества и современным стандартам правоохранительной деятельности, целенаправленных имиджевых проектов и внедрение новых технологий. Полиция, как наиболее заинтересованная сторона, должна более активно относиться к созданию и поддержанию своего имиджа, т. к. в результате это влияет на эффективность выполнения возложенных на нее функций и решаемых задач.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Современные концепции противодействия преступности и обеспечения общественного порядка базируются на модели «предупреждения» и «коллективной ответственности» за производство безопасности, что предполагает высокий уровень сотрудничества полиции и населения.

2. Социальный аудит через мониторинг общественного мнения показывает, насколько полиция, как государственная служба, выполняющая специфические государственные функции по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности, соответствует «ожиданиям» граждан.

3. Общественное мнение является одним из трех критериев официальной оценки деятельности полиции, поэтому взаимодействие полиции и общества входит в обязательный круг управленческих функций ОВД, включающей в том числе: а) управление общественным мнением о полиции; б) управление имиджем полиции.

4. Современное взаимодействие полиции и общества основано не на императивных указаниях, а на интерактивном процессе «диалога», двустороннем обмене информацией (с привлечением различных методов форм и средств). Своевременное реагирование полиции на критические замечания и рациональные предложения граждан позволяют не только корректировать ошибки, повышать служебную дисциплину и ответственность, но и вырабатывать управленческие решения по совершенствованию правоохранительной деятельности.

5. В настоящее время созрела необходимость в разработке и реализации проектов стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции, усиливающей позитивацию общественного мнения о её деятельности, что в конечном итоге отразится на эффективности её работы.

В итоге позитивное общественное мнение о полиции свидетельствует об эффективности её деятельности, как общественного института и государственной службы, выполняющей функции по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности, что создает основы для правовой интеграции общества, снижению деликтности, повышению безопасности граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамов А. О. Общественное мнение о деятельности органов внутренних дел: проблемы и пути их решения / А. О. Абрамов, Н. Н. Демидов // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2017. — № 1 (40). — С. 14—21.

2. Блажевич Н. В. Формирование общественного мнения о деятельности полиции как методологическая проблема // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2019. — № 2 (13). — С. 123—133.

3. Бражников Д. А. Современное состояние и перспективы совершенствования изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел Российской Федерации / Д. А. Бражников, О. В. Яковлев, Р. В. Черкасов // Научный портал МВД России. — 2017. — № 4 (40). — С. 5—10.

4. Денисенко В. В. Эффективное противодействие административной деликтности — перспективное и приоритетное направление имиджевой политики и имиджевой стратегии российской полиции: актуализация вопроса // В сб.: Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. V ВВПК. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. — С. 3—15.

5. Майоров В. И. Формирование стратегических приоритетов имиджевой политики российской полиции в контексте повышения эффективности ее работы / В. И. Майоров, О. Н. Дунаева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 2. — С. 144—151.

6. Майоров В. И. Полиция и общество: быть или не быть социальному партнерству / В. И. Майоров, О. Н. Дунаева // Социологические исследования. — 2017. — № 4 (396). — С. 43—51.

7. Общественное доверие к органам государственной власти: выявление проблем и предложения по их решению: науч.-практ. пособ. / Под ред. А. В. Мартынова. — Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. — 210 с.

8. Рожковский В. Б. Образ полицейского в российском обществе: проблемы репрезентации / В. Б. Рожковский, В. А. Любивая // Научный портал МВД России. — 2018. — № 1. — С. 12—16.

9. Ситковский А. Л. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации / А. Л. Ситковский, Д. Г. Передня. — М.: Изд-во Академия управления МВД России, 2019. — 72 с.

10. Юдина Т. Н. Общественная оценка деятельности полиции / Т. Н. Юдина, В. В. Бондалетов, Ю. Н. Мазаев // Социологические исследования. — 2017. — № 4. — С. 52—59.

REFERENCES

1. Abramov A. O. Demidov N. N. Obshchestvennoe mnenie o deyatel'nosti organov vnutrennih del: problemy i puti ih resheniya [Public opinion on the activities of the internal affairs bodies: problems

and ways to solve them]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii — Vestnik of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 1 (40), pp. 14—21 (in Russian).

2. Blazhevich N. V. Formirovanie obshchestvennogo mneniya o deyatelnosti policii kak metodologicheskaya problema [Formation of public opinion on police activities as a methodological problem] // *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii — Vestnik of the Tyumen Institute for the advanced training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 2 (13), pp. 123—133 (in Russian).

3. Brazhnikov D. A., Yakovlev O. V., Cherkasov R. V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy sovershenstvovaniya izucheniya obshchestvennogo mneniya o deyatelnosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii [The current state and prospects for improving the study of public opinion on the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Nauchnyj portal MVD Rossii — Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no.4 (40), pp. 5—10 (in Russian).

4. Denisenko V. V. [Effective counteraction to administrative delinquency is a promising and priority direction of the image policy and image strategy of the Russian police: actualization of the issue]. *In collection: Administrative and legal regulation of law enforcement: theory and practice. V VPPK*. [Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016. pp. 3—15 (in Russian).

5. Majorov V. I., Dunaeva O. N. [Formation of strategic priorities for the image policy of the Russian police in the context of increasing the efficiency of its work]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo — Vestnik of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. 2017, no. 2, pp. 144—151 (in Russian).

6. Majorov V. I. Dunaeva O. N. [Police and society: to be or not to be a social partnership]. *Sociologicheskie issledovaniya — Sociological research*. 2017, no. 4 (396), pp. 43—51 (in Russian).

7. Martynova A. V. *Obshchestvennoe doverie k organam gosudarstvennoj vlasti: vyyavlenie problem i predlozheniya po ih resheniyu: nauch.-prakt. posob* [Public trust in public authorities: identifying problems and proposals for their solution: scientific-practical. allowance]. Nizhny Novgorod: Publishing house of NSU im. N. I. Lobachevsky, 2013, 210 p. (in Russian).

8. Rozhkovskij V. B., Lyubivaya V. A. *Obraz policejskogo v rossijskom obshchestve: problemy reprezentacii* [The image of a policeman in Russian society: problems of representation]. *Nauchnyj portal MVD Rossii — Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 1, pp. 12—16 (in Russian).

9. Sitkovskij A. L., Perednya D. G. *Formirovanie “medijnogo obraza” sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Formation of a “media image” of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation]. Moscow, Publishing house of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, 72 p. (in Russian).

10. Yudina T. N., Bondaletov V. V., Mazaev Yu. N., Bormotova T. M., Dolgorukova I. V. *Obshchestvennaya ocenka deyatelnosti policii* [Public Assessment of Police Activities]. *Sociological research — Sociologicheskie issledovaniya*. 2017, no. 4. pp. 52—59 (in Russian).

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-255-265

Прокопенко Алексей Николаевич
кандидат технических наук, доцент,
начальник кафедры информационно-
компьютерных технологий
в деятельности ОВД Белгородского
юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина
alex_prokop@rambler.ru

Alexey Prokopenko Nikolayevich
candidate of technical sciences, Associate
professor head of the Department
of Information and Computer Technologies
in the Department of Internal Affairs of the
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
named after I. D. Putilina
alex_prokop@rambler.ru.

Жукова Полина Николаевна
доктор физико-математических наук,
доцент,
профессор кафедры информационно-
компьютерных технологий
в деятельности ОВД Белгородского
юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина
pnzhukova@mail.ru

Zhukova Polina Nikolaevna
Doctor of physical and mathematical
sciences, Associate Professor
professor of the Department of Information
and Computer Technologies in the
Department of Internal Affairs of the
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation named after I. D. Putilina
pnzhukova@mail.ru

Насонова Валентина Афанасьевна
кандидат физико-математических наук,
доцент,
профессор кафедры информационно-
компьютерных технологий
в деятельности ОВД Белгородского
юридического института МВД России
имени И. Д. Путилина
NNN@bsu.edu.ru

Nasonova Valentina Afanasyevna
candidate of physical and mathematical
sciences, associate professor
professor of the Department of Information
and Computer Technologies
in the Department of Internal Affairs
of the Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after
I. D. Putilina
NNN@bsu.edu.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ АДМИНИСТРАТИВНЫМИ РЕГЛАМЕНТАМИ

Введение: решение проблем взаимоотношения власти и общества (в том числе в процессе оказания государственных услуг и выполнения государственных функций) должно достигаться через внедрение строгих правовых механизмов императивного типа.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты. При подготовке научной статьи использовались, прежде всего, формально-юридический и эмпирический методы, а также метод системного анализа.

Результаты исследования: авторы полагают, что административный регламент является отдельным видом нормативных правовых актов в российской правовой системе. Проводится аналогия между административным регламентом и алгоритмом, и отмечается, что современному человеку более привычна алгоритмическая форма документа, чем и обусловлена популярность административных регламентов.

Выводы и заключения: делается вывод о том, что применение административных регламентов позволяет существенно сократить коррупционные риски, сделать взаимодействие чиновника и гражданина плановым и бесконфликтным.

Ключевые слова: государственная услуга, административный регламент, органы внутренних дел, электронное правительство.

LEGAL REGULATION OF THE ORGANIZATION OF THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES BY INTERNAL AFFAIRS BODIES BY ADMINISTRATIVE REGULATIONS

Introduction: the solution to the problems of the relationship between the authorities and society, including in the process of providing public services and performing public functions, should be achieved through the introduction of strict legal mechanisms of an imperative type.

Materials and methods: the article deals with the issues of legal regulation of the administrative regulations for the provision of public services by the internal affairs bodies. The article analyzes the difference between administrative regulations and other normative legal acts and the history of the application of regulations in Russian law. In addition to a comparative analysis of legal acts, the opinions of Russian legal scholars in the field of public services are considered.

Results of the study: the authors believe that administrative regulations are a separate type of normative legal acts in the Russian legal system. An analogy is drawn between administrative regulations and an algorithm, and it is noted that a modern person is more familiar with the algorithmic form of a document, which explains the popularity of administrative regulations.

Findings and Conclusions: it is concluded that the use of administrative regulations can significantly reduce corruption risks, make the interaction between an official and a citizen planned and conflict-free.

Keywords: public service, administrative regulations, internal affairs bodies, electronic government.

Взаимодействие власти и общества в любой стране имеет свои традиции, особенности и проблемы. Какие-то из этих традиций и проблем являются общими для всех, а какие-то характерны только для одной страны или группы стран. Вопросы самоуправления чиновников, коррупции, вплоть до вымогательства, кумовства и т. п., характерны для всех стран мира, в той или иной степени. На территории бывшего СССР данные вопросы усугубляются двумя традициями: привычкой чиновников к тому, что должность должна его «кормить», и привычкой населения решать вопросы не по закону, а «по понятиям». Причем, когда либералы ругают наше «неправильное» государство они как-то забывают, что к нему прилагается такое-же «неправильное» население. И если убрать или существенно ослабить государство, например, как на Украине, то вообще

ни один вопрос будет невозможно решить без коррупционной составляющей, что и показала практика последних лет.

Решением указанных проблем взаимодействия государства и общества является принятие строгих и четких механизмов императивного типа о деятельности государственных служащих в конкретной ситуации. В нашей стране на рубеже 2000-х и 2010-х годов было принято решение пойти по пути принятия административных регламентов, как нормативных правовых документов, устанавливающих порядок предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций.

Понятие административного регламента закреплено в статье 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее также — ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»): административный регламент — это нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги.

Более подробно понятие административного регламента, а также его содержание закреплено в постановлении Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 года № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов исполнения государственных функций и административных регламентов предоставления государственных услуг». Постановление определило, что регламентом является «нормативный правовой акт федерального органа исполнительной власти или государственной корпорации, устанавливающий сроки и последовательность административных процедур (действий), осуществляемых по запросу физического или юридического лица либо их уполномоченных представителей в пределах, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочий в соответствии с требованиями Федерального закона „Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг“».

В соответствии с постановлением административный регламент должен регулировать порядок оказания каждой государственной услуги и исполнения каждой государственной функции. Регламенты принимаются в виде приказов федеральных министерств и ведомств.

Оценивая административные регламенты как вид нормативного правового акта, обладающего своими особенностями, необходимо отметить, что они достаточно редко использовались в российской правовой системе. Как правило, попытки внедрения подобного рода нормативных актов, жестко регулирующих порядок государственного управления, происходили тогда, когда очередной российский правитель пытался внедрить в России западный опыт, что в основном приносило противоположный желаемому результат, поскольку жесткие рамки не воспринимались и не исполнялись.

В XVI веке принимались соборные и земские уложения, которые с большой натяжкой можно считать первыми примерами административных регламентов в российской правовой системе. Впоследствии регламенты принимали или в виде инструкций и иных подзаконных актов, или даже в виде законов, однако сам термин «регламент» начал применяться в административном праве с начала XVIII века. Активную попытку перенести европейский опыт на российскую землю сделал первый российский император Петр I. Он хотел внедрить шведский опыт сбора налогов, однако потерпел

неудачу. Исследователи считают, что это произошло в связи с разными территориальными размерами государств. Они указывают на то, что сбор налогов по шведскому образцу требовал больших расходов на саму процедуру, что являлось нецелесообразным в первую очередь с экономической точки зрения [7].

Попытки внедрить в России административные регламенты или похожие на них нормативные правовые документы предпринимались неоднократно, однако законодатели постоянно сталкивались с российской дилеммой строгости законов и необязательности их исполнения. Это происходило как в Российской империи, так и в СССР и Российской Федерации.

Представляется, что основной причиной «невозможности внедрения» административных регламентов на территории России был саботаж выполнения данных документов административным аппаратом. Это объясняется тем, что применение административных регламентов лишает чиновника права усмотрения, т. е. права решать, и тем самым принципиально снижает его коррупционные возможности.

Однако ситуация кардинально изменилась, когда возникла необходимость описать порядок деятельности государственного служащего при общении с гражданином, в том числе в электронном виде с использованием информационных систем. Выяснилось, что ничего более подходящего, чем алгоритм, для работы с компьютерными программами и информационными системами не придумано. А в переложении с технического языка на язык права, алгоритм превращается в административный регламент.

Ф. П. Васильев в этой связи считает, что «административный регламент — это пошаговое описание оптимизированного процесса исполнения функции оказания услуги, включающее критерии принятия решений и детальную характеристику конечного результата в виде стандарта исполнения» [3].

В результате началось массовое создание административных регламентов и внедрение их не только для оказания государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных функций, но и в других видах государственной деятельности. Применение административных регламентов также объясняется мышлением современного человека, которому привычно работать в рамках определенного алгоритма.

Популярность административных регламентов подтверждается статистикой. Так, по информации из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (далее — СПС «Консультант Плюс») на федеральном уровне по состоянию на 1 июня 2021 года действует 1 тыс. 668 административных регламентов министерств, ведомств, государственных внебюджетных фондов, государственных корпораций и «Почты России», из которых 1 тыс. 127 административных регламентов предоставления государственных услуг. Необходимо отметить, что в последние годы продолжается активная деятельность по разработке и оптимизации административных регламентов. За период с 2017 по 2019 годы количество административных регламентов фактически утроилось и достигло 2000, а за 2020 и 2021 годы сократилось на 300 регламентов, преимущественно за счет оптимизации и устранения дублирования.

На региональном и муниципальном уровне административных регламентов существенно больше. Так, в Белгородской области на 1 июня 2021 года утверждено и размещено в СПС «Консультант Плюс» 4 тыс. 113 действующих административных

регламентов. Из них 820 административных регламентов предоставления государственных услуг. На региональном и муниципальном уровне продолжается процесс разработки административных регламентов — по состоянию на 1 марта 2020 года было утверждено и размещено в СПС «Консультант Плюс» 1 тыс. 563 действующих административных регламентов, из них 315 административных регламентов предоставления государственных услуг.

В МВД России по состоянию на 1 июня 2021 года действует 39 приказов, которыми утверждены административные регламенты по оказанию государственных услуг. Кроме того, действует 11 административных регламентов по исполнению государственных функций. Таким образом, всего подразделениями МВД России исполняется 50 административных регламентов. Мониторинг оказания государственных услуг в системе МВД России осуществляется на основании приказа МВД России от 28 декабря 2020 года № 910 «Об организации и проведении мониторинга качества и доступности предоставления государственных услуг в системе МВД России».

Административные регламенты принципиально отличаются от иных нормативных правовых актов тем, что в их тексте обязательно присутствуют такие элементы, как условия и порядок оказания государственной услуги, сроки оказания услуги, права и обязанности сотрудников органов внутренних дел и заявителей.

В статье 14 ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закреплён общий перечень требований к стандарту предоставления государственной или муниципальной услуги, которые должны быть закреплены и в тексте административного регламента. А. Н. Борисов отмечает, что разработку регламента в соответствии со статьей 13 Закона осуществляет тот орган, который предоставляет услугу [2].

Необходимо особо подчеркнуть, что административный регламент не может создавать новые права и обязанности участников административных процедур. А. К. Дубровин отмечал, что регламент только конкретизирует уже имеющиеся права и обязанности применительно к конкретному случаю [5].

Другим отличием административного регламента является его стандартизированная структура. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 12 ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» в административном регламенте обязательно должны наличествовать следующие разделы: общие положения, стандарт предоставления услуги, состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур, в том числе в электронной форме и в многофункциональных центрах (далее — МФЦ), формы контроля, досудебный (внесудебный) порядок обжалования.

Третьим отличием является наличие обязательной процедуры экспертизы административного регламента в Минэкономразвития России, которая предусматривает анализ оптимизации предоставления государственной услуги.

А. Г. Барабашев и А. В. Клименко считают, что «в настоящее время в России административные регламенты выступают своеобразными публичными обязательствами органов исполнительной власти, в которых выражены гарантии качества услуг и взаимодействия государства с гражданским обществом». Кроме того, они отмечали, что «гражданскому обществу созданием административных регламентов предоставлен

шанс заглянуть внутрь бюрократической машины» [1]. Представляется, что данная возможность здесь абсолютно ни при чем, и указанный пафос неуместен. На самом деле все значительно проще, и внедрение административных регламентов в массовом количестве объясняется удобством подобной формы правового документа для современных условий. Кроме того, для системы государственного управления абсолютно необходимым является контроль за деятельностью подчиненных сотрудников и качественное взаимодействие с заявителями. Применение административных регламентов позволяет четко регламентировать деятельность и заявителя, и сотрудника органа внутренних дел, оказывающего услугу или исполняющего функцию.

Н. В. Муленко справедливо отмечает, что «административные регламенты нацелены на устранение избыточных действий, упрощение управленческих процессов, включая сокращение сроков их исполнения. Степень упрощения административной процедуры в большинстве случаев является критерием качества административного регламента» [8]. Можно согласиться с её мнением о том, что большое значение имеет наличие в обязательной структуре административного регламента раздела по стандартам качества оказания государственной услуги. Для заявителя важнейшим моментом является своевременное и адекватное реагирование государственного служащего на его заявление. В этой связи необходимо приветствовать обязательное включение в текст регламента порядка информирования заявителей, сроков оказания государственной услуги, полный перечень необходимых документов для предоставления услуги. Для сотрудников ОВД важным представляется обязательное включение в текст административного регламента требований к оборудованию помещений и качеству обслуживания. Также можно только приветствовать практику заполнения предоставляемых документов в электронном виде на портале «Госуслуги». Это позволяет осуществить предварительный анализ заявлений и других документов, проверить их действительность, исправить ошибки, что впоследствии в разы сокращает время физического взаимодействия гражданина и сотрудника ОВД, оказывающего государственную услугу.

В результате использование стандартов оказания услуг и исполнения функций создает, с одной стороны, удобство для граждан, поскольку последние знают, что они должны получить и в какие сроки. С другой стороны, стандарты позволяют сделать работу сотрудников ОВД более спокойной и плановой, поскольку они избавляют их от излишних претензий заявителей. Само наличие каких-то стандартов, сроков исполнения, порядка работы и образцов документов снимает большую часть конфликта между сотрудником и гражданином. Претензий к сотруднику, если он исполняет административный регламент в полном объеме, быть не может. Претензии гражданин может предъявлять только нормотворческим органам, которые прописали определенные правовые нормы в регламентах.

Кроме того, устраняется возможность для руководителя организации разрешать какие-то вопросы в частном или ускоренном порядке. Тем самым снижается коррупционная составляющая в системе государственного управления. Мало того, в последние годы наметилась определенная тенденция по переносу функции общения с заявителями из организаций в МФЦ. Например, в управлениях по субъекту федерации Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии с 2017 года

не принимают и не выдают документы. Для того чтобы зарегистрировать объект недвижимости или получить справку, необходимо обращаться в МФЦ. Кроме существенной экономии времени и денежных средств на организацию приема заявителей, такое разнесение территориально заявителя и исполнителя услуги позволяет кардинально минимизировать коррупционные риски.

Определяя место административных регламентов в правовой системе России можно выделить на два подхода. К. В. Давыдов считает, что «административным регламентам присущи признаки, характерные для всех административных актов. Это касается и требования представлять проекты административных регламентов на регистрацию органами исполнительной власти в органы Минюста России» [4].

Однако полагаем, что необходимо согласиться с подходом А. Ф. Ноздрачева, который предлагает выделять административные регламенты в общей системе административных актов в отдельный класс [9]. Это обусловлено тем, что любой административный регламент принципиально отличается от других административных правовых актов тем, что в нем более подробно, четко, с фиксацией сроков, обязанностей государственных служащих и прав заявителей закреплена процедура оказания государственной услуги. Можно согласиться с С. С. Зениным, считающим, что указание данных признаков административного регламента в определении, закреплённом в статье 2 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», позволило бы более четко отграничить административные регламенты от иных нормативных правовых актов [6].

Все административные регламенты подразделяются на те, которые устанавливают для органов государственной власти новые права и обязанности и те, которые имеют чисто процедурный характер. Административные регламенты МВД России имеют преимущественно процедурный характер. Например, утверждённый приказом МВД России от 21.12.2019 № 950 «Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств», в пункте 1 закрепляет следующий предмет регулирования: «сроки и последовательность административных процедур (действий), связанных с предоставлением государственной услуги, а также порядок взаимодействия подразделений ГИБДД МВД России с федеральными органами исполнительной власти при предоставлении государственной услуги».

А. К. Дубровин отмечает, что «такой регламент формулирует содержание только административных процедур и не может предоставлять новые права и обязанности. Речь может идти лишь о конкретизации тех отношений, которые закреплены в законе либо ином нормативном правовом (включая административный) акте материального содержания. В противном случае компетенция сотрудника может быть трансформирована непредсказуемым образом, в том числе исходя из факторов, природа которых носит ненормативный характер» [5].

К. В. Давыдов, характеризуя административные регламенты, подразделяет их по направленности административных процедур на два вида — внутренние и внешние, или, иначе, внутриорганизационные и внешнеуправленческие [4]. Представляется, что подобная классификация принципиально неправильна. Административные регламенты

принимаются теми органами, которые имеют право нормотворческой деятельности. Поэтому и возникает такая ситуация, что административные регламенты для федеральных служб и федеральных агентств утверждаются приказами вышестоящих министерств. Например, для Федеральной налоговой службы Российской Федерации административные регламенты утверждаются приказами Министерства финансов Российской Федерации. Однако, когда ведомства сами имеют право нормотворческой деятельности, то и регламенты утверждаются приказами данного ведомства. Например, как в случае с МВД России.

Для минимизации возможных будущих конфликтов между государственными служащими и заявителями в пунктах 6 и 7 статьи 13 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» было закреплено положение об обязательной экспертизе регламентов. Проекты административных регламентов должны подвергаться двум видам экспертизы — независимой и проводимой уполномоченным органом государственной власти или уполномоченным органом местного самоуправления. Независимая экспертиза должна, с одной стороны, оценить положительный эффект от внедрения административного регламента, а с другой — она должна выявить возможные негативные последствия применения отдельных его положений.

В сфере разработки и использования административных регламентов существует также проблемный вопрос о том, в каком объеме должна проводиться регламентация. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 мая 2011 года № 373 определило правила разработки и утверждения административных регламентов, но не ответило на вопрос о том, в каких случаях они должны приниматься. К. В. Давыдов в этой связи отмечал, что «одним из важнейших пробелов действующего законодательства следует признать отсутствие ясных критериев принятия административных регламентов» [4]. Аналогичный вопрос поднимают Л. Р. Фионова и К. С. Замфир, указывая на неконкретность требований законодательства по разработке административных регламентов [10]. Регламентация дает возможность обеспечить высокий уровень деятельности государственных органов, координацию между ними. Однако излишняя регламентация не позволяет гибко реагировать на запросы времени и пожелания населения.

Авторам статьи видится, что административные регламенты должны приниматься перед вводом или изменением любой государственной услуги или государственной функции. При передаче услуги или функции из ведомства в ведомство также должен перепутверждаться административный регламент. В этой связи можно только приветствовать тот факт, что в период 2017—2018 годов вместо 17 приказов ФМС России и 5 приказов ФСКН России были приняты приказы МВД России, утвердившие административные регламенты оказания государственных услуг и исполнения государственных функций в связи с перешедшими от указанных ведомств полномочиями.

Подводя итог, можем констатировать, что внедрение административных регламентов оказания государственных услуг и исполнения государственных функций позволило кардинально поменять отношения между государственными служащими и гражданами, которые выступают в качестве заявителей. Применение административных регламентов позволяет четко регламентировать деятельность и заявителя, и сотруд-

ника ОВД. Административные регламенты МВД России имеют преимущественно процедурный характер и не могут создавать новые права и обязанности сотрудников МВД России. Поскольку МВД России имеет право нормотворческой деятельности, то административные регламенты оказания органами внутренних дел государственных услуг утверждаются приказами МВД России.

Административные регламенты предназначены для четкой регламентации деятельности и чиновников и граждан, основной задачей регламентов являются процедурные вопросы. Это позволяет снизить попытки «порешать» вопросы «по понятиям», как со стороны сотрудников, так и со стороны заявителей. Стандарты государственных услуг, зафиксированные в регламентах, оптимизируют состав процессов, из которых складывается государственная услуга, устанавливаются конкретные сроки исполнения.

Административные регламенты оказания государственных услуг позволяют значительно снизить коррупционные риски за счет уменьшения взаимодействия между заявителями и государственными работниками. Причем при оказании государственных услуг в электронном виде коррупционные риски сведены практически к нулю. Таким образом, увеличение реально предоставляемых в электронном виде государственных услуг должно расти.

Необходимо отметить, что в настоящий момент в МВД России оказываются государственные услуги полностью в электронном виде только в случае, если они заключаются в предоставлении или подаче информации. К ним относятся, например, выдача справки о наличии (отсутствии) судимости, выдача справки о наличии (отсутствии) административного наказания за употребление наркотических веществ, предоставление адресно-справочной информации, оформление приглашения на въезд иностранному гражданину и ряд других. Однако основная часть государственных услуг предоставляется в МВД России в смешанном виде: начало оформления производится в электронном виде, а получение услуги — непосредственно в территориальном органе. Это обусловлено тем, что сотруднику необходимо убедиться в личности человека при оказании услуги и выдаче документа. Думается, что возможности по переводу части государственных услуг, оказываемых МВД России, есть, однако они требуют наличия у граждан, запрашивающих услугу, электронной подписи.

Дальнейшее развитие системы предоставления государственных услуг представляется в расширении её функционала путем повышения уровня доступа граждан. Вместо простой электронной подписи (логин СНИЛС и пароль) граждане будут использовать усиленную квалифицированную электронную подпись, которая должна выдаваться одному физическому лицу однократно. В дальнейшем идентификация граждан с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи дополняется информацией из единой биометрической системы. Таким образом, идентификация гражданина по усиленной квалифицированной электронной подписи и его биометрическим данным (фото, видео и голос) позволит однозначно определить физическое лицо. Это, в свою очередь, приведет к значительному расширению возможностей по обмену документами в электронном виде и получению государственных услуг полностью в электронной форме [подробнее — 11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барабашев А. Г. Ретроспективный анализ основных направлений модернизации системы государственного управления и государственной службы / А. Г. Барабашев, А. В. Клименко // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2010. — № 3. — С. 36—72.
2. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (постатейный). Серия «Библиотека журнала „Право и экономика“ Комментарий специалиста». — М., 2010. — 192 с.
3. Васильев Ф. П. Место и роль административного регламента в деятельности государственных органов // Право и государство: теория и практика. — 2008. — № 9 (45). — С. 56—58.
4. Давыдов К. В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации: вопросы теории / Под ред. Ю. Н. Старилова. — М., 2010. — 390 с.
5. Дубровин А. К. Правовой статус сотрудника полиции: теоретико-правовой аспект // Российская юстиция. — 2011. — № 12. — С. 61—62.
6. Зенин С. С. Теоретические вопросы использования административных регламентов в механизме нормативного правового регулирования государственных и муниципальных услуг // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 3. — С. 66—73.
7. Муленко Н. В. Административные регламенты в системе государственного управления / Н. В. Муленко, О. В. Катаева // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2016. — № 3. — С. 52—55.
8. Муленко Н. В. Проблемы реализации регламентов в системе государственного управления // Современные тенденции развития юридической науки: теория и правоприменительная практика: сб. тр. конф. (20 февраля 2014 г.). — Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2014. — С. 108—115.
9. Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. — 2011. — № 8. — С. 5—41.
10. Фионова Л. Р. К вопросу о разработке административных регламентов / Л. Р. Фионова, К. С. Замфир // Делопроизводство. — 2010. — № 2. — С. 3—15.
11. Прокопенко А. Н. Проблемы административно-правового регулирования идентификации граждан при доступе в государственные информационные ресурсы / А. Н. Прокопенко, А. А. Страхов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. — 2021. — № 2. — С. 79—84.

REFERENCES

1. Barabashev A. G., Klimenko A. V. Retrospektivnyj analiz osnovnyh napravlenij modernizacii sistemy gosudarstvennogo upravlenija i gosudarstvennoj sluzhby [Retrospective analysis of the main directions of modernization of the system of public administration and public service]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija — Questions of state and municipal management*, 2010, no. 3, pp. 36—72 (in Russian).
2. Borisov A. N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 ijulja 2010 goda № 210-FZ «Ob organizacii predostavlenija gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» (postatejnyj) [Commentary to the Federal Law of July 27, 2010 No. 210-FZ “On the organization of the provision of state and municipal services” (article by article)]. *Serija «Biblioteka zhurnala „Pravo i jekonomika“ Kommentarij specialista» — Series “Library of the journal” Law and Economics “Commentary of a specialist”*, 2010, 192 p. (in Russian).

3. Vasiliev F. P. Mesto i rol' administrativnogo reglamenta v dejatel'nosti gosudarstvennyh organov [Place and role of administrative regulations in the activities of state bodies]. *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika — Law and state: theory and practice*, 2008, no. 9 (45), pp. 56—58 (in Russian).

4. Davydov K. V. *Administrativnye reglamenti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti Rossijskoj Federacii: voprosy teorii* [Administrative regulations of the federal executive bodies of the Russian Federation: theoretical questions]. Moscow, 2010, 390 p. (in Russian).

5. Dubrovin A. K. Pravovoj status sotrudnika policii: teoretiko-pravovoj aspekt [The legal status of a police officer: theoretical and legal aspect]. *Rossijskaja justicija — Russian justice*, 2011, no. 12, pp. 61—62 (in Russian).

6. Zenin S. S. Teoreticheskie voprosy ispol'zovanija administrativnyh reglamentov v mehanizme normativnogo pravovogo regulirovanija gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug [Theoretical Issues of Using Administrative Regulations in the Mechanism of Normative Legal Regulation of State and Municipal Services]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava — Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 3, pp. 66—73 (in Russian).

7. Mulenko N. V., Kataeva O. V. Administrativnye reglamenti v sisteme gosudarstvennogo upravlenija [Administrative regulations in the system of public administration]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 52—55 (in Russian).

8. Mulenko N. V. [Problems of the implementation of regulations in the system of public administration]. *Sovremennye tendencii razvitija juridicheskoi nauki: teorija i pravoprimeritel'naja praktika: sb. tr. konf. (20 fevralja 2014 g.)* [Modern trends in the development of legal science: theory and legal practice: collection of conference proceedings]. Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Belgorod, February 20, 2014, pp. 108—115 (in Russian).

9. Nozdrachev A. F. Sistemnaja reglamentacija administrativnoj dejatel'nosti: otechestvennaja doktrina i praktika [System regulation of administrative activity: domestic doctrine and practice]. *Zakonodatel'stvo i jekonomika — Legislation and Economics*, 2011, no. 8, pp. 5—41 (in Russian).

10. Fionova L. R., Zamfir K. S. K voprosu o razrabotke administrativnyh reglamentov [On the issue of the development of administrative regulations]. *Deloproizvodstvo — Clerical correspondence*, 2010, no. 2, pp. 3—15 (in Russian).

11. Prokopenko A. N., Strakhov A. A. Problemy administrativno-pravovogo regulirovanija identifikacii grazhdan pri dostupe v gosudarstvennyye informacionnye resursy [Problems of administrative and legal regulation of citizens' identification when accessing state information resources]. *Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina — Vestnik of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin*, 2021, no. 2, pp. 79—84 (in Russian).

Информация для авторов

1. Журнал является научным периодическим изданием, выходит ежеквартально.
2. Все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.
3. Журнал имеет раздел на официальном сайте Восточно-Сибирского института МВД России (далее — Институт) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащем его полнотекстовую версию.
4. Общее руководство, определение политики формирования и издания научно-практического журнала осуществляет редакционный совет.
5. Регламентацию требований к представляемым материалам и условиям их опубликования в журнале, а также решение иных вопросов выхода издания в свет осуществляет редакционная коллегия.
6. Научный материал (статья, обзор, рецензия, отзыв и иное) должен быть оригинальным, ранее не опубликованным в предоставленной редакционной коллегии в других печатных и (или) электронных изданиях.
7. Научный материал должен сопровождаться необходимым инструментарием: ссылками на законодательство, актами официального толкования права, материалами правоприменительной практики, научной литературой, статистическими, информационно-аналитическими и иными данными, подтверждающими их научную обоснованность.
8. Для опубликования научных материалов в журнале необходимо представить в адрес редакционной коллегии надлежащим образом оформленные: рукопись научного материала (статьи, обзора, рецензии, отзыва и иное); заявку на опубликование; лицензионный договор; к статье адъюнкта, аспиранта должен быть приложен отзыв научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию. Подпись должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
9. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) должны быть предоставлены в редакционную коллегия не позднее двух месяцев до опубликования очередного выпуска журнала.
10. Научный материал, заявка на опубликование и лицензионный договор (для адъюнкта прилагается отзыв научного руководителя) предоставляются по электронной почте либо почтовой связью с приложением электронного варианта научного материала, рецензии и заявки на опубликование.
11. Ответственность за достоверность цифр, фактов, цитат и иной информации, приводимой в научном материале, возлагается на автора.
12. Автор научного материала заключает с Институтом лицензионный договор, по которому на безвозмездной основе предоставляет права на использование научного материала.
13. Требования к оформлению научного материала, заявки на опубликование и рецензии помещаются в каждом выпуске издания в разделе журнала и на официальном сайте Института в сети Интернет.
14. Все публикуемые в журнале научные материалы подлежат внутреннему рецензированию.
15. Рецензии хранятся в редакции издательства в течение пяти лет.

16. При поступлении научного материала, заявки на опубликование, лицензионного договора, а также отзыва научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), редакционная коллегия определяет их соответствие предъявляемым требованиям и организует рецензирование научного материала.

17. В целях проведения экспертной оценки поступивших материалов определяется рецензент из состава редакционной коллегии и (или) редакционного совета, исходя из направления научной работы.

18. Члены редакционного совета и (или) редакционной коллегии осуществляют рецензирование представленного научного материала.

19. Заседание редакционного совета и редакционной коллегии журнала проводятся в соответствии с локальным правовым актом института (положением).

20. При определении рецензентов учитываются их научная квалификация, опыт проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, направления научной работы, количество публикаций по теме полученного научного материала за три года.

21. При подготовке рецензии на научную статью адъюнкта, аспиранта учитывается оценка научного материала, содержащаяся в прилагаемом отзыве научного руководителя.

22. Рецензия даёт всестороннюю и объективную оценку научному материалу и включает элементы описания рецензируемого труда.

23. В рецензии указываются место работы, должность, учёная степень, учёное звание, фамилия и инициалы рецензента. Рецензия распечатывается, подписывается, заверяется печатью и передаётся рецензентом для учёта и хранения (в течение пяти лет).

24. По результатам рецензирования принимается одно из следующих решений: об опубликовании научного материала в журнале; о направлении научного материала автору на доработку; об отклонении.

25. Принятое решение, копия рецензии доводится до сведения автора по электронной почте или факсимильной связью.

26. В случае принятия решения о направлении научного материала автору на доработку, к доработанному автором научному материалу предъявляются общие требования. На повторно направляемый автором для опубликования в журнале доработанный научный материал заново оформляется заявка на опубликование, рецензирование поступающих материалов осуществляется в установленном порядке.

27. При поступлении соответствующего запроса из Министерства образования и науки Российской Федерации направляются копии рецензий.

Требования, предъявляемые к материалам

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить надлежащим образом оформленные материалы, заявку, отзыв научного руководителя (для адъюнкта, аспиранта), справку автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, а также подписанный автором лицензионный договор.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном и электронном виде. Лицензионный договор представляется в распечатанном виде. Бланк договора размещён на сайте издания. Договор предусматривает безвозмездную передачу неисключительных

прав на производство. Лицензионный договор является типовым, собственноручно заполняется и подписывается автором.

Требования к оформлению статей

Минимальный объем — 7 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

Максимальный объем — 15 страниц печатного текста, оформленного в соответствии с указанными ниже требованиями.

1. Требования к оформлению печатного текста

Формат файла: doc.

Шрифт: Times New Roman (Сур).

Размер шрифта: 13 кегль.

Междустрочный интервал: 1.

Поля: все по 2 см.

Абзацный отступ: первая строка (отступ 1,25 мм).

Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «Пробел». Выравнивание устанавливать «По ширине». Сноски (если есть) — концевые, нумерация сквозная.

Фотографии, рисунки представлять отдельными файлами в формате jpg (без сжатия) в чёрно-белом или цветном изображении, с разрешением не менее 300 dpi (точек на дюйм).

Графики, схемы, таблицы, диаграммы и другие графические иллюстрации не представлять как сканированное изображение (т. к. изображение уже невозможно отредактировать).

Список используемой литературы оформляется как «Библиографические ссылки». Ссылки на источники приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46]).

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1—2003 или ГОСТ Р 7.0.5—2008 (обязательно с указанием издающей организации (издательства) и полным количеством страниц).

НАСТОЯТЕЛЬНО РЕКОМЕНДУЕМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ: SNOSKA.INFO — онлайн-ресурс, с помощью которого можно быстро оформить основные типы источников. В тексте ссылки нумеруются в квадратных скобках, номер указывает на источник в списке литературы.

В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

2. Обязательные реквизиты

В начале статьи, перед ее названием, автор должен указать: УДК, свою фамилию, имя, отчество, место работы, должность, учёное звание, учёную степень, контактные телефоны, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, института и т. п.), по которому с автором можно связаться).

Аннотацию (не менее 500 знаков, включая пробелы), ключевые слова (пять-семь основных слов статьи без расшифровки понятий, через запятую, характеризующих проблематику статьи). Аннотация должна содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения (при этом данные разделы не должны дублировать слово в слово текст разделов научной статьи). Образец оформления статьи размещен на сайте журнала в сети Интернет: www.vestnikesiirk.ru

Фамилия, имя, отчество, место работы, ученая степень, ученое звание, аннотация в научной статье приводится на русском и английском языках.

3. Требование к указанию научной отрасли

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с утверждённым приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 23 октября 2017 г. № 1027 Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

4. Требования к отзывам на научную статью адъюнктов, аспирантов

В отзыве должны получиться отражение следующие аспекты работы: актуальность и оригинальность статьи, теоретическая цельность и практическая значимость статьи, использование материалов, опубликованных по теме статьи, степень структурированности материала статьи, полнота и правильность прилагаемого списка использованной литературы, ясность и понятность стиля изложения текста статьи для читателя, наличие ошибок и технических погрешностей, соответствие выбранной методологии исследования поставленным целям работы, обоснованность выводов, представленных в статье. Отзыв не является рецензией на статью, а лишь помогает рецензенту всецело оценить научный материал.

5. Требование к соблюдению режима секретности

Журнал является открытым источником для опубликования научных материалов. Требования к соблюдению режима секретности регламентированы действующим законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России

К представленному научному материалу должна прилагаться **справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати**, заверенная личной подписью.

6. Порядок направления рукописей и издания журнала

Статья представляется в адрес института в виде принтерной распечатки с приложением электронной версии (на CD), соответствующей бумажному варианту.

При этом рукопись статьи должна быть пронумерована и подписана лично автором.

Рукопись, ее электронная копия, отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов), справка автора об отсутствии сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати, может быть направлена по электронной почте в адрес: **esiirk-vestnik@mvd.gov.ru**. При этом оригиналы направленных по электронной почте документов должны быть предоставлены не позднее двух недель со дня направления их по электронной почте.

Гонорары за публикацию статей не выплачиваются. Электронные версии выпусков журнала размещаются в открытом доступе на странице сайта www.esiirk.mvd.ru.

ВЕСТНИК
ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Научно-практический журнал
№ 3 (98) 2021

Редактор: А. В. Андреев
Технический редактор: Л. Е. Ким
Редактор-переводчик: Е. С. Фидель
Дизайн обложки: М. А. Полянская

НИиРИО ФГКОУ ВО ВСИ МВД России,
Иркутск, ул. Лермонтова, 110